

misterium

**БЛЕСТЯЩЕ
И УЖАСАЮЩЕ...**

Страшное и захватывающее чтение, и я наслаждался каждой его минутой.

Стивен Кинг

ДЖОН СЭНДФОРД

**ПРАВИЛА
УБИЙЦЫ**

СЕРИЯ СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕРОВ
О ДЕТЕКТИВЕ ЛУКАСЕ ДЭВЕНПОРТЕ

ЭКСМО

Убийца безжалостен и изобретателен. Он превращает каждое убийство в изощренную игру. Этот человек прекрасно осознает, что его нельзя назвать вполне нормальным, но это его даже устраивает. Он вывел для себя некие правила — правила убийцы — и оставляет на каждой жертве записку с очередным правилом, подписываясь кличкой Бешеный. Однако детектив Лукас Дэвенпорт не уступает ему по части изобретательности. Он навязывает убийце свою собственную игру, в которой может быть только один победитель. «Правила убийцы» — первый роман из серии супербестселлеров о детективе Лукасе Дэвенпорте.

Джон Сэндфорд
Правила убийцы

Реклама на крыше дома излучала мерцающий голубоватый свет. Проходя через окно студии, он отражался от стекла и металлических поверхностей, от вазы без цветов в форме бутона, покрытой пылью, точилки для карандашей, микроволновой печи, баночек из-под орехового масла, из которых торчали карандаши, кисти для рисования, мелки и пастели, от пепельницы, набитой мелкими монетами и газетными вырезками, от баночек с красками, от ножей.

На подоконнике смутно вырисовывалась стереосистема, очертаниями напоминая набор прямоугольников. На электронных часах беззвучно загорались красные цифры.

Бешеный ждал в темноте.

Он слышал свое собственное дыхание, ощущал, как пот сочится у него под мышками. Во рту сохранялся вкус того, что он ел на ужин. Он вдыхал запах своей жертвы.

Он никогда не ощущал такого прилива жизненной энергии, как в последний момент долгого и осторожного подкрадывания. Некоторые, например его отец, так и проживали каждое мгновение своей жизни. Их жизнь проходила на пике бытия.

Бешеный наблюдал за улицей. Жертва была художницей. У нее гладкая оливкового цвета кожа и блестящие карие глаза, пышная грудь и тонкая талия. Против всех правил она жила в складском помещении, поздно ночью мылась в общем туалете в конце коридора, украдкой готовила в микроволновой печи, после того как уходил сторож, спала на узкой кровати в крохотной кладовке под стилизованным распятием, дыша испарениями скипидара и льняного масла. Сейчас ее не было, она ушла в магазин купить себе что-нибудь на ужин. «Эта гадость, которую она готовит себе в микроволновой печи, обязательно доконает ее, если этого не сделаю я», — подумал он. Вполне возможно, что он оказывает ей услугу. Бешеный улыбнулся.

Художница станет его третьей жертвой в городе и пятой убитой им за всю его жизнь.

Первой была девчонка с ранчо. Это случилось в Восточном Техасе. Она ехала верхом со стороны пастбища к лесистым известняковым холмам. На ней были джинсы, рубашка в белую и красную клетку и ковбойские сапоги. Она сидела, выпрямившись в седле, и правила лошадью больше коленями, чем поводьями, которые держала в руках. Девчонка ехала прямо на него. Коса мерно покачивалась у нее за спиной.

У Бешеного была винтовка «Ремингтон» модели 700 ADL двадцать седьмого калибра. Он оперся рукой о гнилой ствол дерева и выстрелил, когда она была метрах в тридцати пяти от него. Пуля поразила ее в грудь, и она упала с лошади.

Это убийство не было похоже на все остальные. Он ее не выбирал, она сама напросилась на это. За три года до того, как он ее убил, она как-то громко заявила, так, чтобы он тоже услышал, что его губы похожи на красных червяков. Совсем как те извивающиеся красные черви, которые живут под речными камнями. Она сказала это, стоя в коридоре школы в окружении своих друзей. Кое-кто оглянулся и посмотрел на Бешеного, тот стоял в четырех-пяти метрах от них, как всегда один, и запихивал учебники на верхнюю полку своего шкафчика. Он сделал вид, что ничего не слышит. Он очень хорошо умел скрывать свои чувства, даже когда был маленьким. Впрочем, для той девчонки с ранчо это было безразлично. Для всех он был пустым местом.

Но она поплатилась за свою болтовню. Три года он хранил ее слова в глубине души и

знал, что его время придет. И оно наступило. Девчонка свалилась с лошади, убитая наповал разрывной охотничьей пулей.

Бешеный убегал лесом, дальше через болотистую равнину. Он сунул винтовку под ржавую дренажную трубу в том месте, где дорога пересекала болото. Если начнут искать орудие преступления, то металлоискатель собьется у трубы. Впрочем, Бешеный думал, что искать не будут. Наступил сезон охоты на оленей, и в лесу было полно маньяков из города, вооруженных до зубов и готовых убивать всех и вся. Время года, место, где спрятать оружие, — все это продумано заранее. Еще будучи студентом первого курса колледжа, Бешеный уже умел хорошо планировать.

Он ходил на похороны девушки. Ее лицо было нетронуто, и гроб был открыт. Одетый в темный костюм, Бешеный сел как можно ближе и смотрел на ее лицо, чувствуя, как в нем просыпаются силы. Он только жалел, что она не догадывалась о близкой смерти. И у него не было времени насладиться видом ее мучений.

Когда он убивал во второй раз, то это была его первая по-настоящему выбранная жертва. Хотя он и не считал это убийство безупречным. Оно больше походило на эксперимент. Да. Во второй раз он исправил все недостатки, имевшие место в первый раз.

Она была проституткой. Он прикончил ее во время весенних каникул на втором курсе юридического колледжа. Ему давно этого хотелось. Сюда добавилось огромное умственное напряжение учебы в колледже. И вот однажды, холодной ночью в Далласе, он дал себе временную передышку с белотелой и носатой девчонкой с Миссисипи, которая приехала в город попытать счастья.

Когда он застрелил девчонку с ранчо, то все решили, что произошел несчастный случай на охоте. Ее родители погоревали да и занялись своими делами. Через два года Бешеный увидел, как ее мать хохочет на улице.

Далласские полицейские квалифицировали убийство проститутки как уличное убийство, связанное с наркотиками. Они нашли у нее в сумочке препарат, этого было достаточно. В полиции знали только ее кличку. Эта кличка и была выбита на металлической пластине на ее могиле. Девчонке не было и шестнадцати лет.

Эти два убийства удовлетворили его, но они не отличались продуманностью. Последующие убийства были спланированы до мелочей, тактика базировалась на профессиональном анализе десятка расследованных убийств.

Бешеный был умницей. Он участвовал в заседаниях суда и вывел следующие правила:

Никогда не убивай людей, которых ты знаешь.

Никогда не имей повода к убийству.

Никогда не следуй плану, который легко понятен всем.

Никогда не оставляй у себя орудие преступления.

Обезопась себя от случайного обнаружения.

Ни в коем случае не оставляй материальные улики.

Были еще и другие правила. Но он считал их спорными.

Конечно же, он был ненормальным. И он это знал.

Бешеный предпочел бы быть нормальным. Безумие приносило ему много тяжелых минут. Тогда он принимал таблетки: темные от повышенного давления, красно-коричневые помогали ему уснуть. Разумеется, он предпочел бы быть нормальным. Но, как говорил его

отец, играй теми картами, которые тебе сдали.

Так что он был сумасшедшим.

Но не настолько, как думали о нем полицейские.

В полиции решили, что он сексуальный извращенец. Он наслаждался убийствами и изнасилованиями. Они думали, что он разговаривал со своими жертвами, глумился над ними. Он аккуратно пользовался профилактическими средствами. Презервативы были смазанными. Мазки, взятые на анализ у первых двух городских жертв, выявили наличие смазки. Но так как полицейские не нашли сами презервативы, то они решили, что он забирает их с собой.

Психиатры-консультанты, которых пригласили для того, чтобы составить психологический портрет, решили, что Бешеный боялся женщин. Возможно, это явилось результатом того, что мать доминировала в семье, заявили они. Мать, которая то горячо любила, то тиранила, с сексуальными заскоками. Возможно, преступник боялся СПИДа, а возможно (они выдвигали все новые и новые версии), он был гомосексуалистом.

Возможно, говорили они, он делает *что-то* со спермой, которую уносит в презервативе. Когда врачи высказали это предположение, полицейские переглянулись. Что-то делает? Что он может с ней делать? Ну что?!

Психиатры ошибались во всем.

Он не оскорблял свои жертвы, он ублажал их, помогал им *принимать участие*. И он пользовался презервативами не для того, чтобы предохранить себя от заразы, а главным образом для того, чтобы уберечь себя от полиции.

Сперма это улика. Ее можно собрать, исследовать и классифицировать в лаборатории. Бешеный знал случай, когда на женщину напал, изнасиловал и убил один из двух нищих. Каждый из них валил все на другого. Сперма оказалась основной уликой, изобличившей преступника.

Бешеный не сохранял презервативы и ничего особенного с ними не делал. Он просто спускал их вместе с опасным содержимым в туалет в квартире жертвы.

И его мать вовсе не была тираном.

Это была маленькая темноволосая несчастливая женщина, носившая летом ситцевые платья и широкополые соломенные шляпы. Она умерла, когда он только перешел в среднюю школу. Бешеный едва помнил ее лицо. Однажды, когда он просто так перебирал старые бумаги, он наткнулся на стопку писем, адресованных его отцу и перевязанных ленточкой. Сам не зная зачем, он понюхал конверты, и его взволновал едва ощутимый старый запах, ее запах.

От конвертов пахло сухими лепестками дикой розы и сиренью.

Но его мать была ничем.

Она никогда ничего не предлагала. Ничего не добивалась. Ничего не делала. Она была обузой у отца на шее. Его отец со своими чудесными играми... А мать только мешала. Он вспомнил, как однажды отец накричал на нее:

«Я работаю, работаю! И, когда я работаю, чтобы ноги твоей здесь не было. Я должен собраться с мыслями, а у меня ничего не получается, когда ты приходишь сюда и ноешь, ноешь!»

А в какие увлекательные игры играли в суде и в тюрьмах!

Бешеный не был гомосексуалистом. Ему нравились только женщины, нравилось то, что с ними можно было делать. Он жаждал их, жаждал видеть их смерть и в тот же самый момент достигать оргазма.

* * *

В минуты копания в самом себе Бешеный пытался найти корни, причину происхождения своего безумия. Он решил, что оно не пришло внезапно, оно росло и зрело постепенно. Он вспоминал долгие недели, когда они оставались на ранчо вдвоем с матерью, пока отец играл в свои юридические игры в Далласе. Бешеный упражнялся со своей винтовкой двадцать второго калибра, стреляя земляных белок. Если он попадал в заднюю часть туловища, то оттаскивал зверька от входа в нору, а тот отбивался, верещал и, цепляясь только передними лапками, старался уползти обратно в нору.

Все остальные земляные белки из соседних норок сидели на кучках земли, которая была выброшена, когда они рыли ходы, и наблюдали. Тогда он подстреливал следующую, и еще больше белок вылезало посмотреть на то, что происходит. Он стрелял снова и снова, пока вся колония не собиралась поглазеть, как полдюжины их раненых собратьев пытаются доползти до своих нор.

Стреляя лежа, он ранил штук шесть или семь, а потом поднимался и подходил к корчащимся в агонии животным и приканчивал их карманным ножом. Иногда он заживо сдирал с них шкурку, пока они бились у него в руках. Потом он начал нанизывать их уши на веревку и хранил эти связки на чердаке гаража. Как-то в конце лета у него набралось более трех сотен пар ушей.

Впервые он испытал оргазм, лежа на краю луга и кромсая белок. Долгий спазм был похож на смерть. Он расстегнул брюки и стал рассматривать пятна спермы на своих трусах. Затем произнес: «Вот от чего это получается». Бешеный повторял эти слова снова и снова, а потом, когда он охотился вокруг ранчо, желание стало приходить к нему все чаще и чаще.

«Допустим, все сложилось бы по-другому», — думал он. Допустим, он играл бы с другими детьми, девочками, и они стали бы играть в доктора в каком-нибудь сарае. «*Ты мне покажи, а потом я тебе покажу...*» Может быть, все было бы по-другому? Он не знал. К тому времени, когда ему исполнилось четырнадцать, было уже поздно. Он уже тронулся умом.

В миле от них жила девочка. Она была лет на пять или шесть старше него. Дочь настоящих фермеров. Как-то она проезжала мимо, сидя на решетчатой кормушке для скота, которую тащил трактор. За рулем сидела ее мать. На девочке была насквозь пропитанная потом футболка, и соски выпирали через грязную ткань. Бешеному было четырнадцать, и он ощутил, как в глубине у него со всей силой шевельнулось желание, и он сказал себе: «Я буду ее любить и убью ее».

Он был сумасшедшим.

Когда он учился в юридическом колледже, то читал о других людях, похожих на него. Он с восторгом ощущал себя частью *сообщества*. Он объединил их всех в сообщество людей, которые понимали, какое безудержное состояние восторга приходит в момент эякуляции и смерти.

Но не только убийство приносило восторг. Теперь ему необходим был

интеллектуальный вызов, состязание умов.

Бешеный всегда любил игры. Те самые, в которые играл его отец, игры, в которые он сам играл в одиночку в своей комнате. Он фантазировал, представляя себя то в одной роли, то в другой. Мальчиком он хорошо играл в шахматы, а в старших классах три года подряд выигрывал шахматные первенства, хотя редко играл с кем-нибудь просто так, не на соревнованиях.

Однако были игры и получше. Например, те, в которые играл его отец. Но даже отец всего лишь замещал настоящего игрока, своего подзащитного. Настоящими игроками были обвиняемые и полицейские. Бешеный знал, что он никогда не станет полицейским. Но игроком он все же может быть.

Теперь, когда ему было двадцать семь лет, он стал тем, кем хотел. Он играл в игру, он убивал, и все его существо пело от радости содеянного.

Ультимативная игра. Ультимативные ставки.

Он мог поклясться собственной жизнью, что они не смогут его поймать. Он играл и выигрывал в игре, где ставками были жизни женщин. Мужчины всегда играли на женщин. Такова была его теория. Они были наградой победителю во всех самых интересных играх.

Полицейским, конечно, не хотелось играть. Как они скучны, эти полицейские!

Чтобы помочь им разобраться в сути игры, после каждого убийства он оставлял им по одному правилу. Слова тщательно вырезались из миннеаполисской газеты, короткая фраза приклеивалась клейкой лентой к листу бумаги. Когда он первый раз убил в городе, записка была следующей:

«Никогда не убивай людей, которых ты знаешь».

Это их сильно озадачило. Бешеный положил записку на грудь жертвы, чтобы не было никаких сомнений в том, кто оставил ее. Чуть позже ему в голову пришла шутливая идея, и он подписал свое послание:

Бешеный.

В следующей записке было написано:

«Никогда не имей повода к убийству».

Теперь они должны были понять, что имеют дело с человеком, у которого есть цель.

И хотя полицейские работали вовсю, они ничего не сообщили в прессу. А Бешеный жаждал известности. Он желал наблюдать, как его коллеги-юристы будут следить за ходом расследования по ежедневным выпускам новостей, знать, что они говорят о нем, даже не догадываясь о том, что он и есть *тот самый*.

Это его возбуждало. Ну ничего, третье убийство пробьет стену молчания. Не могут же полицейские вечно хранить тайну, ведь обычно информация утекает из полицейского ведомства, как из дуршлага. Он даже удивился, что они так долго держат его в секрете.

В третьей записке будет сказано:

«Никогда не следуя плану, который легко понятен всем».

Он оставит листок на ткацком станке.

В этой ситуации было некоторое противоречие. Бешеный был умен и все учёл. Осторожность была его пунктиком. Он никогда не оставит ни единой зацепки. И в то же время он намеренно создавал их. Полицейские и их психиатры смогут узнать кое-что о его личности по словам, которые он использовал, по тому, что он вообще устанавливал какие-то правила, по желанию вести игру.

Но с этим ничего нельзя было поделать.

Если бы все дело было только в убийствах... Он не сомневался, что мог совершать их, и это сходило бы ему с рук. Даллас дал ему такую уверенность. Он мог совершать десятки, сотни убийств. Слетать в Лос-Анджелес, купить нож на распродаже, убить проститутку и той же ночью улететь назад домой. И менять города каждую неделю. Его никогда бы не поймали. Они никогда даже ни о чем не догадаются.

Идея была привлекательной, но, безусловно, не давала никакого простора игре ума. Он хотел большего. Он желал соревнования. Ему это было необходимо.

Бешеный тряхнул головой в темноте и посмотрел вниз через окно. Машины шуршали шинами по мокрому асфальту. Что-то гулко грохотало за два квартала к северу отсюда. Пешеходов не видно. Никого, кто нес бы пакеты.

Он ждал, шагая от одного окна к другому и посматривая на улицу. Восемь минут, десять минут. Напряжение росло, пульс учащался, поднималось давление. Ну где она? Она была ему нужна.

Наконец он увидел, как ока переходит улицу. Ее полосы подрагивали на ходу в свете ночных фонарей. Она была одна и несла из магазина пакет. Женщина скрылась из виду внизу, он подошел к столбу посередине комнаты и прислонился к нему.

На Бешеном были джинсы, черная футболка, резиновые хирургические перчатки и синяя шелковая лыжная маска. Когда она будет привязана к кровати, а он разденется, женщина увидит, что напавший на нее человек выбрит. У него были сбриты все лобковые волосы. Не потому, что он был со странностями, хотя это вызывало ощущения... необычные. Но Бешеному приходилось видеть дело, в котором эксперты обнаружили несколько лобковых волосков на кровати женщины и сравнили их с образцами, взятыми у подозреваемого. Образцы были взяты по ордеру на обыск. Вот так-то.

Его зазнобило. Прохладно. Жаль, что не надел куртку. Когда он уходил из дому, было двадцать четыре градуса. Должно быть, после наступления темноты температура упала градусов на десять. Проклятая Миннесота.

Бешеный не был ни крупным, ни спортивным. Когда-то в юности он считал себя тощим, хотя отец называл его хрупким. Теперь он вынужден был согласиться с зеркалом: он стал рыхлым. В нем было сто семьдесят пять сантиметров роста, вьющиеся рыжие волосы, наметившийся второй подбородок, округлившийся животик... губы, как красные червяки...

Лифт был старый и предназначался для перевозки грузов. Он проскрипел что-то раз, другой и поехал вверх. Бешеный проверил, все ли на месте. «Котекс», который он использовал вместо кляпа, был засунут в правый задний карман брюк. Лента, для того чтобы завязать кляп, в левом кармане. Пистолет он засунул за ремень под рубашку. Это был маленький, но довольно устрашающий «смит-вессон» пятнадцатой модели. Он купил его у находившегося при смерти человека, который вскоре и умер. Когда тот согласился продать

пистолет, то он рассказал, что его жена хотела, чтобы у него был пистолет для самообороны, и он просил никому не рассказывать, что он продал его. Это должно было остаться между ними.

Лучше и не придумаешь. Никто не знал, что у него есть пистолет. И если ему когда-нибудь придется им воспользоваться, то следы никуда не приведут или приведут к покойнику.

Он вынул пистолет и держал его, прижав к боку, вспоминая последовательность: схватить, сунуть пистолет в лицо, заставить лечь на пол, ударить пистолетом, запрокинуть голову, запихнуть кляп в рот, завязать, дотащить до кровати, привязать руки и ноги к спинкам кровати.

Потом передохнуть и браться за нож.

Лифт остановился, двери раскрылись. В животе у Бешеного все сжалось. Знакомое чувство. Даже приятное. Шаги. Звук поворачиваемого ключа. Сердце застучало. Открылась входная дверь. Зажегся свет. Дверь закрыли. Он крепко сжал пистолет. Вошла женщина.

* * *

Бешеный выскочил из своего укрытия.

Мгновенно увидел, что она одна.

Схватил ее сзади и сунул пистолет в лицо.

Пакет с покупками лопнул, и по деревянному полу покатались бело-красные банки супа, бежево-красные упаковки курицы, под ногами захрустела лапша.

— Только закричи, — прохрипел он, — и я тебя убью.

Неожиданно женщина обмякла, и Бешеный непроизвольно тоже ослабил хватку. В следующее мгновение ее каблук вонзился ему в подъем ноги. Боль была адской, он почти что вскрикнул, а она тем временем, не обращая никакого внимания на пистолет, вывернулась из его рук.

— А-а-а-й! — то ли вскрикнула, то ли всхлипнула она.

Время как будто остановилось для них, секунды растянулись в минуты. Бешеный видел, как поднималась ее рука, и решил, что у нее пистолет, и в то же время чувствовал, как его собственная рука с пистолетом уходит от нее куда-то в сторону, совсем не туда, куда надо, и подумал: «Нет». В следующий застывший отрезок времени он понял, что у нее в руке не пистолет, а тонкий серебристый цилиндр.

Она брызнула ему в лицо из газового баллончика и резко рванулась вперед. Бешеный хрипло вскрикнул и ударил ее пистолетом, от чего тот выскочил у него из руки. Он взмахнул другой рукой и, скорее случайно, чем намеренно, нанес ей удар в челюсть. Она упала и покатилась.

Бешеный наполовину ослепленный, прижимая руки к лицу, искал пистолет. Легкие его работали плохо — у него была астма, а газ просачивался через лыжную маску. Женщина уже снова схватила газовый баллончик и визжала:

— Идиот! Идиот!

Он хотел ударить ее, но промахнулся, а она снова брызнула в него из баллончика. Он все же дотянулся до нее, она споткнулась и упала, но баллончик не выпустила. Бешеный же никак не мог отыскать пистолет и снова ударил ее ногой. Ему опять повезло — он попал ей

по руке, в которой она сжимала свое оружие. Серебристый цилиндрик отлетел в сторону. Кровь капала со лба в том месте, где кожа была содрана от удара пистолетом. Кровь текла по лицу и заливала ей глаза и рот. Она была видна даже на зубах, когда женщина кричала:

— Идиот! Идиот!

Прежде чем Бешеный снова смог на нее навалиться, она схватила блестящую металлическую трубу и замахнулась на него, как в игре в софтбол. Он парировал удар и отступил, все еще пытаясь отыскать свой пистолет, но тот куда-то запропастился, а женщина все наступала, и он принял решение, которое было заранее предусмотрено.

Он бросился бежать.

Бешеный убегал, а она, преследуя его, еще раз обрушила на его спину трубу. Он чуть не споткнулся, затем повернулся и нанес ей удар, который оказался слабым и всего лишь скользнул вдоль щеки. Она отскочила в сторону и снова замахнулась трубой. Ее рот был широко открыт. Брызгая слюной и кровью, она закричала. А он тем временем проскочил в дверь и захлопнул ее за собой.

— ...идиот!

Он бежал по коридору к лестнице, задыхаясь в своей маске. Женщина не преследовала его, но стояла за закрытой дверью и орала. Бешеный никогда в жизни не слышал такого пронзительного крика. Где-то открылась дверь, и он, не разбирая дороги, бросился вниз по лестнице. Внизу он стянул с себя маску, сунул ее в карман и вышел.

«Иди легким, неторопливым шагом, — сказал он себе. — Прогуливайся».

Было холодно. Чертова Миннесота. Август, а можно замерзнуть. Он все еще слышал ее вопли. Сперва приглушенные, а потом все громче и громче. Эта стерва открыла окно. Полицейский участок находился прямо через дорогу. Бешеный ссутулился, пошел чуть быстрее к своей машине, сел в нее и уехал. На полпути к Миннеаполису, все еще смертельно перепуганный, трясаясь от холода, он вспомнил, что в машине есть печка, и включил ее.

Только в Миннеаполисе он обнаружил, что ему крепко досталось. «Чертова труба. Будут большие синяки, — подумал он. — На плечах и спине. Стерва. С пистолетом проблем не будет. По нему ничего нельзя выяснить».

Господи, как больно.

Продавец стоял за сплошной стеной из обложек журналов. Сигареты, шоколадные батончики и целлофановые пакетики сырных шариков, чипсы, свиные шкурки и всякие другие канцерогены прикрывали его фланги. Рядом с кассой стоял вращающийся стенд, увешанный белыми круглыми значками. На каждом был написан призыв на любой вкус. «Берегите китов — гарпуньте толстух». Это продавалось лучше всего, или: «Хватит мне быть хорошим мальчиком, на колени, сука».

Продавец не смотрел на них. Они ему уже надоели. Он смотрел куда-то на улицу через засиженное мухами окно витрины и качал головой.

Лукас Дэвенпорт медленно вышел из глубины магазина с номером «Дейли Рейсинг Форм» и положил два доллара и двенадцать центов на прилавок.

— Чертовы детишки, — произнес продавец, ни к кому не обращаясь. Он вытянул шею, чтобы лучше видеть, что там происходит на улице. Потом услышал, как деньги, брошенные Лукасом, звякнули о прилавок, обернулся и попытался улыбнуться, но на лице, похожем на морду таксы, только собрались морщинки. — Ну как? — с одышкой проговорил он.

— Что там происходит? — спросил Лукас, посмотрев через плечо продавца на улицу.

— Да детишки на скейтбордах. — Продавец страдал от эмфиземы легких и поэтому мог говорить только короткими предложениями. — Катаются, прицепившись к автобусу. — Он засвистел горлом. — Если они зацепятся за канализационный люк... — он шумно вздохнул, — им крышка.

Лукас выглянул в окно. На улице не было никаких детей.

— Они уже укатили, — угрюмо проговорил продавец.

Он взял журнал и прочитал первый абзац передовой статьи.

— Уже посмотрели стенд? — захрипел он. — Какой-то парень принес стихи.

— Да?

Лукас обошел вокруг прилавка и начал просматривать стопки истрепанных книг. К своей радости, он нашел тоненькую книжку стихов Эмили Дикинсон, засунутую между двумя обзорами современной литературы в твердых обложках. Дэвенпорт никогда специально не охотился за поэзией и никогда не покупал ничего нового. Он ждал, когда книга попадет к нему случайно. И, что самое удивительное, именно так оно часто и получалось. «Сиротские песни» оказывались среди текстов по термоэлектрическому машиностроению или по биохимии.

Книга Эмили Дикинсон стоила один доллар в 1958 году, когда она была напечатана каким-то малоизвестным издательством с Шестой авеню в Нью-Йорке. Через тридцать лет в книжном магазине на Университетской авеню в городе Сент-Пол она стоила восемьдесят центов.

— Так что там слышно про эту лошадку? — В горле у продавца забулькало. — Про этого Воина Вабаша? — Продавец ткнул пальцем в журнал. — Ну, этого, из Миннесоты.

— Именно так я и думаю, — отозвался Лукас.

— Что?

— Он из Миннесоты. Его надо гнать хлыстом до самой фабрики «Альпо». Конечно, во всем есть свои преимущества...

Продавец ждал. Он никак не мог отдышаться и ответить остроумно.

— Если Воин будет считаться фаворитом, — продолжал Лукас, — то победитель получит большой выигрыш.

— И им окажется...

— Попробуй поставить на Солнце и Полпенса. Конечно, здесь нет гарантии, но числа подходят.

Лукас положил на прилавок книгу Эмили Дикинсон и восемьдесят центов, как было указано на ценнике, плюс пять центов налога.

— Пойду-ка я, пока ты не позвонил своему букмекеру. Не хочу, чтобы меня сцапали за то, что я продаю сведения о лошадях перед скачками.

— Как скажете, лейтенант. — Продавец со свистом вздохнул и дернул себя за вихор.

Лукас с новой книжкой поехал обратно в Миннеаполис, и там оставил свою машину в общественном гараже напротив городской мэрии. Он прошелся вокруг до отвращения безобразной старой громады из желтовато-коричневого гранита, пересек улицу, миновал прудик и вошел в здание Хённепинского центра. Затем спустился в кафетерий, купил в автомате спелое яблоко, снова поднялся наверх и с противоположной стороны здания вышел на лужайку. Лукас расположился на траве среди белых берез под теплым августовским солнцем и, откусывая яблоко, начал читать:

Никто из мужчин мое сердце не тронул,
Пока не омыл мою ножку прилив,
Потом, поднимаясь все выше и выше,
Добрался до пояса, грудь окропив.
И вот захлестнул мои хрупкие плечи
И, брызнув в лицо изумрудной росой,
Меня подхватил,
И я поплыла...

Дэвенпорт улыбнулся и снова захрустел яблоком. Когда он оторвал глаза от книги, по площади шла молодая темноволосая женщина и катила широкую коляску для двойни. Младенцы завернуты в одинаковые розовые одеяльца. У мамы была большая грудь и тонкая талия, а черные волосы, закрывавшие щеки, как черные шелковые шторки, покачивались на ходу. На ней были надеты сливового цвета юбка и шелковая бежевая блузка. Женщина выглядела такой красивой, что Лукас непроизвольно улыбнулся от удовольствия.

Прошла еще одна женщина. Теперь уже в противоположном направлении. Блондинка с короткой стрижкой под панка, в вызывающем и безвкусном трикотажном платье. Лукас посмотрел ей вслед и вздохнул.

* * *

Дэвенпорт был одет в белую тенниску, брюки цвета хаки, голубые гольфы и сандалии с длинными завязками. Он не стал заправлять рубашку в брюки, чтобы не был виден пистолет. Смуглый стройный мужчина с черными прямыми волосами, начинающими седеть на висках, длинным носом и кривой усмешкой. Один из передних зубов у него начал крошиться, но он

так и не поставил на него коронку. Если бы не его голубые глаза, он вполне сошел бы за индейца.

Глаза у него излучали тепло и снисходительность. Их теплота усиливалась от вертикального белого шрама, который начинался у волос, пересекал правый глаз, проходил по щеке и заканчивался у уголка рта. Этот шрам придавал его облику некоторый оттенок беспутства, но не заслонял его открытости и чистоты помыслов и делал его похожим на Эррола Флинна из фильма «Капитан Блад». Лукас жалел о том, что он не может похвастаться перед молодыми женщинами, что получил его от удара разбитой бутылкой в потасовке в баре Субик-Бея, где он никогда не был, или в Бангкоке. Там он тоже не был. Свой шрам Лукас получил от рыболовной снасти, торчавшей из гнилой коряги на реке Сент-Кру. Так он всем и рассказывал. Некоторые ему верили, но большинство полагало, что он просто что-то скрывает, нечто вроде драки в баре в Восточном Суэце.

И, хотя глаза излучали тепло, улыбка выдавала его.

Однажды он пошел в ночной клуб с женщиной, которая работала в зоопарке. Здесь, в подвальных помещениях, местным юнцам продавали кокаин. На стоянке рядом с клубом Лукас неожиданно встретился с Кении Макгиннессом, он считал, что тот еще в тюрьме.

— Отвяжись от меня, Дэвенпорт, — сказал Макгиннесс, отступая назад.

Обстановка на автомобильной стоянке внезапно наэлектризовалась, глаз запоминал все — и бумажки от жвачек, и выброшенные пакетики из-под четвертьграммовых доз кокаина.

— Я не знал, парень, что тебя выпустили, — улыбаясь, проговорил Лукас.

Его спутница наблюдала за происходящим широко открытыми глазами. Лукас приблизился к мужчине, запустил два пальца в карман его рубашки и слегка потянул. Это походило на то, как два старых приятеля вспоминают былые деньки.

— Убирайся из города, — хрипло прошептал Лукас. — Отправляйся в Лос-Анджелес или в Нью-Йорк. Если ты не уедешь, тебе будет плохо.

— Меня освободили условно. Я не могу уехать из штата, — заикаясь, пробормотал Макгиннесс.

— Тогда убирайся в Дулут или в Рочестер. У тебя неделя сроку, — сказал Дэвенпорт. — Поговори со своим отцом. Можешь повидать бабушку и сестру. А потом убирайся.

Он повернулся к своей спутнице, на лице была улыбка, казалось, он уже забыл о Макгиннесе.

— Ты меня чертовски напугал, — призналась женщина, когда они уже сидели в клубе. — Что там произошло?

— Кении нравятся маленькие мальчики. Он продает крэк [□] десятилетним глупышам.

— А-а.

Она, конечно же, слышала о таких вещах, но относилась к ним так же, как к собственной смерти: отдаленная вероятность, о которой пока не стоит особенно задумываться.

Позже она сказала:

— Мне не понравилась твоя улыбка. Как ты улыбнулся. В тот момент ты походил на моих зверей.

Лукас усмехнулся.

— Правда? На кого же? На лемура?

Она слегка прикусила нижнюю губу.

— Нет. Я подумала о росомахе.

Даже если холод улыбки иногда и гасил тепло его глаз, то это случалось не часто и не отпугивало людей. А сейчас Лукас наблюдал, как блондинка с прической в стиле «панк» завернула за угол Центра и, прежде чем совсем скрыться из виду, оглянулась, посмотрела на него и улыбнулась.

Черт возьми? Она знала, что он на нее смотрит. Женщины всегда знают об этом. «Вставай, — шептал ему внутренний голос, — и иди за ней». Но он не сдвинулся с места. Их так много и все хорошенькие. Он вздохнул, растянулся на траве и снова принялся за Эмили Дикинсон.

С него можно было писать картину под названием «Удовлетворенность».

* * *

Его фотографировали из коричневатого-оливкового фургона, стоявшего на противоположной стороне Седьмой южной улицы. Два полицейских из отдела внутрислужебных расследований трудились в поте лица в тесном вагончике, где на треногах стояли фотоаппарат и видеокамера.

Старший был толстяком, а его напарник — художав. В остальном они были похожи друг на друга — оба с коротко подстриженными волосами, розовощекие, в желтых рубашках с короткими рукавами и толстых трикотажных брюках фирмы «Джей Си Пенни». Каждые несколько минут один из них смотрел в окуляр мощного телескопического объектива. Камера «Никон F3» была снабжена специальным устройством, проставляющим дату. Этот счетчик был запрограммирован до 2100 года. Когда полицейские делали фотографии, на снимке автоматически отпечатывались дата и время. При необходимости такой снимок мог послужить официальным документом, подтверждающим то, чем занимался человек, находящийся под наблюдением.

Лукас засек эту парочку через час после того, как они начали за ним следить, это было две недели назад. Он не знал, в чем была причина, но, как только он их заметил, Дэвенпорт перестал контактировать со своими осведомителями, разговаривать со своими друзьями, с другими полицейскими. Он находился в изоляции, но не знал почему. Он обязательно отыщет причину. Это неизбежно.

А пока он проводил большую часть времени на открытом месте, таким образом заставляя следивших за ним людей прятаться в душном тесном вагончике, откуда они не могли выйти ни поесть, ни даже сходить в туалет. Лукас улыбнулся сам себе (улыбка его была неприятной, как у росомахи), отложил книжку Дикинсон и взялся за «Рейсинг Форм».

— Ты считаешь, что этот сукин сын собирается вечно здесь сидеть? — спросил толстяк, ерзая на месте.

— Похоже, что он здесь прочно обосновался.

— Я хочу в туалет, не могу больше терпеть, — продолжал старший.

— Не надо было пить «кока-колу», в ней кофеин, и хочется в туалет.

— Может быть, я как-нибудь по-быстрому выскочу...

— Если он пойдет, то мне надо будет ехать за ним. Если ты не успеешь, Бендл тебе голову оторвет.

— Но ведь ты же ему не скажешь.

— Я не могу одновременно вести машину и фотографировать.

Толстый полицейский продолжал ерзать на месте. Надо было идти, как только Лукас расположился на поляне, но тогда ему еще не хотелось так сильно в туалет. А теперь, когда Лукас может в любую минуту уйти, мочевого пузыря у него раздулся, как баскетбольный мяч.

— Посмотри, — сказал он, разглядывая Дэвенпорта в бинокль. — Он наблюдает за девушкой, которая проходит мимо. Как ты думаешь, мы из-за этого ведем за ним наблюдение? Это связано с девушкой?

— Не знаю. Здесь какая-то тайна. Пока никто не говорит ни слова.

— Я слышал, что у него есть что-то на шефа. Лукас такой.

— Должно быть, так оно и есть. Он ничего не делает. Ездит по городу на своем «порше» и каждый день бывает на ипподроме.

— У него все в порядке. Благодарности и все такое.

— Он еще и неплохо подрабатывает.

— Да.

— Кажется, убил нескольких человек.

— Пятерых. Он первый по этим делам во всей полиции. Кроме него, никто не убивал больше, чем двоих.

— Все они заслуживали того.

— И пресса его любит.

— Это все потому, что у него есть деньги, — авторитетно заявил толстяк. — Пресса обожает людей с деньгами, богатеньких. Никогда не встречал репортера, который не хотел бы денег.

На некоторое время оба задумались о газетчиках. Они походили на полицейских, только языки у них работали побыстрее.

— Как ты думаешь, сколько он зарабатывает, этот Дэвенпорт? — спросил толстяк.

Его напарник поджал губы и стал в уме подсчитывать. Заработная плата — это был серьезный вопрос.

— При его звании и должности, вероятно, он получает тысячи сорок две, может быть, сорок пять, — предположил он. — Потом еще игры, я слышал, что когда он выпускает игру, то получает целых сто тысяч, в зависимости от того, как она расходуется.

— Так много? — изумился толстяк. — Если бы я получил столько денег, я бы бросил службу, купил ресторан, а может быть, бар где-нибудь на озере.

— Это точно, — согласился другой полицейский.

Они так часто говорили об этом, что он отвечал автоматически.

— Интересно, а почему они его не разжаловали в сержанты? Ну, когда его убрали из отдела по ограблениям?

— Я слышал, что он пригрозил подать в отставку и сказал, что понижения не потерпит. Вот начальство и решило, что он еще понадобится, у него ведь свой человек в каждом баре и в каждой парикмахерской. Поэтому звание осталось при нем.

— Когда он был инспектором, он был настоящей занозой, — вспомнил толстяк.

Тощий кивнул.

— Все должны были быть идеальными. Но ведь так не бывает.

Тощий отрицательно покачал головой.

— Он мне как-то признался, что это была самая собачья работа. Он понимал, что перегибает палку, но не мог остановиться. Кто-нибудь хоть чуточку свалит дурака, так он от него не отстанет.

Они еще немного помолчали, наблюдая за своим подопечным.

— Но если он тебе не начальник, то так он парень неплохой, — повернул в другую сторону толстяк. Он знал, как нужно вести такие разговоры. — Он подарил мне одну из своих игр для моего парнишки. Там на картинке дерутся два чудовища, похожих на трехметровых тараканов.

— Ну и как, ему понравилось?

На самом деле тощему полицейскому было все равно. Он считал, что у толстяка слишком уж изнеженный мальчишка и из него получится гомосексуалист, но он никогда не сказал бы этого вслух.

— Да. Он притащил ему коробку назад и попросил расписаться на крышке. Тот так и написал: Лукас Дэвенпорт.

— Ну! Этот парень не промах, — пошутил тощий. Он замолчал, ожидая реакции. Через минуту до толстого дошло, и они рассмеялись. Этот смех оказал еще большее воздействие на мочевой пузырь. Толстяк снова заерзал на сиденье.

— Послушай, мне надо бежать, или я сейчас в штаны напущу, — в конце концов взмолился он. — Если Дэвенпорт отправится не в магазин, а еще куда-нибудь, то он поедет на машине. И, если тебя не будет на месте, когда я вернусь, я бегом догоню тебя на спуске.

— Смотри сам, тебе отвечать, — проговорил его напарник, поглядывая в окуляр. — Он только что взялся за «Рейсинг Форм». Пожалуй, у тебя есть несколько минут.

Лукас видел, как толстый полицейский выскользнул из фургона и бросился в «Пиллсбери Билдинг». Он усмехнулся про себя. Ему очень хотелось встать и уйти, зная, что полицейский в машине должен будет последовать за ним и бросить толстяка. Но могли возникнуть осложнения. Для него лучше было оставить все как есть.

Когда через четыре минуты толстяк вернулся, машина стояла на том же месте. Его коллега взглянул на него и сказал:

— Ничего.

Так как Лукас не сделал ничего предосудительного, то пленки так и не стали проявлять. Но если бы их все-таки проявили, то на всех фотографиях было бы заметно, что средний палец Лукаса выставлен вперед^[2], из чего следовало, что он их обнаружил. Но, так как пленку не стали проявлять, это не имело никакого значения.

Толстяк снова залез в фургон, а Лукас растянулся на траве, перелистывая томик стихов. Слежка близилась к концу.

Дэвенпорт читал стихотворение под названием «Змея», толстяк смотрел на него через линзу своего «Никона», а тем временем Бешеный совершил еще одно убийство.

Впервые он заговорил с ней в архиве секретаря Окружного совета. У нее были волосы цвета вороного крыла и карие глаза. В маленькие ушки вдеты золотые серьги в виде колец. Она была одета в красное платье, и от нее исходил легкий аромат духов.

— Я хотела бы посмотреть досье на «Бурхальтер-Ментор», — сказала она секретарю. — У меня нет номера. Должно быть, бумаги относятся к прошлому месяцу.

Бешеный искоса наблюдал за ней. Она была лет на пятнадцать, а то и на все двадцать старше него. Привлекательная.

Он еще не начал преследовать художницу. Все его дни были наполнены думами о ней, ночи напролет ему виделись ее лицо и тело. Он знал, что обязательно ею займется, песня любви уже звучала в нем.

Но эта женщина была ему интересна. Даже более чем интересна. Он чувствовал, как осознание этого растет в нем, и наслаждался игрой света на ее изящной руке, покрытой персиковым пушком... А после художницы ведь должен быть кто-то еще.

— Это гражданские документы? — задал вопрос женщине секретарь.

— Это целая пачка бумаг на право удержания имущества по жилому комплексу недалеко от озера Нокомис. Я хочу убедиться, что по данному вопросу уже принято решение.

— Хорошо. Бурхальтер?..

— «Бурхальтер-Ментор».

Она продиктовала название по буквам, и секретарь ушел в помещение архива за нужной папкой. Она агент по продаже недвижимости, подумал Бешеный. Женщина почувствовала его внимательный взгляд и посмотрела на него.

— Вы агент по продаже недвижимости? — спросил он.

— Да.

Голос ее звучал серьезно, доброжелательно, профессионально. На губах едва заметная розовая помада.

— Я только недавно приехал в Миннеаполис, — продолжал разговор Бешеный. — Я адвокат в фирме «Фельсен-Гор». У вас не найдется минутка времени, чтобы ответить на вопрос относительно недвижимости?

— Ну конечно.

Теперь ее голос звучал дружески и заинтересованно.

— Я искал дом около озер к югу отсюда, вокруг озера Островов или озера Нокомис, в этом направлении.

— Там хорошие места, — сказала она одобрительно.

У нее были губы, которые специалист по пластической хирургии определил бы как пухлые. Когда она улыбалась, приоткрывался ряд безупречных белых зубов.

— Там сейчас продается много домов. Я как раз занимаюсь этим районом.

— Я еще не решил, что мне больше подойдет — квартира или дом...

— Дома всегда в цене.

— Согласен, но, видите ли, я не женат. И мне не особенно хочется возиться с большим двором...

— Скорее всего вам подойдет что-то вроде бунгало на небольшом участке с небольшим двориком. Там будет гораздо больше места, чем в квартире, а для ухода за лужайкой вы

можете нанять человека за тридцать долларов в месяц. Это дешевле, чем плата за коммунальные услуги, которую берут за большинство квартир, кроме того, если вы надумаете продавать дом, то не останетесь в убытке.

Бешеный забрал свои бумаги и подождал, пока она получит фотокопии с нужных ей документов. Они вместе прошли по коридору к лифтам и спустились, на первый этаж.

— Гм, знаете, в Далласе существовала такая вещь, как общий список или что-то в этом роде, — заговорил Бешеный.

— Да, это называется общий список продаваемой недвижимости, — подтвердила его спутница.

— И, если я захочу поехать здесь вокруг и подобрать что-нибудь для себя, мог бы я позвонить вам, чтобы вы мне показали этот список?

— Ну конечно, именно этим я и занимаюсь. Вот, возьмите мою карточку.

Джинни Льюис. Бешеный положил визитную карточку в свой бумажник. Как только он с ней расстался, исчезло и очарование, навеянное ее присутствием, он снова вспомнил о художнице и представил себе ее лицо и фигуру, как она идет по улице Святого Павла. Он жаждал ее, и агент по продаже недвижимости была почти совсем забыта. Но не полностью.

Всю следующую неделю, как только он доставал свой бумажник из кармана, он наткнулся на ее карточку. Джинни Льюис с волосами цвета вороного крыла. Ее кандидатура определенно подходила.

А потом он потерпел фиаско.

Когда он проснулся на следующий день, все тело было в синяках и болело. Он принял сразу несколько больших таблеток аспирина и осторожно повернулся перед зеркалом в ванной комнате, чтобы посмотреть, что там у него на спине. Синяки начали проступать и представляли собой черные полосы на спине и плечах. Они будут выглядеть ужасно.

Наваждение, связанное с художницей, исчезло. Когда он вышел из душа, то в запотевшем зеркале увидел чужое лицо. С ним такое случалось и раньше. Краем полотенца он вытер зеркало. Это была Льюис, она улыбнулась ему, увидев, что он голый.

Ее офис находился в районе к югу от озер в помещении с большим окном, где раньше был магазин.

Бешеный объездил все вокруг в поисках удобного места для наблюдения. Он нашел местечко на стоянке автомобилей наискосок от конторы Льюис. Бешеный мог сидеть в автомобиле и наблюдать через открытое окно за тем, как она сидит в своей комнатке и разговаривает по телефону. Он следил за ней целую неделю. Каждый день, кроме среды, она приезжала сюда между половиной первого и часом и привозила с собой пакет с едой. Она ела и одновременно просматривала бумаги и редко когда уходила раньше двух тридцати. Джинни была потрясающей женщиной. Больше всего ему нравилась в ней ее походка, когда шаг начинался от бедра. Она снилась ему по ночам, ему виделось, как Джинни Льюис, обнаженная, идет к нему по траве.

Бешеный решил заехать за ней в четверг. Он нашел симпатичный домик на узкой улочке новой застройки в шести кварталах от ее офиса. Прямо напротив домов не было. Подъездная дорожка проходила несколько ниже уровня лужайки, ступеньки, ведущие к входной двери, были скрыты живой изгородью из вечнозеленых растений. Если он поедет туда вместе с Льюис и она поставит машину прямо около дома, а он выйдет через правую дверь, то будет фактически не виден со стороны улицы.

Дом казался необитаемым. По специальному справочнику, которым пользуются

детективы, он разыскал фамилии соседей. Первым, кому он позвонил, оказался словоохотливый старичок. Бешеный объяснил, что хотел бы договориться о купле дома непосредственно с владельцами, минуя агентов по продаже недвижимости. Может быть, сосед знает, где они находятся. Да, он знает, в Аризоне. Он может дать их номер телефона. Они не вернутся до самого Рождества, да и то приедут только на две недели.

Обшаривая округу, Бешеный нашел маленький супермаркет, напротив станции «Стэндард», в нескольких кварталах от дома.

В четверг он сложил свои приспособления в багажник машины и надел широкое твидовое пальто спортивного покроя с вместительными карманами. Он проверил, на месте ли Льюис, а потом отправился к супермаркету, оставил там на стоянке свою машину и позвонил ей из автомата.

— Джинни Льюис, — сказала она, ее голос прозвучал сдержанно.

— Мисс Льюис? — переспросил Бешеный. Когда он произносил слово «мисс», сердце заколотилось у него в груди. — Мы с вами познакомились в архиве секретаря Окружного совета месяц тому назад. Мы с вами говорили о домах в районе озер.

На другом конце провода возникло минутное замешательство, и Бешеный даже испугался, что она забыла его. Но она заговорила.

— О да, кажется, я вас помню. Мы вместе спускались на лифте?

— Да, это именно я. Послушайте, я постараюсь объяснить покороче. Я ездил здесь в округе и смотрел дома, и у меня сломалась машина. Я подъехал к заправочной станции, там мне сказали, что ремонт займет часа два, нужно сменить водяной насос. Пока я гулял вокруг, я наткнулся на очень симпатичный домик. — Он посмотрел на бумажку, которую держал в руке, и продиктовал адрес. — Я подумал, может быть, мы могли бы договориться о времени и посмотреть его?

— Вы на станции «Стэндард»?

— Я в телефонной будке на другой стороне улицы.

— Я сейчас ничем не занята, и от меня до вас всего пять минут езды. Я бы могла взять ключи, это еще две минуты, а потом заехать за вами.

— Право, мне не хотелось бы причинять вам неудобство...

— Здесь нет никакого неудобства. Я знаю, о каком доме вы говорите. Он в очень хорошем состоянии. Удивительно, что его до сих пор еще не купили.

— Ну, в таком случае...

— Я буду у вас через десять минут.

Ей потребовалось пятнадцать минут. Молодой человек зашел пока в супермаркет, купил мороженое, сел на скамейку у автобусной остановки и начал его облизывать. Когда Льюис подъехала на коричневой машине, она сразу же его узнала. Даже сквозь слегка затененные стекла он увидел, как блеснули ее зубы, когда она улыбнулась ему.

— Здравствуйте! — сказала она, открывая ему дверцу с другой стороны. — Вы тот самый адвокат. Я вспомнила вас, как только увидела.

— Да, я очень рад. Я, кажется, не представился. Меня зовут Луи Валльён.

Хотя его родители дали ему имя Луис Валлион.

— Рада с вами познакомиться.

Ей действительно было приятно.

До дома они ехали всего три минуты. Женщина обращала его внимание на все достоинства округи. Озера расположены достаточно близко, чтобы можно было вечером

совершать пробежку. Школа тоже недалеко, и это повысит стоимость, если он захочет продать дом, но и не так уж близко, чтобы ребяташки создавали какие-нибудь проблемы. Устоявшееся окружение. Соседи знают друг друга, и посторонние люди обязательно будут замечены.

— Уровень преступности в этом районе достаточно низкий по сравнению с другими районами города.

В этот момент у них над головами низко пролетел самолет, ревя моторами он пошел на посадку в миннеаполисском аэропорту. Его спутница не стала обращать на это внимание.

Валлион тоже промолчал. Он прислушивался к тому, что она говорит, ровно на столько, чтобы можно было кивнуть в нужный момент. Глубоко внутри он представлял себе, как все это будет происходить. На этот раз все должно пройти как по маслу, не как с художницей.

Да, в тот раз он сам был виноват, и нечего перекладывать вину на кого-то другого. Он допустил ошибку, и его счастье, что ему удалось улизнуть. Женщина весом в шестьдесят килограммов, находящаяся в хорошей физической форме, вполне могла оказать сопротивление. Он никогда этого не забудет.

На этот раз с Льюис он не должен ничего испортить. После его нападения она должна умереть, потому что она видела его лицо, она знала, кто он такой. Он заранее потренировался, насколько это было возможно, у себя дома, ударяя по баскетбольному мячу, который висел на крюке на двери в ванной.

Теперь Бешеный был готов. В правый карман пиджака он засунул большую картофелину в носке. Она немного выпирала, но не слишком. В кармане могло быть все, что угодно: записная книжка, безделушка. В левом кармане лежали прокладка «Котекс», клейкая лента и пара резиновых хирургических перчаток. Он не дотронется ни до одной вещи, на которой могут остаться отпечатки, пока на наденет перчатки. Он подумал об этом, мысленно представил, как он это будет делать, а вслух продолжал восклицать: «О, да!», когда необходимо было соглашаться с Льюис.

Пока они ехали, он вдруг с некоторым отвращением заметил, что, возможно, она курила. От нее исходил едва ощутимый запах никотина.

Когда они подъехали к самому дому, его желудок начал сжиматься, так же как это происходило и с художницей, и с другими.

— С виду домик ничего, — заметил Бешеный.

— Вы еще не то скажете, когда посмотрите внутри. Они замечательно отделали ванные.

Она повела его к входным дверям. С улицы за вечнозелеными кустарниками их никто не мог видеть. Джинни открыла ключом дверь, и они вошли. Дом был полностью обставлен. В холле царил такой идеальный порядок, что сразу становилось ясно, что тут давно никто не живет. Воздух был застоявшимся и слегка затхлым.

— Хотите здесь все посмотреть? — Льюис взглянула на него.

— Конечно.

Он заглянул на кухню, прошелся по гостиной, поднялся наверх, где располагались спальни, и заглянул в каждую комнату. Когда он спустился вниз, женщина стояла, сжимая перед собой сумочку, и с некоторым интересом изучала хрустальную лампу на камине.

— Сколько просят за этот дом?

— Сто пять тысяч.

Молодой человек кивнул и взглянул на дальнюю дверь в кухне.

— Там что, подвал?

— Да, наверно.

Когда она пошла к двери, он вытащил из кармана носок. Джинни сделала еще один шаг. Размахнувшись носком, как булавой, он ударил ее картофелиной сзади, по голове чуть выше левого уха.

Удар сбил ее с ног, Валлион навалился на нее сверху и ударил еще раз. Эта вела себя совсем не так как чертовка художница. Джинни в основном работала в офисе с бумагами, и руки у нее были слабыми. Она застонала в полузабытьи, он схватил ее сзади за волосы, запрокинул ей голову и запихнул в рот «Котекс». Затем натянул перчатки, вытащил из бокового кармана клейкую ленту и обмотал ей голову. Когда Джинни наконец зашевелилась, он перевернул ее и связал ей руки. Женщина начала приходить в себя, ее глаза приоткрылись. Он потащил ее вверх по лестнице в ближайшую спальню и бросил на кровать. Сначала он привязал ее руки к изголовью, а затем, широко раздвинув ей ноги, привязал их к угловым стойкам кровати.

Тяжело дыша, Бешеный чувствовал, как кровь толчками пульсирует в низу живота и начинается эрекция, а в горле клокочет возбуждение.

Он отступил и взглянул на нее как бы со стороны. Он вспомнил, что ему нужен нож. Хорошо бы нашелся хороший. Он спустился в кухню.

У него за спиной послышался стон Джинни Льюис.

Городской ипподром походил на автовокзал междугородных автобусов Грейхаунд, спроектированный поваром-кондитером. Толстому полицейскому, который был не силен в архитектуре, он нравился. Полицейский сидел на солнышке, на коленях у него лежал кусок пиццы-пепперони, в одной руке он держал банку диетической «пепси-колы», а в другой портативную рацию. Перед вторым заездом он принял вызов по рации.

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас.

Даже несмотря на помехи, он безошибочно узнал голос, который был таким резким, что им можно было резать, как ножом.

Толстый полицейский посмотрел на худого.

— Господи, чертов шеф. Вызывает.

— Да-а, у него есть такая привычка, — отозвался тот.

Тощий полицейский доедал хот-дог, он закапал острым соусом свое пальто и теперь вытирал его маленькой салфеткой.

— Он требует Дэвенпорта, — сказал толстый.

— Должно быть, что-то произошло, — откликнулся тощий.

Они сидели на открытой трибуне. Лукас же находился внизу, под темным навесом, в двух секциях от них. Он лениво растянулся на деревянной скамейке прямо перед кассами тотализатора в десяти метрах от черной полосы беговой дорожки. На другом конце скамейки сидела симпатичная женщина в ковбойских сапогах, она пила кофе из пластикового стаканчика. Двое полицейских прошли по проходу к главной лестнице, спустились на два пролета и пробились сквозь небольшую толпу на нижних ступенях.

— Дэвенпорт! Лукас!

Лукас обернулся, увидел их и улыбнулся.

— Эй! Как дела? Как скачки?

— Шеф хочет поговорить с тобой. И, похоже, срочно.

Толстяк как-то не задумывался над этим до последней минуты. Это вырвалось внезапно, само собой.

— Они что, установили за мной слежку? — спросил Лукас, и зубы его блеснули.

— Ты знал об этом? — У толстяка глаза полезли на лоб.

— Да. Только не знаю почему.

Он выжидательно посмотрел на них.

Тощий полицейский пожал плечами.

— Мы тоже не знаем.

— Да пошел ты, Дик...

Лукас вскочил, кулаки его были крепко сжаты, тощий полицейский отступил на шаг.

— Богом клянусь, Лукас, мы правда не знаем, — заговорил толстяк. — Все сделали потихому.

Лукас обернулся и внимательно посмотрел на него.

— Он сказал срочно?

— Да. И похоже, что так оно и есть на самом деле.

Лукас повернулся к беговой дорожке. Он задумался. Его глаза расширились. Невидящим

взглядом он смотрел через поле на стартовую позицию с шестью кабинками. Жокеев прижимали своих лошадей к самым воротам, а зрители стали передвигаться по трибуне поближе к финишу.

— Наверняка это тот самый убийца, — наконец сказал он.

— Да, — откликнулся толстяк. — Очень может быть.

— Так оно и есть. Черт побери, как мне этого не хочется. — Он призадумался ненадолго и вдруг улыбнулся. — Ну что, приятели, вы уже выбрали, на какую лошадь поставить в этом заезде?

Толстяк был несколько смущен.

— Я поставил два доллара на Скайбрайт Авенджер.

— Господи, Баки, — с раздражением заметил Лукас, — ты ставишь два доллара в надежде получить два доллара и сорок центов, если она выиграет. А она проиграет.

— Ну, я не...

— Если ты не знаешь, как играть... — Лукас тряхнул головой. — Знаешь что, иди и поставь десять долларов на Пемброк Дансер. На выигрыш.

Полицейские переглянулись.

— Ну да? — засомневался тощий. — Еще неизвестно...

— Послушай! Это ты уж сам решай, будешь на нее ставить или нет. А я посмотрю заезд.

Полицейские переглянулись, потом снова посмотрели на Лукаса, а затем бросились к ближайшим окошкам делать ставки. Тощий поставил десять долларов. Толстяк посмотрел в свой бумажник и заколебался, облизнул губы и вытащил три десятки, снова облизнул губы и протянул деньги в кассу.

— Тридцать долларов на Пемброк Дансер, — сказал он. — На выигрыш.

Лукас снова растянулся на скамейке и о чем-то начал беседовать с женщиной в ковбойских сапогах. Когда полицейские наблюдатели вернулись, он подвинулся в ее сторону, но обернулся к ним.

— Ну как, поставили?

— Поставили.

— Да не нервничай ты так, Баки. Это вполне законно.

— Да, конечно. Я не об этом.

— У вас есть лошадь?

Женщина в ковбойских сапогах наклонилась вперед и посмотрела Лукасу в лицо. У нее были глаза цвета фиалок.

— Так, просто догадка, — лениво заметил он.

— Сами догадались?

— Мы все здесь поставили по паре долларов на Пемброк Дансер.

На скамейке рядом с женщиной с фиалковыми глазами лежала программка, но вместо того, чтобы посмотреть в нее, она посмотрела в небо и беззвучно зашевелила губами, потом оглянулась и сказала:

— У нее великолепная подготовка на шести Фар-лонгах. Забег числится как быстрый, но, возможно, не совсем так.

— Гм, — отозвался Лукас.

Она бросила взгляд в сторону касс тотализатора и произнесла:

— Прощу прощения, мне нужно отойти.

Женщина ушла. Толстый полицейский, продолжая облизывать губы, наблюдал за

тотализатором. Ставки на Пемброк Дансера составляли двадцать к одному. Три другие лошади — Стриппере Колор, Скайбрайт Авенджер и Тунайт Дилайт — успешно участвовали в скачках последние три недели. Пемброк Дансер привезли из Арканзаса две недели назад. В первом забеге она пришла шестой.

— Что слышно про эту лошадь? — спросил толстяк.

— Так, небольшая услуга от приятеля... — Лукас махнул рукой через плечо в сторону ложи для прессы. — Одному из гандикаперов позвонили из Лас-Вегаса. Парень ходил на конюшню полчаса назад и поставил десять тысяч на то, что Пемброк Дансер победит. Кому-то что-то известно.

— Господи. Так почему же он так плохо бежал в своем последнем заезде?

— Она.

— Что?

— Она. Дансер кобыла. И я не знаю, почему она проиграла. Все может быть. Может быть, жокей оказался плохой.

Табло тотализатора дрогнуло, и ставки на Пемброк Дансер подскочили до двадцати двух к одному.

— Сколько ты поставил, Лукас? — спросил толстый полицейский.

— Я прокрутил Дансер с девятью другими лошадьми. Каждый раз по сотне. Так что всего на девятьсот.

— Господи.

Толстяк опять облизал губы. У него в бумажнике была еще двадцатка, и он подумал о ней. На другой стороне поля первых лошадей уже заводили в ворота, и он решил не рисковать. Тридцать долларов уже было слишком. Если он их проиграет, то ему придется целую неделю обходиться без обеда.

— Что у вас интересного? — начал расспрашивать Лукас. — Что там за история с Билли Кейсом и новичком?

Толстяк рассмеялся.

— Чертов Кейс.

— Все эта адвокатша, — проговорил тощий. — Однажды она выглянула из окна своего кабинета, который расположен в старом доме, перестроенном под офисы. Это окно выходит на заднюю часть здания, занятого конторами, которое находится на другой улице. Более того, из него как раз виден проход между этими двумя домами. С одной стороны этот проход отгорожен от улицы забором с калиткой. Поэтому с улицы ничего не видно. Зато из окна офиса все как на ладони, понимаешь? Таким образом, выглянула она как-то в окошко, а там полицейский в полной форме, и его обслуживает девчонка. Адвокатша продолжает наблюдать. Парень получил свое, застегнул штаны, и они вместе вышли через калитку на улицу. Адвокатша сперва не стала поднимать шум, она подумала, что, может быть, они влюблены. Но на следующий день мужчин уже было двое, оба — полицейские и та же черномазая девчонка. Она обслужила двоих. Тут уж адвокатша вскипела. Она взяла у своего мужа фотоаппарат. На следующий день они снова тут как тут, на этот раз с ними была белая девушка. Адвокатша сделала несколько снимков и принесла пленку нашему шефу.

Первую лошадь уже поставили в стартовую кабинку и заперли там. Женщина с фиалковыми глазами вернулась и села на краю скамьи. А тощий полицейский продолжал рассказывать:

— Шеф тут же отправил пленку на экспертизу. Фотографии оказались настоящими. То,

чем там занимались наши ребята, было отлично видно. Такие снимки можно продавать по десять долларов за штуку. Наш шеф и прокурор решили, что следует получить больше улик, и послали нас в офис к адвокатше с видеокамерой. Ну, те парни, конечно, пришли снова. На этот раз с ними были и черная девчонка, и белая.

— И что же теперь будет? — спросил Лукас.

Толстяк пожал плечами.

— Их выставили.

— Сколько лет они прослужили?

— Кейс отслужил шесть лет, но мне его не жаль. За ним водились делишки. Мы подозреваем, что он и еще один охранник таскали стереосистемы и проигрыватели со склада «Сирс» несколько месяцев назад. Но мне жаль новичка. Кейс объяснил ему, что так и надо вести себя на улице. Попользоваться девчонками в закоулке — это нормально.

Лукас покачал головой.

— Прямо на улице, средь бела дня, — подтвердил толстяк.

Последнюю лошадь завели в кабинку, и буквально через секунду стартовые ворота с грохотом открылись, и диктор объявил:

— Все идут ровно. Вот Пемброк Дансер обходит всех по внешнему кругу, его догоняет...

Дансер оторвалась от основной группы. Опережая всех на два корпуса, она вошла в поворот, в конце прямого участка она уже на четыре корпуса впереди и вот финиширует, обогнав пришедшую второй лошадь на восемь корпусов.

— Вот это да! — с почтением проговорил толстяк. — Я выиграл шестьсот долларов.

Лукас поднялся.

— Я ухожу, — сказал он. Взглянув на табло ставок, он что-то быстро прикинул в уме и, оставшись удовлетворенным своими подсчетами, повернулся к полицейским. — Едем со мной?

— Нет, нет, не стоит, — стал отказываться толстяк. — Спасибо, Лукас.

— Больше не играйте, — заметил Дэвенпорт. — Все остальные заезды ерунда. Там трудно угадать победителя. И вот еще что, Баки.

— Да?

Толстяк оторвал взгляд от выигрышного билета.

— Не забудь сообщить куда надо об этих шестистах долларах.

— Ну конечно, — сказал тот обиженно. Лукас ухмыльнулся и ушел, а толстяк пробормотал: — Да, спешу и падаю.

Он снова опустил было глаза на свой билет, но тут заметил, что женщина с фиалковыми глазами быстро догоняет Лукаса. Она настигла его прямо около входа. Толстяк увидел, как, когда они вместе входили в здание, Лукас улыбнулся ей.

— Смотри-ка, — сказал он своему напарнику, но тот изучал ставки на табло и тихо шевелил губами. Толстяк уставился на него. — Что там?

Тощий сделал предостерегающий знак рукой, чтобы его коллега подождал с вопросом, и все продолжал шевелить губами. Потом губы замерли, он обернулся, взглянул в ту сторону, куда пошел Лукас.

— Что? — снова спросил толстяк, тоже уставившись на табло.

Лукас и женщина с фиалковыми глазами уже ушли.

— Я мало что понимаю в скачках, — заметил тощий, — но если я правильно разобрался

в ставках, то Дэвенпорт отхватил двадцать две тысячи пятьдесят долларов.

* * *

Кабинет начальника полиции находился на первом этаже городской мэрии. Две стены почти полностью занимали окна, выходящие на улицу, а две другие были увешаны цветными и черно-белыми фотографиями в рамочках — они относились к периоду с сороковых годов до настоящего времени. Даниэль с семьей. С шестью последними губернаторами Миннесоты. С пятью сенаторами от штата. С длинной чередой людей, о которых никто не знал и которые походили один на другого. Такие обычно занимают места на обедах у больших политиков. Прямо за спиной начальника висел герб департамента полиции Миннеаполиса и мемориальная доска с фамилиями полицейских, погибших при исполнении служебных обязанностей.

Лукас развалился в кожаном кресле, которое стояло прямо напротив стола начальника полиции. Он был удивлен, хотя и старался этого не показывать. Последнее время его ничто не удивляло, разве что женщины.

— Возмущен?

Глядя на Лукаса, Квентин Даниэль даже нагнулся к покрытому стеклом столу. Даниэль выглядел как типичный начальник полиции, поэтому некоторые его политические противники, которые ныне уже не занимались политикой, делали ошибочные выводы, думая, что он получил свой пост только благодаря своим внешним данным. Это было не так.

— Да. Возмущен. В большей степени даже удивлен.

Лукас не особенно-то любил Даниэля, но считал его одним из самых толковых людей в полиции. Он удивился бы (снова удивился), если бы узнал, что шеф думает то же самое о нем.

Даниэль слегка повернулся к окну.

— Ты сам понимаешь почему, — проговорил он.

— Вы думали, что это совершил я?

— Кое-кто в отделе убийств считал, что тобой стоит поинтересоваться, — заметил Даниэль.

— Пожалуйста, начните с самого начала, — попросил Лукас.

Даниэль согласно кивнул, отодвинул свое кресло от стола, встал и подошел к фотографиям на стене. Он так внимательно разглядывал лицо Губерта Хамфри, будто старался обнаружить новые недостатки.

— Две недели назад наш убийца напал на женщину в Сент-Поле. Она художница, ее зовут Карла Руиц, — начал рассказывать шеф, продолжая рассматривать фотографию Хамфри. — Ей удалось от него отбиться. Когда сержант из местного отделения прибыл на место, то увидел, что она читает записку. В ней было одно из правил, которые убийца оставляет на месте преступления.

— Я ничего не слышал об этой Руиц.

Шеф повернулся и, держа руки в карманах, медленно прошел к своему креслу.

— Да. Этот сержант оказался смышленным парнем, он вспомнил о записках, фигурировавших в первых двух убийствах. Он позвонил в Сент-Пол начальнику отдела по расследованию убийств, и тот приказал не распространяться об этом. О данном деле знают

только начальник полиции Сент-Пола, тамошний начальник отдела по расследованию убийств, двое полицейских, которые приехали по вызову, еще кто-то в нашем отделе по расследованию убийств и я. И конечно, сама художница. А теперь и ты. И всем не сдержанным на язык было сказано, что если произойдет утечка информации, то им не поздоровится.

— Так какое отношение имеет все это ко мне? — спросил Лукас.

— Пока никакого. Слушай дальше. Этот преступник во время борьбы с художницей обронил свой пистолет. Мы тут же попытались снять с него отпечатки пальцев, чтобы проверить, кому он принадлежал, но ничего не обнаружили. Мы проверили все, в том числе и патроны. Нам повезло больше, когда мы устанавливали владельца. На это потребовалось всего десять минут. Прямо с фабрики он поступил в магазин оружия на Хеннепин-авеню, там его купил человек по имени Дэвид Л. Лосс...

— Тот Дэвид Л. Лосс, который проходил у нас по делу?

— Ты помнишь то дело?

— Он застрелил своего сына и утверждал, что это был несчастный случай. Думал, что это вор залез в дом. Так?

— Тот самый. Его обвинили по статье «Убийство по неосторожности», хотя было абсолютно ясно, что это преднамеренное убийство. Он получил шесть лет, будет сидеть четыре. Но он еще может подать апелляцию, поэтому вещественное доказательство должно находиться в камере хранения. Наши проверили. Пистолета на месте не оказалось. И, может быть, его уже давно там нет. А обнаружилось это только тогда, когда убийца потерял его.

— Черт знает что.

Из камеры хранения и раньше вещи пропадали. От пяти граммов кокаина оставалось четыре. В подшивке из двадцати журналов оставалось только пятнадцать. Но, насколько Лукас был в курсе, пистолет пропал впервые.

— Пару раз ты ходил в камеру хранения. Когда мы занимались делом Рейерсона и когда мы распутывали дело о банде взломщиков из Чикаго. Мы соединили все данные, которые получили с мест убийств и от свидетельницы. Время, место совершения преступлений, описание художницы. Из списка лиц, имевших доступ в камеру хранения, были исключены все женщины. Мы также исключили из этого списка всех полицейских, которые имели свидетельские подтверждения того, что они несли службу во время совершения преступлений. Убийства и нападения совершались во всех трех сменах... В общем, мы дошли до тебя. Ты как раз подходишь. Никто никогда не знает, где ты есть. Ты любишь выдумывать всякие игры, а этот парень явно играет в какую-то игру. И пистолет взят из камеры хранения. Я никогда не верил, что это был ты, но... сам видишь, как все сложилось.

— Да, я вижу, — кисло согласился Лукас. — Большое вам спасибо.

— А ты что бы сделал на моем месте? — попытался защититься Даниэль.

— Ладно.

— Теперь мы уверены, что ты чистый, — сказал шеф. От откинулся в кресле, вытянулся и закинул ногу на ногу. — Преступник совершил еще одно убийство. Четыре — шесть часов назад. Мы подсчитали, и получилось, что примерно в это время ты сидел на поляне и ел яблоко.

Лукас кивнул.

— Где это произошло?

— Около озера Нокомис. На западном берегу, на холмах.

— Вы можете пока держать все в тайне?

— Нет. — Даниэль отрицательно покачал головой. — Это уже третье. Если мы и на этот раз промолчим, то завтра к полудню новости хлынут, как из лопнувшей проржавевшей трубы. Лучше будет, если мы сами расскажем обо всем. Я уже назначил пресс-конференцию сегодня на девять часов вечера. У телевизионщиков будет время, чтобы вставить эту информацию в десятичасовой выпуск новостей. Я хочу, чтобы ты тоже там был. Я расскажу об убийствах, попрошу помощи, ну и все такое. Поручаю тебе это дело, будешь заниматься только им.

— Я не хочу, — ответил Лукас. — Убийства нагоняют на меня скуку. Надо целый день ходить и расспрашивать людей, которые ничего не знают. У других это получается лучше, чем у меня. А у меня и так много работы по наркотикам. Я уже нащупал несколько человек...

— Да, да, да, это просто замечательно, но пресса распнет нас, если мы не поймаем этого придурка, — Даниэль перебил Лукаса на полуслове. — Ты помнишь, как несколько лет назад на автостоянке убили двух женщин? Это сделали два разных человека с промежутком в две-три недели. Ты скажешь: чистое совпадение. А помнишь, как пресса ну просто сходила с ума? Ты помнишь, как по телевидению показывали семинары по самообороне? А как они каждый вечер передавали репортажи о ходе расследования? Ты все это помнишь?

— Да. Это был кошмар.

— Ну вот, а теперь будет еще хуже. Одного из тех парней мы схватили в тот же день, а второго через пару дней после того, как он совершил преступление. И все равно была целая история. Этот же тип убил троих. Изнасиловал, а потом зарезал. И он все еще на свободе.

Лукас кивнул и потер подбородок кончиками пальцев.

— Вы правы. Они нас просто растерзают, — согласился он.

— Без сомнения. Такое в Твин-Сити не часто случается. Поэтому к черту наркотики. Я хочу, чтобы ты занялся этим. Ты будешь работать самостоятельно, а отдел по расследованию убийств будет работать параллельно с тобой. Прессе это понравится. Они тебя считают чуть ли не гением.

— А как отдел отнесется к тому, что я буду работать над тем же самым делом?

— Ну, конечно, кое-кто поворчит по этому поводу, так они всегда ворчат, но ничего, как-нибудь переживут. Что касается меня, то мне безразлично, что они подумают. Им ничего не грозит. А вот мне есть что терять. Через год я буду выставлять свою кандидатуру на следующий срок, и мне не нужно, чтобы на мне висело это дело, — объяснил Даниэль.

— Я получу допуск ко всей информации?

— Я говорил с Лестером. Он будет с тобой сотрудничать. На самом деле будет.

Лукас кивнул. Фрэнк Лестер был заместителем начальника отдела расследований, а раньше он возглавлял объединенный отдел по ограблениям и убийствам.

— Я хочу побеседовать с художницей.

Даниэль кивнул.

— Женщина бедна, как церковная крыса. Нам пришлось поставить ей телефон через два дня после того, как на нее было совершено нападение. Так, на всякий случай, вдруг он опять к ней придет. Вот номер ее телефона и адрес.

Он протянул Лукасу листок.

Тот сунул бумажку в карман брюк.

— Все уехали на место преступления?

— Да.

— Я тоже поеду туда.

Он встал и направился к двери, потом остановился и обернулся.

— Вы действительно не думали, что я убийца?

Даниэль отрицательно покачал головой.

— Я видел тебя вместе с женщинами, и я уверен, что ты не мог бы с ними так обойтись.

Но должен был знать наверняка.

Лукас повернулся, чтобы идти, но Даниэль остановил его.

— И вот еще что, Дэвенпорт.

— Да?

— Приходи на пресс-конференцию, хорошо? Оденься просто: тенниска и брюки цвета хаки. А у тебя джинсы есть? Джинсы даже еще лучше. Такие, знаешь, старые, протертые джинсы.

— Я переоденусь, когда поеду назад. Джинсы у меня есть.

— Смотри сам. Ты ведь знаешь, как тележурналисты относятся к полицейским, которые работают на улице. Как тебя теперь рекомендовать?

— Отдел спецразведки.

Шеф щелкнул пальцами, кивнул и записал сокращенно «ОСР» на листке бумаги.

— Увидимся в девять, — сказал он.

* * *

Джинни Льюис лежала на узкой кровати, ее руки были привязаны к изголовью. Лицо искажилось гримасой невыразимого страдания, изо рта торчал кляп, глаза так сильно закатились, что между полуприкрытыми веками виднелись только белки. Ее тело прогнулось, соски маленьких грудей побелели в предсмертной агонии и торчали в разные стороны. В последней попытке защитить себя она как-то смогла немного сжать ноги, хотя ее лодыжки были крепко привязаны к углам кровати. Нож все еще торчал чуть ниже грудинной кости, его рукоятка почти лежала на плоском животе. Лезвие вонзили под таким острым углом, чтобы оно достало до сердца, не встречая при этом сопротивления мышц и костей.

— Он вогнал нож по самую рукоятку и провернул лезвие, — сказал помощник медэксперта.

— Удар нанесен профессионально? — спросил Лукас. — Вы думаете, он врач?

— Я бы не стал делать такие далеко идущие выводы. Мне не хочется ввести вас в заблуждение. Но этот человек хорошо знает, что делает. Он определенно знает, где находится сердце. Мы хотим, чтобы нож оставался на месте, пока не отвезем убитую к себе и не сделаем несколько фотографий и рентгеновских снимков, но, судя по рукоятке, этот нож очень подходит для такой работы. Острый кончик, хорошо отточенное негнущееся лезвие, достаточно узкое. Он войдет точно.

Лукас шагнул к кровати и осмотрел рукоятку. Она была сделана из гладкого неполированного дерева. На ней стояло клеймо «Фабрика ножевых изделий. Графство Корк».

— Графство Корк.

— Ну и что. Там на кухне целый ящик таких ножей.

— Так он взял его здесь?

— Думаю, да. Я проводил осмотр места, когда он убил первую женщину. Он зарезал ее ножом с пластиковой ручкой, который совсем не был похож на этот нож.

— Где записка?

— В мешочке на комод. Мы ее отправим в лабораторию, может быть, на ней есть отпечатки.

Лукас подошел к комоду и взглянул на записку. Обычная писчая бумага. Даже если у подозреваемого в доме найдут шесть пачек такой бумаги, это ничего не доказывает. Слова были вырезаны из газеты и приклеены к листку бумаги скочем.

«Никогда не оставляй у себя орудие преступления».

— Он живет, руководствуясь этими правилами, — сказал медэксперт. — Не стал даже вытаскивать нож, не говоря уже о том, чтобы куда-то его унести.

— Записка, кажется, совсем чистая.

— Ну, не совсем. Подожди секундочку.

Эксперт стянул пластиковые перчатки, в которых работал, и надел более тонкие, хирургические, затем открыл мешочек и наполовину вытащил записку.

— Видишь это малюсенькое полукружье на нижней стороне клейкой ленты?

— Да. Отпечаток?

— Думаю, что да, но если приглядеться, то можно заметить, что на нем нет характерного рисунка. Я думаю... — медэксперт повертел пальцами перед Лукасом, — что на убийце были хирургические перчатки.

— Это снова говорит о том, что он врач.

— Может быть. Или санитар, или просто кто-то из технического персонала. Кроме того, их можно купить в магазине. Кем бы он ни был, я думаю, что он надевает перчатки даже тогда, когда сидит дома и составляет эти записки. И теперь нам еще кое-что о нем известно — этот ублюдок весьма хитер.

— Ладно. Хорошо. Спасибо, Билл.

Медэксперт снова вложил записку в пакет.

— Можно ее забирать? — спросил он, кивнув головой на тело женщины.

— Если люди из отдела закончили, то пожалуйста.

Полицейский из отдела по фамилии Свонсон сидел за столом на кухне, ел «Биг Мак» жареную картошку и запивал все это солодовым напитком. Лукас подошел к двери спальни и крикнул ему с порога:

— Я закончил. Они могут ее забирать?

— Забирайте, — прочавкал Свонсон.

Медик следил за тем, как упаковывают тело, Свонсон тоже лениво наблюдал за процедурой. На труп натянули мешок, стараясь при этом не задеть нож, и переложили на тележку.

«Похоже на мешок с песком», — подумал Лукас.

— Под ней ничего не было? — спросил Свонсон.

— Ничегошеньки, — ответил врач.

Они посмотрели на простыни, потом медэксперт кивнул своим помощникам, и те

покатили тележку из комнаты.

— Здесь еще пройдут пылесосом и снимут с мебели отпечатки пальцев, — проговорил Свонсон.

Его слова означали: «Ни до чего не дотрагивайтесь».

Лукас улыбнулся.

— Простыни тоже заберут на анализ.

— Я не вижу никаких пятен.

— Они чистые. Вряд ли обнаружатся какие-нибудь волосы. Я все тщательно просмотрел, но у нее нет сломанных ногтей, и под ними не видно ничего, похожего на кожу или кровь.

— Черт побери.

— Да.

— Я еще хочу здесь немного покопаться. Что-нибудь есть?

— Картошка.

— Картошка?

— Картофелина в носке. Она здесь, в гостиной.

Лукас прошел следом за ним в гостиную, и Свонсон ногой показал на что-то под стулом у пианино. Это был обычный чем-то набитый синтетический носок.

— Мы думаем, что он ударил ее этим по голове, — объяснил Свонсон. — Его обнаружил полицейский, который приехал сюда первым, он посмотрел, что там внутри, и оставил для экспертов.

— Почему вы думаете, что он ударил ее картофелиной? — спросил Лукас.

— А для чего еще нужна картофелина в носке, — отозвался Свонсон. — По крайней мере, раньше этим пользовались именно с этой целью.

— Ну да?

— Вы еще тогда не служили, — объяснил Свонсон. — Раньше, бывало, парни ходили в Лоринг-парк потрясти гомиков или на Вашингтон-авеню обчистить пьяных. Так вот они брали с собой картофелину. В этом нет ничего противозаконного. Но стоит положить ее в носок, и у тебя отличная дубинка. К тому же, она мягкая, и если с ней обращаться осторожно, то череп остается целым. И тогда на тебе не висит мертвец, и тебя не разыскивает вся полиция.

— Так как же этот бешеный узнал об этом? Он что, голубой?

Свонсон пожал плечами.

— Может быть. А может быть, он полицейский. О таком использовании картофелины знают все старые патрульные полицейские.

— Этот вариант не совсем подходит, — сказал Лукас. — Я никогда не слышал, чтобы несколько убийств подряд совершил старик. И если человек начинает убивать, то он начинает это делать в молодости. Подростком, лет в двадцать, может быть, в тридцать.

Свонсон внимательно оглядел его.

— Ты будешь заниматься этим делом? — спросил он.

— Именно, — откликнулся Лукас. — Тебе это не нравится?

— Да нет. Ты единственный из всех, кого я встречал, кто хоть что-то расследовал. Мне кажется, что на этот раз нам понадобятся твои способности.

— А что думают другие в вашем отделе?

— Новенькие говорят, что ты бесцеремонно влез в чужое дело. Большинство «стариков»

понимают, что скоро нас захлестнет. И они хотят с этим покончить. Так что у тебя сложностей не будет.

— Рад это слышать, — сказал Лукас.

Свонсон кивнул и ушел.

* * *

Льюис нашел в спальне другого агента по продаже недвижимости. У них была назначена встреча днем, и, когда она не пришла, агент забеспокоился и начал ее разыскивать. Когда приехавший Лукас пробирался сквозь группу хмурых соседей, которые собрались около дома и на газонах на другой стороне улицы, Свонсон расспрашивал этого человека о Льюисе.

— Просто она старалась продать дом, — подвел он итог.

— Кто владельцы?

— Это пожилая пара. Соседи говорили, что они в Фениксе. Они купили там дом и теперь продают этот.

— Кто-нибудь уже поехал домой к Льюису?

— Да, Нэнс и Шоу. Там ничего. Соседи говорят о ней как о милой женщине. Увлекалась садоводством, у нее был большой сад позади дома. Ее муж умер от инфаркта пять или шесть лет назад. Она пошла работать, у нее неплохо получалось. Вот и все, что говорят соседи.

— У нее есть мужчина?

— Кто-то есть. Одна соседка, похоже, его знает, но ее сейчас нет дома, и никому не известно, где она. Другому соседу кажется, что он профессор — или что-то в этом роде — в университете. Мы сейчас проверяем. И делаем то же, что и всегда: опрашиваем соседей, может быть, они видели, как кто-то приезжал или отъезжал.

— В гараже смотрели?

— Да. Машины нет.

— Ну и что вы думаете?

Свонсон пожал плечами.

— Я думаю так: он ей позвонил и сказал, что хочет посмотреть дом, договорился встретиться где-нибудь. Его разговор не вызывает у нее никаких подозрений. Они приезжают сюда вместе, заходят внутрь. Здесь он с ней расправляется, уезжает на ее машине, потом бросает ее и уходит пешком. Мы ищем машину.

— Кто-нибудь проверял ее календарь в офисе?

— Да. Мы звонили, но ее босс говорит, что у нее на столе ничего нет. Он сказал, что она носила с собой записную книжку. Мы ее нашли. Там было написано: «двенадцать сорок пять», и все. Мы посчитали, что это время, когда они встретились.

— Где ее сумочка?

— У входной двери.

Теперь, снова проходя по дому, Лукас заметил сумочку. Из нее выглядывал уголок кошелек, он вытащил его и заглянул внутрь. Деньги. Сорок долларов и мелочь. Кредитные карточки. Визитные карточки. Дэвенпорт достал из сумочки пачку фотографий, вставленных в пластиковые прозрачные обложки, просмотрел их. Ни одна из них не выглядела новой. Оглядывая все вокруг, он увидел, что Свонсон стоит у двери спальни и

разговаривает с кем-то. Лукас вынул одну фотографию. На ней Льюис стояла на поляне с другой женщиной. Они вместе держали что-то вроде дощечки. Лукас закрыл кошелек и положил его обратно в сумочку, а фотографию сунул себе в карман.

* * *

Когда он уходил с места преступления, на улице стало холодно. Лукас достал из машины нейлоновую ветровку и оделся, потом сел за руль и подождал немного, наблюдая за окружающими. Никто не выделялся. Он и не думал, что заметит что-нибудь интересное.

По дороге в полицейское управление он заехал в Сент-Пол к себе домой. Переоделся в джинсы и сменил ветровку на матерчатую спортивную куртку. Немного подумав, достал из потайного ящичка стола маленький автоматический пистолет двадцать пятого калибра и кобуру, которая крепится у лодыжки, укрепил все это на правой ноге и прикрыл брючиной.

* * *

Когда Дэвенпорт приехал в полицейское управление, вокруг мэрии было полным-полно машин с телевизионной аппаратурой. Он поставил свою машину в гараже напротив, в который уже раз подивился кричащей уродливости здания мэрии. Лукас вошел через заднюю дверь и направился прямо к себе.

Когда его убрали из отдела по ограблениям, администрации пришлось подыскивать ему место. По званию ему был положен кабинет или комната. Он сам себе нашел помещение: кладовку с железной дверью на первом этаже. Уборщики привели комнату в порядок и написали на двери номер. Больше ничто не указывало на то, кто занимал этот кабинет.

Лукасу это нравилось. Он открыл ключом дверь, вошел и начал набирать номер телефона Карлы Руиц.

— Карла слушает. — У нее был приятный хрипловатый голос.

— Меня зовут Лукас Дэвенпорт. Я лейтенант департамента полиции Миннеаполиса, — проговорил он. — Мне нужно с вами побеседовать. Чем раньше, тем лучше.

— Господи, я сейчас не могу...

— Произошло еще одно убийство.

— О нет! Кого?..

— Женщину, агента по продаже недвижимости. Обо всех подробностях сообщат в десятичасовых новостях.

— У меня нет телевизора.

— Хорошо, может быть, встретимся завтра? Что, если я заеду к вам около часа.

— Отлично. Господи, бедная я женщина.

— Да. До завтра.

— Как я вас узнаю?

— У меня будет роза в зубах и золотой значок, — шутливо сказал Лукас.

* * *

Комната была забита оборудованием, кабелями, ругающимися техниками и скучающими полицейскими. Операторы обсуждали освещение, пишущая братия расположилась на складных стульях и сплетничала или чертила что-то в своих блокнотах, тележурналисты шныряли вокруг в поисках мельчайших подробностей или слухов, которые бы дали им преимущества перед другими коллегами. Вокруг подиума укрепили дюжину микрофонов, напротив полукругом установили телекамеры на треногах. Один из уборщиков торопливо чинил древко американского флага. Другой пытался втиснуть еще несколько складных стульев между возвышением и камерами. Лукас постоял минутку в дверях, увидел сзади свободный стул и двинулся туда. Кто-то схватил его за рукав куртки.

Он оглянулся и увидел Энни Макгаун. Восьмой канал. Темные волосы, голубые глаза, вздернутый носик. Большой подвижный рот. Ножки мирового класса. Чудесная дикция. Мозги, как у устрицы.

Лукас улыбнулся.

— Лукас, что здесь происходит? — прошептала она, почти прижавшись к нему и не отпуская его руку.

— Шеф явится через пять минут.

— Через четыре минуты у нас очередной выпуск новостей. Я была бы тебе очень благодарна, если бы ты объяснил мне, что происходит, пока есть время. Я могла бы вставить эту информацию в выпуск.

Она застенчиво улыбнулась и кивнула головой туда, куда за дверь вели кабели. Пресс-конференция должна была транслироваться прямо в ее передвижную студию.

Дэвенпорт огляделся. На них никто не обращал никакого внимания. Он кивнул головой в сторону двери, и они выскользнули в коридор.

— Если ты упомянешь мое имя, у меня будут неприятности, — прошептал он. — Давай это будет наше с тобой личное двустороннее соглашение: ты мне — я тебе.

— Договорились, — сказала она и покраснела.

— Мы имеем дело с убийцей-маньяком. Сегодня он убил свою третью жертву. Он их насилует, а потом режет. Первое убийство было совершено около шести недель тому назад, следующее месяц назад. Все это произошло в Миннеаполисе. Мы сперва не делали из этого шума, надеялись его поймать, но сейчас решили, что пора рассказать обо всем публично.

— Боже мой!

Она бросилась по коридору к выходу, туда, куда тянулись кабели.

— Что ты рассказал этой стерве?

Дженнифер Кери материализовалась из толпы. Оказывается, она наблюдала за ними. Высокая блондинка с пухлой нижней губой и зелеными глазами. У нее была ученая степень в области экономики после окончания Стэнфорда и степень магистра журналистики Колумбийского университета. Она работала на студии TV-3.

— Ничего.

Лучше всего придерживаться твердой линии.

— Черт возьми! У нас новости начинаются через... — Она посмотрела на свои часы. — ...через две с половиной минуты. Если она меня обойдет, я не знаю, что сделаю, но я ловка и хитра, и ты очень, очень пожалеешь.

Лукас снова огляделся.

— Ладно, — сказал он. — Просто за мной был должок. Но, если ты проговоришься ей, что я тебе тоже все рассказал, ты от меня не услышишь больше ни слова.

— Идет, — сказала она. — Так что там?

* * *

Позже, вечером того же дня, Дженнифер Кери лежала на животе на кровати Лукаса и смотрела, как он раздевается и снимает спрятанную под брючиной кобуру с пистолетом.

— Ты им когда-нибудь пользуешься или он у тебя только для того, чтобы производить впечатление на женщин? — спросила она.

— Для этого он очень неудобен, — буркнул Дэвенпорт. Он иногда нервничал в присутствии Дженнифер. Ему казалось, что она читает его мысли. — Но иногда такой пистолет может пригодиться. Например, когда нужно купить у торговца дозу, не стоит носить обычный пистолет в обычном месте. Тебя сразу раскусят как полицейского или примут за психопата и ничего не продадут, с тобой не будут иметь дел. Но, если у тебя есть оружие в потайном месте и оно тебе вдруг понадобится, его можно достать быстрее, чем они поймут, что ты делаешь.

— Разве такое бывает в Миннеаполисе?

— Случается. Всякий раз, когда получаешь столько денег... — Он снял носки и теперь стоял в одних трусах.

— В душ пойдешь?

— Да.

Она перевернулась, встала с постели и пошла вместе с ним в ванную. У нее на животе и бедрах отпечатались складки от простыней.

— Знаешь, ты мог бы пригласить Макгаун к себе домой, — сказала она, пока он включал и регулировал воду.

— Да, она, пожалуй, не отказалась бы, — согласился Лукас.

— Так почему же ты ее не пригласил? Только не говори мне, что тебе наскучили новые знакомые.

— Она дура.

Лукас полил Дженнифер на спину теплой водой, а потом брызнул жидким мылом из пластикового флакона и начал тереть ей спину и ягодицы.

— Раньше тебя это не останавливало, — заметила она.

Он продолжал тереть.

— Ты знаешь некоторых женщин, с которыми я встречался. Хоть одна из них была дурой?

Дженнифер немного подумала.

— Может быть, я не всех знаю, — наконец сказала она.

— Ты знаешь достаточно, чтобы понять, с какими женщинами я общаюсь, — проговорил он. — Я не встречаюсь с дурами.

— Тогда говори со мной, как с умным человеком, Лукас. Этот убийца пытал тех женщин, прежде чем убить их? Даниэль достаточно уклончиво говорил об этом. Как ты думаешь, он их знает? Как он их выбирает?

Лукас повернул ее лицом к себе и прижал палец к губам.

— Дженнифер, не дави на меня, хорошо? Если ты застанешь меня врасплох и я что-нибудь сболтну, а ты это используешь, у меня могут быть крупные неприятности.

Она внимательно посмотрела на него. Вода хлестала ему в грудь, его голубые глаза потемнели и глядели настороженно.

— Я не стала бы ничего использовать без твоего разрешения, — проговорила она. — Но ты никогда не проговариваешься. Если только ты не хочешь, чтобы это выглядело так, как будто ты проговорился. Ты хитрющий сукин сын, Дэвенпорт. Я знаю тебя уже целых три года и все еще не могу точно определить, врешь ты или говоришь правду. И я не встречала людей, которые бы так часто притворялись, как это делаешь ты. Может быть, ты и сам не всегда знаешь, притворяешься ты или нет.

— Тебе бы только выпытывать. — Он с сожалением покачал головой. Потом выключил воду и открыл дверцу душа. — Дай мне то большое полотенце, я вытру тебе ноги.

* * *

Через полчаса.

— Иногда мне почти больно, — хрипло проговорила Дженнифер.

— В этом вся соль, — отозвался Лукас, — не переступить черту.

— Ты приближаешься к самой грани, — заметила она. — Должно быть, ты много раз переступал эту черту, прежде чем нащупал ее.

* * *

Еще через два часа.

Лукас внезапно раскрыл глаза. Было темно. На него кто-то смотрел. Это ощущение не покидало его. Пистолет, который он обычно носит на щиколотке, теперь лежал в столе... Дженнифер дотронулась до него, и тогда он понял откуда взялось это чувство.

— Что? — прошептал он.

— Ты не спишь?

— Теперь уже не сплю.

— Можно задать тебе вопрос? — Она немного помедлила. — Я тебе нравлюсь больше, чем другие, или мы все для тебя только развлечение?

— О господи! — простонал он.

— Ответь.

— Ты же знаешь, что это правда. Ты мне нравишься больше, чем другие. И я могу это доказать.

— Как?

— А твоя зубная щетка? В ванной только твоя и моя зубные щетки в стаканчике.

Они помолчали немного, потом Дженнифер уютно устроилась у него на плече.

— Ладно, — сказала она. — Спи.

До двадцатого звонка Лукас еще надеялся, что телефон замолчит. После двадцать первого он встал с кровати, а после двадцать пятого снял трубку.

— Да? — сердито сказал он.

В доме было холодно, а он голый. По рукам, по спине, по ногам поползли мурашки.

— Это Линда. — Голос звучал официально. — Господин Даниэль назначил совещание на восемь часов, вы должны присутствовать.

— Хорошо.

— Повторите пожалуйста, Лукас.

— В восемь часов в кабинете у шефа.

— Правильно. Всего доброго.

Она повесила трубку. Дэвенпорт постоял немного, глядя на трубку, положил ее на рычаг, зевнул и пошел обратно в спальню.

Часы на тумбочке показывали семь пятнадцать. Он протянул руку к Дженнифер и хлопнул ее по голой попке.

— Мне пора идти.

— Хорошо, — пробормотала она.

Не одеваясь, Лукас босиком прошел по коридору в гостиную, приоткрыл входную дверь, в щелку убедился, что вокруг никого нет, затем быстро распахнул дверь и схватил с порога газеты. На кухне он насыпал в кастрюльку кофе, добавил молока и развернул газету.

Первая страница была отдана Бешеному. Прямо под названием газеты красовался огромный заголовок. Рассказ был достаточно откровенным и точным. Руиц в нем не упоминалась. Начальник полиции ни словом не обмолвился о женщине, которая стала жертвой, но уцелела. Он солгал, сказав, что им известно только о трех нападениях со смертельным исходом. О записках он тоже ничего не сообщил.

Еще была отдельная короткая заметка о том, что участие в расследовании будет принимать Лукас. Он будет работать независимо от отдела по расследованию убийств, но параллельно с ним. Любит спорить. Убил пять человек при исполнении служебных обязанностей. Имеет благодарности. Широко известный изобретатель игр. Единственный полицейский в Миннесоте, который ездит на работу на «порше».

Лукас одновременно допил кофе и дочитал статью в газете, зевнул еще раз и отправился в ванную. Дженнифер смотрела на свое отражение в зеркале и, когда он вошел, повернула голову.

— Мужчины спокойно воспринимают то, как они выглядят.

— Правильно.

— Я серьезно. — Она снова повернулась к зеркалу и высунула язык. — Если бы мои коллеги со студии увидели меня в таком виде, они бы в обморок попадали. Макияж размазан, волосы торчат в разные стороны. Задница болит. Я не знаю...

— Хорошо, пусти меня в ванную, мне надо побриться.

Дженнифер подняла руку и посмотрела на темную поросль у себя под мышкой.

— Мне тоже, — мрачно заявила она.

Лукас опоздал на совещание на десять минут. Когда он вошел, Даниэль нахмурился и указал на свободный стул. Фрэнк Лестер, заместитель начальника по следственной работе, сидел напротив. Остальные шесть стульев были заняты детективами из отдела ограблений и убийств, в том числе и главой отдела убийств, растолстевшим Лайлом Вулфолком, и его тощим как спица помощником Хармоном Андерсоном.

— Мы должны выработать план работы, — сказал Даниэль. — Я считаю, что по крайней мере один человек должен знать все, что происходит. Лайл отвечает за весь отдел, так что я полагаю, что таким человеком будет Хармон.

Даниэль кивнул в его сторону. Тот сидел и ковырял в зубах красной пластиковой зубочисткой и остановился только, чтобы кивнуть в ответ.

— С удовольствием.

— Тебя, Лукас, контролировать не будут, ты будешь работать самостоятельно, — продолжал Даниэль. — Если тебе понадобится что-то узнать, Хармон скажет тебе, есть ли у нас такая информация.

— Как сегодня обстоят дела с прессой? — поинтересовался Лукас.

— Они здесь на каждом шагу. Расползлись, как вши. Хотели, чтобы я выступил в утренней передаче, но я сослался на то, что у меня совещание. Тогда они попросили разрешения снимать само совещание. Я сказал, чтобы они шли к чертовой бабушке.

— Мэр выступал по телевидению, — сказал Вулфолк. — Он заявил, что у нас есть некоторые версии, над которыми мы работаем, и он считает, что через пару недель мы его поймем.

— Чертов идиот, — отозвался Андерсон.

— Тебе легко так говорить, — мрачно заметил Даниэль. — Ты ведь гражданский служащий.

Андерсон покосился в сторону Лукаса.

Тот кивнул и сменил тему разговора.

— Что известно об украденном из хранилища оружии?

Андерсон перестал ковырять в зубах.

— Мы составили список, — сказал он, — в него вошли тридцать четыре человека: и полицейские, и гражданские служащие, которые могли его взять. Может быть, есть еще и другие, о которых мы не подозреваем. Обнаружилось, что проклятые уборщики все время туда заходят. Я думаю, что именно они уводят оттуда кое-что. И конечно, каждый из них говорит, что он тут ни при чем. Мы поручили заняться этим отделу по внутренним расследованиям.

— Я хочу поговорить со всеми тридцатью четырьмя, — вмешался Лукас. — Сразу со всеми. Со всей группой. И пусть придет представитель от профсоюза.

— Зачем? — спросил Вулфолк.

— Я скажу им, что хочу узнать о том, что случилось с пистолетом, и, если кто-то признается, я его не выдам. И в этом случае начальство прекратит внутриведомственное расследование, и на этом все кончится. Я им скажу, что если никто не захочет со мной побеседовать, то мы перевернем все вверх дном и рано или поздно найдем того, кто это сделал, и тогда предъявим этому сукину сыну обвинение в соучастии в убийстве, а потом засадим в «Стиллуотер».

Андерсон покачал головой.

— На месте этого парня, я бы на это не пошел.

— У тебя есть что-нибудь убедительное? — спросил Даниэль.

Дэвенпорт кивнул.

— Думаю, что да. Я опишу, как будет проходить дознание, скажу, что я не буду объяснять им их права, так что даже если против них и возбудят дело, то это будет не более чем ловушка для преступника, а потом дело закроют. Я думаю, все можно устроить таким образом, чтобы этот человек согласился.

Андерсон и Даниэль переглянулись. Андерсон пожал плечами.

— Стоит попробовать. Это сразу бы продвинуло расследование. Я организую все ближе к вечеру и постараюсь собрать как можно больше людей. Четыре часа устроит?

— Хорошо, — сказал Лукас.

— Вся информация должна стекаться ко мне в офис, я посажу здесь девушку, которая будет сводить все воедино. Каждый, кто работает с этим делом, получит папку, куда будет вкладываться вся информация, — проговорил Андерсон. — Мы изучим абсолютно все, что знаем об этих людях. Если существует хоть какая-нибудь связь или закономерность, мы ее обнаружим. Каждый вечер все должны знакомиться с вновь поступившими материалами. Если вы что-нибудь заметите, сообщите мне. Мы внесем это в папку.

— Что мы уже имеем? — спросил Лукас.

Андерсон покачал головой.

— Немного. Личные данные, всякого рода прикидки. Первой была Люси Белл, официантка, девятнадцати лет. Вторая — домохозяйка, Ширли Моррис, тридцати шести лет. Третья — художница, которая оказала ему сопротивление, Карла Руиц. Ей тридцать два года. Четвертая — агент по продаже недвижимости Льюис, ей сорок шесть. Одна из них замужем, другие нет. Одна, Карла Руиц, разведена. Агент по продаже недвижимости вдова. Официантка была панком и увлекалась рок-н-роллом. Дама-агент ходила на концерты классической музыки со своим приятелем. Вот так обстоят дела. Единственное, что их объединяет, это то, что они женщины.

Все задумались.

— Какой интервал между убийствами? — задал вопрос Лукас.

— Первое убийство было совершено четырнадцатого июля, второе — второго августа, между ними прошло девятнадцать дней; нападение на Руиц произошло семнадцатого августа, через пятнадцать дней после Моррис; затем была Льюис, тридцать первого августа, спустя четырнадцать дней, — проинформировал Андерсон.

— Промежутки укорачиваются, — заметил один из полицейских.

— Да. Такая тенденция наблюдается. Если только это один и тот же человек, — подчеркнул Вулфолк.

— Если убийства начнут совершаться чаще, преступник будет не так тщательно к ним готовиться, — добавил кто-то из полицейских.

— Это необязательно. Может быть, он их подбирал за полгода вперед. Возможно, у него целая картотека, — сказал Андерсон.

— Есть еще какая-нибудь версия относительно дат? — спросил Лукас.

— Вот что интересно, все они произошли в будние дни: в четверг, во вторник, в среду и еще раз в среду. Ни разу в выходной.

— Не очень-то убедительная закономерность, — заметил Даниэль.

— А что женщины? — продолжал спрашивать Лукас. — Все высокие? У всех большая грудь? Что?

— Они все милovidные. Это мое мнение, но думаю, что оно верное. Все темноволосые, три из них брюнетки — Руиц, Льюис и Белл, последняя красила волосы в черный цвет. У Моррис были темно-каштановые волосы.

— Ха! Половина женщин в городе блондинки или светловолосые, — оживился один из детективов. — Это уже кое-что.

— Таких предположений можно сделать уйму, но нужно быть осторожными и всегда помнить о том, что это могут быть всего лишь совпадения. И все же ищите закономерности, — проговорил Андерсон. — Каждый день приносите свои папки, и я буду давать вам свежие материалы. Читайте их.

— Как лаборатория? Что они там делают, заснули, что ли? — спросил Вулфолк.

— Они делают все, что в их силах. Исследовали клейкую ленту, которой преступник связывал свои жертвы; теперь просеивают весь тот мусор, который собрали пылесосом; обшаривают все в поисках отпечатков. Пока толком ничего не нашли.

— Если хоть одна из этих папок попадет к журналистам, то кому-то очень не поздоровится, — добавил Даниэль. — Все поняли?

Все дружно закивали.

— Не сомневаюсь, что некоторая утечка информации все же будет, — продолжал Даниэль. — Но никто, никто не должен ничего говорить о тех записках, которые убийца оставляет на месте преступления. Если обнаружу, что кто-то проболтался журналистам об этих записках, я узнаю, кто это сделал, и выгоню сукина сына к чертовой матери. До сих пор никто о них не знает. Уверен, на нас будут оказывать давление. На всех нас. Я попытаюсь уберечь вас от этого, но, если этот мерзавец убьет еще хоть одну женщину, репортеры наверняка захотят побеседовать с вами по отдельности. Мы будем как можно дольше избегать этого. Если же настанет момент, когда нам все же придется давать интервью, то мы пригласим юрисконсульта, который будет вам советовать, что говорить, а что нет. Интервью должно быть заранее согласовано со мной. Договорились? Всем понятно?

Все снова закивали.

— Хорошо. Тогда — за работу. Лукас, задержись на минутку.

Когда остальные полицейские вышли, Даниэль прикрыл дверь.

— Я хочу, чтобы ты выступил в качестве неофициального источника информации для прессы, поставляя им те сведения, которые мы сочтем необходимым им предоставить. Ты, как бы случайно, обронишь в разговоре с кем-нибудь из газетчиков или тележурналистов то, что нам нужно, и скажешь, что новость поступила из хорошо информированного источника. И, когда все остальные бросятся ко мне за подтверждением, тут уж я сам справлюсь. Не возражаешь?

— Ладно. Буду скармливать информацию журналистам направо и налево. Самая большая проблема заключается в том, чтобы они не вычислили, что я один даю сведения.

— Так придумай что-нибудь. Ты здорово умеешь это делать. А нам нужен неофициальный доступ в средства массовой информации. Это единственный способ заставить их нам поверить.

— Мне бы не хотелось кого бы то ни было обманывать, — сказал Лукас.

— Мы решим этот вопрос, когда возникнет необходимость его решать. И, если тебе нужно будет прижечь кому-нибудь пятки, ты это сделаешь. Все обстоит слишком серьезно, и нам вовсе не до шуток.

— Ладно.

— Ты договорился о встрече с художницей?

— Да. Сегодня днем. — Лукас посмотрел на часы. — Сейчас мне уже пора заканчивать дела, а к четырем часам я вернусь. Ну, побегу.

Даниэль кивнул.

— Чувствую, трудно нам придется с этим делом. Отдел по расследованию убийств вряд ли поймает преступника. Разве что если им очень повезет. Мне нужна помощь, Дэвенпорт. Разущи этого мерзавца.

* * *

Оставшееся до встречи время Лукас провел, заглядывая в бары, газетные киоски и парикмахерские, звоня из телефонов-автоматов. Он переговорил с шестью торговцами наркотиками в возрасте от четырнадцати лет до шестидесяти четырех и тремя их клиентами. Он побеседовал с двумя букмекерами, с престарелой четой, с несколькими охранниками, с одним нечистым на руку полицейским, с индейцем из племени сиу и с пропойцей, который, как подозревал Лукас, убил двоих, но они этого заслуживали. Всем им он передал одно и то же: «Некоторое время я буду отсутствовать, но надеюсь, что меня не забудут, потому что я обязательно вернусь».

Его беспокоило то, что ему пришлось заморозить свою сеть. Он относился к своим уличным осведомителям, как к саду, который надо постоянно обрабатывать с помощью денег, угроз, обеспечения неприкосновенности и даже дружбы. Иначе начинают пускать ростки сорняки.

* * *

Днем Лукас позвонил Андерсону, и тот сказал, что назначено совещание.

— На четыре часа?

— Да.

— Я загляну к тебе до начала совещания. Поговорим.

— Хорошо.

Он обедал в «Макдоналдсе» на Университетской авеню. Рядом с ним сидел оборванец, который все время клевал носом и наконец заснул, уткнувшись физиономией в жареную картошку. Прыщавый парень за прилавком наблюдал за бродягой, полуприкрыв глаза, как может смотреть шестнадцатилетний подросток, который многое уже повидал и которому все это неинтересно.

Студия Руиц, расположившаяся в помещении склада, находилась в десяти минутах ходьбы отсюда. Это было обветшалое прямоугольное кирпичное здание с окнами, какие обычно бывают в промышленных постройках, походившими на грязные шахматные доски. Единственный лифт предназначался для перевозки грузов. Им тоже управлял подросток с бесцветным лицом и отсутствующим взглядом. Лукас проехал на лифте до пятого этажа, нашел дверь Руиц и постучал. Не сняв с двери цепочку, Карла Руиц выглянула в щелочку. Он показал ей золотой значок.

— А где роза? — спросила она.

Лукас одной рукой держал значок, а в другой у него был портфель.

— Да вот забыл. Кажется, у меня должна была быть роза в зубах, правильно?

Лукас улыбнулся. Она слегка улыбнулась в ответ и сняла с двери цепочку.

— Я в ужасном виде, — проговорила Карла, открывая дверь.

У нее были овальное лицо и чудесные белые зубы, прекрасно сочетавшиеся с ее темными глазами и черными волосами до плеч. На ней была свободная крестьянского покроя кофта и яркая мексиканская юбка. Глубокая рана на лбу от удара пистолетом все еще не зажила и представляла собой багровый рубец с потемневшим рваным краем. Синяки вокруг глаз на одной половине лица превратились из сине-черных в зеленовато-желтые.

Войдя в помещение, Лукас положил значок в карман. Когда она закрыла дверь, он указательным пальцем за подбородок поднял ее лицо вверх и внимательно осмотрел его.

— С синяками все в порядке, — произнес он. — Как только они начинают желтеть, значит, скоро исчезнут. Через неделю от них ничего не останется.

— Зато шрам останется.

— Посмотрите, — сказал Лукас, указывая на шрам у себя на лице. — Когда это произошло, у меня вся физиономия была разворочена. А теперь осталась только полоса. Ваша будет еще тоньше. Сделайте прическу с челкой, и никто ничего не заметит.

Внезапно поняв, что они стоят слишком близко друг от друга, Руиц сделала шаг назад, обошла Лукаса и направилась в студию.

— Со мной уже раз шесть беседовали, — заявила она, дотрагиваясь до шрама на лбу. — Я думаю, что тема исчерпана.

— Ничего страшного, — успокоил ее Лукас. — Я работаю не совсем так, как остальные. Мои вопросы будут немного отличаться.

— Я читала о вас в газетах. Там говорилось, что вы убили пять человек.

Дэвенпорт пожал плечами.

— Я этого не хотел.

— Не много ли? Отец моего бывшего мужа был полицейским. Так вот он за все время службы ни разу ни в кого не выстрелил из пистолета.

— Что я вам могу сказать? — отозвался Лукас. — Я был на такой службе, где это случается. Если сотрудник полиции в основном занимается расследованием краж со взломом или убийств, то он может за все время так ни разу и не выстрелить из пистолета. Если же человек работает в области наркобизнеса или игорного дела, то здесь совсем иная картина.

— Ладно.

Она вытащила из-под стола табуретку и жестом предложила ему сесть, а сама села по другую сторону стола.

— Что вас интересует?

— Вам не страшно? — спросил он, положив свой портфель на стол и открыв его.

— Не знаю. Мне сказали, что он проник внутрь, подобрав ключ, поэтому хозяин дома вставил новые замки. Полицейский, который здесь был, сказал, что они хорошие. Мне установили телефон, и у меня есть специальный сигнал в службу спасения 911. Я просто должна сказать «Карла», и сюда срочно придут полицейские. Участок находится на другой стороне улицы. Все в нашем доме знают, что произошло, и обращают внимание на посторонних. Но, знаете ли, я не чувствую себя в полной безопасности.

— Думаю, что он не вернется, — успокоил ее Лукас.

— Другие ко... другие полицейские тоже так говорят, — подтвердила она.

— Можете называть нас копами^[3], — разрешил Дэвенпорт.

— О'кей.

Она улыбнулась, и он снова восхитился ее ровными белыми зубами. Она была не то чтобы красивой, но необыкновенно привлекательной.

— Ведь я единственный свидетель. И это меня пугает. Я теперь почти не выхожу из дому.

— Мы думаем, что он просто ненормальный, — сказал Лукас. — Ненормальный в квадрате, отличающийся от обычных ненормальных. Кажется, он умен и хитер. Осторожен. И не теряет над собой контроля. Мы считаем, что он вряд ли вернется сюда, потому что таким образом он подвергнет себя риску.

— Мне он показался просто чокнутым, — сказала Карла.

— Так расскажите об этом. Что он делал, когда набросился на вас? — начал спрашивать Лукас. Он быстро пролистал свой экземпляр всех бесед, проведенных с ней сотрудниками отдела убийств полиции Сент-Пола и Миннеаполиса. — Как все произошло? Что он говорил?

В течение сорока пяти минут он осторожно провел ее через каждое мгновение нападения, двигаясь вперед и снова возвращаясь назад, пока каждая мелочь не была обсуждена. Пока она говорила, он наблюдал за ее лицом. Наконец она остановила его.

— Я больше не могу, — проговорила Руиц. — У меня были ночные кошмары. Я не хочу, чтобы они повторились.

— Я тоже этого не хочу, но я хотел вернуть вас к тем событиям, чтобы вы заново их пережили. А теперь я попрошу вас еще об одном. Подойдите сюда.

Он закрыл свой портфель и передал его ей.

— Вот то, что вы купили в магазине. Пройдите от двери мимо столба.

— Я не мо...

— Идите! — рявкнул Дэвенпорт.

Она медленно подошла к двери, потом повернулась и обхватила руками портфель. Лукас спрятался за столб.

— А теперь идите мимо. Не смотрите на меня, — проговорил он.

Она пошла, детектив выскочил из-за колонны и обхватил ее рукой за горло.

— А-а!

— От меня пахнет так же, как и от него? Да?

Он несколько ослабил руку.

— Нет.

— Как? Как от него пахло?

Она повернулась к нему, его рука продолжала лежать у нее на плече.

— Я не... от него пахло каким-то одеколоном.

— От него пахло потом? Он вспотел? У него была чистая одежда или от него воняло?

— Нет. Может быть, что-то вроде одеколona после бритья...

— Он ростом с меня? Сильный?

Дэвенпорт крепко прижал ее к своей груди, она уронила портфель и начала сопротивляться. Некоторое время она боролась, а потом вдруг расслабилась. Лукас еще сильнее сжал ее.

— Черт! — воскликнула женщина.

Она снова начала сопротивляться, тогда он отпустил ее. Карла оттолкнула его, ее глаза расширились, она рассердилась.

— Не делайте этого! Отойдите от меня!

Женщина явно перепугалась.

— Он был сильнее меня?

— Нет. Слабее. У него слабые руки. Когда я расслабилась, он тоже расслабился. И тогда я ударила его по ноге.

— Где вы этому научились?

— Меня научил мой свекор. Он обучил меня некоторым приемам самозащиты.

— Подойдите сюда.

— Нет.

— Да идите же, черт бы вас побрал!

Все еще испуганная, она неохотно шагнула вперед. Ее лицо было бледным. Лукас снова поставил Карлу к себе спиной и обхватил ее рукой за горло.

— А теперь, когда он схватил вас, он сказал что-то насчет того, чтобы вы не кричали, а то он вас убьет. Он именно так говорил?

Дэвенпорт крепче сжал руку и приподнял женщину так, что ее ноги почти повисли в воздухе, затем проговорил хриплым голосом:

— Только крикни, и я тебя убью.

Руиц снова задержалась.

— Думайте! — приказал Лукас.

Он отпустил ее и слегка оттолкнул от себя. Потом отошел к самой двери. Широко распахнув глаза, Карла обеими руками держалась за горло.

— Нью-Мексико, — проговорила она.

— Что?

Лукас почувал некий проблеск.

— Я думаю, что, возможно, он из Нью-Мексико. Мне как-то раньше это не приходило в голову, но он говорил не по-здешнему. Дело не в словах или акценте. Это просто какое-то ощущение. Оно совсем не заметно, если только не начинаешь думать об этом. Ощущение такое, как будто я вернулась домой.

— Вы из Нью-Мексико?

— Да. Я там родилась. А здесь живу уже шесть лет.

— Хорошо. Так вы говорите, что от него пахло одеколоном. Хорошим?

— Не знаю... Просто одеколоном. Я в них не разбираюсь.

— Может, это было масло для волос?

— Нет, не думаю. Мне кажется, что это был одеколон. С легким запахом.

— Но от него не воняло? Немытым телом?

— Нет.

— На нем была футболка. Вы сказали, что он белый. Очень белый?

— Абсолютной белый. Кожа у него белее, чем у вас. Вот я смуглая, вы белокожий, но загорелый, а он совсем белый.

— Совсем незагорелый?

— Да. Думаю, что да. Это не просто мое впечатление. На нем были перчатки, и я помню, что его кожа была почти такой же белой, как и перчатки.

— Когда вы беседовали с полицейским из Сент-Пола, вы сказали, что на нем была

спортивная обувь. Какого типа, вы знаете?

— Нет. Он просто сбил меня с ног, я поднималась и помню ботинки с такими маленькими штучками с боков, похожими на пузырьки. — Она замолчала и наморщила лоб. — Я не говорила другим полицейским про эти штучки.

— И что это были за штучки?

— Ну такие прозрачные вставки, через которые видно, что там внутри ботинка.

— Да. Я знаю. Вы часто бываете в центре Сент-Пола?

— Иногда.

— Если у вас будет время, прогуляйтесь там сегодня днем и посмотрите на обувь, может быть, вы увидите что-нибудь похожее. Хорошо?

— Конечно. Господи, я не думала...

Лукас достал бумажник, вынул служебную карточку и передал ее женщине.

— Позвоните мне и скажите.

Они поговорили еще минут десять, но больше ей ничего вспомнить не удалось. Он сделал несколько заключительных записей в стенограмме и собрал все свои бумаги обратно в портфель.

— Вы перепугали меня, — призналась Руиц, когда он закрыл портфель.

— Я хочу поймать этого парня, — сказал Лукас. — И я решил, что, возможно, есть нечто такое, что вы сможете вспомнить, только пройдя еще раз через это.

— У меня опять будут ночные кошмары.

— А может быть, и нет. Даже самые жуткие кошмары проходят через некоторое время.

Учитывая ситуацию, я не буду извиняться.

— Я знаю. — Она одернула юбку. — Просто...

— Да. Я понимаю. Послушайте, мне нужно позвонить, вы позволите?

— Да, конечно.

Карла снова села на стул. Она была подавлена, почти в состоянии депрессии. Лукас наблюдал за ней, пока узнавал у дежурного номер телефона колледжа святой Анны, потом повесил трубку и снова набрал номер.

— Думайте о чем-нибудь совершенно ином, — посоветовал он ей.

— Я стараюсь, но у меня не получается, — отозвалась она. — У меня снова все это перед глазами. Господи, ведь он был здесь.

Лукас поднял руку, чтобы она немного помолчала.

— Психологический факультет... Спасибо... Сестру Мэри Джозеф... Скажите ей, это лейтенант Лукас Дэвенпорт из полиции...

Он снова взглянул на Карлу. Она неотрывно смотрела в окно.

— Алло! Лукас?

— Элла, мне нужно с тобой поговорить.

— О Бешеном?

— Да.

— Я ждала, что ты позвонишь. Когда ты хочешь приехать?

— Я сейчас в Сент-Поле. Мне надо вернуться к четверем на совещание в Миннеаполис. Я надеюсь, ты примешь меня прямо сейчас.

— Если ты явишься сей момент, то мы сможем спуститься вниз и поесть мороженого. Через сорок пять минут у меня факультетское собрание.

— Жду тебя у Фэт Альберт-холла через десять минут. — Лукас повесил трубку. — С

вами все в порядке? — спросил он, собираясь уходить. — Я был немного грубоват...

— Да.

Она продолжала смотреть в окно, и он остановился, держась рукой за ручку двери.

— Вы выясните все для меня? Про ботинки?

— Конечно. — Она вздохнула и повернулась в его сторону. — Мне нужно уйти отсюда.

Подождите меня, я только возьму сумочку. Проводите меня на улицу.

Через минуту она была готова, и они поехали на старом лифте вниз. Лифтер слушал свой магнитофон через наушники, но все равно были слышны звуки «хэви металл».

— От такой музыки можно стать импотентом, — сказал Лукас.

Лифтер не отреагировал и продолжал в такт кивать головой.

— А этот парень в лифте... — проговорил Дэвенпорт, когда они уже были внизу.

Незаконченная фраза прозвучала как вопрос.

— Не может быть, — ответила Карла. — Рэнди настолько поглощен музыкой, что едва нажимает нужный этаж. Он никогда не смог бы совершить настоящее нападение на человека.

— Хорошо.

Он открыл ей дверь, и она вышла на улицу.

— Как хорошо здесь, — вздохнула она. — Как приятны лучи солнца.

Машина Лукаса стояла в квартале от дома. Они медленно шли вместе вдоль улицы.

— Послушайте, — сказала женщина, когда они остановились около «порше» Лукаса. —

Примерно раз в неделю я выбираюсь в Миннеаполис. Яставляю там свои работы в галерее. Если я заеду к вам как-нибудь, вы мне расскажете, как продвигается расследование? Я позвоню предварительно.

— Конечно. Мой кабинет на первом этаже городской мэрии. Вы можете оставить свою машину...

— Я знаю, где вас искать, — прервала она его. — Я к вам загляну. А сегодня днем обязательно позвоню насчет ботинок.

Карла пошла дальше одна, а Лукас сел в машину и завел мотор. Некоторое время он смотрел ей вслед через боковое стекло; она оглянулась и улыбнулась.

— Гм, — хмыкнул он.

Дэвенпорт проехал немного и остановился рядом с ней, протянул руку и открыл окно с другой стороны машины.

— Забыли что-нибудь? — спросила Руиц, нагнувшись к окошку.

— Какая музыка вам нравится?

— Что?

Вопрос привел ее в замешательство.

— Вы любите рок?

— Да.

— Хотите посмотреть «Аэросмит» завтра вечером? Со мной? Я вас вытащу из вашей квартиры.

— Ой! Ну... Хорошо. Когда? — Она не улыбалась, но определенно была заинтересована.

— Заеду за вами в шесть. Поужинаем где-нибудь.

— Отлично. До скорого.

Карла помахала ему рукой и отошла от машины. Лукас, нарушив правила дорожного

движения, развернул «порше» в обратную сторону и поехал к скоростному шоссе. Когда он отъезжал, то посмотрел в зеркальце и увидел, что она смотрит ему вслед. Это было глупо, но ему показалось, что их глаза встретились.

* * *

Сестра Мэри Джозеф раньше звалась Эллой Крюгер. Она выросла в северной части Миннеаполиса, ее дом находился в одном квартале от дома, где родился Лукас. Они одновременно пошли в школу: однажды осенью их матери повели их вместе по выщербленным тротуарам, мимо высоких зеленых изгородей, потом через арки из красного кирпича в начальную школу святой Агнессы. Элла снилась Лукасу. Симпатичная стройная блондинка, самая известная и любимая ученица как среди учителей, так и среди учеников, она еще и быстрее всех бегала. У доски она постоянно побеждала в соревнованиях по умножению. Лукас обычно был вторым. В конкурсах же на лучшее правописание побеждал он, а Элла была второй.

В середине пятого класса, когда умер его отец, Дэвенпорт ушел из школы святой Агнессы. Вместе со своей матерью он переехал в южный район и пошел в школу там. Позже, во время хоккейного турнира, когда он разминался, катаясь по льду, Лукас остановился на противоположной от своих ворот стороне площадки, чтобы поправить коньки. Элла стояла неподалеку в толпе девчонок из школы «Холи Спирит». Она его не видела или не узнала в хоккейных доспехах, а он застыл, как громом пораженный.

Прошло шесть лет. Другие девочки, бывшие неуклюжими, когда Элла была красавицей, теперь расцвели. А Элла наоборот. Ее лицо стало изрыто и обезображено угрями, от которых остались рубцы. На щеках, на лбу, на подбородке появились красные пятна воспаления. На остальной части лица, где рубцов не было, кожа сделалась грубой и шероховатой, как наждачная бумага.

Лукас отъехал к скамейке своей команды. Лицо Эллы стояло у него перед глазами. Через несколько минут начали представлять игроков обеих команд, и, когда его имя объявили на весь стадион, он тоже покатился в центр площадки. Он не мог не смотреть в ее сторону и заметил, что и Элла не спускает с него глаз.

После матча Лукас отправился в раздевалку и тут увидел, что она стоит по другую сторону ограждения. Когда их глаза встретились, она подняла руку и помахала ему. Он остановился, перегнулся через ограду, взял ее за руку и проговорил:

— Ты можешь меня подождать? Встретимся через двадцать минут.

— Хорошо.

Они покатались по южному и западному Миннеаполису, болтая и смеясь в темной машине так же, как в детстве, а потом он отвез ее домой. Около своего дома Элла выпрыгнула из автомобиля и побежала к дверям. Зажегся свет, и вышел ее отец.

— Папа, ты помнишь Лукаса Дэвенпорта, он когда-то жил на нашей улице?

— Конечно. Как дела, сынок? — проговорил ее отец.

В его голосе проскользнули грустные нотки. Он пригласил Лукаса войти, и тот просидел еще с полчаса, разговаривая с родителями Эллы.

Когда он вышел на улицу, она окликнула его из окна своей спальни на втором этаже — ее головка вырисовывалась на фоне обоев в цветочек.

— Лукас!

— А!

— Пожалуйста, не приходи больше, — сказала она и закрыла окно.

В следующий раз он услышал о ней через полтора года, за неделю до окончания школы. Она позвонила ему и сказала, что уходит в монастырь.

— Ты уверена в себе?

— Да. У меня к этому призвание.

* * *

Много лет спустя и через два дня после того, как Лукас, уже работая в полиции, в первый раз убил человека, она ему позвонила. Может ли она помочь? Нет, вряд ли, но он хотел бы с ней повидаться. Он пригласил ее в кафе-мороженое. Она профессор психологии. Это восхитительно. Наблюдает, как человек мыслит.

«Неужели у нее действительно призвание?» — думал Лукас. Или же все дело в ее лице, и это ее крест, который она несет. Он не мог спросить об этом прямо, но, когда они уходили из кафе, она взяла его за руку и улыбнулась.

— У меня призвание, Лукас.

Через год он продал свою первую игру, она имела огромный успех. Газета «Стар трибюн» посвятила этому целую статью, и тогда Элла позвонила еще раз. Она организовала в колледже группу игроков, и они регулярно собирались вместе...

После этого Лукас и Элла виделись почти каждую неделю. Элла и еще одна монахиня, бакалейщик и букмекер (оба из Сент-Пола), адвокат защиты в суде из Миннеаполиса и пара студентов из колледжа святой Анны составляли группу военных игр. Они собирались в спортивном корпусе и занимали комнату, которой никто не пользовался. Раньше это была раздевалка для девочек. Они принесли туда несколько стульев, стол для игры в пинг-понг, чтобы можно было раскладывать игровые карты, и старый светильник, который им отдали в бассейне.

Члены группы собирались по четвергам. Последнее время они осваивали наиболее грандиозное творение Стэнфорда, ответные действия в битве при Геттисбурге, эту игру Лукас все равно не смог бы продать с коммерческой целью. Просто она была слишком громоздкой. Чтобы просчитать результаты, ему пришлось пользоваться портативным компьютером.

Элла играла за генерала Ли.

Лукас оставил свой «порше» у подножия холма у Альбертус Магнус-холла и, шагая по опавшим листьям, поднялся наверх. Когда он подошел к первым ступеням, показалась она. Все то же лицо и те же глаза, печальные и серые, но в них всегда была искорка смеха.

— Он не может остановиться, — говорила Элла, пока они прогуливались по тротуару. — Бешеный подпадает под категорию преступников, которых в полиции называют «убийца-садист». Они совершают убийства, потому что им это нравится. Он не слышит голоса Божьего, его действиями вообще не управляют никакие голоса. Да, что-то заставляет его так поступать, но он не сумасшедший в том смысле, что он теряет контроль над собой. Наоборот, он даже слишком себя контролирует. И вполне осознает, что делает и каковы будут последствия. Он все планирует заранее и предусматривает все возможные

случайности. Он может быть интеллектуалом.

— Как же он выбирает свои жертвы?

Она пожала плечами.

— Может быть, просто случайно. Возможно, он пользуется телефонной книгой. Но более вероятно, что он их где-то видит и осознанно или подсознательно, но он выбирает определенный тип. Может быть, у него было своего рода любовное увлечение в юности по отношению к своей матери или к подруге матери... к кому-то, чей сексуальный тип зафиксировался в его памяти.

— Все эти женщины небольшого роста, темноволосые и с темными глазами. Одна из них американка мексиканского происхождения...

— Именно так. И когда он случайно встречает какую-нибудь женщину такого типа, она как бы запечатлевается в его сознании. Но почему именно эта среди множества других, я не знаю. В любом случае, если он ее запомнил, она от него не уйдет. Все его мысли вертятся вокруг нее. Это превращается в навязчивую идею. В конце концов он настигает ее и осуществляет все свои дикие фантазии.

В кафе она заказала то же, что и всегда — горячий фадж с мараскином. Некоторые посетители с любопытством поглядывали на них, монахиня в черной сутане и хорошо одетый мужчина, который, судя по всему, был ее другом. Они не обращали внимания на то, что все на них смотрят.

— Сколько времени ему нужно, чтобы сосредоточиться на определенной женщине? Может это случиться внезапно?

— Все может быть. Хотя более вероятно, что это не какая-то неожиданная встреча. Возможно, это была просьба помочь или они беседовали. Ему ведь нужно было выяснить, насколько она уязвима. Знаешь, он может быть очень умным человеком. Женщина фиксируется в его сознании, и он уже не в состоянии выбросить ее из головы, а она не может избежать нападения с его стороны. В конечном счете это выше его сил.

— Господи. Ой! Извини.

Она улыбнулась.

— Ты просто мало проучился в нашей школе. Если бы ты побыл в школе святой Агнессы еще года два-три, кто знает, что бы с тобой стало. Может быть, ты бы сейчас был отцом Дэвенпортом.

Лукас расхохотался.

— От такой мысли у меня волосы встают дыбом, — сказал он. — Ты можешь себе представить, как я даю первое причастие сорванцам?

— Да, — ответила она. — Действительно могу.

* * *

Когда Лукас вернулся к себе в офис, там трещал телефон. Звонила Карла. По ее словам, на Бешеном была обувь фирмы «Найк», модель «Эйр», но она не была уверена, какой именно модификации.

— Но на них есть эта прозрачная штучка на подошве сбоку, это точно. Нигде больше таких нет, — подтвердила она.

— Спасибо, Карла. Увидимся завтра.

Дэвенпорт потратил десять минут, обзванивая обувные магазины, в которых была распродажа, и справлялся о ценах, а потом пошел наверх в отдел. Андерсон сидел в своем закутке и просматривал бумаги.

— Ну как там моя беседа? — поинтересовался Лукас.

— Порядок. Будут почти все, — отозвался он.

Андерсон, тощий, с пожелтевшими от никотина зубами и маленькими пороссячьими глазками, был всегда одет в поношенный костюм и носил широченный галстук, который едва достигал середины его живота. Он был не в ладах с грамматикой, и от него часто пахло колбасой. Но все это ничего не значило для его коллег. У него был самый высокий уровень раскрываемости преступлений во всем департаменте. В свободное от работы время он составлял компьютерные программы по наблюдению за исполнением законов, которые продавались по всей стране.

— Не придут только четверо, — продолжал он, — но они имеют мало отношения к этому делу. Если захочешь, можешь поговорить с ними попозже.

— Как отнесся к этому профсоюз?

— Мы их успокоили. Представитель профсоюзного комитета сделает заявление перед твоим выступлением.

— Вот и хорошо.

Лукас вытащил свою папку.

— У меня есть кое-что, и я хотел бы ввести это в базу данных.

— Ладно. — Андерсон повернулся на вращающемся кресле и нажал кнопку своего компьютера. — Давай.

— Он очень светлокожий, что означает, что он, вероятно, блондин или светловолосый. Возможно, работает в конторе или служит клерком, может быть, он специалист, и достаточно состоятельный. Допускаю, что он родился на юго-западе. Нью-Мексико или что-то в этом роде. Аризона. Техас. Может быть, недавно переехал сюда.

Андерсон ввел информацию в компьютер и, когда все было закончено, посмотрел на него, насупив брови.

— Господи, Дэвенпорт, откуда ты все это выкопал?

— Поговорил с Руиц. Это только догадки, но я думаю, что они попадут в цель. А теперь отправь кого-нибудь в почтовые отделения, и пусть они подберут карточки всех тех, кто приехал из этих районов. Добавь сюда Оклахому. Каждого, кто приехал сюда из тех мест.

— Но таких сотни.

— Да, только мы сразу можем отбросить большинство. Пожилых женщин, негров, рабочих, тех, кто родился здесь, потом уезжал, а теперь снова вернулся... Кроме того, сотни это лучше, чем миллионы, а сейчас перед нами миллионы. Как только у нас будет список, мы сможем сопоставлять его с другими списками, которые могут появиться позже.

Андерсон поджал губы и кивнул.

— Я этим займусь, — сказал он. — У нас больше ничего нет.

* * *

Тридцать полицейских и гражданских служащих, помощник городского прокурора, три представителя от профсоюза — все они собрались в той же комнате, где прошлым вечером

проходила пресс-конференция. Когда Лукас вошел, все замолчали.

Один из профсоюзных деятелей встал, откашлялся, посмотрел на листок бумаги, потом свернул его, спрятал в карман пиджака и обратился к собравшимся:

— В другой ситуации профсоюз стал бы возражать против того, что здесь сейчас произойдет. Но мы обсудили все с начальником полиции, и у нас нет возражений. На данном этапе. Никого ни в чем не обвиняют. Никого не принуждают что-либо делать. Мы думаем, что ради нашего общего блага вам стоит выслушать все то, что скажет Дэвенпорт.

Он сел, и все посмотрели на Лукаса.

— Вот что я вам хочу сказать, — начал тот, изучающе разглядывая присутствующих. — Кто-то взял пистолет из камеры хранения — «Смит» пятнадцатой модели. Из ящика Дэвида Л. Лосса. Вы помните дело Лосса, того самого, который пристрелил своего сына? Он сказал, что это был несчастный случай. Пошел по статье «непредумышленное убийство».

Некоторые закивали головами.

— Так или иначе, возможно, кто-то из вас, сидящих в этой комнате, взял его. Большинство из тех, кто мог туда входить, сейчас здесь. Пистолетом воспользовался убийца. И мы хотим знать, как он к нему попал. Мы не считаем, что кто-то из присутствующих и есть Бешеный. Но кто-то как-то вынес отсюда пистолет, который к нему попал.

Несколько полицейских заговорили одновременно, но Лукас поднял руку и попросил тишины.

— Подождите. Выслушайте все до конца. Возможно, была целая куча причин, из-за которых этот человек решил взять пистолет. Это хорошее оружие, и, может быть, оно кому-то понадобилось как дополнительное средство самообороны. А может быть, пистолет понадобился для жены или для защиты дома. Вот он его и взял. Как бы там ни было, но пистолет попал к убийце. Мы ищем связь между этими событиями. А теперь начальник полиции собирается начать служебное расследование, и тогда будут допрашивать каждого из вас. И они не остановятся до тех пор, пока не узнают все. — Дэвенпорт на минутку замолчал и снова оглядел собравшихся. — Если только... — произнес он, — если только кто-нибудь не решится и не расскажет мне, что произошло. Я даю вам следующие гарантии: я никому об этом не расскажу; я не буду помогать службе внутриведомственных расследований. И если мы всё будем знать, то, как говорит наш шеф, не будет причин продолжать расследование. Нам и без того есть чем заняться. — Лукас указал на помощника городского прокурора. — Скажите им, какое наказание грозит виновнику.

Тот вышел на середину и откашлялся.

— Прежде чем наложить дисциплинарное взыскание, начальник полиции должен указать причину. По закону, если эта причина окажется уголовно наказуемым деянием, то он должен предъявить такие же доказательства, как и в суде. Ему не разрешается выносить менее суровое наказание. Другими словами, он не может просто сказать. «Джо Смит, вы понижаетесь в звании, потому что вы совершили кражу». Нет, он должен доказать кражу, как это делается в суде, с одной целью, чтобы виновный получил тюремный срок.

Лукас снова взял слово.

— Вот что я предлагаю: вы звоните мне, и мы договариваемся о встрече. Если хотите, вы можете привести с собой адвоката. А я не буду говорить вам о ваших правах. Я специально соглашаюсь на такую ловушку. В разумных пределах я сделаю все, что аннулирует мои свидетельские показания в суде. Таким образом, даже если я дам показания, вас не смогут обвинить. Вы, ребята, меня знаете. Я вас не подведу. Нам необходимо поймать

убийцу. Я раздам вам мои карточки, с обратной стороны написан мой домашний телефон. Прошу всех положить карточку себе в карман, чтобы тот, кому она нужна, не остался в одиночестве. Я буду дома всю ночь.

Он передал стопку карточек полицейскому, сидевшему в первом ряду, тот взял себе одну, разделил все остальные пополам и пустил по рядам.

— Расскажите им все до конца, Дэвенпорт, — сказал представитель профсоюза.

— Хорошо. Тогда последнее, — проговорил Лукас. — Если никто не захочет со мной беседовать, мы будем продолжать внутреннее расследование и поиски убийцы. И рано или поздно мы установим, кто взял пистолет. И если все сложится таким образом... — он старался заглянуть в каждое лицо, прежде чем закончить фразу, — ...мы предъявим ему обвинение в тяжелом уголовном преступлении. Он будет сидеть в Стилуютере.

По комнате пробежал сердитый шумок.

— Эй, кончайте там, — повысил голос Лукас. — Этот мерзавец самым жутким образом искромсал трех женщин. Если хотите узнать подробности, можете спросить в отделе по расследованию убийств. И нечего возмущаться. Мне это все не нравится не меньше, чем вам. Но я обязательно должен выяснить насчет пистолета.

* * *

Уже в коридоре его перехватил Андерсон.

— Что ты об этом думаешь?

Лукас наклонил голову — в коридоре на полу валялось несколько его карточек.

— Большинство все-таки сохранили карточки. Теперь мне нужно идти домой и ждать.

Летучие мыши носились у него в голове, мыши с острыми, как бритва, крыльями. Чудовища. Они походили на крупные осколки стекла. Их было почти не видно ночью в колючих зарослях около темного замка...

Лукас посмотрел на часы. Одиннадцать часов сорок минут. Черт возьми, если тот полицейский, который взял пистолет, собирается позвонить, ему уже пора это сделать. Лукас посмотрел на телефонный аппарат, мысленно желая, чтобы он зазвонил.

И он зазвонил. От удивления Дэвенпорт чуть не упал со стула.

— Да?

— Лукас? Это Дженнифер.

— Послушай, я жду звонка и не могу занимать линию.

— Мне здесь кое-что сообщил один приятель, — сказала Дженнифер. — Так вот, он говорит, что одна из жертв уцелела. Кто-то отбил ее от убийцы. Я хочу знать, кто она такая.

— Кто тебе сказал эту ерунду?

— Не надо со мной играть в игры, Лукас. Я знаю наверняка. Она, кажется, чиканос или что-то в этом роде.

Лукас заколебался и через долю секунды понял, что эта заминка выдала его с головой.

— Послушай, Дженнифер, ты все разузнала, но я прошу тебя, не используй это пока. Поговори сперва с шефом.

— Да, но это сенсационный материал. Если кто-нибудь еще раскопает его и опубликует, я буду чувствовать себя идиоткой.

— Приоритет останется за тобой, хорошо? И если мы захотим раскрыть этот секрет, то ты будешь первой. Но теперь нам не нужно, чтобы убийца снова вспомнил о ней. Мы не хотим его провоцировать.

— Да ладно тебе, Лукас...

— Послушай, Дженнифер. Ты меня слушаешь?

— Да.

— Если ты воспользуешься этой информацией до того, как поговоришь с шефом, я найду способ с тобой рассчитаться. Я поведаю всем телестанциям мира, как ты буквально в руки положила убийце фамилию и адрес невинной женщины. Я сделаю твой поступок центром дискуссий, а это будет означать, что ты потеряешь многое. Тебя просто с дерьмом смешают.

— Я слышала, что он напал на нее в ее квартире, так что он уже знает...

— Конечно. И после недели разбирательств, возможно, это тоже всплывет. А пока местные феминистки сотрут тебя в порошок, и ты вряд ли найдешь работу даже в Советском Союзе.

— Заткнись, Лукас. Когда я смогу переговорить с Даниэлем?

— А когда ты хочешь?

— Завтра утром. В девять часов.

— Я позвоню ему. А ты в девять будь на месте.

Он бросил трубку на рычаг, посмотрел на телефон, снова поднял трубку и набрал домашний номер Даниэля. Ответила его жена, а через минуту подошел сам Даниэль.

— Ты его поймал?

Его голос звучал так, как будто он говорил с баранкой во рту.

— Да, уже, — сухо заметил Дэвенпорт. — Выходи на улицу, и я подвезу его минут через двадцать. А если задержусь, не беспокойся, я все равно приеду. Так что жди.

Шеф прожевал, а потом сказал:

— Очень смешно, Дэвенпорт, черт тебя подери. Что тебе нужно?

— Только что мне звонила Дженнифер Кери. Ей кто-то наболтал про Руиц.

— Черт! Надеюсь, не ты?

— Нет.

— Я слышал, ты подкидываешь девушке жирные куски.

— Господи...

— Ладно, ладно. Извини. Так что ты думаешь?

— Я ей заткнул рот на некоторое время. Завтра она придет к тебе в офис, чтобы поговорить. В девять часов. Мне бы хотелось, чтобы она не трогала Руиц по крайней мере еще пару дней. Но раз кто-то ей что-то наболтал, то все равно все скоро выплывет наружу.

— И что?

— Так вот, когда она встретится с тобой завтра, попроси ее подождать пару дней, а затем мы устроим для нее интервью, если Руиц согласится. Далее, если Руиц даст свое согласие, мы назначим на шесть часов вечера интервью и позволим Дженнифер записать его на пленку для вечернего выпуска новостей. Пока я буду там с ней, ты сможешь назначить пресс-конференцию на восемь часов или на восемь тридцать. Затем я приведу Руиц к тебе, минут на двадцать, пусть удовлетворят свое любопытство, они успеют к десятичасовым новостям.

— Кери будет рвать и метать, если мы ее подведем.

— Я все устрою. Я скажу ей, что ты не соглашаешься на то, чтобы с этой новостью выступила только она одна. Но на телевидении ее интервью будет единственным. Все остальные станции получают только материал пресс-конференции. А другим мы скажем, что Кери пришла к нам, уже имея всю информацию, и прижала нас к стенке. Но раз ты друг всем журналистам, то решил создать их на пресс-конференцию. Таким образом мы облагодетельствуем всех.

— А как же газеты? Им ничего не достанется.

— Пусть присутствуют на интервью с Кери, они напишут большие статьи. Все равно они их не напечатают раньше утра, так что все преимущества остаются у Дженнифер. Парочке газет я преподнесу все это как твое особое расположение. Я дам им понять, что наше желание предоставить им равные возможности с другими может измениться, если они будут доставлять нам неприятности.

— Ладно. Завтра утром я увижусь с Кери, может быть, подкину ей лакомый кусочек. Все остальные детали мы разработаем позже.

— До завтра.

— Не забудь прийти на совещание.

Закончив разговор, Лукас потер глаза и снова склонился над чертежным столом. Он выбирал числа, написанные карандашом на листке желтой бумаги, и пропускал их через электронный калькулятор. На столе стояла почти пустая чашка кофе. Он сделал глоток. На дне была гуща, полицейский сморщился.

Лукас составлял игры. Это были фантастические ролевые игры, исторические реконструкции событий Гражданской войны между Севером и Югом, моделирование сражений второй мировой войны, войн в Корее, Вьетнаме, Сталинградской битвы, сражений при Тайпене, Панч-Баул, Блади-Ридж, Диен Биен Пу, Тет.

Игры расходились через издателя в Нью-Йорке, который забирал у него все, что он придумывал. Обычно это были две игры в год. Его последнее детище — фантастическое приключение. Такие игры лучше всего продавались, но, в сущности, были наименее интересными.

Он снова посмотрел на часы. Двенадцать часов десять минут. Лукас подошел к музыкальному центру и взял компакт-диск, вставил его в проигрыватель и под звуки песни «Я убил шерифа» в исполнении Эрика Клэптона снова вернулся к цифрам.

Сюжет фантастической игры был довольно сложным. Американский танковый батальон сражается на Ближнем Востоке. Действие происходит в недалеком будущем. Батальон получает сообщение, что по ним выпущена тактическая ракета, и старается как можно лучше от нее укрыться.

После взрыва батальон оказывается на своих танках М3 неизвестно где, в стране воды, ветров и гигантских дубов. Там, где царит волшебство и злые феи танцуют по ночам...

От всего этого у Лукаса уже начинала болеть голова. «Во всем мире в каждой фантастической игре, — думал он, — обязательно есть компьютерные безумцы со шпагами, которые бродят по полям и лесам с рыжеволосыми веснушчатými красавицами с необъятными бюстами».

Но игры приносили деньги, а еще он чувствовал свою ответственность перед будущими интеллектуалами, которые сейчас еще ходили в детский сад, но через пару-тройку лет в один прекрасный день могли купить его шедевр «Лесная роща». На минуту он задумался о «Роще», об этой игре, которую он совершенствовал во время еженедельных встреч в колледже святой Анны. Для нее требовались компьютер IBM и отдельная, специально для этого предназначенная комната, а еще команды игроков. У них ушло целых два вечера только для того, чтобы расставить все фишки. Как игра, «Роща» была очень непрактичной и трудной, хотя и весьма увлекательной.

Лукас постучал кончиком карандаша по зубам и задумчиво уставился куда-то поверх стола. Они уже пятый вечер играли в эту игру, а Джеб Стюарт все еще не встретился с Ли. далеко с востока обходя армию юнионистов, которая в свою очередь медленно двигалась на север к Геттисбургу. Все так и было на самом деле, но теперь, в игре, Стюарт — за него играл бакалейщик из Сент-Пола — действовал более агрессивно и мог достигнуть Геттисбурга как раз вовремя, чтобы занять хорошую позицию к югу от города.

Тем временем приказ Ли о сражении не был исполнен. Пока он пробивался через горы к Геттисбургу, дивизия Пикетта находилась на переднем рубеже. Даже если бы Рейнолдс — за него играл студент университета — опередил Стюарта и остался в живых, чего в настоящей битве не произошло, активные действия Пикетта могли ему помешать и позволить конфедератам занять высоты на краю Семетри Риджа или даже во всем районе. Если бы так случилось, тогда объединенные юнионистские силы должны были бы выбирать

между обороной и отходом к Вашингтону...

Лукас вздохнул, и мысли его вернулись к неизвестно куда заброшенному батальону, который, естественно, отражал атаки сил зла. Танковый батальон вызвал добрый волшебник, решивший внести в войну, в которой он терпел поражение, новый элемент — технику. И теперь, присоединившись к силам добра, танковый батальон пойдет в наступление на закрытый облаками замок сил зла.

Сюжет был не особенно оригинальным. И Лукас с трудом превращал его в логическую игру.

Взять хотя бы танки М3. Где они берут горючее и запчасти? Волшебным образом. Откуда у них берется дар волшебства? Они получают его в результате героических поступков. Спасите девушку от дракона, и коэффициент волшебной силы возрастет. А если дракон победит, то он понизится.

Существа, населяющие эту страну, доставляли много хлопот. Они должны быть опасными, интересными и достаточно оригинальными. А еще они должны быть экзотическими, но достаточно знакомыми, чтобы их воспринимали. Лучше всего подходили те, которые имели земных прототипов: ящерицы, змеи, крысы, пауки. Выдумывая их, Лукас провел десятки зимних вечеров, сидя в своем кожаном кресле в кабинете и держа на коленях пачку желтых листков.

Слайсеры были одними из таких существ. Слайсер — это нечто среднее между летучей мышью и стеклянной тарелкой с острыми краями. Слайсеры нападают по ночам, разрезая свои жертвы на куски. Они слишком глупы, и поэтому волшебство на них не действует, но их легко можно убить оружием. Например, из пистолета.

Но как же их можно узнать? Так. Как и у летучих мышей, у них есть ультразвуковой локатор. И если поколдовать, то можно настроить на них рации в танках. Можно ли их всех перестрелять? Может быть. А если нет? Тогда нужно придумать точки поражения. Столько-то точек — и существо умирает. Лукас должен был позаботиться о том, чтобы слайсера не просто было убить. Играющим это пришлось бы по вкусу. Им не понравилось бы, если бы игра была слишком простой. Надо вести игроков по узкой тропинке, завлекая их все дальше и дальше в тщательно спланированный сценарий.

Он работал, склонившись над чертежным столом, в круге отбрасываемого лампой света, придумывая цифры и попивая кофе. Когда Клэптон запел «Ложись, Сэлли», Лукас встал и в одиночестве исполнил танец вокруг стула. Потом он сел и снова вскочил, когда заиграли «Вилли и Хэнд Джайв». Он танцевал сам с собой в темной комнате и смотрел, как специальный счетчик отсчитывает время песни. Когда «Хэнд Джайв» закончилась, он снова сел на место и набрал код файла на своем IBM, просмотрел расчеты на победу и снова занялся цифрами, между делом посмотрев на часы. Было двенадцать часов пятнадцать минут.

Дэвенпорт жил в большом доме с тремя спальнями, построенном из камня и кедра напротив бульвара Миссисипи в трехстах метрах от реки. Зимой и осенью, когда листья с деревьев опадали, из гостиной были видны огни Миннеаполиса.

У Лукаса был большой дом. Сперва это его беспокоило, и он думал, что стоит купить просто квартиру. Где-нибудь у озера, откуда можно наблюдать, как люди бегают трусцой, катаются на коньках, ходят под парусом.

Но все же он купил дом и ни разу не пожалел об этом. В 1980 году он заплатил за него сто двадцать тысяч долларов наличными. Теперь этот дом стоит в два раза дороже. И в

глубине души, поскольку ему уже было за тридцать и он задумывался о том времени, когда ему будет сорок, Лукас мечтал о детях и о том, чтобы для них было место.

Кроме того, как оказалось, он быстро занял все комнаты. Побитый полноприводной «форд» присоединился в гараже к «порше» пятилетней давности. Большая комната превратилась в гимнастический зал, там были три штанги, боксерская груша и деревянный настил для занятий каратэ.

Кабинет Лукас переоборудовал под библиотеку, здесь хранились тысяча шестьсот книг художественной и научной литературы и еще две сотни маленьких томиков поэзии. Глубокое кожаное кресло с пуфом для ног и хороший светильник — вот все убранство этой комнаты. На тот случай, если читать не захочется, он встроил в стенку цветной телевизор с экраном в шестьдесят три сантиметра по диагонали, видеомаягнитофон и музыкальную систему.

Инструменты, стиральная машина и разные спортивные принадлежности для занятий спортом на воздухе хранились в подвале, там же были и сложное приспособление для перезарядки огнестрельного оружия и шкаф для его хранения. Собственно, это был банковский сейф начала века. Специалист откроет его за двадцать минут, но Лукас сомневался, что какой-нибудь опытный вор-медвежатник полезет к нему в подвал. Обычный вор, который влезает в дом, чтобы украсть и тут же сбежать, с этим сейфом не справится.

У Лукаса было тринадцать пистолетов. На каждый день у него имелся девятимиллиметровый «хеклер-кох» с обоймой на тринадцать патронов. И еще он иногда брал с собой девятимиллиметровую «беретту» 92F. Эти два, да еще маленький пистолетик, который он носил на ноге, хранились в потайном ящичке его рабочего стола.

В шкафу в подвале лежали два кольта сорок пятого калибра «голд кап», оба были оформлены тexasским оружейником как предназначенные для соревнований по стрельбе по мишеням, и три пистолета двадцать второго калибра: «рюгер марк 111» с длиной ствола в четырнадцать сантиметров, «браунинг интернэшнл медалист» и единственное неавтоматическое оружие «аншущ экземпляр», из которого надо было стрелять, каждый раз нажимая на курок.

Внизу, тщательно смазанные, завернутые и упакованные, лежали четыре пистолета, которые попали к нему на службе. Они попали к нему с улицы, и по ним нельзя было определить владельца. И последний экземпляр, хранившийся в сейфе, был «браунинг Цитори» — двухствольное ружье двадцатого калибра для охоты в горах.

В доме было две спальни, в них стояли кровати.

Его спальня служила ему также и рабочим кабинетом, там стоял большой стол, на котором лежали чертежные инструменты, и компьютер IBM. Две стены были заставлены книгами по вооружению и армии, об Александре, Наполеоне, Гитлере и Мао, о копьях бронзового века и русских танках, а также научной фантастикой, в которой описываются самонаводящиеся снаряды, плазменные винтовки и космические бомбы. Те самые идеи, которые он потом вплетал в канву своих игр. Слайсеры разлетались в голове у Лукаса, как осколки, пока он работал за столом, просчитывая цифры.

Когда зазвонил телефон, он даже подпрыгнул. Ему редко звонили, мало кто знал его домашний номер. «Еще кто-то», — подумал он, положив карандаш на стол. Взглянул на часы. Было двенадцать часов двадцать две минуты. Лукас подошел к проигрывателю и выключил его, затем подключил к телефону магнитофон и поднял трубку.

— Да?

— Дэвенпорт?

Звонил мужчина. Средних лет или чуть постарше.

— Да.

— Ты записываешь?

Голос был знакомым. Он знал этого человека.

— Нет.

— Как я могу в этом убедиться?

— Никак.

Наступила пауза, затем голос произнес:

— Это я взял «смит», но я хочу поговорить с тобой об этом с глазу на глаз.

— Давай поговорим об этом сейчас, — предложил Лукас. — Ситуация очень тяжелая.

— Условия те же, что ты говорил сегодня?

— Абсолютно, — ответил Дэвенпорт. — Информация дальше меня не пойдет.

Возвращаться к этому больше не будем.

Снова повисла пауза.

— Ты знаешь закусочную, где продают тако, напротив колледжа Мартина Лютера?

— Да.

— Через двадцать минут. И приходи один, черт тебя подери, слышишь?

* * *

Лукас прибыл на место встречи через восемнадцать минут. На стоянке перед ресторанчиком никого не было. Внутри, склонившись над остатками еды на картонной тарелке, одинокий посетитель потихоньку тянул кофе. Уборщица мыла пол. Когда вошел Дэвенпорт, она оглянулась. Девушка за кассой, наверное, студентка университета, натянуто улыбнулась.

— Мне кока-колу, — сказал Лукас.

— Что-нибудь еще?

Настороженность не прошла. Лукас вдруг понял, что в своей черной кожаной куртке, джинсах и сапогах, да еще небритый он выглядел угрожающе.

— Да успокойся. Я полицейский.

Он улыбнулся, достал свой значок из кармана рубашки и показал девушке. Она тоже улыбнулась.

— У нас здесь бывают проблемы.

— Налеты?

— Да, в прошлом месяце и в позапрошлом тоже. Четыре месяца назад было два нападения. Здесь вокруг крутится шпана на мотоциклах.

Когда вошел полицейский, Лукас его тут же узнал. Седоволосый, на нем была легкая бежевая куртка и коричневые брюки. «Рой, — вспомнил он. — Гарольд Рой. Давно служит в полиции. Ему уже скоро на пенсию».

Рой огляделся, шагнул к стойке, взял кофе и подошел к нему.

— Это вы? — спросил Лукас.

— У тебя передатчик?

— Нет.

— Если он есть, то ты загонишь меня в ловушку.

— Согласен. Но у меня его нет.

— Говори мне о моих правах.

— Не буду.

— Гм. Знаешь, все это ерунда, — сказал Рой, отхлебнув кофе. — Если ты будешь официально давать свидетельские показания, ты ведь можешь сказать совсем другое.

— Не будет никаких свидетельских показаний, Гарри. Я ведь мог бы прямо сейчас отправиться к Даниэлю и сказать: «Это сделал Гарри Рой». И через три дня отдел внутренних расследований состряпал бы дело. Ты ведь знаешь, как это делается, когда известно, откуда начинать.

— Да.

Рой напряженно огляделся вокруг и покачал головой.

— Господи, как мне это противно.

— Так рассказывай.

— Я мало что могу рассказать. Я посчитал, что этот пистолет уже никому не понадобится. Никто не хватится его и через миллион лет. Недалеко от меня жил человек по имени Лэрри Райс, мы выросли вместе. Он был рабочим по техническому обслуживанию в муниципальной службе. Я его часто видел в мэрии. Может быть, ты и сам его видел. Грузный мужик. Он еще хромал. Все время носил такую кепочку.

— Да, я его помню.

— Так вот, он постепенно умирал от рака, медленно угасал. Болезнь поднималась снизу вверх. Вначале он не мог ходить, потом уже не мог контролировать мочеиспускание. Жена его работала, а он сидел дома. Однажды местные панки пришли к нему в дом и вынесли телевизор и стереомагнитофон, прямо у него на глазах. У него было кресло-коляска, но он же не мог с ними драться. И опознать их он тоже не мог, они надели на головы бумажные пакеты... Просто мерзавцы.

— И поэтому ты достал для него пистолет?

— После того как это случилось, его жена пришла к моей жене и спросила, может быть, у меня найдется запасной пистолет. У меня не было. Я не помешан на оружии, как некоторые. Ты, знаю, увлекаешься, а я нет.

— Ладно.

— Потом я отправился в камеру хранения. Я знал про этот пистолет, потому что сам работал с этим делом. Вот я и решил, что он навряд ли когда-нибудь снова понадобится.

— И ты его взял.

Рой отпил кофе.

— Да.

— И этот Райс...

— Он умер. Два месяца назад.

— Черт! А его жена?

— Она живет все там же. Сегодня, после того как ты с нами разговаривал, я зашел к ней, чтобы узнать про пистолет. Она сказала, что понятия не имеет, где он, поискала, но не нашла. Сказала еще, что за последние две недели перед смертью Лэрри продал целую кучу личных вещей, чтобы собрать ей деньги. Он беспокоился, что не сможет ей ничего оставить. По ее словам, после его смерти осталось около тысячи долларов.

— Она не знает, кто купил пистолет?

— Нет. Я спрашивал ее, кому он продавал вещи, и она сказала, что его покупателями были, в основном, знакомые и друзья. Он вывешивал в окне маленькое объявление о распродаже. Кто шел мимо, тот и видел это объявление. Вот и все.

Рой протянул ему через стол бумажку.

— Я ей сказал, что ты захочешь с ней увидеться. Вот адрес.

— Спасибо.

Лукас допил свою коку.

— Что теперь будет? — спросил Рой.

— Теперь ничего. Если ты говорил правду.

— Это правда, — ровным голосом произнес Рой. — Я чувствую себя абсолютным дерьмом.

— Это останется без огласки и дальше этого стола не пойдет, хотя я думаю, что если понадобятся официальные свидетельские показания от миссис Райс, то кто-нибудь может и догадаться. Но все равно ничего не будет.

— Спасибо тебе. Я у тебя в долгу.

* * *

Рой ушел первым, он был рад, что разговор окончен. Лукас наблюдал, как его машина отъезжала от стоянки, потом поднялся и прошел вдоль стойки.

— Ничего, если я вам кое-что посоветую? — обратился он к девушке.

— Да, пожалуйста. — Она вежливо улыбнулась.

— Вы слишком хорошенькая, чтобы работать в таком месте. Я не хочу вас ни к чему подталкивать, я просто вам говорю. Вы здесь как приманка. И если и дальше будете здесь работать, то рано или поздно с вами может что-нибудь случиться.

— Мне нужны деньги, — сказала она. Ее лицо было серьезным и напряженным.

— Они не стоят этого.

— Мне еще два года учиться в университете, через год я получу степень бакалавра, а еще через девять месяцев степень магистра.

Дэвенпорт покачал головой.

— Если бы я знал ваших родителей, я бы им позвонил. Но я их не знаю, поэтому говорю вам. Уходите отсюда. Или переходите в дневную смену.

Он повернулся и пошел к выходу.

— Спасибо, — сказала она ему вслед.

Но Лукас знал, что она не уйдет. Он вышел на улицу, немного подумал, потом вернулся.

— Сколько порций тако вы могли бы утаить, так чтобы об этом никто не догадался? Я имею в виду каждую ночь. Штук двадцать?

— Зачем?

— Если вы будете давать бесплатно чашку кофе и порцию тако каждому полицейскому, который зайдет сюда, скажем, с десяти вечера до шести утра, они здесь будут вертеться всю ночь. Кто-то приезжает, кто-то уезжает. Это послужит хоть какой-то защитой.

Девушка заинтересовалась.

— Сюда ведь не съедутся сотни полицейских, правда?

— Да нет. Самое большее двадцать или тридцать.

— Здорово, — сказала она, повеселев. — Хозяин с трудом удерживает людей, чтобы они здесь работали. Он уже отчаялся. Я даже думаю, что мне не придется воровать эти порции. Он сам согласится.

Лукас вытащил свою служебную карточку и отдал ей.

— Вот мой служебный телефон. Позвоните мне завтра. Если ваш хозяин одобрит эту идею, я всем сообщу про бесплатный кофе и тако. Полицейские будут приезжать со всей округи.

— Я позвоню, — пообещала она. — Большое вам спасибо.

Лукас кивнул головой и направился к дверям. Если все получится как надо, у него будет еще один источник информации.

* * *

Когда Дэвенпорт составлял свои игры, он чертил их на больших листах ватмана, пятьдесят пять сантиметров на семьдесят пять, таким образом он мог проследить все логические связи между этапами каждой игры. Наглядное изображение помогало ему избежать несоответствий, которые вызывали поток едких писем от подростков.

Он взял четыре листа, отнес их в свободную спальню и кнопками прикрепил к стене. На каждом листе он толстым фломастером написал имена жертв преступлений. Белл, Моррис, Руиц, Льюис. Под фамилиями он поставил даты и указал все, что, по его мнению, относилось к личным характеристикам жертв нападений.

Закончив, он улегся на кровать, подложил подушку под голову и начал разглядывать схемы на стене. В голову ничего не приходило. Лукас поднялся и повесил пятый лист, написав сверху: «Бешеный».

Ниже он приписал:

Достаточно состоятелен: носит обувь фирмы «Найк».

Чистая одежда. Пользуется одеколоном.

Убедил агента по продаже недвижимости в том, что может себе позволить купить дорогой дом.

Возможно, он нездешний: у него акцент, ночью в августе был одет в футболку.

Возможно, он с юго-запада: акцент показался знакомым Руиц.

Работает в конторе: физически слабый, руки не грубые. Не боец.

Белокожий: руки очень белые. Возможно, блондин.

Сексуальный маньяк? Играет в игру? И то и другое?

Ни то ни другое?

Умный. Не оставляет никаких зацепок. Надевает перчатки даже тогда, когда выклеивает из вырезанных газетных букв свои записки или заряжает пистолет.

Лукас подумал еще немного и добавил:

Знал Лэрри Райса?

Потом просмотрел весь список, протянул руку и подчеркнул слова «агент по продаже

недвижимости» и «знал Лэрри Райса?»).

Если он был приезжим, может быть, он действительно подыскивал дом и таким образом встретился с Льюис. Стоит проверить все конторы по продаже недвижимости.

И он мог знать Лэрри Райса. Но это противоречило предположению, что он недавно сюда переехал. Если Райс умер от рака, то, вероятно, это длилось некоторое время, и вряд ли он заводил много новых знакомых.

Больница? Доктор в больнице? Вполне возможно. Это объясняет его умение обращаться с ножом. У доктора вполне могут быть мягкие руки и немускулистое тело, он может быть вполне состоятельным. И доктора, особенно молодые, много ездят. Все эти женщины могли ходить к врачу...

Дэвенпорт вернулся в библиотеку, взял том истории преступлений и перелистал его. Там был целый раздел, посвященный врачам-убийцам.

Доктор Уильям Палмер, живший в середине девятнадцатого века в Англии, убил ради денег по крайней мере шесть, а может быть, и больше человек. В Канаде, США и Англии некий доктор Томас Крим лишил жизни полдюжины женщин, делая им аборт, а то и просто с помощью яда. Доктор Беннет Хайд убил по крайней мере троих в Канзас-Сити. Доктор Марсель Пети убил как минимум шестьдесят трех евреев, которым он пообещал помочь нелегально уехать из оккупированной фашистами Франции. Английский врач Роберт Клеменс прикончил четырех своих жен, прежде чем его поймали. «Доктор пыток» из Чикаго, он изучал медицину, но так и не стал врачом, убил ни много ни мало двести молодых женщин, которых привлекла в город Всемирная ярмарка 1893 года. Самыми жуткими в этой компании, конечно же, были фашисты. Медики, работавшие в лагерях смерти, загубили тысячи невинных людей.

Список врачей, которые убили только одного или двух человек, был длинным, сюда входили и несколько широко известных в США дел, начиная с пятидесятых годов.

Лукас захлопнул книгу, задумался, потом посмотрел на часы. Половина третьего ночи. Слишком поздно для телефонного звонка. Он прошелся взад и вперед по комнате и снова посмотрел на часы. К черту приличия! Лукас вернулся в комнату, где он работал, нашел у себя в портфеле телефон Карлы Руиц и позвонил. Она ответила после седьмого гудка.

— Алло?

Голос был сонный.

— Карла? Руиц?

— Да?

Она все еще до конца не проснулась, но голос прозвучал настороженно.

— Это Лукас... детектив. Прошу прощения, что я вас разбудил, но я сейчас сижу и работаю с материалами по вашему делу. Мне нужно задать вам один вопрос. Хорошо?

— Да.

— Когда вы в последний раз ходили к врачу, и где это было?

— Сейчас, дайте вспомнить...

Она долго молчала.

— Думаю, года два назад. Меня осматривала женщина в клинике западного района.

— Вы уверены, что больше к врачу не ходили? И не были в больнице?

— Уверена.

— Может быть, с кем-то из знакомых заходили или навещали кого-нибудь?

— Нет. Ничего похожего. Не помню, чтобы я заходила в госпиталь с тех пор, как умерла

моя мама пятнадцать лет назад.

— Среди ваших знакомых есть врачи?

— Думаю, что среди проходящих в галерею есть. Но я с ними лично не знакома. Ну, разговаривала кое с кем на открытиях выставок, не более того.

— Хорошо. Ложитесь спать. Поговорим завтра. Спасибо.

Лукас бросил трубку.

— Черт! — выругался он.

Такое было, возможно, смелое, но маловероятное предположение. Мысленно он отметил, что нужно проверить, есть ли среди меценатов галереи доктора. Идея ему не очень-то нравилась.

— Дэвенпорт еще некоторое время смотрел на схемы, потом зевнул, выключил свет и отправился спать.

Парень был хитер. У него, конечно, не все дома, но он умен. Игрок? Может быть.

Может быть, и игрок.

Лукас проскользнул в комнату, где шло совещание. Он снова опоздал.

— Где тебя черти носят? — сердито спросил Даниэль.

— Проспал.

— Садись.

Шеф окинул взглядом комнату. С полдюжины детективов просматривали свои рабочие папки.

— Подведем итог: у нас есть около трехсот страниц документов, из которых мы не смогли выжать ни капли. Я что, не прав? Пусть кто-нибудь скажет, что я не прав.

Хармон Андерсон отрицательно покачал головой.

— Я ничего здесь ни вижу. Пока ничего. Может быть, в этих бумагах что-то и есть, но я не могу нащупать.

— А что там у тебя, Лукас? — спросил один из детективов. — Это надежная информация?

Дэвенпорт пожал плечами.

— Да. Думаю, что так. Конечно, там много домыслов, но сами идеи неплохие.

— Ну и что мы имеем? — проговорил Даниэль. — Разыскивается мужчина среднего телосложения, белый, работает в конторе. Да этим характеристикам соответствуют полмиллиона мужчин, если не включать сюда Сент-Пол.

— Который недавно переехал сюда с юго-запада, — добавил Лукас. — Таким образом, можно отбросить еще 499 000 мужчин.

— Но это может оказаться ерундой, скорее всего, так оно и есть, — проворчал Даниэль.

— Может быть, через пару часов мы узнаем кое-что еще, — проговорил Лукас.

У Даниэля вопросительно приподнялись брови.

— Вчера ночью позвонили насчет пистолета. Я знаю, куда он ушел.

— Ну наконец-то! — воскликнул Даниэль.

Лукас потрянул головой.

— Не очень-то радуйтесь. — Он объяснил, каким образом пистолет попал к Лэрри Райсу, добавив, что Райс умер. — Его жена сказала этому человеку, что она не знает, куда делся пистолет. Возможно, он продан. Я думаю, что его могли украсть.

— Ладно, это уже кое-что, — заметил начальник полиции. — Сколько времени у него был пистолет, месяцев шесть? И, вероятно, он продал его кому-то, кого лично знал. — Даниэль указал на Андерсона. — Давай твоего лучшего человека. Того, кто лучше всех умеет расспрашивать. Пусть он едет к ней и выжмет все до последней капли. Пусть она назовет всех, с кем виделся ее муж за последние шесть месяцев. Она наверняка знает почти всех. Убийца должен оказаться в списке.

— Я буду беседовать с ней сегодня, — сказал Лукас, взглянув на Андерсона. — В час дня. Твой человек мог бы встретить меня около дома, мы бы вошли вместе.

— Так мы узнаем, кто взял пистолет? — поинтересовался Даниэль.

Лукас отрицательно покачал головой.

— Нет. Я обещал. Впрочем, вы можете вытрясти его имя из миссис Райс, если хотите, но ведь это никому не нужно. Он приличный человек и сделал это из милосердия.

Даниэль смотрел на него некоторое время, потом согласно кивнул.

— Ладно. Но если потребуется...

— Обратитесь к Райс, — повторил Лукас. — От меня вы ничего не получите.

В комнате повисла тишина.

— У нас сейчас другие проблемы, — сменил тему Даниэль. — Кто-то проболтался Дженнифер Кери, что есть человек, который подвергся нападению и остался в живых. Через десять минут я буду с ней беседовать и попытаюсь охладить ее пыл. Кто-нибудь знает, кто подкинул ей эту информацию?

Никто не ответил.

— Этого допустить нельзя, — продолжал Даниэль.

Один из детективов кашлянул.

— У меня, гм, есть кое-какие соображения на этот счет.

— Ну?

— Она снимала документальный фильм о полицейских Сент-Пола, тот, который потом показывали по телевидению. У нее есть там источник информации, вы не поверите какой.

— Хорошо. Может быть, так оно и есть. Будьте вежливыми, но... — шеф подыскивал слова, — держите ухо востро.

Он окинул всех взглядом.

— Есть что-нибудь еще?

Лукас открыл свою папку и просмотрел маленький список в конце.

— Я хотел бы выяснить про врачей. Может быть, женщины ходили к одному и тому же врачу? У Руиц доктор женщина, но, возможно, что в галерею ходят врачи мужчины. Ее могли взять на заметку там, это стоит проверить.

— Это можно, — откликнулся Андерсон.

— А как насчет карточек об изменении адреса?

— Вот это трудно. Мы звонили на почту, и они сказали, что не ведут учет приезжающих. Только людей, которые уезжают. Если же нужна информация о приехавших, то нужно взять списки всех проживающих в городе и пригородах и проверить все почтовые отделения на юго-западе.

— Разве они не компьютеризованы?

— Нет. Вся информация только в местных почтовых отделениях.

— Черт!

Лукас посмотрел на шефа.

— Сколько же времени десять человек будут заниматься этой работой? Недели три или что-то около того?

— Три месяца — это ближе к истине, — заметил Андерсон. — Я просмотрел телефонную книгу, только в одном Миннеаполисе восемьдесят отделений, и это без учета Сент-Пола и его пригородов. Потом я нашел на карте города, которые нам придется проверить. Я подсчитал, и у меня получилось две тысячи почтовых отделений только в самых крупных городах. И еще нам придется проверить все другие города и пригороды здесь. Нам повезет, если в день мы сможем проверять три-четыре отделения, даже если почтовые служащие будут нам помогать.

— Может быть, привлечь почтовиков? — предложил Даниэль. — Составьте список всех почтовых отделений, придумайте что-то вроде формы, которую они должны будут заполнять, и разошлите им. Объясните, что это очень важно, а потом еще позвоните и убедитесь, что они этим занимаются...

— Если взяться за дело таким образом, то для этого нужно выделить двух-трех человек.

— И не обязательно, чтобы этим занимались полицейские, — сказал Даниэль. —

Составьте анкету, а я поговорю с почтовиками. Я сам пошлю пару клерков, пусть займутся этим.

— Водительские права, — произнес один из детективов.

— Что?

— Если он недавно сюда приехал, ему нужно получить новые водительские права. Обычно, когда переезжают на новое место, то старые права сдают. Должна быть запись в службе, которая этим занимается.

— Отлично, — похвалил Даниэль. — Хорошая идея, нам это пригодится. Проверьте.

Детектив кивнул.

— Что-нибудь еще? — спросил Даниэль. — Лукас?

Тот отрицательно покачал головой.

— Хорошо. Займемся делом.

* * *

— Детектив Дэвенпорт!

Лукас обернулся и увидел, как к нему по коридору, улыбаясь, идет Карла Руиц.

— Привет! Что вы здесь делаете?

Она наморщила носик.

— Дела с разводом. Когда я переехала из дома, мой бывший муж должен был его продать и отдать мне половину денег. Он так и не сделал этого, и теперь я пытаюсь заставить его.

— Малоприятное занятие.

— Да. Все так долго тянется. Я уже раз пять здесь была. Устала от всего этого.

— Есть время выпить кофе? — спросил Лукас, кивнув головой в сторону кафетерия.

— Нет. Боюсь, что нет. — Она взглянула на часы. — Через двенадцать минут я уже должна быть у судьи.

— Я вас немного провожу. — Они вместе пошли по коридору. — Извините меня за поздний звонок.

— Ничего. Сегодня утром мне показалось, что это мне приснилось. Мой ответ помог?

— Да. Я подумал, может быть, он врач. Возможно, все женщины ходили к одному и тому же врачу. Вы приуменьшили эту вероятность.

— И вы обрадовались, — сказала она, улыбнувшись.

— Рано радоваться.

Они прошли еще немного. Лукас сказал:

— Могут возникнуть некоторые проблемы. Относительно вас.

— Да? — Она сразу стала серьезной.

— На одну из телевизионных станций поступила информация о вас. Телерепортер Дженнифер Кери сейчас беседует с шефом. Она хочет получить интервью.

— Он назовет ей мое имя?

— Нет. Он дает ей от ворот поворот, но удержать это в секрете уже нельзя. У Кери хорошие источники в Сент-Поле. Рано или поздно она все разнюхает сама и вы потеряете

покой.

— Так что же нам делать?

— Мы подумали, что, может быть, лучше дать ей интервью, а остальным станциям пресс-конференцию. И покончить с этим. Мы хоть сможем все держать под контролем. Они не будут пытаться застать вас врасплох.

Карла обдумывала это предложение, ее лицо было удрученным.

— Я не доверяю этим людям, особенно телевизионщикам.

— Кери — одна из лучших на телевидении, — сказал Лукас. — Она мой друг, я говорю правду. И я не рассказывал ей о вас. Не знаю, откуда она получила информацию. Может быть, из Сент-Пола.

— Она действительно отнесется ко мне доброжелательно?

— Она сделает это мягче других. После интервью мы отправим вас из города на несколько дней. А когда все поутихнет, вы спокойно вернетесь, и все будет в порядке.

— Можно мне подумать? — попросила Карла.

— Конечно. Шеф, скорее всего, будет вам звонить.

— Если я уеду из города, мне оплатят поездку? Я ведь не богата.

— Не знаю. Спросите у шефа. Или же, если хотите, можете остановиться в моем домике. У меня есть домик в Висконсине на озере. Живописное местечко, тишина, далеко от дороги.

— Это подходит, — откликнулась она. — Я подумаю.

— Конечно.

Повисла пауза, Лукас решил нарушить молчание и спросил:

— Вы давно развелись?

— Почти три года назад. Он фотограф, неплохой парень. У него даже есть талант, но он им не пользуется. Ничего не делает. Просто сидит дома. Другие работают, а он сидит. Одна из причин, по которым я хочу получить деньги за дом, заключается в том, что это мои деньги.

— Что ж, хорошая причина.

— Я с нетерпением жду выступления «Аэросмит» сегодня вечером, — напомнила Карла, — если, конечно, договоренность остается в силе.

— Ну конечно.

Он остановился на пересечении коридоров.

— Мне сюда, — сказал Лукас. — Увидимся в шесть.

— Да. Я подумаю о телеинтервью.

Она пошла дальше по коридору, полуобернувшись, на ходу помахала ему рукой. «Симпатичная», — подумал Лукас, глядя ей вслед.

* * *

Мэри Райс была не очень-то смышленной. Она тяжело опустилась на кухонный стул, тревожно поглядывая то на Лукаса, то на Харрисона Слоуна, второго детектива, присланного на встречу с ней. Слоун отличался располагающей внешностью коммивояжера, продающего пылесосы.

— Нам особенно важно получить от вас полный список, — проговорил он мягким,

успокаивающим тоном, пододвигая свой стул на сантиметр поближе к миссис Райс. «Он похож на гинеколога из какой-нибудь оперы», — подумал про него Лукас. — Нам нужно составить что-то вроде расписания или календаря, чтобы мы могли день за днем, неделя за неделей установить, с кем виделся ваш муж.

— Я не открою вам имя человека, который принес мне пистолет, — сказала она, и у нее задрожала нижняя губа.

— Это и не нужно. Я разговаривал с ним вчера ночью. Мы с ним все уладили, — уверил ее Лукас. — Нам нужны все остальные.

— Их немного. Знаете, у нас никогда не было много друзей, один или двое уже умерли, другие перестали заходить, когда у Лэрри обнаружили рак. Ему ведь пришлось носить специальный мешочек для опорожнения, вы понимаете...

— Да, — поморщившись, кивнул Лукас.

— Но еще остается немало народу, — заметил Слоун. — Почтальон, соседи, доктора или какие-нибудь работники клиники, которые приходили сюда...

— Приходила только медсестра.

— Именно такие люди нас и интересуют.

Лукас некоторое время молчал, пока Слоун пытался разговорить женщину, а потом присоединился к беседе.

— Мне уже пора идти, — сказал он миссис Райс. — Детектив Слоун останется и побеседует с вами, а я хочу задать несколько конкретных вопросов. Хорошо? — Он улыбнулся ей, женщина посмотрела на Слоуна, потом снова на него и согласно кивнула. — Я ищу человека, белого мужчину, примерно моего роста, возможно, он работает где-нибудь в конторе. Говорит с акцентом, как на юго-западе. Ну, как ковбои говорят. Скорее всего, хорошо зарабатывает. Мое описание вам что-нибудь напоминает? Вы помните кого-нибудь похожего?

Она наморщила лоб и стала рассматривать свои руки, потом подняла глаза на Слоуна, затем обвела взглядом кухню. Наконец она снова посмотрела на Дэвенпорта и проговорила:

— Я не помню такого человека. Все наши друзья белые. К нам не приходили цветные. И не было никого из тех, у кого водятся большие деньги.

— Ладно, — сказал Лукас, в его голосе прозвучали нотки нетерпения.

— Я пытаюсь вспомнить.

— Да-да, я понимаю, — согласился Лукас. — Скажите, а могло быть такое, что к вашему мужу приходили люди, а вы об этом не знали?

— Ну, он повесил объявление в окне о тех вещах, которые хотел продать. У него было несколько таких маленьких статуэток, он привез их после войны с японцами. Такие маленькие резные фигурки. Кто-то их купил. За пятнадцать штук он выручил пятьсот долларов. Они были просто прелесть.

— Вы знаете человека, который их приобрел?

— Кажется, да. У меня где-то лежит что-то вроде расписки.

Она снова неуверенно огляделась.

— Вы когда-нибудь видели этого покупателя?

— Нет, но мне кажется, что он был постарше, ну, как Лэрри. У меня сложилось такое впечатление.

— Хорошо. Постарайтесь найти эту расписку и отдайте ее детективу Слоуну. Еще кто-нибудь заходил?

— Приходил почтальон. Он иногда останавливался поболтать. Тот помоложе, ему лет сорок. Еще приходил молодой человек из благотворительной организации. Мы не пользовались ее услугами раньше, — поспешно добавила она, — но он помог нам с медицинским обслуживанием...

— Да, конечно, — согласился Лукас. — Послушайте, мне уже пора бежать. Мы будем вам благодарны за любую помощь, которую вы окажете детективу Слоуну.

Дэвенпорт вышел через кухонную дверь, закрыл ее за собой и начал спускаться по ступенькам. Когда он проходил мимо кухонного окна, до него донесся голос миссис Райс:

— ...не очень-то понравился этот парень. Он мне действует на нервы.

— Многие могли бы с вами согласиться, миссис Райс, — успокоительно заметил Слоун. — Можно мне просто называть вас по имени? Детектив Дэвенпорт...

— Он давит, — нашла слово миссис Райс.

— Многие с вами согласятся, Мэри. Знаете что, я действительно надеюсь, что вы нам поможете найти этого убийцу...

Лукас улыбнулся и пошел к своей машине, открыл дверцу, заглянул внутрь, потом захлопнул ее и вернулся к дому.

Слоун и миссис Райс рассматривали лист бумаги, на котором полицейский написал короткий список фамилий. Когда Лукас снова вошел в дверь, они оба подняли головы.

— Можно от вас позвонить?

— Да, вот... — Женщина указала на стену.

Дэвенпорт посмотрел в свою записную книжку и набрал номер Карлы Руиц, она подошла после второго гудка.

— Это Лукас. Сколько раз вы приходили в суд по поводу развода?

— Раза четыре или пять. А что?

— А перед нападением? Когда это было, прямо перед нападением или раньше?

— Подождите, я возьму свою сумочку. У меня там записная книжка...

Он услышал, как она положила трубку на стол, и посмотрел на миссис Райс.

— Миссис Райс, а этот парень из благотворительного фонда... Как вы с ним виделись? Он что, приходил сюда сам, или вы ходили в суд и там встречались с ним, как это происходило?

— Нет-нет, Лэрри уже не мог ходить, когда узнал, что может рассчитывать на медицинское обслуживание. Этот молодой человек приходил сюда сам. Он был два раза. Приятный. Но мне кажется, что Лэрри знал его еще раньше, по работе.

— Но этот фонд находится в ведении округа, а ваш муж работал в службе города Миннеаполиса.

— Так оно и было, но, знаете ли, люди ходят туда-сюда, кто в мэрию, кто в суд. По своей работе Лэрри знал там всех. Каждый раз, когда что-нибудь ломалось, звали его, потому что он мог починить все, что угодно. Он обычно встречался с... этим полицейским, который дал ему пистолет, в кафетерии.

К телефону снова подошла Руиц.

— Я была там за три недели и за четыре недели до нападения.

— Именно до того?

— Да.

— Спасибо. Послушайте, увидимся в шесть, но постарайтесь вспомнить всех, кого вы встречали в суде, хорошо?

— Что-нибудь получается? — спросил Слоун, когда Лукас повесил трубку.

— Пока не знаю. У тебя есть телефон места работы Льюис, агента по продаже недвижимости?

— Да, кажется, есть.

Слоун вытащил папку, просмотрел список и продиктовал Лукасу несколько цифр. Тот, набрав номер, попросил к телефону менеджера и объяснил ему, что он хочет узнать.

— ...так она ходила туда?

— Конечно, постоянно. Раз в неделю. Она в основном занималась документами.

— Таким образом, она наверняка была там до того, как ее убили?

— Да. Ваши люди забрали ее расписание. Последние два месяца она работала без выходных. Я уверен, что она ходила туда.

— Спасибо, — поблагодарил Лукас.

— Ну как? — спросил Слоун.

— Не знаю, — отозвался Дэвенпорт. — Две женщины незадолго до нападения заходили в суд. Даже женщина из Сент-Пола. Не так уж часто жители Сент-Пола заходят в суд округа Хэннепин. А мистер Райс находился там постоянно. Не очень-то обычное совпадение.

— Другая женщина, эта Белл, ну, официантка, ее задержали за кражу в магазине «Таргет» на Лэйк-стрит. Это произошло не так давно, — добавил Слоун. — Бьюсь об заклад, что она тоже побывала в суде. А вот про Моррис ничего не могу сказать.

— Я сам займусь Моррис, — сказал Лукас. — Там тоже может кое-что быть.

— У меня есть ее домашний телефон. Может быть, ее муж окажется на месте, — предложил детектив.

Он опять раскрыл свою папку и продиктовал номер, а Лукас взялся за телефон. Прозвучало двадцать гудков, но никто так и не ответил, полицейский повесил трубку.

— Я позвоню ему позже, — проговорил он.

— Хочешь, я займусь этим парнем из фонда?

— Да, пожалуй, на него стоит взглянуть. — Лукас повернулся к миссис Райс. — У этого служащего фонда был какой-нибудь акцент? Пусть даже небольшой?

— Нет, кажется, нет. Я знаю, что он здешний, он сам мне это сказал.

— Черт! — выругался Лукас.

— Может быть, он швед? — предположил Слоун. — Послушай, как говорят эти шведы и немцы, которые живут в центре Миннесоты. У них до сих пор сохранился акцент. Может быть, Руиц слышала акцент и спутала его с юго-западным говором?

* * *

Из своего кабинета он позвонил Андерсону и узнал рабочий телефон мужа Моррис. Тот ответил сразу.

— Да, она была, — подтвердил он. — Это было примерно за месяц до... Она тренировалась в спортивном клубе на Хэннепин-авеню, и примерно раз в неделю ей на лобовое стекло машины вешали штрафной талон. Она просто кидала их в бардачок и забывала. Их накопилось штук десять или пятнадцать. А потом ей прислали извещение, что ее арестуют, если она не оплатит все штрафы и не уладит все формальности в суде. Поэтому она и отправилась туда. Дела в суде заняли у нее целый день.

— Это единственный раз, когда она приходила в суд?

— За последнее время да. Может быть, она и еще ходила, но я об этом не знаю.

Закончив с Моррисом, Лукас позвонил клерку в суд и выяснил, когда именно Люси Белл задержали в магазине за воровство. Двадцать седьмого мая. Он взглянул на календарь. Пятница, чуть меньше месяца до убийства.

Таким образом, все они приходили в суд. Пистолет тоже имел отношение к мэрии, его достали через человека, который постоянно был здесь. Дэвенпорт отправился в кабинет к Андерсону.

— И что это значит? — спросил Андерсон. — Он выбирает их прямо здесь?

— Может быть, и так, — заметил Лукас. — Трое из них вели дела в суде, на них должны быть заведены досье, с помощью которых преступник собирал сведения о своих жертвах.

— Я проверю, кто брал эти досье, — предложил Андерсон.

— Хорошо.

— Ну и что ты думаешь об этом?

— Слишком все просто получается, — задумчиво сказал Лукас.

* * *

Концерт «Аэросмит» был чудесным. Лукас сидел, откинувшись на своем месте, и с удовольствием наблюдал, как Карла подпрыгивала в такт музыке, поворачиваясь к нему, смеясь, вскидывая сжатый кулак над головой вместе с пятнадцатью тысячами орущих поклонников, приветствующих исполнителей...

Она пригласила его на кофе.

— Такого веселья я не видела с тех пор как... я даже не знаю, с каких пор... с давних пор, — сказала она, ставя две чашки с водой в микроволновую печь.

Лукас расхаживал по студии и разглядывал ее работы.

— Сколько вы уже этим занимаетесь? — спросил он.

— Пять, может, шесть лет. Сперва я рисовала, потом занялась скульптурой, а потом как-то постепенно перешла на это. У моей бабушки был ткацкий станок, и я умею ткать с детства.

— Ну а вот эта скульптура? — спросил он, указывая на нечто похожее на какое-то висящее головоное существо.

— Я сама не знаю. Скорее всего, это были попытки схватить направление, понимаете? В то время это казалось мне интересным, а теперь я думаю, что я просто играла сама с собой. Все это уже было. А теперь я тку ткани.

— Жестокая вещь... Это я про искусство.

— Не то слово, — согласилась она.

Микроволновая печь загудела, и Карла вынула чашки, положила в каждую по ложке растворимого кофе и размешала.

— Кофе с корицей, — сказала она, передавая ему чашку.

Он сделал глоток.

— Горячий. Но вкусный.

— Хочу у вас кое-что спросить.

— Валяйте.

— Я думаю, что я легко отделалась, дав отпор атому парню.

— Так оно и есть.

— Но я все равно боюсь. Я помню, что вы говорили тогда, ну, насчет того, что он не вернется. Но мне повезло в первый раз. Он не был готов к тому, как я себя повела. А если он опять придет, во второй раз мне может не повезти.

— Что вы предлагаете?

— Я подумываю о пистолете.

На минуту он задумался, потом кивнул.

— Об этом стоит поразмыслить, — согласился он. — Большинству я бы ответил нет. Как правило, когда люди покупают пистолет, они сами обычно и становятся его жертвами. Потом, вероятнее всего, жертвой могут стать супруг или дети. Дальше идут соседи. Но у вас нет ни супруга, ни детей, и, скорее всего, вы не будете шумно выяснять отношения со своими соседями. И мне кажется, что вы вполне хладнокровный человек и научитесь с ним обращаться.

— Так мне стоит им обзавестись?

— Это вы уж сами решайте. Во всяком случае, по статистике, вы от него можете пострадать в первую очередь. Но в отношении некоторых людей статистический подход не годится. Если с вами не происходят несчастия по неосторожности, если вы не небрежны, если вы не склонны к самоубийству и если вы не будете относиться к пистолету, как к игрушке, то можете его приобрести. Может так случиться, что этот парень действительно вернется. Вы ведь единственная остались в живых после нападения.

— Тогда какое оружие вы посоветовали бы мне купить? — спросила Карла. Она отпила кофе. — Я не могу потратить на него много. И помогите мне научиться с ним обращаться.

— Если хотите, я одолжу вам пистолет на время, пока мы не поймем преступника, — ответил Лукас. — Покажите-ка вашу руку.

Она протянула ему руку и растопырила пальцы. Он приложил свою ладонь к ее и посмотрел, на сколько его пальцы длиннее.

— У вас маленькая рука, — заметил Лукас. — У меня есть старенький «чартер арма спешл» тридцать восьмого калибра, он вам как раз подойдет, и подберем к нему патроны со сточенными верхушками пуль, чтобы вы не поубивали всех соседей, если придется им воспользоваться.

— Это как?

— Стены здесь из дранки и штукатурки, — объяснил Лукас. Он откинулся назад и постучал по стене — посыпались мелкие кусочки штукатурки. — Если здесь выстрелить из крупного калибра, то можно пробить дыру через все здание. И прошить всякого, кто окажется на пути.

— Я об этом не подумала, — забеспокоилась Карла.

— Ничего, я все устрою. В ста метрах отсюда находится закрытый тир полиции Сент-Пола. Я стрелял там на соревнованиях. Постараюсь договориться, чтобы вам там дали несколько уроков стрельбы.

Когда Лукас уходил, она прикрыла за ним дверь, оставив только небольшую щелочку.

— Эй, Дэвенпорт! — крикнула она ему вслед.

Он остановился.

— Что?

— Вы меня еще куда-нибудь пригласите?

— Конечно. Если вы согласитесь потом меня приютить.

— Договорились, — сказала Карла и закрыла дверь. По дороге к лифту Лукас насвистывал, а она стояла, прижавшись к двери, слушала, как он свистит, и улыбалась сама себе.

Позже в тот же вечер Лукас лежал на кровати в свободной спальне и разглядывал висевшие на стене схемы. Через некоторое время он встал и приписал на листе с данными об убийце: «Бывает в суде».

Газеты его обрадовали.

Он понимал, что не должен оставлять их у себя. Если полицейские увидят их... Но когда полицейские обнаружат их здесь, у него в квартире, будет уже поздно. Это будет означать, что они все знают. И как же можно не сохранить такое! Заголовки огромными буквами — это бальзам для его души.

«Стар трибюн» писала: «Маньяк-убийца умертвил трех женщин в нашем городе». Заголовок в «Пионер пресс» был набран еще крупнее и звучал так: «Маньяк-убийца выслеживает женщин в Твин-Ситиз». Ему понравилось слово «выслеживает». Оно отражало длительность процесса, а не только констатировало факт, подчеркивало запланированность, а не случайность действия.

В тот вечер, когда началась шумиха, он совершенно случайно увидел краткое сообщение об этом в десятичасовых новостях. Тележурналистка станции, высокая блондинка в плаще, стоя у здания мэрии, резко произнесла в микрофон слово «убийство». Через час после этого он записал десятичасовой выпуск новостей станции TV-3, в котором показывали основные моменты пресс-конференции с начальником полиции.

Пресс-конференция была сумбурной. Сначала начальник полиции говорил скупно и собранно. Такими же были и первые вопросы. Но потом кто-то что-то крикнул, заглушая вопрос одного из журналистов, и все вышло из-под контроля. Под конец фоторепортеры газет залезли на стулья перед телекамерами, замелькали вспышки их фотоаппаратов... В зале творилось что-то невообразимое.

У него дух захватило. Он просмотрел пленки раз пять, уделяя внимание каждому нюансу. «Жалко, что они не показали пресс-конференцию целиком, — подумал он, — так было бы лучше». Поразмыслив над этим минуту или две, он позвонил на телестанцию. Линия была занята. Он дозванивался минут двадцать. Наконец ему ответили, оператор попросила его немного подождать, а потом сказала, что «на данный момент» они не планируют показать все целиком.

— Может быть, потом будет другое решение? — спросил он.

— Я не знаю, — усталым голосом ответила она. — Может быть. Позвонило около миллиона человек. Посмотрите завтра передачу «Доброе утро». Если они решат показывать пресс-конференцию полностью, то объявят в этой передаче.

Поговорив по телефону, Бешеный занялся изучением инструкции к видеомагнитофону, чтобы поставить его на автоматическую запись в нужное время. Отныне он будет записывать все основные выпуски новостей.

Прежде чем лечь спать, Бешеный еще раз просмотрел пленку, то место, где был заснят Лукас Дэвенпорт. Его показали мельком, он сидел, закинув ногу на ногу, на складном стуле. Его называли самым умным детективом во всей полиции. Он будет работать независимо от других.

Бешеный поднялся рано, чтобы посмотреть передачу «Доброе утро», но там опять крутили вчерашний выпуск, ничего нового. Позже, читая утренние газеты, он нашел в сент-польском номере короткую заметку о Лукасе Дэвенпорте, там была и маленькая фотография. Убил пятерых? Придумывает игры? Замечательно. Бешеный внимательно взгляделся в фото. «В линии подбородка есть что-то жестокое, — решил он. — Твердый

Днем Бешеный едва мог работать. Он нетерпеливо просматривал кучу папок с текущими делами по недвижимости, лежавших у него на столе. Еще пару минут он уделил двум малозначительным уголовным делам, но в конце концов и их отбросил в сторону. Больше всего он любил заниматься именно уголовными делами, но они к нему не часто попадали. В фирме он считался признанным специалистом по расследованию, но, как было замечено, у него не очень-то получались выступления перед судом присяжных. Что-то там было... ну, не так. Никто не говорил об этом вслух, но все это понимали.

Бешеный жил один около университета Миннесоты. Он занимал квартиру в доме, построенном еще в начале века, но недавно модернизированном. После работы он бросался домой, чтобы успеть к шестичасовым новостям. Больше ничего существенного не передавали, но тележурналисты со станции TV-3 спрашивали на улицах мнение людей. Те отвечали, что они не боятся, и что полиция скоро поймает его.

Полицейский в патрульной машине во всеуслышание объявил, что убийца подписывается кличкой Бешеный. Ему это понравилось.

Посмотрев новости, он еще час убирался и наводил порядок в своей стерильно чистой квартире. Обычно по вечерам он смотрел телевизор или крутил на видеомэгнитофоне взятые напрокат фильмы. В этот вечер ему не сиделось дома. Он вышел в город и ходил из бара в бар, стараясь смешаться с толпой. В одной модной дискотеке он обратил внимание на молодого человека, походившего на Джеймса Дина. У него были длинные черные волосы, широкие плечи, под черной кожаной курткой виднелась футболка, и еще у него была злая улыбка. Он болтал с девушкой в коротком белом платье, которое едва прикрывало попку, с доходившим почти до самых сосков декольте.

«Ты думаешь, что он опасен, — мысленно обращался он к ней, — но тебе это только кажется. На самом деле опасен я. На мне спортивная куртка и галстук, и ты даже не обратила на меня внимания. Но я и есть тот самый. Именно я и есть».

Пора было все начинать сначала. Пришло время подыскивать новую жертву. Он уже ощущал, как в нем возникает потребность. Он уже понимал, что с ним происходит и что будет дальше. Дней через десять или через пару недель эта потребность станет непереносимой.

До сих пор его выбор выпадал на официантку, домохозяйку, агента по продаже недвижимости. Теперь стоит подыскать женщину совсем другого типа. Чтобы у полицейских голова пошла кругом. Ну, скажем, проститутку. Не стоит пока спешить, но это идея.

Он был погружен в свои мысли и не замечал никого вокруг. Вдруг кто-то позвал его по имени:

— Эй, Луи! Луи! Я здесь!

Он обернулся. Бетани Джанкало. Господи помилуй! Одна из коллег по работе. Высокая блондинка, слегка помешанная на мужчинах. Шумная. И, как ему говорили, очень легкодоступная. Она держала под руку высокого мужчину, который посасывал трубку и смотрел на него с презрением.

— Мы собираемся на открытие выставки в галерее «Меланж», — прокричала Бетани. У нее был большой рот с накрашенными яркой розовой помадой губами. — Пойдем с нами. Там будет весело.

«Господи, — подумал Бешеный, — и это адвокат».

Однако он все же пошел вместе с ними. Джанкало всю дорогу не закрывала рот, ее спутник посасывал трубку. Все вместе они миновали квартал и оказались у находившейся в сером кирпичном здании галереи. Перед входом на тротуаре столпились люди. Джанкало, как заправский полузащитник, раздвигая толпу плечом, пролезла вперед. Внутри, равнодушно поглядывая на развешанные на белых, как яичная скорлупа, стенах полотна, прохаживались, держа в руках пластиковые стаканчики с вином, какие-то свободные художники средних лет.

— Кто-то уронил свою пиццу, — расхохоталась Джанкало, посмотрев на первую картину.

Ее спутник поморщился.

— Куча дерьма.

* * *

Но кое-что здесь было неплохо.

Бешеный не разбирался в искусстве, его это не интересовало. У него в офисе на стене висели два эстампа с изображением уток, в которые ему посоветовали вложить деньги.

Но теперь он смотрел на все широко раскрытыми глазами. Большинство работ на самом деле были бездарными. Но вот некто Ларсон Дъери рисовал приковывающие внимание обнаженные женские тела на причудливом фоне. Эти искаженные тела излучали какой-то сексуальный заряд, обращенный к мужчинам, одетым в пальто, широкополые шляпы и остроносые ботинки. Лица мужчин равнодушно взирали в другую сторону. В них чувствовалась какая-то зловещая сила. Бешеный был очарован.

— Луи, вот тебе вино и крекеры, — проговорила Джанкало и протянула ему стаканчик с бледно-желтой жидкостью и несколько печений. — Я бы назвала это: «Я стою нагишом пред Верховным судом», похоже? — спросила она, разглядывая картину Дъери.

— Я... — Бешеный подбирал нужное слово.

— Что ты? Тебе это понравилось?

— Ну...

— Луи, ты извращенец, — громко произнесла она. Бешеный испуганно огляделся вокруг. Но некто не обратил на него внимания.

— Такие мужчины мне нравятся, — добавила Джанкало.

— А мне она нравится. В ней есть что-то спорное, — сказал Бешеный и сам удивился своим словам. Он никогда не размышлял такими категориями.

— Да ерунда все это, Луи, — проорала Джанкало. — Он просто сделал попытку взвинтить цену.

Бешеный побрел в другую сторону.

— Луи...

Он вдруг подумал, уж не убить ли ему ее.

В этом должна быть некая артистическая спонтанность. Неким образом эти его мысли

перекликались с постулатом, который запрещал следовать какому-либо стереотипу. Он не будет ничего высчитывать и планировать. Это даже забавно. Джанкало — он в этом не сомневался — в основном будет идти ему навстречу, до самого того момента, когда он пустит в ход нож. Бешеный почувствовал возбуждение.

— Луи, не будь таким идиотом, — буркнула ему вслед женщина.

Она сказала: «Луи, ты извращенец... такие мужчины мне нравятся». Что это, приглашение? Если так, он не заставит себя долго ждать. Джанкало снова подошла к своему спутнику. Бешеный не знал, как нужно себя вести в подобных ситуациях, и не умел поддерживать разговор. Он откусил крекер и огляделся. Его взгляд наткнулся на Карлу Руиц, она смотрела на него.

От отвел глаза.

Бешеный верил, что по глазам можно прочесть мысли человека, и боялся, что она может узнать его.

Он прошелся по залу и встал таким образом, чтобы наблюдать за ней, прячась за другими посетителями выставки. Рана на лбу выглядела ужасно, синяки стали желтеть. Он и сам был весь в синяках.

Может быть, стоит навестить ее еще раз?

Нет. Таким образом он нарушит сразу несколько правил. И необходимость убивать ее уже прошла.

Но было одно искушение. Месть. Как с той девчонкой с фермы, которую он подстрелил прямо на лошади. От этой мысли Бешеного всего словно закололо иголочками, она притягивала его, как сигарета притягивает давно не курившего курильщика.

Это желание теперь будет расти. Надо начать сбор информации в понедельник. Не позже.

Дженнифер Кери снова смотрела на него в полумраке.

— Что? — спросил он.

— Что-что?

— Что ты на меня смотришь?

— Откуда ты знаешь, что я делаю? Ты ведь смотришь в другую сторону.

— Я это чувствую.

Лукас повернул голову. Она сидела в постели и смотрела на него. От света свечи ее кожа казалась розовой и теплой.

— Мне тридцать три года, — произнесла Дженнифер.

— О господи, — пробурчал он в подушку.

— Я хочу на время оставить репортерскую работу. Буду немного заниматься режиссурой, писать статьи на свободную тему.

— Ты помрешь с голоду.

— У меня есть сбережения. — Ее голос звучал ровно, даже несколько мрачно. — Я работаю с двадцати одного года. И у меня есть еще средства от родителей. А потом, я собираюсь подрабатывать на телестанции. Все будет в порядке.

— Зачем тебе это нужно?

— Это нужно моей женской природе, — проговорила она. — Я решила родить ребенка.

Лукас ничего не сказал и даже не пошевелился. Она усмехнулась.

— Ну что, холостяк, занервничал, подыскиваешь пути отступления?

Лукас продолжал молчать.

— Не в этом дело, — наконец проговорил он. — Просто все это слишком внезапно. Ты ведь мне нравишься. Должен ли я спросить, кто этот счастливчик?

— Нет. Видишь ли, я подумала, что тебе, может быть, не понравится мой маленький план. С другой стороны, с моей точки зрения, не часто можно встретить человека умного, физически привлекательного и здорового, нормального в сексуальном плане и свободного. Вот я и решила взять все в свои руки. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю.

Лукас лежал на спине и смотрел в потолок. Она увидела, как напряглись у него мышцы живота. Он приподнял голову и посмотрел на нее широко открытыми глазами.

— Дженнифер...

— Да. Я беременна.

Он откинулся на подушку.

— Ой!

Она рассмеялась.

— Ты самый замечательный человек.

— Почему?

— Я пыталась представить себе, что ты скажешь, когда узнаешь. Я разное себе представляла, но только не «ой».

Он сел. Его лицо было серьезным.

— Мы должны пожениться. Завтра. Я сдам анализ крови...

Она снова засмеялась.

— Эй, Дэвенпорт. Проснись. Я не собираюсь замуж.

— Что?

— Несколько минут назад ты сказал, что я тебе нравлюсь, но ты не сказал, что любишь меня. Это во-первых. Кроме того, я не хочу выходить замуж за тебя.

— Дженнифер...

— Послушай, Лукас. Я тронута твоим предложением. Я не была уверена, что ты мне егс сделаешь. Из тебя получился бы замечательный отец. Но ты был бы ужасным мужем, а я бы с этим не смирялась.

— Дженнифер...

— Я все обдумала.

— А как же я, черт побери?

Он откинул одеяло и склонился над ней, его кулаки были крепко сжаты. Ей впервые стало страшно с ним.

— Это ведь и мой ребенок. Правда? Это ведь точно мой ребенок?

— Да.

— И я не хочу, чтобы мой малыш остался без отца.

— И что ты собираешься делать? Поколотить меня, чтобы я вышла за тебя замуж?

Он посмотрел на свои сжатые кулаки и расслабился.

— Нет конечно, — мягко проговорил он и лег рядом с ней.

— Послушай. Я рожу ребенка, — сказала она. — Если ты не хочешь, чтобы кто-то узнал, что это твой ребенок, пусть будет так. Если это для тебя не имеет значения, то мне бы хотелось, чтобы ты мне помогал. Я останусь здесь в городе, предполагаю, что ты тоже.

— Да.

— Так что мы будем вместе.

— Нет. Мы же не будем спать в одной постели. Послушай, что я хочу тебе сказать. В оставшиеся девять месяцев...

— Семь.

— ...семь месяцев я постараюсь убедить тебя выйти за меня замуж. Даже если ты не согласишься, все равно переезжай ко мне.

— Лукас, этот дом похож на мужской клуб, здесь еще только плевательниц не хватает.

— Послушай, я же тебе говорю, что...

— Лукас, у нас еще несколько месяцев впереди, чтобы решить этот вопрос. А теперь я снова тебя хочу. Это все оттого, что ты так отреагировал. Твоя реакция оказалась намного лучше, чем я могла предположить.

Через несколько минут она проговорила:

— Лукас, твои мысли не тем заняты. Еще через несколько минут она сдалась:

— Это то же самое, что заниматься любовью с веревкой. С коротким обрывком веревки.

Лукас не засмеялся.

— Господи, у меня будет ребенок, — прошептал он, потом он повернулся и положил руку ей на живот. — Я всегда хотел иметь детей. Двоих или троих. — Он взглянул на нее. — Может быть, там двойня, а?

На следующее утро Дженнифер изучала себя в зеркале ванной, а Лукас стоял в дверях и смотрел на нее.

— Еще незаметно, — сказал он.

— Через месяц будет. — Она повернулась к нему лицом. — Мне нужно интервью с этой чиканос.

— Шеф...

— Мне наплевать на шефа. Я еще кое-что о ней разузнала, и, если ты мне не устроишь интервью, я выложу все, что у меня есть. Сегодня вечером или завтра.

— Подумаю, что можно сделать.

Она снова посмотрела на себя в зеркало и показала язык.

— Все predetermined.

* * *

Когда Лукас оделся, в душе еще лилась вода. Он побежал к стоявшему на кухне телефону, нашел в записной книжке номер Карлы и позвонил. Вода в душе перестала литься, и в тот же момент Руиц сняла трубку.

— Карла? Это Лукас.

— Да, привет. Что-нибудь случилось?

— На нас оказывают сильное давление, требуют интервью с вами. Женщина-тележурналист с TV-3, Дженнифер Кери, где-то раздобыла информацию. Она кое-что о вас знает, и теперь это только вопрос времени... Может быть, нам стоит опередить их и дать ей интервью, пока еще все находится под нашим контролем.

Последовала минутная пауза.

— Ладно. Если вы так считаете.

— Это будет днем или ближе к вечеру. Я к вам приеду.

— Мне собрать вещи?

— Э... да. Вы хотите, чтобы я поговорил с начальством насчет гостиницы, или вам больше подойдет вариант с домиком?

— Мне бы лучше в домик. Люблю озера.

— Собирайте чемодан. Поедем туда сегодня вечером.

Лукас повесил трубку, потом набрал рабочий номер телефона Даниэля.

— Линда? Мне нужно поговорить с шефом.

— Он очень занят. Сейчас посмотрю.

— Дженнифер Кери говорит, что у нее готов репортаж о женщине, которая осталась жива.

— Подожди.

Вошла Дженнифер, вытирая мокрые волосы полотенцем, и достала из холодильника пирог.

Лукас прикрыл ладонью трубку.

— Там что-то произошло, — сказал он.

Она перестала жевать.

— Что?

— Не знаю.

Дженнифер отодвинула стул и присела. Снова заговорила Линда:

— Переключаю тебя на шефа.

Зазвучал голос Даниэля:

— Лукас? Я уже хотел тебе звонить. Срочно приезжай.

— Что случилось?

— Слоун побеседовал с миссис Райс по поводу пистолета?

— Да. Я как раз был там.

— Она упомянула того парня из благотворительного фонда. Так вот, Слоун сопоставил это с твоей теорией, что убийца выбирает свои жертвы в суде, и кое-что проверил. Этот парень из фонда подходит по многим параметрам. Он гомосексуалист. Ему примерно столько же лет, и он такого же роста. И еще он увлекается искусством. Слоун поболтал там с одной женщиной из этого фонда и навел ее на разговор о Смайзе. Она с сожалением говорила о нем. Большой, красивый, но когда она была на открытии выставки, то видела его с дружкой. Слоун проверил насчет Руиц. Она тоже была на этом открытии. Это произошло за неделю до того, как на нее напали.

— Черт. — Лукас задумался.

— Я не знаю, что сказать.

— Подожди секундочку. Здесь у меня сидит Дженнифер Кери. — Лукас снова закрыл трубку рукой. — Отправляйся в ванную и закрой за собой дверь.

— Эй!

— Не создавай мне сложности, Дженнифер, пожалуйста. Это служебный разговор. Нам нужно кое-что обсудить, а ты пока...

— Хорошо.

Она встала и выбежала из кухни, Лукас услышал, как захлопнулась за ней дверь.

Он снова заговорил в трубку:

— Я отправил ее в ванную. Она вне себя... Дверь закрыта. Вот что я вам хочу сказать, шеф, все это выглядит очень просто. Убийца слишком хитер, чтобы его можно было так быстро поймать. И неделя — это уж слишком короткий срок.

— Конечно, но мы его поймали по чистой случайности. Он не думал, что потеряет пистолет.

— Тогда почему же на гильзах нет отпечатков пальцев? Этот сукин сын заряжал пистолет в перчатках.

— Да. Но бьюсь об заклад, что он не знал, откуда у старика пистолет, он не думал, что мы сможем узнать происхождение пистолета. К тому же он голубой. Все говорит за то, что это он и есть.

Лукас немного подумал.

— Да, возможно, — согласился он. — Ладно. Раз так, стоит его проверить.

— Нам бы не хотелось попасть впросак. Поэтому я хочу поручить тебе... провести что-то вроде разведывательной операции.

— Ладно.

Даниэль хотел, чтобы Лукас пошарил в доме у Смайза.

— Послушай, Кери хочет побеседовать с Руиц. Думаю, стоит это устроить. Это отвлечет ее от вновь открывшихся обстоятельств.

— А что об этом думает сама Руиц?

— Кажется, она согласится. Или же я могу попытаться ее уговорить. Все можно устроить так, как мы договаривались. Это отвлечет внимание журналистов, а мы пока займемся Смайзом.

— Действуй. И приезжай сюда. Все соберутся на совещание в десять часов.

— Выходи, — прокричал Дэвенпорт.

Лукас шагнул в коридор и увидел, что дверь ванной раскрыта. Он быстро прошел к

спальне и распахнул дверь. Дженнифер как раз клала трубку на рычаги.

— Не удалось услышать разговор с начала, — заявила она.

В ее голосе не прозвучало ни нотки сожаления. Она и не думала извиняться.

— Черт побери, Дженнифер, — раздраженно произнес Лукас.

— Я не потерплю указаний в том, что касается моей работы. Во всяком случае, от копов.

— Нам надо как-то урегулировать этот вопрос, — сказал Лукас, уперев руки в бока. — Что ты слышала?

— У вас есть подозреваемый. Он гомосексуалист. Это все. И еще про Руиц.

— Это нельзя использовать.

— Не указывай мне...

— Возможно, ты считаешь, что, подслушивая мои телефонные разговоры, ты ведешь себя как настоящая журналистка, но твой адвокат не сочтет это очень разумным. На телестанции, подумав немного, тоже не обрадуются. Совет штата по новостям тоже скажет свое слово. И если уж быть до конца правдивым, то мне кажется, что этот парень не тот, кого мы ищем. И если так оно и окажется, а ты будешь говорить о нем как об убийце, то после соответствующего судебного иска он станет новым владельцем телестанции.

— Я об этом подумаю.

— Дженнифер, ведь у нас будет ребенок, мы не можем и дальше играть в кошки-мышки. Я должен тебе доверять. И что касается дел, над которыми я работаю, ты будешь использовать только тот материал, который я тебе разрешу.

— Мы так с тобой не договоримся.

— Надо постараться, а то все может плохо кончиться. Мы будем находиться вместе и бояться разговаривать друг с другом. Это же относится только к делам, которые я веду.

— Мы что-нибудь придумаем, — после минутной паузы уклончиво сказала она. — Я не собираюсь держать в секрете все, что касается этого дела. И, если я что-нибудь разузнаю в другом месте, я это использую.

— Хорошо.

— Когда я займусь режиссурой, я уже не буду создавать тебе проблемы, — добавила Дженнифер. — Я сосредоточусь на более серьезных вещах. Не на полицейских штучках.

— Нам обоим от этого будет только лучше. Так как насчет сегодняшнего дела? Ты потерпишь немного? Я уже позвонил Руиц, пока ты была в душе. Она сказала, что согласна. Все можно устроить сегодня вечером. Ты слышала, что сказал Даниэль? Он дал «добро».

Дженнифер еще немного поколебалась и наконец согласно кивнула.

— Ладно. Договорились. Я пока придержу информацию о подозреваемом, только с условием, что ты обещаешь мне, что я первая сообщу об этом, если, конечно, будет о чем сообщать.

— Обещаю, что ты тоже будешь в этом участвовать.

— Черт тебя побери, Лукас...

— Дженнифер...

— Нам будет непросто друг с другом, — сказала она. — Ладно. Хватит пока. Если я передумаю, дам тебе знать.

Он кивнул.

— Я перезвоню Руиц и уточню время.

— Этого парня зовут Джимми Смайз, — рассказывал Андерсон, когда они вместе шли на совещание. — Я запросил по компьютерной сети его личное дело и сравнил полученную информацию о психологическом портрете, составленном нашими психологами, и теми данными, которые собрали мы. Есть некоторые совпадения.

— Ну а несоответствия есть? — спросил Лукас. — Он с юго-запада?

— Нет. Насколько мне известно, он родился и вырос здесь, в Миннесоте, учился в Мичиганском университете, некоторое время работал в Детройте, затем жил в Нью-Йорке, а потом вернулся сюда и поступил на службу в этот фонд.

— У нас на него что-нибудь есть?

— Ничего серьезного. Когда ему было семнадцать лет, полицейский в Стиллуотере нашел у него немножко марихуаны.

— А какая у него репутация в фонде?

— Стоун говорит, что очень хорошая. Смайз, конечно, гомосексуалист, он и не скрывает этого, но и не выставляет напоказ в то же время. Ладит с людьми у себя на работе, с мужчинами в том числе. Его хотят повысить и дать должность инспектора.

— Не знаю, что тебе и сказать. Кажется, этого не вполне достаточно.

— Но по своим внешним данным он очень подходит.

Когда Лукас и Андерсон вошли в комнату, Даниэль беседовал с другими детективами.

— Я не хочу, чтобы хоть единое слово вылетело из этих стен, — говорил он. — Мы должны вплотную заняться этим парнем, но так, чтобы об этом никто не знал. — Он ткнул пальцем в сторону Слоуна. — Ты займешься соседями. Скажешь им, что это особое поручение по сбору информации на предмет зачисления на службу в департамент. Если потребуется подкрепить эту версию, я дам подтверждение, придумаю какую-нибудь чушь вроде налаживания связей между общиной гомосексуалистов и полицией по вопросам СПИДа и другим проблемам. Как полиция может им в этом помочь, и всякое такое. Они примут это за чистую монету.

— Хорошо, — согласился Слоун.

— В общем-то неплохая идея, — заметил Лукас.

— Довольно с нас и своих собственных гомиков, не хватало только еще заниматься чужими, — отозвался Даниэль, затем перевел взгляд на Андерсона. — Раскопай о нем все, что сможешь, и сопоставь это с тем материалом, который у нас есть на других потерпевших. С Руиц он уже пересекается. Так что проверь, может быть, еще где-нибудь есть совпадения. А теперь с вами, — сказал он, обращаясь к остальным шести детективам. — Вы будете следить за каждым его движением. По два человека круглосуточно. Даже если вам придется работать сверхурочно. И даже если на ваших глазах банда хулиганов нападет на восьмидесятилетнюю старуху из высшего общества, сообщите дежурному и забудьте об этом. Не спускайте глаз с этого мерзавца. Понятно? Ваш объект — это Смайз. Я хочу, чтобы вы сообщали о его местонахождении каждые пятнадцать минут. Днем будете звонить

Андерсону, а ночью дежурному офицеру.

— Мой муж будет в восторге, — тихо заметила женщина-полицейский.

— Чтоб его громом трахнуло, этого твоего муженька! — рассердился Даниэль.

— Я бы сама его трахнула, но меня вечно ставят на ночное дежурство, — парировала она.

* * *

Когда совещание закончилось, он попросил Лукаса задержаться.

— Ты с Руиц обо всем договорился?

— Я с ней разговаривал перед тем, как приехать сюда. Устроим все сегодня у нее дома.

В шесть часов. Она согласна нам помочь, и Кери немного поостынет.

— Надеюсь, у нас не будет неприятностей с этой женщиной из-за твоей пассии.

— У меня все под контролем, — заверил Лукас. — Я дам знать газетчикам и тележурналистам, что ты собираешься устроить пресс-конференцию. Скажу репортерам из газет, что они смогут взять у нее интервью, одновременно с Кери. А сюда на пресс-конференцию мы приедем к девяти часам. Потом я на пару дней уеду в свой загородный домик. Так надо.

— Господи, ну и выбрал же ты время для отдыха.

— У меня все схвачено. Я оставлю свой телефон старшему по смене, на тот случай, если понадобится.

— Ладно. Но сегодня вечером подготовь Руиц, чтобы она публично обратилась к общественности за содействием, хорошо? Ну, ты знаешь, как это делается.

Даниэль откинулся в кресле, положил одну ногу на стол и стал разглядывать фотографии на стене, потом заговорил о другом:

— Ты знаешь, что нам теперь нужно.

— Да.

— Скажи Андерсону, чтобы дал тебе рекогносцировку. Мы уже знаем, что он живет один. У него маленький домик у озера Гарриет.

— Недалеко от того места, где работала Льюис. Агент по продаже недвижимости.

— Мы уже размышляли над этим, — сказал Даниэль. — Однако он не покупал свой дом через ее контору.

— Послушай. Постарайся особенно не афишировать то, что мы заинтересовались им, ладно? — посоветовал Лукас. — Если пресса что-нибудь разносит, скажи, что он просто попал в поле нашего зрения, но вряд ли это он.

— Ты не веришь в эту версию?

— У меня предчувствие, что мы на ложном пути.

— Ты не смог бы заняться делом сегодня днем? Мы могли бы что-нибудь узнать.

— Я попробую.

По поводу обыска на квартире Смайза не было сказано ни слова.

* * *

Из своего кабинета Лукас позвонил кое-кому из газетчиков и тележурналистов и намекнул, что Даниэль собирается устроить пресс-конференцию. Он по отдельности поговорил с редакторами и посоветовал им прислать хороших и не очень агрессивных репортеров: часов в шесть будут интересные новости, их можно будет пустить в завтрашний номер.

Покончив с этим делом, он разыскал адрес и номер телефона Смайза и нашел на карте города его дом. Лукас знал этот район. Задумавшись на минутку, он поджал губы, потом выдвинул нижний ящик стола, пошарил в глубине и вынул инструмент, который походил на миниатюрную электрическую дрель, но только вместо сверла в патрон были вставлены два зубца. Один прямой, а другой слегка отогнутый. Лукас отвинтил крышку, вложил внутрь батарейки и нажал на кнопку. Зубцы завертелись. Он отпустил рычажок и вздохнул.

* * *

Рыжегато-коричневый, с оштукатуренными стенами дом Смайза стоял на живописной полянке — точь-в-точь как на картинке. По обе стороны от ступенек, ведущих к дверям, росли четырехметровые кусты можжевельника. Прохожие редко встречались на этой тихой улочке. Лукас дважды проехал на машине мимо дома, а затем остановился возле телефона-автомата.

— Андерсон.

— Говорит Дэвенпорт. Где Смайз?

— Мне только что звонили. Он у себя на работе.

— Спасибо.

Затем Лукас набрал домашний номер Смайза и дождался гудков. После тридцатого гудка он достал из своей машины кусачки, огляделся вокруг и отрезал телефонную трубку, которую затем бросил в свою машину, чтобы никто не смог разъединить линию.

«Порше» был слишком заметным автомобилем, чтобы оставить его прямо перед домом Смайза. Лукас припарковал его за квартал от места и пошел пешком. В кармане у него была отмычка. По улице ехал паренек на велосипеде, и Дэвенпорт немного замедлил шаг, чтобы тот отъехал подальше. У дома Смайза он свернул и, не оглядываясь по сторонам, пошел прямо к ступенькам.

Из-за двери было слышно, как звонит телефон. Замок был старой конструкции, его, наверное, вместе с дверью поставили еще в пятидесятые годы. Лукас открыл его отмычкой быстрее, чем за минуту. Постучав в дверь, открыл ее и просунул голову внутрь.

— Эй! — позвал он.

Потом свистнул. Никто не ответил. Дэвенпорт вошел в дом и закрыл за собой дверь.

В доме было тихо и чем-то пахло. Что это? Средство для полировки мебели? Воск. Лукас быстро осмотрел первый этаж и остановился, чтобы сиять телефонную трубку. Телефон замолчал.

В гостиной было просторно, там стояла со вкусом подобранная мягкая мебель и стеклянный чайный столик. Кухня была уютной и светлой, стены облицованы желтым кафелем, на подоконнике горшки с растениями. В ванной комнате — чугунная ванна. В маленькой спальне стояли широкая двухспальная кровать в углу, пустой комод, письменный стол и кресло. По-видимому, эту комнату использовали как кабинет и комнату для гостей.

Лукас выдвинул ящики стола, там были счета, финансовые отчеты и копии квитанций об уплате подоходных налогов.

Большая спальня была превращена в комнату для отдыха. Здесь стояли полутораметровые колонки от музыкального центра. Телевизор с большим экраном располагался напротив длинного уютного дивана. Одна стена в этой комнате была завешана фотографиями. На одной из них Смайз был снят с пожилой парой, они улыбались. Лукас предположил, что это его родители. На другой фотографии он стоял с двумя мужчинами, все были немного похожи друг на друга. Вероятно, его братья. На всех троих борцовские костюмы. Они демонстрируют свои бицепсы перед камерой. Еще одна фотография. Смайз с отцом сбрасывают с телеги сено. Смайз с дипломом. Смайз с приятелем, обняв друг друга, стоят на нью-йоркской улице.

Где же его спальня? Лукас вышел в холл и поднялся по ступенькам наверх. Спальня занимала весь второй этаж. Тут стояла огромная, так и не убранная после сна кровать. По стульям были разбросаны джинсы, белье и другая одежда. В книжном шкафу — книги, в основном это была научная фантастика, и несколько журналов для гомосексуалистов. Лукас проверил ящики комода. Ключи, одеколон, кошелек с надписью «Дакс анлимитед», маленькая шкатулка, фото Смайза с каким-то мужчиной: оба по пояс голые стоят, обнявшись за плечи.

Лукас выдвинул верхний ящик. Презервативы. Две коробки. В одной со смазкой, в другой — без.

Обе коробки были наполовину пусты. Он взял один презерватив со смазкой и положил себе в карман. Быстро просмотрел содержимое остальных ящиков. Пачка писем от человека по фамилии Рич, они были стянуты резинкой. Лукас прочитал два из них. Обычная болтовня бывшего любовника. Никаких угроз, никаких упреков.

Проверил кладовку для вещей. Спортивная обувь, пять пар. «Адидас», «Адидас», «Адидас», «Адидас» и еще раз «Адидас». Кроссовок фирмы «Найк» нужной модели здесь не было. Он спустился вниз, прошел в ванную. В шкафчике для лекарств находились выписанные врачом медикаменты. Два флакона пенициллина, один из них пустой, слабый обезболивающий препарат и крошечная баночка с глазной мазью.

Прошел через кухню. Вот лестница в подвал. Он спустился вниз. Там был шкаф, в котором хранились три ружья. Дальше шла комната для силовых упражнений. Полный набор, со специальной скамьей для занятий лежа. Везде висели фотографии тяжелоатлетов с рельефно выступающими мышцами. От руки вычерченный график с пометками против тех дней недели, когда хозяин занимался теми или иными упражнениями. Он почти не пропускал занятий.

Лукас вернулся наверх. Снова шкаф с выдвижными ящиками. Что там, еще оружие? Ничего, кроме инструментов. Снова вверх по лестнице в гостиную. Две неплохие картины, обе выполнены углем, две обнаженные изогнутые женские фигуры. Он посмотрел на часы, осталось девять минут.

Снова вернулся в кабинет. Выдвинул ящики стола. Финансовые бумаги, письма, деловая переписка. Ничего интересного. Включил компьютер IBM. Загрузил программу Word Perfekt. Загрузил дискеты с файлами. Письма, деловая корреспонденция. Смайз работал дома. Ничего похожего на дневник не было.

Еще раз огляделся вокруг. Снова посмотрел на фотографии на стене. «Счастливым, — подумал Лукас. — По крайней мере, он таким выглядит».

Проверил время. Семнадцать минут. Пора убираться восвояси.

Он зашел в кабинет к Даниэлю.

— Ну как? — с тревогой в голосе спросил тот. Лукас опустил руку в карман, вынул презерватив в упаковке с надписью «Шейр» и положил на стол. Даниэль взглянул на него, но в руки не взял и снова посмотрел на Дэвенпорта.

— В папке есть список презервативов, при изготовлении которых использовалась такая же смазка, как та, которую обнаружили у убитых.

— Верно.

— Это название есть в списке?

— Да.

— Черт! Значит, у нас есть основание для выписки ордера на арест?

— Едва ли.

Даниэль нажал кнопку внутренней связи.

— Линда, пригласите ко мне детектива Слоуна. Детектив Андерсон из отдела по убийствам знает, где его найти. Мне он нужен немедленно.

Он снял палец с кнопки и снова посмотрел на Лукаса.

— Были какие-нибудь сложности?

— Нет.

— Постарайся несколько дней не попадаться в объективы телекамер. Держись подальше от них во время пресс-конференции, вдруг кто-нибудь заметил тебя на улице.

— Хорошо. Но думаю, что здесь все чисто.

— Господи, если это тот самый человек, которого мы ищем, то все полицейское управление окажется на высоте. Где-нибудь в Лос-Анджелесе за этим парнем могли бы охотиться годами, а некоторых бандитов вообще не удастся поймать. — Даниэль запустил пальцы в волосы. — Ну конечно же, это он.

— А мне так не кажется, — тут же возразил Лукас. — Давай рассуждать здраво. Когда мы арестуем кого-нибудь, пресса просто сойдет с ума. И если этот человек окажется невиновным, то тебя на первом же суку повесят за ноги. Особенно учитывая внешнее отношение к гомосексуалистам.

— Хорошо, хорошо, — проговорил Даниэль с несчастным выражением лица. Он замахал рукой, словно отгонял мошек. Зазвонил телефон, и он схватил трубку. — Да. Мы тебя ждем. — Он посмотрел на Лукаса и беззвучно прошевелил губами: «Слоун», — Ты проверил список домов, проданных Льюис?.. Да. Сколько?.. Когда это было?.. Ага. Хорошо. Занимайся этим дальше. Раскопай все, что сможешь найти. Поговори с ее приятелем, узнай, в какие бары они ходили. Может быть, Смайз тоже туда ходил... Да. Может быть, мы будем просить ордер на арест... Что?.. Подожди минуточку. — Он снова взглянул на Лукаса. — Слоун говорит, что завтра будут увозить мусор. Он хочет знать, нужно ли ему забрать его, если Смайз что-нибудь вынесет.

— Неплохая идея. Это не противоречит закону, и для этого не нужен ордер. И если мы там что-нибудь откопаем, то можно будет и выписывать ордер.

Даниэль согласно кивнул и проговорил в телефон:

— Хорошо. Забирай мусор. Удачи тебе... Да. — Он повесил трубку. — Льюис продала дом за квартал от него. За семь недель до того, как ее убили.

— Вот это да, не знаю...

— Подожди, слушай дальше. Слоун поговорил там кое с кем. Смайз бегаёт трусцой

именно в этом районе. Каждый вечер, все лето. Мимо того дома, который она продала.

— Это слабое доказательство.

— Лукас, если мы найдем еще что-нибудь против него, я сам пойду за ордером. Сейчас этим занимается Лошоз, а он даст ордер хоть на то, чтобы перевернуть нижнее белье губернатора. Даже если это белье надето на него.

— Да я не беспокоюсь, получим мы ордер или нет. Меня больше волнует реакция общественности.

— Я это улажу. Мы будем действовать осторожно.

Лукас с сомнением покачал головой.

— Не знаю, что и сказать. У меня такое ощущение, что мы все бросились в одном направлении. — Он взглянул на свои часы. — Мне нужно позвонить по поводу интервью с Руиц. Поосторожней там, ладно?

Лукас беседовал по телефону с редактором газеты «Пионер пресс».

— Уолли? Это Лукас Дэвенпорт.

— А, Лукас, ну как, молоток висит?

— Отличное выражение, Уолли. Где ты его услышал?

— Я думал, что легавые так говорят. Извини, я хотел сказать, копы. Просто решил пошутить.

— Ладно. Пусть кто-нибудь из твоих писак часов в шесть подъедет к полицейскому участку в Сент-Поле.

— А что будет?

— Откровенно говоря, есть одна женщина, которой удалось уцелеть после нападения Бешеного, и мы хотим, чтобы она выступила публично.

— Ну да! Подожди.

На другом конце провода послышалось несколько приглушенных восклицаний, потом заговорил другой голос, женский. Это была Дениза Ринг, редактор городских новостей.

— Лукас, это Дениза. Откуда эта женщина?

— А, Дениза. Ну как, молоток висит?

— Что-о?

— Уолли только что меня спросил: «Ну как, молоток висит?» Я думал, что у вас в газете так принято здороваться.

— Иди ты к черту, Лукас, вместе с Уолли. Так что там насчет этой женщины?

— Ну, есть такая. Мы об этом ничего не сообщали, нам нужно было ее хорошенько порасспросить. Но Дженнифер Кери разузнала о ней...

— От тебя?

— Нет. Не знаю, где она это вынюхала. Наверное, выведала у полицейских в Сент-Поле.

— Ты ведь спишь с ней.

— Господи, вы что, и почту мою просматриваете?

— Да все это знают. Мы решили, что это просто дело времени. Она ведь последняя женщина в городе, с кем ты еще не спал, а мог бы. Иначе либо ей, либо тебе пришлось бы найти партнера за пределами штата.

— Слушай, Дениза, тебе вообще нужен репортаж?

— Да. Не нервничай.

— Дженнифер заявила, что она все опубликует, хотим мы того или нет, поэтому мы поговорили с потерпевшей, и она согласилась выступить. Дженнифер хотела получить

экссклюзивное интервью, но Даниэль сказал «нет». Он поручил мне позвонить вам и в «Стар трибюн». Вот я вам и звоню.

— В шесть? Наш человек там будет. А как насчет снимков?

— Пришлите фотографа. У Дженнифер будет камера.

— Так это по этому поводу собирается пресс-конференция в девять часов?

— Да. Потерпевшая будет беседовать с другими журналистами, но сначала вы, TV-3 и «Стар» встретитесь с ней в шесть часов.

— Для нас это не будет эксклюзивным интервью. Дженнифер выйдет в эфир раньше.

— Ну уж не на много...

— И «Стар» будет там вместе с нами.

— Но я уверен, у вас получится лучше.

— Как всегда, — уверенно сказала Ринг. — Хорошо. В шесть. Так как ты сказал ее зовут?

Лукас засмеялся.

— Сюзан Б. Энтони. Погоди. Может быть, я ошибся. В шесть часов скажу тебе точно.

— Хорошо, тогда до шести.

Лукас повесил трубку и, набрав номер «Стар трибюн», рассказал то же самое редактору и перезвонил Карле.

— Вы ведь приедете туда? — В голосе ее слышалась тревога.

— Да. Я заеду к вам часам к пяти, и мы обсудим, что вы будете говорить. А потом я схожу в полицейский участок и приведу их. Это будет в шесть часов. Со мной придут Дженнифер Кери с TV-3, телеоператор, два репортера из газет и с ними два фотографа. Я их всех знаю, они вполне приличные люди. Закончим все в семь часов. После этого перекусим где-нибудь и поедem в Миннеаполис на пресс-конференцию. По дороге можно будет все еще раз обсудить.

— Ладно. Я сделаю прическу. Что еще?

— Наденьте простую блузку. Только не желтого цвета. Светло-голубая подойдет, если у вас есть. Можно надеть джинсы. И не надо сильно краситься. Так, немного губной помады. Дженнифер все сделает как надо. Все будет в порядке.

* * *

— Меня зовут Дженнифер Кери. Здравствуйте, как ваши дела?

— Здравствуйте. Я видела вас в новостях...

Лукас наблюдал, как они беседуют, а оператор, два репортера и фотографы с любопытством оглядывают студию. Дженнифер в упор смотрела на Карлу, пытаясь угадать ее реакцию, и улыбкой поощряла ее.

— Послушайте, приятели, — наконец сказала Дженнифер, обернувшись к газетчикам. — Давайте сделаем так: пусть Карла расскажет все, что она хочет, а мы будем ее снимать. Это позволит ей сосредоточиться. А потом мы возьмем интервью.

— Я хочу присутствовать при вашей беседе, — заявил репортер из «Стар трибюн». Его коллега из «Пионер пресс» согласно кивнул.

— Пожалуйста, но попрошу вас не вмешиваться в разговор.

Лукас наблюдал, как репортеры выспрашивали подробности у Карлы. Почувствовав

дружелюбную атмосферу, она расслабилась и уже с жаром описывала, как убийца спасался бегством. Через пятнадцать минут Лукас прервал их.

— В девять часов у нас пресс-конференция. Вам пора начинать, — сказал он Дженнифер.

— Мы бы хотели, чтобы вы встали и показали нам, как это все происходило. Где он схватил вас и что произошло потом. Покажите все, мы будем снимать, — попросил один из фоторепортеров.

Карла изобразила, как она несла покупки и как потом на нее внезапно напали. Пока она ходила по комнате, показывая что и как было, фотографы буквально танцевали вокруг нее. Вспышки фотоаппаратов сверкали как молнии.

Когда они закончили, Дженнифер попросила Карлу проделать все сначала, при этом сама она изображала убийцу. Затем обе женщины сели и стали беседовать, а оператор стал снимать их спереди и сбоку, показывая их лица крупным планом.

— Хорошо. Мы ничего не упустили? — спросила Дженнифер. Она посмотрела на часы.

— Думаю, что нет, — проговорила Карла. — У вас все? — обратилась она к другим репортерам. Те закивали головами.

— О'кей, интервью закончено, — сказал Лукас. — Больше никаких вопросов, никаких «еще чуть-чуть». Если вам что-нибудь позарез понадобится, приходите или присылайте своих ребят на пресс-конференцию. Договорились? Все довольны?

Через пять минут он выставил всех за дверь.

— Ну как вы? — спросил он Карлу, когда они ушли.

— Мне было интересно, — ответила она, блеснув глазами.

— На пресс-конференции будет по-другому. Много вопросов один за другим, и не все они могут оказаться приятными. И ни в коем случае не упоминайте это интервью, а то все сойдут с ума. Ну а когда они увидят выпуск TV-3, будет уже поздно.

* * *

По дороге на пресс-конференцию Карла спросила:

— Вы давно знаете Дженнифер Кери?

Он мельком взглянул на нее.

— Несколько лет. А что?

— Она стояла очень близко от вас, а вы даже не замечали этого. Обычно так бывает, когда между людьми существуют какие-то интимные отношения.

— Мы очень давно дружим, — уклончиво ответил Дэвенпорт.

— Вы с ней спали?

— Мы с вами не настолько близко знакомы, чтобы обсуждать такие вещи, — сказал он.

— Для меня ваш ответ прозвучал как твердое «да», — проговорила Карла.

— О Господи!

* * *

Пресс-конференция была короткой, шумной и завершилась довольно жестко. После

Карлы говорил начальник полиции.

— У вас есть подозреваемые? — выкрикнул один из репортеров.

— Мы изучаем все версии...

— Значит, нет, — не дал ему договорить репортер.

— Это не так, — сказал Даниэль.

Лукас поморщился.

— Так у вас все-таки есть подозреваемый? — спросила женщина.

— Я этого не сказал.

— Так поясните, что вы хотите сказать! Хотя бы в нескольких словах!

* * *

Через час после пресс-конференции, сидя с Лукасом в его «порше», Карла все еще была возбуждена.

— Так вы получите запись интервью Дженнифер?

— Да. Вы сможете посмотреть ее, когда вернетесь.

— Они все как с цепи сорвались, когда ваш шеф обозвал парня подонком, — вспоминала Карла.

Лукас рассмеялся.

— Мне это понравилось. Парень ведь на самом деле подонок. На Даниэля это тоже подействовало. И хорошо. Он будет более осторожным.

— А мне вы не расскажете про подозреваемого?

— Нет.

До домика Лукаса было три часа езды. Они остановились около магазина, чтобы купить продукты. Лукас немного поболтал с владельцем магазина о рыбалке.

— На прошлой неделе поймали две большие рыбины, — сообщил тот.

— Очень большие?

— Доктор Хеннинг, который ловит на блесну, вытащил за большим островом рыбку длиной больше ста двадцати сантиметров. Потянула на тридцать два фунта. Потом какой-то парень-туркет из Чикаго — кажется, он рыбачил с лодки Вильсона — поймал рыбу на двадцать восемь фунтов.

— Да-а. Не многие в Норт-Вуде могут похвастаться таким уловом.

* * *

— Как красиво, — замороженно проговорила Карла, посмотрев на озеро.

— Луна только раздражает. Она похожа на рекламу пива.

— Она прекрасна, — возразила Карла и, отвернувшись от окна, спросила: — Какую спальню мне можно занять?

Он махнул рукой.

— Можете занять большую, меня все равно здесь не будет. В гараже стоит велосипед, до магазина полмили, а до города три. У причала есть лодка. Вы умеете управлять подвесным мотором?

— Конечно. Мы с мужем каждое лето ездили на север. Рыбачить. Это одно из немногoго, что он умел.

— На веранде на полке лежат удочки, а под диваном стоят два ящика со снастями. Это на случай, если вы захотите порыбачить. Отплывете от берега — и вдоль зарослей осоки на север.

— Хорошо. Вы прямо сейчас уезжаете?

— Чуть позже. Сейчас положу продукты в холодильник, потом выпью пива и немного посижу на веранде.

— А я пойду приму душ и переоденусь, — сказала Карла.

* * *

Лукас сидел на диване-качалке и слегка раскачивался, упираясь ногами в подоконник. Ночь была прохладной. Легкий ветерок доносил запах хвои и шорох деревьев. Енот пересек освещенный двор соседнего участка и направился к мусорным бачкам. С другой стороны, за несколько участков от его дома, раздались женский смех и плеск воды. Он услышал, как у него за спиной в душе выключили воду. И через несколько минут на веранду вышла Карла.

— Хотите еще пива?

— Гм. Да. Еще баночку.

— Я тоже выпью.

На ней был розовый махровый халат и резиновые тапочки для душа. Она принесла ему пиво и, подобрав под себя ноги, села рядом на качалку. У нее были мокрые волосы, и капельки воды блестели в рассеянном свете, струившемся из окон, как драгоценные камни.

— Похолодало, — заметила она. — Вы приезжаете сюда зимой?

— Я приезжаю сюда всякий раз, как только выдается случай. Зимой я люблю кататься на лыжах. Здесь везде есть лыжни. Можно пройти несколько миль.

— Это просто замечательно.

— Я вас приглашаю.

Они сидели и разговаривали. Лукас чувствовал исходящее от ее разгоряченного душем тела тепло.

— Вам не холодно?

— Нет еще. Наверное, скоро станет холодно. Но пока мне хорошо. — Она положила голову ему на плечо. — Не похоже, чтобы у полицейского был такой дом. Я хочу сказать, у такого лихого парня с «порше».

— Врач прописал, — объяснил Лукас. Он обнял ее одной рукой. — Я целый день на улице, а иногда еще и полночи, потом прихожу домой и сажусь работать над своими играми. Так выматываюсь, что порой не могу заснуть, даже если валюсь с ног от усталости. Поэтому я обратился к врачу. Думал, он пропишет какие-нибудь успокоительные таблетки, а он посоветовал мне уехать и как следует отдохнуть. Здесь я никогда не работаю. То есть не занимаюсь здесь умственным трудом, понимаете? Рублю дрова, ремонтирую гараж, чиню причал и так далее. Но не работаю ради денег.

— Знаете что? — прошептала Карла.

— Что?

— На мне кроме халата ничего нет. — Она захихикала.

— Да ну! Совсем голая?!

— Да. Я подумала... а почему бы и нет?

— Могу считать это официальным приглашением?

— А разве ты против?

— Нет, нет, нет-нет-нет.

Он наклонился и поцеловал ее чуть ниже уха.

— А я все сижу и подсчитываю свои шансы. До сих пор я вел себя как пай-мальчик, как-то неудобно было ни с того ни с сего начать приставать.

— Поэтому я и решила сама предложить, — улыбнулась Карла. — Ты ведь не лез ко мне, как другие.

Было уже очень поздно, когда она сказала:

— Мне нужно поспать. Я только сейчас почувствовала, какой тяжелый был день.

— Еще только один вопрос, — проговорил он, лежа в темноте. — Когда я в первый раз был у тебя дома и ты мне рассказывала, как все это произошло, ты сказала, что человек, который на тебя набросился, был не такой сильный и тренированный, как я. Ты и сейчас так думаешь?

Она помолчала немного, потом проговорила:

— Да. У меня осталось отчетливое ощущение, что он немного... ну, не жирный, как свинья, но рыхлый. Как будто у него была жировая прослойка, а мышцы не чувствовались. Ну конечно же, он был намного сильнее, чем я, но я вешу всего чуть больше сорока пяти килограммов. Думаю, что как мужчина, он не очень сильный.

— Черт!

— Для тебя это что-нибудь значит?

— Возможно. Боюсь, что да.

* * *

Рано утром следующего дня Лукас подошел к своей машине, пошарил под сиденьем, вытащил оттуда револьвер тридцать восьмого калибра в черной кобуре и две коробки патронов и отнес их в дом.

— Что это? — спросила Карла, когда он вошел в комнату.

— Пистолет. Ты ведь говорила, что он тебе может понадобиться.

— Гм. — Она прищурила один глаз и хитро посмотрела на Лукаса. — Ты привез его с собой, но вчера вечером не стал доставать. Значит, ты уже тогда знал, что останешься на ночь.

— Давай не будем дальше разбираться в этом вопросе, — улыбнулся Лукас. — Обувайся. Мы идем на прогулку.

Они перешли через дорогу и направились в лес, прошли вдоль ручья, который постепенно превратился в длинную лужу, а потом повернули в лощину, которая привела их к подножию крутого холма. Они поднялись на заросшую травой террасу с песчаным откосом.

— Будем стрелять в этот откос, — сказал Лукас. — Начнем с трех метров, потом отойдем на шесть.

— Почему так близко?

— Потому что, если он будет от тебя на более далеком расстоянии, ты должна или

убежать, или звать на помощь. Стрелять можно, только если он будет рядом.

Он огляделся вокруг и кивнул в сторону упавшего дерева.

— Пойдем присядем и немного поговорим.

Они сели на ствол, и Лукас начал разбирать пистолет и показывать, как действует каждая часть, как нужно его заряжать и разряжать. Он как раз засовывал патроны в барабан, когда у них над головой что-то зашуршало. Лукас поднял голову и увидел рыжую белку.

— Отлично, — шепотом сказал он. — А теперь смотри.

Он медленно повернулся, продолжая сидеть на стволе, и поднял пистолет в сторону белки.

— Что ты собираешься делать?

— Покажу тебе, что может сделать пистолет тридцать восьмого калибра с живой мишенью.

Его глаза неотрывно смотрели на белку. Зверек был наполовину скрыт за толстым суком сосны, но время от времени он показывался полностью.

— Зачем? Зачем ты хочешь ее убить?

Карла смотрела на него широко раскрытыми глазами, лицо ее побледнело.

— Ты просто не представляешь, что может сделать пуля, пока ты не увидишь это своими глазами. Нужно сунуть палец в рану. Ну как, Фома неверующий, понимаешь?

— Не смей! — остановила его она. — Ну Лукас!

Он снова прицелился в белку, но открыл оба глаза и чего-то ждал.

— Нужно попасть маленькому проказнику прямо между глаз, нет ничего...

— Лукас...

Она взвизгнула и, вцепившись ему в руку, которой он держал пистолет, рванула ее вниз. В ее глазах застыл ужас.

— Ты что так перепугалась?

— Господи, но ведь белка не сделала ничего...

— Страшно?

Она убрала свои руки, и взгляд ее стал холодным.

— Ты что, хочешь преподать мне урок?

— Да, — сказал он и отвернулся от белки. — Постарайся сохранить то чувство, которое у тебя возникло по отношению к белке. Ведь это всего лишь маленький зверек. А теперь подумай, сможешь ли ты разрядить пистолет в человека.

— Господи, Лукас...

— Если ты выстрелишь человеку в грудь, даже не попадешь в сердце, а просто в грудь, то пуля разорвет ему легкие и он будет лежать, а изо рта у него будет пузыриться ярко-красная кровь, и глаза у него станут словно стеклянные. А иногда раненый корчится от боли и умирает, и никто ничего не может сделать, кроме, может быть, самого Господа Бога.

— Мне не нужен пистолет, — оборвала она его.

Лукас держал пистолет перед собой дулом вверх.

— Все это ужасно, — сказал он. — Но есть одна еще более ужасная вещь.

— Какая?

— Когда ты оказываешься на месте белки.

Он объяснил ей основы стрельбы с близкого расстояния, стреляя по мишени в виде человеческой фигуры, нарисованной на песке откоса. После тридцати выстрелов она начала попадать в мишень. После пятидесяти пистолет у нее в руке стал дрожать, и пули полетели в

разные стороны.

— Ты дергаешь, — сказал ей Лукас.

Она выстрелила, и пистолет снова вздрогнул.

— Нет, не дергаю.

— Я же вижу.

— А я нет.

Лукас освободил барабан и выкинул пустые гильзы, потом наобум вставил три патрона и снова вложил пистолет ей в руку.

— Стреляй еще.

Она еще раз выстрелила, пистолет дернулся, и она промахнулась.

— Еще.

На этот раз ударник угодил по пустой ячейке, в выстрела не последовало, но она все равно дернула рукой.

— Вот это и называется, что ты дергаешь.

Они упражнялись еще целый час, делая перерывы через короткие промежутки, чтобы поговорить о мерах предосторожности, о том, где хранить пистолет, о боевой стрельбе.

— Надо затратить немало сил, чтобы научиться действительно хорошо стрелять, — говорил Лукас, пока она разглядывала пистолет у себя в руке. — Мы и не ставим перед собой такую задачу. Все, что тебе надо сделать, это постараться научиться стабильно попадать в мишень с расстояния в три — шесть метров. Это не сложно. И если ты когда-нибудь попадешь в такую ситуацию, когда тебе придется в кого-нибудь выстрелить, прицелься и нажимай на курок до тех пор, пока не кончатся патроны. Забудь про всякие правила, про чрезмерную жестокость и тому подобное. Просто жми и жми на курок.

Они отстреляли девяносто пять патронов из сотни, прежде чем Лукас закончил тренировку и вручил Карле пистолет, заряженный последними пятью патронами.

— Теперь у тебя будет заряженный пистолет, — сказал он. — Возьми его с собой и спрячь куда-нибудь. Потом ты сама поймешь, какая это обуза. В твоём сознании всегда будет присутствовать мысль о том, что у тебя смерть в доме.

— Мне нужно будет еще попрактиковаться, — заметила она, взвешивая пистолет в руке.

— У меня в машине еще триста патронов. Приходи сюда каждый день и делай от двадцати пяти до пятидесяти выстрелов. И старайся не дергать. Привыкай.

— Теперь, когда у меня есть пистолет, я нервничаю даже больше, чем я думала, — сказала Карла по дороге домой. — Но в то же время...

— Что?

— Он как-то очень удобно лежит у меня в руке, — пояснила она. — Он напоминает мне кисть или какой-то инструмент.

— Пистолет это замечательное оружие, — сказал Лукас. — Невероятно эффективное. Очень точное. Пользоваться им одно удовольствие, ну, как «лейкой» или «порше». Удовольствие, конечно, в определенном смысле. Жаль только, чтобы он оправдал свое назначение, из него надо кого-нибудь убить.

— Вот это мысль!

Лукас пожал плечами.

— То же самое можно сказать и про самурайские мечи. Они настоящие произведения искусства, но их назначение убивать. Я не придумал ничего нового.

Когда они подошли к дому, она спросила:

— Тебе нужно ехать?

— Да. Меня ждет игра.

— Не понимаю я эти ваши игры, — сказала Карла.

— Я тоже, — сказал Лукас и улыбнулся.

* * *

По дороге в город он смотрел по сторонам, наслаждаясь природой, твердо решив не думать о Бешеном. Он приехал в шесть часов и тут же позвонил Андерсону, ему ответили, что тот уже ушел домой.

— Слоун еще, кажется, где-то здесь, — сказал дежурный. — Но мне никто ничего особенного не сообщал.

Лукас поехал домой, переоделся, а потом зашел в ресторан на Гранд-авеню в Сент-Поле перекусить и отправился в колледж святой Анны.

— А вот и Лонгстрит, как всегда с опозданием, — сказала Элла.

Даже играя за генерала Роберта Э.Ли, она была одета в монашеский наряд. В свете комнаты он казался особенно черным. Вторая монашка, одетая в обычное платье и игравшая за генерала Джорджа Пикетта, листала страницы правил игры. Адвокат в роли генерал-майора Джорджа Гордона Мида, главнокомандующего юнионистской армией, и букмекер в роли командующего кавалерией Джона Буфорда изучали свои позиции по карте. Студент, игравший за генерала Джона Рейнолдса, закладывал данные в компьютер. Когда Лукас вошел, он поднял голову и кивнул. Бакалейщик, Джеб Стюарт по игре, еще не пришел.

— Говорим об игре, — обратился к Лукасу букмекер. — Вам нужно что-то сделать со Стюартом. Может быть, стоит его изъять как игровой персонаж. Он продолжает оставаться совершенно незадействованным...

Лукас, забыв обо всем на свете, стал спорить. Он почувствовал себя на своем коньке. Бакалейщик пришел через десять минут, извинился за свое опоздание, и они начали. Игра складывалась не в пользу юнионистов. Стюарт послал разведчиков к главным силам, таким образом Ли знал о приближении противника. Они сконцентрировали свои силы на Геттисбурге быстрее, чем это произошло в реальных исторических событиях, и дивизион Пикетта, приближавшийся первым, а не последним, отбросил кавалерию Буфорда, вошел в город и захватил Калп Хилл и северную часть Семетри Риджа.

Они засиделись допоздна. И вот уже соевем вечером, когда они обсуждали ходы, сделанные в этот день, адвокат заговорил о Бешеном.

— Что там с этим парнем? — спросил он.

— Вам нужен клиент? — ответил Лукас вопросом на вопрос.

— Нет, если, конечно, у него нет кучи денег, — ответил тот. — Это дело из разряда тех, что будут вонять на весь штат. Но оно интересное. Вам будет трудно что-либо доказать, если только вы не поймаете его во время совершения преступления. Но тот, кто его застукает... от него будет вонять, как от стервятника, нажравшегося падали.

— Кое-кто, кто играет в такие игры, уже почувствовал запах мертвечины, — подтвердил бакалейщик.

Он был воинственно настроен, ведь он реабилитировал старика Стюарта, он снова сделал его героем.

Адвокат закатил глаза.

— Так что же происходит? — спросил он Лукаса. — Вы скоро его поймаете?

— Пока успехов мало, — проговорил Лукас, доставая кусок холодной пиццы из промасленной коробки. — Что поделаешь с этим ублюдком? Выследить его пока невозможно. По образу мышления он не подходит под категорию обычного преступника. Он не делает это ради денег. Он не совершает убийства ради наркотиков, или ради мести, или просто импульсивно. Он делает это ради собственного удовольствия. И не торопится. Вполне возможно, что он выбирает свои жертвы не совсем наобум, мы обнаружили некоторые закономерности. Но чисто практически они вряд ли могут помочь. Ну, например, он нападает на темноволосых женщин. Таких женщин может быть всего тридцать — сорок процентов в городе. Звучит обнадеживающе, если только не вдумываться в эту цифру. А если хорошенько подумать, то начинаешь понимать, что если даже отбросить старушек и детей, то остается четверть миллиона потенциальных жертв.

Букмекер и бакалейщик закивали головами. Вторая монашенка и студент продолжали жевать пиццу. Элла, перебиравшая пальцами бусинки на длинной нитке церковных четок, свисавших у нее с пояса, сказала:

— Может быть, вы каким-нибудь способом могли бы привлечь его внимание?

Лукас взглянул на нее.

— Как?

— Я не знаю. Он обращает внимание на людей определенного типа, и мы знаем какого. Но если вы попросите какую-нибудь женщину сыграть роль подсадной утки, то это еще не значит, что он ее даже увидит. В этом и заключается вся сложность. Вот если бы вы смогли поместить «подставку» где-то поблизости от него, тогда, возможно, вам удалось бы спровоцировать его на нападение и вы бы за ним следили.

— Какие у вас ужасные мысли, сестра, — проговорил бакалейщик.

— Дело уж слишком ужасное, — ответила она. — Но...

— Что? — Адвокат посмотрел на нее. На губах у него была легкая усмешка.

— ...интересное, — ответила она.

— Тебя разыскивает Даниэль.

Андерсон был встревожен и ерошил свои начинающие редеть светлые волосы, когда вошел в кабинет к Лукасу. Тот только что приехал и еще держал в руках ключи.

— Что-то произошло?

— Возможно, придется брать ордер на арест.

— Смайза?

— Да. Слоун целую ночь копался в его мусоре. Нашел несколько упаковок от презервативов. На них та же смазка, что была найдена на убитых женщинах. А еще они нашли несколько приглашений на художественные выставки. Так что, скорее всего, он знает эту Руиц.

— Я поговорю с шефом.

* * *

— Где ты был? — спросил Даниэль.

— В своем загородном доме. Я отвозил туда Руиц, — объяснил Лукас.

Даниэль щелкнул пальцами.

— Черт! Я как-то не подумал, что она поедет с тобой. Ну, как там у тебя?

Лукас пожал плечами.

— Она ведь согласилась дать интервью только при условии, что я ее потом увезу из города. Это проще, чем поместить ее в отель за счет казны.

Глаза Даниэля сузились, он чуть заметно кивнул.

— Так ты говоришь, туда три часа езды?

— Да.

— Хорошо. Тебе нужно еще раз туда съездить. Я хочу, чтобы ты показал ей несколько фотографий для опознания. Посмотрим, узнает ли она Смайза. Лети на вертолете.

— Андерсон сказал, что вы собираетесь получить ордер на арест, — проговорил Дэвенпорт.

— Возможно. Как только мы поняли, что нужно искать, я поручил Слоуну перебрать весь мусор до мельчайших соринки. И уж, конечно, он не пропустил упаковку от презервативов. Таким образом, просматривается связь с Райс, он также мог быть на той же выставке, что и Руиц, и, вполне вероятно, видел где-нибудь Льюис. Потом эта девчонка-панк, она бывала в клубах в районе Хеннепин, ее видели с гомиками на улице, он мог заметить ее там. И еще он мог встретить их всех здесь, в здании суда. К тому же он гомосексуалист. Сложив все это, мы вполне можем запросить ордер. Лошоз подпишет все, что нам нужно.

— Но можно найти еще двадцать человек, которые будут соответствовать этим признакам.

— Что ты так о нем печешься, Дэвенпорт? — с раздражением спросил Даниэль. — Ты ведь хватал людей, имея всего лишь одну десятую того, что есть у нас.

— Да, конечно. Но тогда я был уверен, что поступаю верно. На этот раз мы можем

ошибиться. Все, что у нас есть, это сушая ерунда и ничего более. Этот с упоением занимается физкультурой, а Руиц сказала, что нападавший был хлипким. Этот парень родился в Миннесоте, а Руиц утверждает, что у того был юго-западный акцент. Руиц говорит, что на нем были кроссовки фирмы «Найк» особой модели, а у этого парня в шкафу нет ни одной пары таких кроссовок. Пять пар, и ни одной фирмы «Найк»!

— Но мы нашли презервативы.

— Это единственная улика, и то ненадежная.

— Он разбирается в оружии.

— Но не в пистолетах. У него в доме нет ни одного пистолета.

— Послушай, отправляйся-ка ты лучше с фотографиями, — проворчал Даниэль. — В лаборатории уже приготовили для тебя целую пачку.

— Ты сам будешь звонить по поводу ордера? Или поручишь сделать это отделу убийств?

— Я сам достаточно основательно занимаюсь этим делом, — заметил Даниэль, — и не хочу перекладывать ответственность на кого-то другого.

— Пусть лучше позвонят из отдела, — сказал Лукас. — Они сделают все так, как ты хочешь, но, если возникнут осложнения, ты сможешь изменить свою позицию. И вот что еще. Может быть, тебе стоит им посоветовать, чтобы они пока не предъявляли ордер. Пусть пригласят этого малого, дадут ему адвоката, скажут, что у них есть ордер на его арест, и если он сможет доказать свое алиби, то они просто выкинут этот ордер и пожмут ему руку.

— Он может на это и не согласиться.

— Но все это весьма дурно пахнет.

— Здесь людей убивают! — загорячился Даниэль. — А что, если мы правы? Мы его отпустим, а он пойдет и еще кого-нибудь убьет.

— Пусть за ним наблюдают круглосуточно. Если он сделает попытку, мы его тут же возьмем.

— А что, если он подождет недели три? Ты что, телевизор не смотришь? Ситуация такая же, как с айятоллой и заложниками. «Пятнадцатый день террора Бешеного». Вот что будет дальше.

— Черт побери, шеф...

Даниэль замахал на него рукой.

— Я подумаю. Отправляйся к Руиц и предъяви ей фотографии для опознания. Позвони потом и скажи о результатах.

* * *

Лукас попытался дозвониться Карле из полицейского управления, а потом из аэропорта, но к телефону так никто и не подошел.

— Ну что, застал? — спросил пилот.

— Нет. Я разыщу ее там, на месте.

На вертолете они добрались до домика меньше чем за час, пролетев над ярко-зелеными букowymi лесами. Пилот посадил машину недалеко от дороги. Они вошли вдвоем с Лукасом, несшим толстые конверты с фотографиями. Карла ждала их у заднего крыльца.

— Я каталась на лодке и услышала, что летит вертолет. Подумала — наверное, это за мной. Что случилось?

Она вопросительно посматривала то на одного, то на другого.

— Хочу, чтобы ты посмотрела фотографии, — сказал Лукас, когда они вошли в дом. Он указал на пилота. — Это Тони Рубелла, пилот вертолета. Но он тоже полицейский. Я буду записывать свидетельские показания на пленку.

Лукас положил на стол магнитофон, сказал для пробы несколько слов, перемотал кассету назад, прослушал запись и убедился, что магнитофон работает. Затем он снова включил его и вслух произнес время, дату и место.

— Опрос свидетеля проводит лейтенант полицейского управления города Миннеаполиса Лукас Дэвенпорт совместно с сотрудником полицейского управления Миннеаполиса Энтони Рубеллой. Вопросы задаются мисс Карле Руиц, проживающей в Сент-Поле. Карла Руиц хорошо известна лейтенанту Дэвенпорту в качестве жертвы, подвергшейся нападению в своей квартире со стороны человека, который подозревается в совершении серии убийств в Миннеаполисе. Мы покажем Руиц двенадцать фотографий мужчин и спросим, узнает ли она кого-либо из них.

Лукас разложил дюжину фотографий на столе, на всех были изображены молодые мужчины, все они были сфотографированы на улице, все они чем-то походили друг на друга по своему внешнему виду, по росту и по одежде. Одиннадцать из них были полицейскими или работали в полицейском управлении. Двенадцатым был Смайз. Лукас положил фотографии в один ряд, Карла склонилась над ними и начала изучать лица.

— Вот этого парня я знаю наверняка, — сказала она, указывая на фотографию полицейского. — Он из полиции. Когда он не занят на службе, он подрабатывает охранником в бакалейном магазине на Николлет-стрит.

— Хорошо, — сказал Лукас в микрофон. — Мисс Руиц узнала на фотографии человека и говорит, что считает его полицейским. По нашим сведениям, он действительно служит в полиции. Я попрошу мисс Руиц перевернуть фотографию обратной стороной и поставить большую букву «А» и ниже расписаться и поставить дату. Мисс Руиц, пожалуйста, сделайте это.

Карла подписала фотографию и снова начала рассматривать оставшиеся снимки.

— Кажется, я знаю и этого человека, — заявила она, постукивая пальцем по фотографии Смайза. — Я видела его на каком-то мероприятии, связанном с искусством, ну, знаете, на вернисаже или на вечере, что-то в этом роде. Не знаю почему, но у меня в памяти отложилось, что он гомосексуалист. Возможно, что нас даже представили друг другу.

— Хорошо. Вы уверены в отношении него?

— Да.

— Хорошо. Мисс Руиц только что опознала фотографию Джимми Смайза. Я попрошу мисс Руиц на обратной стороне фотографии написать заглавную букву «Б», подписаться и проставить дату.

Карла подписала вторую карточку, и Лукас снова попросил ее посмотреть на фотографии.

— Я больше никого не знаю, — наконец сказала она.

— А теперь я показываю мисс Руиц еще семь фотографий Джимми Смайза и спрашиваю ее, подтверждает ли она, что узнала этого человека среди первых снимков.

Карла посмотрела вторую серию фотографий и согласно кивнула.

— Да. Я его знаю.

— Мисс Руиц подтвердила, что она знает подозреваемого Джимми Смайза. Она также

указала дополнительную деталь, ей показалось, что этот человек гомосексуалист. Он часто бывает в художественных салонах, и, возможно, они были представлены друг другу. Мисс Руиц, вы можете еще что-нибудь вспомнить о мистере Смайзе?

— Нет. Нет. Я его почти не знаю. Я запомнила его потому, что он красивый, и у меня сложилось такое впечатление, что он умный.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Нет.

— Хорошо. На этом мы заканчиваем. Спасибо вам, мисс Руиц.

Он остановил магнитофон, перемотал пленку назад, прослушал запись, потом вынул кассету из магнитофона, спрятал ее в футляр и положил в карман.

— И что теперь? — спросила Карла.

— Мне нужно позвонить по телефону, — отозвался Лукас.

Его моментально соединили с шефом.

— Дэвенпорт? Ну как?

— Она его узнала, — ответил тот. — Указала на него без всяких затруднений.

— Будем брать.

— Послушай. Ты сделаешь это так, как я тебе советовал?

— Не знаю, возможно ли это, Лукас. Пресса уже что-то пронюхала.

— Кто?

— Дон Кеннеди с TV-3.

— Черт!

Кеннеди и Дженнифер были близко знакомы.

— Хорошо. Я вернусь через полтора часа. Когда вы его будете брать?

— Мы ждали твоего звонка. Здесь есть пара ребят, и мы еще возьмем людей из наблюдения. Он работает у себя за столом в нашем здании. Мы просто перейдем в другую часть здания и возьмем его.

— Кто звонил по поводу ордера? Память о ком будет увековечена?

Наступила пауза.

— Лестер, — наконец раздалось в трубке.

— Выдающийся шаг. Пусть будет так.

Даниэль повесил трубку, и Лукас повернулся к Рубелле.

— Давай заводи свою машину. Нам срочно нужно возвращаться.

Полицейский ушел, а Дэвенпорт взял Карлу за руку.

— Они возбуждают против этого парня дело, но мне это не нравится. Я думаю, что они ошибаются. Поэтому пока сиди тихо, хорошо? Смотри вечерние новости по телевизору. Я буду звонить каждый вечер. Постараюсь приехать сюда через пару дней, если все поутихнет.

— Хорошо, — отозвалась она. — Будь осторожен.

Он поцеловал ее в губы и побежал по пыльной дорожке вслед за Рубеллой.

* * *

Он час летел на вертолете до города и еще час добирался на машине из аэропорта. Когда Лукас вошел, Андерсон сидел на своем месте, положив ноги на стол и уставившись на висевший на стене календарь.

— Где он у вас? — спросил Дэвенпорт.

— В комнате для допросов.

— Его адвокат с ним?

— Да. С ним могут быть проблемы.

— Почему?

— Потому что это скотина Маккарти, — откликнулся Андерсон.

— Черт! — Лукас взъерошил волосы руками. — Опять этот буйвол.

— Да.

— Я иду туда.

— Шеф уже там.

* * *

— Нам ничего не удастся из него выжать. — Даниэль стоял, прислонившись к стене у двери комнаты для допросов.

— Этот чертов Маккарти не позволит ему сказать ни единого слова.

— Он почуял выигрышное дело, — сказал Лукас. — Если дело дойдет до суда и он вытащит Смайза, то спокойно может бросить государственную службу и заняться частной практикой.

— И что ты хочешь предпринять? — поинтересовался Даниэль.

— Буду изображать добренького полицейского. Честного парня. А потом я рассержусь и попытаюсь выставить Маккарти за дверь.

— Не много. Ты можешь поставить под угрозу то, чего мы уже добились.

— Я только попытаюсь заронить зерно сомнений. Даниэль пожал плечами.

— Что ж, попробуй.

Лукас снял пиджак, ослабил узел галстука и взъерошил волосы, потом глубоко вздохнул и рывком вошел в дверь. Полицейские, которые вели допрос, адвокат и Смайз, сидевшие вокруг стола, вздрогнули и подняли на него глаза.

— Господи. Извините. Я боялся, что не застану вас, — сказал Дэвенпорт.

Он посмотрел в сторону Маккарти.

— Привет, Дел. Значит, ты взялся за это дело?

— Что понадобилось папе римскому в лесу? — Маккарти был человеком небольшого роста в мешковатом костюме, его светлые волосы завивались, как у африканца, а щеки висели, как у бульдога. — Разве что медведь стал католиком? — ехидно заметил он.

— Ага. — Лукас посмотрел на полицейских. — Даниэль мне разрешил. Ничего, если я задам несколько вопросов?

— Пожалуйста, мы так и не можем ни к чему прийти, — сказал старший из них, помешивая холодные остатки кофе в стаканчике.

Лукас кивнул головой и повернулся к Смайзу.

— Я буду говорить прямо. Я был одним из тех, кто допрашивал третью женщину, ту, которая уцелела после нападения. И я думаю, что это сделал не ты.

— Что, изображаешь из себя добряка, Дэвенпорт? — спросил Маккарти, качнувшись назад на стуле и при этом улыбаясь.

— Нет. Все нет. — Он указал пальцем в сторону Смайза. — Это первое, что я хотел

тебе сообщить. Во-вторых, я кое-что сейчас скажу, и в какой-то момент, возможно, Маккарти скажет тебе не слушать меня больше. Но ты лучше послушай...

— Эй! Подожди-ка, — вмешался Маккарти, с грохотом поставив свой стул на все четыре ножки.

Но Лукас все-таки договорил:

— ...потому что никакого вреда не будет, если ты только слушаешь, ведь тебе же не надо ничего подтверждать. Ну а цели, которые преследует твой адвокат, могут не обязательно совпадать с твоими.

Маккарти поднялся.

— Хватит. Я прекращаю разговор.

— Я хочу его послушать, — внезапно заявил Смайз.

— Я вам советую...

— Я хочу его выслушать, — настаивал Смайз. Он отмахнулся от Маккарти, продолжая смотреть на Лукаса. — Почему это его цели могут не совпадать с моими?

— Я не хочу подвергать сомнению этичность поведения адвоката, — начал Лукас, — но если дело дойдет до суда, то оно станет одним из крупнейших разбирательств десятилетия. В Миннесоте не часто встречаются маньяки-убийцы. И если он добьется оправдательного приговора, то на этом деле сделает себе имя. С другой стороны, ты будешь полностью уничтожен, независимо от исхода дела. Это, конечно, очень плохо, но так оно и будет. Ты не новичок в вопросах юриспруденции и понимаешь, о чем я говорю.

— Хватит, — сказал Маккарти. — У вас предвзятое отношение к делу.

— Вовсе нет. У меня предвзятое отношение к твоей позиции в этом деле. Я больше не буду об этом говорить. Я только...

Маккарти встал между Лукасом и Смайзом, повернувшись при этом к Лукасу спиной, и нагнулся к своему подопечному.

— Послушай. Если ты не желаешь, чтобы я представлял твои интересы, пусть будет так. Но как твой адвокат, я тебе говорю, что сейчас ты не должен говорить...

— Я хочу послушать. Только и всего, — сказал Смайз. — Ты можешь сидеть и слушать вместе со мной, или иди гуляй, а я возьму себе другого адвоката.

Маккарти выпрямился и покачал головой.

— Я тебя предупредил.

Лукас отошел в сторону и встал таким образом, чтобы Смайз его видел.

— Если у тебя есть какое-нибудь алиби, особенно если это хорошее алиби и соответствует времени совершения хоть одного убийства, то лучше заявить об этом сейчас, — посоветовал Дэвенпорт. — Вот что я хотел тебе сказать. Если у тебя есть алиби, то ты, конечно, можешь довести дело до суда и утереть нам нос, но вряд ли ты сможешь работать, как прежде. Вопрос останется открытым. А в архиве будет храниться твое дело. Где-нибудь в Нью-Йорке тебя остановят за нарушение правил дорожного движения, патрульный сделает запрос в национальный информационный центр уголовных преступлений и получит ответ, что тебя однажды арестовывали по подозрению в нескольких убийствах. А вот еще одна вероятность.

— Какая?

— Тебя могут признать виновным, даже если на самом деле ты невиновен. Такое иногда случается. Даже при наличии хорошего алиби суд присяжных может признать тебя виновным. Такое бывает. И ты это знаешь. Присяжные заседатели могут подумать: «Какого

черта! Если бы он был невиновен, то полицейские не стали бы его арестовывать». Маккарти подтвердит тебе это.

Смайз кивнул головой в сторону Маккарти.

— Он сказал мне, что, как только я выложу вам свое алиби, вы сразу же направите своих людей, чтобы опровергнуть его.

Лукас облокотился о стол.

— Он абсолютно прав. Мы так и сделаем. И если нам это не удастся, то я гарантирую, что ты будешь гулять на свободе и ничего не случится. Ничего. На тебя еще не оформляли документы. И не будут. Пока же у нас достаточно оснований, чтобы задержать тебя, а возможно, и отдать под суд. Не знаю, что тебе говорили наши люди, но я могу сказать, что установлена твоя связь с двумя жертвами, и есть еще один человек, который имеет отношение к делу, кроме того, есть и некоторые улики. Но если у тебя имеется хорошее алиби, то от всего этого и следа не останется.

Смайз побледнел.

— Этого не может быть. Никаких вещественных доказательств. Я имею в виду...

— Ты не знаешь, что это такое, — заметил Лукас. — Но они у нас есть. А теперь я предлагаю вам с мистером Маккарти пойти в коридор, пошептаться немного, а потом возвратиться сюда.

— Да, мы так и сделаем, — согласился Маккарти.

Они вернулись через пять минут.

— Мы уже поговорили, — объявил адвокат, он был доволен собой.

Лукас взглянул на Смайза.

— Ты делаешь большую ошибку.

— Он сказал... — начал тот, но Маккарти схватил его за руку и отрицательно замотал головой.

— На твои заверения нельзя положиться, — заявил Маккарти Дэвенпорту. — Из всего того, что ты здесь наговорил, можно вывести два возможных варианта. У вас ничего нет, и вы изо всех сил пытаетесь состряпать дело. В таком случае у вас все равно ничего не получится. Или же у вас что-то есть, и в этом случае вы наверняка заведете на него уголовное дело, независимо от того, что он скажет, и используете все это против него.

— Маккарти, один человек в коридоре назвал тебя грязным пронырой, — устало проговорил Лукас. — И он прав. Тебе даже в голову не приходит третий вариант, из-за которого мы здесь все и носимся как угорелые.

— Это какой такой вариант?

— А вот какой. У нас есть готовое дело, но оно кое-кому не нравится. Мы просто хотим знать правду. Мы достаточно точно определили время совершения двух преступлений и примерно знаем о третьем. Если мистера Смайза не было в это время в городе, или он беседовал с клиентом, или целый день сидел у себя в кабинете, это будет означать, что он чист. Кому может повредить, если вы скажете об этом сейчас, до того, как мы заведем на вас дело?..

— Вы просто боитесь это сделать, из-за того, что будет потом, если вы ошибаетесь.

— Да конечно же! Все управление будет вымазано грязью. И Смайз тоже замажется, пусть не обижается потом.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Он знает, что я гомосексуалист, — пояснил Смайз.

— Это замечание наносит ущерб...

— Хватит, — сказал один из полицейских, снимавших показания. — Я больше ничего не хочу слышать.

Он вышел из комнаты, а через минуту туда вошел Даниэль.

— Они не хотят пойти нам навстречу? — спросил он Лукаса.

Лукас пожал плечами.

— Нет, не хотим, — сказал Маккарти.

— Веди его наверх и заводи на него дело, — приказал Даниэль оставшемуся инспектору.

— Подождите, — попросил Смайз.

— Оформляйте документы, — рявкнул Даниэль и стремительно вышел из комнаты.

— Хорошая работа, Маккарти, ты только что соорудил своему клиенту крест, на котором его распнут, — заметил Лукас.

Зубы Маккарти обнажились в каком-то подобии улыбки.

— Что, съел? — ехидно сказал он.

Они ушли все вместе — Смайз, Маккарти и полицейский, который вел допрос. Когда они уходили, полицейский повернулся к Лукасу.

— Ты знаешь, какая разница между сдохшим на дороге скунсом и сдохшим на дороге адвокатом?

— Нет. Какая?

Маккарти повернул голову.

— Около скунса всегда есть след от тормозивших колес, — объяснил полицейский.

Лукас расхохотался, а Маккарти снова обнажил зубы.

* * *

— Посмотри на них, суетятся, как вши на собаке, — хмуро сказал Андерсон, ковыряя во рту зубочисткой.

Внизу на улице телеоператоры, репортеры и технический персонал толпились вокруг передвижных телестанций на колесах, стоявших у городской мэрии.

— Да. Кажется, у Лестера будет полно гостей, — сказал Лукас. Он увидел голову Дженнифер, пробиравшейся сквозь толпу по направлению к входу. — Мне нужно бежать, — добавил он.

Дэвенпорт перехватил ее уже на входе и, несмотря на ее протесты, утащил по коридору к себе в кабинет. Подтолкнув женщину к стулу, он закрыл за собой дверь.

— Это ты передала Кеннеди информацию про этого гомика? Ты же обещала мне, что будешь молчать.

— Я ему ничего не передавала, Богом клянусь, Лукас.

— Вранье, вранье, вранье! — закричал Дэвенпорт. — Вы действуете по принципу рука руку моет, я знаю, как вы это делаете. Как только Даниэль сказал мне, что у Кеннеди есть информация, я сразу понял, что он получил ее от тебя.

— Ну и что ты теперь можешь сделать? А? — Она рассердилась. — Таким образом я зарабатываю на жизнь. Я это делаю не ради развлечения.

— Ничего себе способ зарабатывать на жизнь!

— Это лучше, чем быть бойцом штурмового отряда.

Лукас уперся кулаками в бока и наклонился к самому ее лицу. Она не отодвинулась ни на миллиметр.

— Знаешь, что ты сделала, разболтав эту историю? Ты заставила полицию зарегистрировать в качестве подозреваемого невинного человека, и это испортит парню жизнь. Он работает в управлении по улучшению быта неимущих, среди женщин, и, независимо от того, как повернется дело, они теперь перестанут ему доверять. Он подозреваемый, и этим все сказано. Я пытался уговорить своих коллег не торопиться, но ты со своей чертовой информацией подтолкнула их к тому, чтобы они арестовали его.

— Если они не уверены, что это он, не надо было его арестовывать.

Лукас шлепнул себя ладонью по лбу.

— Господи! Ты что, думаешь, все так просто? Смайз может быть виновен, а может быть, и нет. Может быть, я ошибаюсь в отношении него, и если это так, а я уговорю их отпустить его, то он может выйти на свободу и прирезать еще какую-нибудь женщину. Но ведь я могу оказаться прав, и мы сломаем парню жизнь, а тем временем настоящий убийца планирует новое преступление. Нам всего-то и нужно было немного времени, а ты все испортила.

— Ну и?

— Теперь я должен основательно подумать, стоит ли мне вообще с тобой разговаривать, — холодно произнес Лукас.

— Да мне вовсе и не нужен был твой телефонный разговор, — сказала Дженнифер. — Я все равно бы получила эту информацию. Ты даже представить себе не можешь, какие у меня источники. Я в тебе не нуждаюсь, Лукас. Я просто могу послать тебя к черту.

— Я это как-нибудь переживу. Не хочу, чтобы ты за мной шпионила. А сейчас я решаю один вопрос: может быть, обратиться к адвокату, пусть он позвонит вашему главному менеджеру и расскажет ему, каким образом ты заполучила эту новость, и пригрозит подать иск на компанию за кражу служебной информации.

— Лукас...

— Убирайся отсюда.

— Лукас...

Она расплакалась — Дэвенпорт даже отступил на несколько шагов.

— Прости меня, — сказал он, сожалея о своей несдержанности. — Я просто не могу... Дженнифер... Ну перестань, черт возьми.

— Господи, это просто катастрофа, мой грим. Я теперь не смогу участвовать в пресс-конференции... Господи... можно я позвоню от тебя? — Она прикладывала салфетку к лицу. — Я хочу позвонить на телестанцию, пусть они пришлют сюда Кети Леттис. Господи, у меня лицо в таком виде...

— Боже мой, перестань плакать, звони, — с отчаянием проговорил Лукас.

Продолжая всхлипывать, она набрала номер. Когда на другом конце сняли трубку, голос ее внезапно пришел в норму.

— Дон? Это Джен. Его зовут Смайз, и он работает в системе оказания помощи малоимущим...

— Черт тебя подери, Дженнифер! — заорал Дэвенпорт.

Он выхватил у нее трубку и швырнул ее на рычаги.

— Правда, я хорошо умею плакать? — сказала она, хитро улыбаясь, и вышла из

— Дэвенпорт, Дэвенпорт, — с укоризной пробормотал Даниэль. Он держался руками за голову, наблюдая, как Дженнифер заканчивает свой репортаж.

«...один из самых толковых людей в полиции в личной беседе сказал мне, что он не верит в виновность Смайза, не верит, что тот совершил эти умопомрачительные убийства, и опасается, что преждевременный арест может положить конец его блестящей карьере в департаменте по оказанию помощи малоимущим...»

— Блестящая карьера? Этим телевизионщикам надо запретить пользоваться громкими словами, — глухо сказал Лукас.

— Что мы теперь будем делать? — угрюмо проворчал Даниэль. — Вообще, как ты мог это сделать?

— В тот момент я и не подозревал, что делаю ошибку, — пытался оправдаться Лукас. — Я думал, что все останется между нами.

— Я тебя предупреждал, что твои шашни с этой женщиной не доведут до добра, — напомнил Даниэль. — Что я теперь скажу Лестеру? Он стоит там, перед камерами, пытается обосновать это дело, а ты за его спиной беседуешь с этой дамочкой. Ты выбил почву у него из-под ног. Он тебе этого не простит.

— Скажи ему, что ты отстраняешь меня. Ну, допустим, на две недели. Потом я подам апелляцию в совет по делам государственных служащих. Даже если совет и поддержит отстранение, пройдет несколько месяцев. Так или иначе, пока будет вынесено окончательное решение, мы сможем разобраться с этим делом.

— Хорошо. Пожалуй, мы так и сделаем.

Даниэль кивнул, потом грустно засмеялся и покачал головой.

— Господи, как хорошо, что это не меня там поджаривают на углях. А ты лучше убирайся отсюда поскорее, пока Лестер не вернулся, чтобы мне не пришлось держать его, когда он захочет намылить тебе шею.

В два часа ночи зазвонил телефон. Лукас оторвал взгляд от стола, за которым он работал над своей игрой, протянул руку и снял трубку.

— Алло.

— Все еще сердисься? — спросила Дженнифер.

— Ну и стерва же ты. Даниэль собирается отстранить меня от расследования. Отныне я даю интервью всем, кроме твоей станции, так что можете...

— Сердит, сердит.

Лукас швырнул трубку на рычаг. Через минуту телефон зазвонил снова. Он посмотрел

на него, как на ядовитую змею, но, не имея сил сопротивляться, снова взял трубку.

— Я сейчас приеду, — проговорила Дженнифер и повесила трубку.

Лукас хотел было перезвонить ей и сказать, чтобы она не приезжала, но так и не сделал этого.

* * *

На Дженнифер был черный кожаный жакет, джинсы, черные сапоги и водительские перчатки. Ее двухместная японская машина прижалась к обочине дороги. Лукас кивнул ей через окошечко парадной двери.

— Можно мне войти? — спросила она.

Вместо контактных линз на ней были очки в тонкой золотой оправе. За их стеклами глаза казались большими и влажными.

— Конечно, — пробормотал он, закрывая дверь на задвижку. — Ты похожа на королеву «Хэви-метал».

— Ну спасибо.

— Это был комплимент.

Она посмотрела на него, пытаясь обнаружить сарказм, но его не оказалось. Сняла куртку и медленно прошла к дивану в гостиной.

— Хочешь кофе? — спросил Дэвенпорт, закрыв за собой дверь.

— Нет, благодарю.

— Пиво?

— Нет, я не хочу. Принеси себе, если хочешь.

— Пожалуй.

Когда он вернулся, она, подобрав под себя ноги, сидела в большом двухместном кресле. Лукас сел на диван и уставился на нее через чайный столик с мраморной столешницей.

— Так что же? — сказал он.

— Я очень устала, — грустно ответила она.

— От чего? От всей этой истории? От Бешеного? От меня?

— От жизни, думаю. Возможно, ребенок — это попытка вернуться назад.

— Боже.

— Эта маленькая сцена, происшедшая между нами сегодня... Господи, я не знаю... Я пытаюсь придать всему приличный вид, понимаешь? Я должна делать все быстро, должна быть жесткой, должна улыбаться, когда приходится трудно. Не могу никому позволить отодвинуть себя на задний план. Иногда я чувствую себя, как... ты помнишь тот маленький «шевроле», который у меня был, ту маленькую машину, которую я разбила, прежде чем купила нынешнюю?

— Да.

— Вот так же мне иногда сдавливает грудь. Все проваливается внутрь. Как будто грудная клетка цела, но все как-то вдавливается внутрь. С хрустом кроша все в мелкие куски.

— У полицейских тоже такое бывает.

— Не думаю, что именно так.

— Послушай, покажи мне полицейского, проработавшего десять или пятнадцать лет, дежуря на улице...

Она подняла руку, пытаясь жестом остановить его.

— Я не хочу сказать, что это не тяжелая работа и что вы не чувствуете опустошения. С полицейскими, бывает, случаются жуткие вещи. Но есть и время, когда вы можете расслабиться. Со мной такого не бывает. Если вокруг все спокойно, то я должна что-то придумывать. Возьми любой день, когда ничего серьезного не происходит и полицейские могут спокойно дежурить, а я скажу тебе, что в этот самый день Дженнифер Кери берет интервью у какой-нибудь девушки, у которой обгорело лицо два месяца назад или два года назад, потому что нам нужно что-то показывать в шестичасовых новостях, или еще что-нибудь подобное. И нет времени об этом задумываться. Мы просто это делаем. Если мы ошибаемся, то расплачиваемся за это позже. Делаем сейчас, расплачиваемся позже. И, что хуже всего, здесь нет никаких правил. Только потом ты понимаешь, хорошо ли ты поступила или плохо. В некоторых случаях так до конца и нельзя понять. Что хорошо сегодня, завтра оказывается плохим.

Она замолчала, Лукас сделал глоток пива, продолжая на нее смотреть.

— Знаешь, что тебе нужно? — наконец сказал он.

— Что? Заняться любовью? — саркастически спросила она.

— Я не это хотел сказать.

— А что?

— Тебе нужно на некоторое время оставить работу, выйти замуж, переехать сюда.

— Ты думаешь, что если я стану домохозяйкой, то все встанет на свои места? — У нее был почти довольный вид.

— Я не сказал «стать домохозяйкой». Я хотел предложить тебе переехать сюда и ни черта не делать. Займись чем-нибудь. Обдумай все. Съезди в Париж до родов. Что хочешь. Этот скандал сегодня днем, фальшивые слезы, Боже мой, это слишком жестоко, это не по-человечески.

— Слезы не были фальшивыми, — сказала она. — Просто потом мне в голову пришло, что я не имею права сорваться и расплакаться на работе. Потом я приехала домой и подумала, а почему нет? Я хочу сказать, ведь я не идиотка. Ты прочитал мне целую лекцию по поводу Смайза, ты считаешь, я не понимаю, что могу причинить ему неприятности? Ты прав, я действительно могла бы. Но я не уверена. Я...

— Ты только посмотри, ради чего ты суешь себя под пресс. Ты выудила фамилию, и все ради чего? Чтобы на десять минут опередить других репортеров? Боже...

— Знаю, я все это знаю. Поэтому-то я и сижу здесь. Я взвинчена. Я не уверена, что не права, но я также не уверена, что поступила правильно. Я сейчас живу в каком-то мраке, и он все не кончается.

Лукас покачал головой.

— Я не знаю, что делать.

— Ладно.

Она сняла ноги с диванчика.

— Пожалуйста, сядь рядом и посиди со мной немного.

— Гм.

Лукас поднялся, обошел вокруг столика и сел рядом с ней.

— Обними меня.

Он обнял ее за плечи, и она уткнулась лицом ему в грудь.

— Ты готов к этому? — спросила она непривычно высоким, почти пищащим голосом.

Он попытался немного отодвинуться и заглянуть ей в лицо, но она крепко прижалась к нему.

— К чему?

Она еще крепче прижалась к нему лицом, а через минуту расплакалась.

— Не надо секса, — немного погодя сказала она. — Давай просто спать.

Он уже почти заснул, когда она чуть слышно проговорила:

— Я рада, что ты отец ребенка.

Луису Валлиону не было смешно.

Вечером, когда все телестанции передавали сообщение о Смайзе, он пришел домой поздно и не стал смотреть видеозапись. Он узнал об аресте только на следующий день утром из газеты «Стар трибюн».

— Это нечестно, — произнес он, застыв посреди гостиной. На нем была пижама и кожаные тапочки. Растрепанные после сна волосы торчали во все стороны. — Это нечестно. — Скомкав газету, он запустил ее в кухню. — Они все идиоты.

Он бросился смотреть видеозапись сообщения, разгораясь от ярости. Потом на экране появилось лицо Дженнифер Кери, она заявила, что известный составитель игр лейтенант Лукас Дэвенпорт не согласен с этим, он считает, что арестовали не того человека.

— Да, — проговорил Бешеный. Он перемотал пленку назад и снова просмотрел запись. — Да. Я должен ему позвонить, — сказал он сам себе.

Посмотрел на часы.

— Не стоит спешить. Я должен все обдумать.

Может быть, это уловка? Может быть, этот изобретатель игр хочет его подловить? Нет. Это просто невозможно. Игра была свободной по форме, но в ней все-таки имелись какие-то правила. Дэвенпорт или другие полицейские — все равно кто — не допустили бы, чтобы этого человека, этого гомика распяли на кресте ради уловки. Но почему же его арестовали? За исключением Дэвенпорта, полицейские довольно откровенно признались, что у них есть на то основания. Как же могла возникнуть такая ошибка?

— Глупцы, — произнес Бешеный, обращаясь к белым, как яичная скорлупа, стенам. — Какие же они безмозглые дураки!

* * *

Он не мог думать ни о чем другом. Бешеный сидел у себя за столом, уставившись на бумаги, но не видя их, пока его секретарша не поинтересовалась, как он себя чувствует.

— Да, я неважно себя чувствую, наверное, съел что-нибудь не то, — ответил он. — Я сейчас занимаюсь делом Бэрина, а потом думаю взять остальные материалы домой. Поближе к удобствам, знаете ли.

Бэрин был восемнадцатилетним недоразумением, он сильно напился и врезался на машине в толпу людей, ждавших у перекрестка зеленого сигнала светофора. Никто не погиб, но нескольких человек госпитализировали. У него уже временно отбирали права после последнего происшествия. И тоже за вождение машины в пьяном виде. Он даже отсидел два дня в тюрьме.

На этот раз все было гораздо серьезнее. В штате проводилась антиалкогольная кампания. Несколько «жертвенных коров» уже отбывали за это тюремный срок, хотя еще год назад такие дела можно было уладить.

А Бэрин был несносным самодовольным маленьким глупцом и сквернословом, не умевшим держать язык за зубами. К сожалению, его отец был владельцем компьютерной компании, платившей за специальные услуги значительные суммы юридической фирме, в

которой работал Бешеный. И папочка хотел, чтобы мальчишку отпустили.

Но на этот раз парень был обречен. И Бешеный это знал. Об этом знали все в фирме, и именно поэтому ему позволили выступать в суде. Бэрину грозило от трех до шести месяцев тюремного заключения, а может быть, и больше. Никто не станет винить Бешеного. Просто здесь ничего нельзя было поделывать. Старшие партнеры в фирме терпеливо объясняли это отцу, а Бешеный, уже застраховавший себя на случай неудачи, втайне надеялся, что судья даст этому паразиту целый год.

На утреннем заседании его дело слушалось последним. Бешеный приехал пораньше и сел в последнем ряду. Судья со своего места поглядывал на девчонку в джинсах и белой кофте.

— Сколько вам лет, мисс Браун?

— Восемнадцать, господин судья.

Судья вздохнул.

— Мисс Браун, я был бы удивлен, если бы вам было шестнадцать.

— Нет, сэр, мне восемнадцать, уже три недели...

— Помолчите, мисс Браун.

Судья пролистал документы дела, адвокат и прокурор терпеливо ожидали, сидя за своими столами. У девушки были большие глаза, как у оленя, очень красивые, но лицо попорчено угрями, и длинные каштановые волосы прядями свисали на узкие плечи. «Глаза — это лучшее, что у нее есть», — решил Бешеный. В них был испуг, но и понимание тоже. Бешеный наблюдал, как она стоит, переминаясь с ноги на ногу, бросая косые взгляды на своего защитника.

Судья взглянул на прокурора.

— Предыдущее обвинение по тому же поводу?

— По тому же, Ваша честь. Восемь месяцев назад. С тех пор она дома, но ее мать снова выбросила ее на улицу. Сотрудник, занимающийся изучением условий жизни неблагополучных семей, говорит, что ее мать употребляет много кокаина.

— Чем вы будете заниматься, если я отпущу вас, мисс Браун? — спросил судья.

— Ну, я помирилась со своей матерью и думаю, что, подзаработав немного денег, пойду учиться в колледж в следующей четверти. Я хочу стать физиотерапевтом.

Судья снова углубился в бумаги, а Бешеный подумал, что, возможно, он просто пытается спрятать улыбку. В конце концов судья поднял голову, снова вздохнул и посмотрел на общественного защитника. Тот пожал плечами.

— Что говорит защита детей? — спросил судья прокурора.

— В прошлый раз они ее отправили в воспитательный дом, но через пару дней воспитательница от нее отказалась, — пояснил он.

Судья покачал головой и снова занялся чтением бумаг.

«По-своему девушка выглядит весьма чувственной, — решил Бешеный, наблюдая за тем, как она нервно облизывает губы. — Она природой создана, чтобы быть жертвой. Встреть она волка, и он бросится на нее».

Наконец судья решил, что ничего сделать нельзя. Он признал ее виновной в занятии проституцией и на основании этого оштрафовал на сто пятьдесят долларов.

Этот приговор Бэрин явился, когда его дело уже начали рассматривать. Часом позже, когда Бешеный зашел в комнату секретаря суда, дело Хизер Браун лежало в корзине для дел, которые нужно вернуть в архив. Он вытащил его и просмотрел, отметив про себя, что ее

забрали в Южном Хеннепине. Настоящее имя Хизер Браун было Глория Аммундсен. Она зарабатывала на улице уже год или более того. А еще Бешеный с интересом прочел в описании, что она предложила арестовавшим ее полицейским самые разнообразные развлечения, включая садистский секс.

* * *

Бешеный взял работу домой, но не мог ничего делать. На скорую руку он приготовил ужин: несколько ломтиков ветчины, фрукты, тыквенный пирог. Все еще в возбужденном состоянии, он сел в машину и поехал в город, где, оставив машину на стоянке, отправился гулять пешком. Он прошел Лоринг-парк, где тусовались «голубые», дальше к Хеннепин-авеню и на юг — прочь от центра. Панки на улице посматривали на него с подозрением. Возле аптеки валялся без сознания на подстилке какой-то парнишка в грязной индейской куртке. Бритоголовые с вытатуированными на головах свастиками. Местные ребяташки, старавшиеся выглядеть крутыми с сигаретами в зубах.

Несколько проституток. Они не зазывали, не бросались к машинам, а просто прогуливались по улицам на тот случай, если кому-то понадобятся их услуги.

Проходя мимо, он посматривал на них. Все молодые. «Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать лет», — прикинул он. Шестнадцатилетних было меньше. Еще меньше восемнадцатилетних. И совсем мало более старшего возраста. Взрослые занимались сексом, не отходя далеко, прямо тут же, в подъезде, они были так истасканы улицей, что их уже не приглашали в номер, или сауну, или даже в какой-нибудь чулан. Они годились только для бездумного минутного развлечения. С ними могла случиться любая неприятность, как часто и бывало.

Хизер Браун Бешеный заметил у закусочной. Большинство проституток были блондинки — или натуральные, или крашенные. Темноволосая Хизер напоминала ему... Кого же она напоминала? Он не знал, хотя в его памяти шевельнулось какое-то воспоминание. Ночью, не при свете люминесцентных ламп зала суда, она казалась симпатичнее.

Это не относилось к глазам. В суде ее глаза были живыми. Здесь же у нее был отрешенный, усталый взгляд. Она была одета в черную кофточку, короткую черную кожаную юбку, босоножки на высоких каблуках, в руках — большая черная сумка. Ее тело, лицо, весь ее вид зывали к нему.

— Эй! — сказала она, заметив, что он замедляет шаг, приближаясь к ней. — Что делаешь?

— Просто гуляю, — ответил Бешеный, мило улыбаясь.

— Хорошая ночка для прогулок, офицер.

Ее глаза были густо обведены зелеными тенями.

Бешеный улыбнулся.

— Я не полицейский. Более того, я даже не собираюсь тебя приглашать. Кто знает, может быть, ты сама оттуда. Ну, из полиции.

— Это уж точно, — проговорила она, вильнув бедром так, что юбка задралась.

— Пусть тебе повезет.

— Корабли проплывают мимо в ночи, — откликнулась она, уже глядя ему через плечо.

— Ну, а если я опять вернусь сюда как-нибудь вечером? Ты обычно здесь

прогуливаешься?

Она повернула голову и снова посмотрела на него. В ее глазах зажегся огонек интереса.

— Да, — произнесла она. — Это моя территория.

— И у тебя есть место, куда пойти?

— Зачем? — осторожно спросила она.

— Может быть, отсосешь, если это стоит не больше пятидесяти. Или ты знаешь что-нибудь более завлекательное?

Лицо ее прояснилось. Он сделал предложение, назвал позу и сказал, сколько заплатит. Он не был полицейским.

— Нет проблем, дорогой. Я знаю много способов, как развеселить мужчину. Я здесь бываю каждый вечер, кроме четверга, в четверг меня приглашает прогуляться мой парень. И кроме воскресенья, потому что нет публики.

— Отлично. Может быть, через день или два, а? А у тебя есть место, куда мы можем отправиться?

— Готовь деньги, я приготовлю все остальное, — ответила она.

— Как тебя зовут?

Она на мгновение задумалась, потом сказала:

— Хизер.

* * *

— Ты совершаешь ошибку, — сказал Бешеный сам себе. Он ходил по комнате из угла в угол. — Наверняка это ошибка.

Но искушение было велико. Он посмотрел на лежавший на столе справочник личного состава полиции. Дэвенпорт, Лукас. Вот номер. Конечно же, это ошибка, но почему обязательно ошибка? Надо позвонить ему домой, попозже вечером, он будет к этому не готов. Конечно же, никакой автоматической записи разговора.

Бешеный все хорошенько обдумал и наконец записал телефон на листке бумаги, вышел на улицу, сел в машину, проехал с милю до телефонной будки и набрал номер. В трубке прозвучал один гудок, потом очень отчетливо раздался баритон. Он не спал.

— Детектив Дэвенпорт?

— Да. Кто это?

— Доброжелатель. Вчера вечером по телевизору я смотрел сообщение... У вас расхождение во взглядах с вашим начальством, и я хочу, чтобы вы знали вот что: вы абсолютно правы в отношении этого убийцы Бешеного. Этот ваш гомосексуалист не он. Гомосексуалист — не убийца. Вы понимаете меня?

— Кто это?

— Я не собираюсь вам ничего объяснять, но я утверждаю, что вы арестовали не того человека. Если вы спросите его, оставял ли он записки, то он скажет, что понятия о них не имеет, верно? Он не знает, что нельзя убивать человека, которого ты знаешь. Нельзя иметь повод для убийства. Нельзя следовать плану, который легко станет понятным другим. Вы должны что-то сделать, чтобы исправить эту ошибку, в противном случае, боюсь, у вас будет серьезный повод для беспокойства. В ближайшем будущем Бешеный продемонстрирует всем, что этот человек невиновен. Вы все поняли, лейтенант? Надеюсь, что да, потому что

это все, что я хотел вам сказать. До свидания.

— Подождите...

Бешеный повесил трубку, быстро вернулся к машине и отъехал. Проехав квартал, он начал хихикать от пережитого волнения. Он не предполагал такого прилива радости и радовался от души, как будто выиграл свое персональное сражение. В каком-то смысле так оно и было. Он дотронулся до лица противника.

Лукас сидел за чертежным столом, перед ним лежали правила игры. Размышляя, он потирал отросшую за день щетину. Записки. Этот человек знал про записки. Он специально их упомянул и правильно сделал. И говорил он с акцентом, с тем самым едва заметным акцентом. Техас. Нью-Мексико.

Лукас снял телефонную трубку и набрал номер Даниэля.

— Это Дэвенпорт.

Шеф все еще не проснулся.

— Дэвенпорт? Ты знаешь, сколько сейчас времени?

Лукас посмотрел на часы.

— Да. Пятнадцать минут третьего.

— Так какого черта ты меня разбудил?

— Мне только что звонил Бешеный.

— Что?!

Сон тут же слетел с Даниэля.

— Он процитировал мне записки. И говорит он с акцентом. Это действительно он.

— Черт! — Последовала пятисекундная пауза.

— Что он сказал?

Лукас повторил все то, о чем они говорили.

— Ты думаешь, это он?

— Думаю, что да. Более того. Он взбешен. Он видел репортаж Дженнифер, где она говорит о том, что я не считаю, что Смайз преступник. И он хочет, чтобы я все поставил на свое место. Господи, да он хочет, чтобы его уважали.

В трубке было тихо.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Шеф!

— Итак, Смайз в тюрьме, а Бешеный вот-вот зарежет еще одну женщину, — пробормотал Даниэль.

— Нам нужно как-нибудь отделаться от Смайза. Попробуй завтра как-то умаслить общественного защитника. Маккарти присосался к Смайзу, как пиявка. Если мы сможем его нейтрализовать, то, может быть, и удастся уговорить парня дать нам алиби. Если получится, если он хоть что-нибудь скажет, можно будет его отпустить.

— А если нет?

— Тогда не знаю. Попробуем еще что-нибудь придумать. Но если человек, позвонивший мне, и есть убийца, а я даю голову на отсечение, что так оно и есть, то я подозреваю, что Смайзу есть, что нам рассказать. Он уже посидел в хеннепинской тюрьме, а ты знаешь, каково там.

— Ладно. Давай так и сделаем. Господи, первый шаг мы сделали всего четырнадцать часов назад, а теперь надо делать второй. Завтра я позвоню нашим и посмотрю, что можно предпринять. А ты зайди в отдел убийств и напиши официальное заявление по поводу звонка. Предварительное слушание в понедельник? Если мы хотим что-нибудь сделать, то нужно успеть до этого срока. А то Бешеный сделает это за нас. Вот будет финт, а?

— Обычно он совершает нападения в середине недели, — сказал Лукас. — Сейчас уже

почти утро четверга. Если он и в этот раз будет действовать, как всегда, то нападёт сегодня ночью или подождёт до следующей недели.

— Он сказал по телефону «в ближайшем будущем»?

— Да. По телефону мне показалось, что он не готов к этому шагу. Но тогда он мог... прикинуться.

— Хорошее слово.

— Я вот сижу и пытаюсь вспомнить точно, какие слова он употреблял. Были непростые слова... Он хитрый. И наверняка получил образование.

— Рад это слышать, — устало проговорил Даниэль. — Пошел он к черту. Поговорим завтра.

После этого разговора Лукас уже не мог сосредоточиться на игре и забросил ее. Он прошел на кухню, достал из холодильника пиво и выключил свет. В последний момент ему в глаза бросился желто-белый прямоугольник, о чем-то напомнивший ему. Лукас уже вышел в коридор, потом нахмурился, вернулся назад и снова зажег свет. Это была обложка телефонной книги.

— Где он взял мой номер телефона? — вслух спросил он.

Его номера не было в обычной телефонной книге.

«В служебном справочнике. Конечно же там».

Он снял трубку и снова позвонил Даниэлю, но телефон был занят. Дэвенпорт положил трубку на рычаг, походил по комнате, поглядывая на часы, и снова набрал номер.

— Что еще? — Теперь уже голос шефа звучал сердито.

— Это снова Дэвенпорт. Мне в голову пришла одна не очень приятная мысль.

— Можешь мне ее сообщить, — с досадой проговорил Даниэль. — Она добавит красок к моим ночным кошмарам.

— Помнишь, еще тогда, когда ты держал меня под наблюдением, ты считал, что это может быть полицейский, и у тебя на то были кое-какие причины?

— Да.

— Я вот что подумал: ведь он позвонил мне домой. Мой номер есть только в служебном справочнике. И потом Карла узнала полицейского на одной из фотографий...

— Только не это.

Он снова надолго замолчал, а потом сказал:

— Лукас, иди спать. Я вытащил Андерсона из-под одеяла и сообщил ему про звонок. Я еще раз ему позвоню и передам твои соображения. Завтра обо всем поразмыслим.

— Мы будем выглядеть просто идиотами, если окажется, что Карла указала на преступника, а мы не обратили на это внимания.

— Хуже того. Все будет выглядеть так, будто мы покрываем убийцу.

Телефон зазвонил, и Лукас разлепил глаза. Светло. Должно быть, уже утро. Он взглянул на часы. Восемь тридцать.

— Привет, Линда, — проговорил он, сняв трубку.

— Как ты догадался, что это я, Лукас?

— Потому что у меня такое ощущение, что запахло жареным.

— Шеф хочет видеть тебя прямо сейчас. Он сказал, чтобы ты оделся прилично, но прибыл сюда побыстрее.

Когда Лукас приехал, Даниэль и Андерсон сидели у стола шефа. Лестер расположился в углу, читая документы дела.

— Что произошло?

— Мы не знаем, — ответил Даниэль. — Но, как только я переступил порог, затрещал телефон. Звонил общественный защитник. Смайз хочет поговорить с тобой.

— Великолепно. Ты что-нибудь рассказал о вчерашнем ночном звонке?

— Ни слова. Но если он готов говорить об алиби, то, может быть, мы найдем способ свалить все на Маккарти... ну, скажем так, Смайз решил нам помочь, и с его помощью мы смогли исключить его из списка подозреваемых. Таким образом, мы с честью выйдем из затруднительного положения.

— Это если он невиновен, — заметил Андерсон.

— А как насчет этого полицейского? — спросил Лукас. — Ну того, которого опознала Карла?

— Я приехал сюда вчера ночью, после того как мне позвонил шеф, — сказал Андерсон, — и поднял все списки дежурств. Он был на дежурстве, когда напали на Руиц, дежурил с напарником в северо-западной части города. Я беседовал с его напарником, и он подтвердил, что так оно и было. Они приняли с полдюжины вызовов, по времени совпадающих с нападением. Мы проверили записи переговоров, его голос на пленке.

— Таким образом, он чист, — заметил Лукас.

— Благодарю тебя, Господи, за эту добрую весть! — воскликнул Даниэль. — А ты, Лукас, тащи свою задницу в камеру Смайза. Там тебя ждут.

Маккарти и Смайз ожидали в маленькой комнатке для допросов. Маккарти курил, а Смайз нервно ерзал на стуле, потирая руки и уставившись себе на ноги.

— Мне это не нравится, и я напишу по этому поводу докладную записку, — выпалил Маккарти, как только Лукас вошел.

— Да, да. — Он посмотрел на Смайза. — Можно тебя попросить на минуточку встать?

— Подождите. Я хочу поговорить... — начал было Маккарти, но Смайз жестом остановил его и поднялся.

— Я ненавижу это место, — сказал он. — Здесь хуже, чем я мог себе представить.

— В общем-то это неплохая тюрьма, — мягко заметил Лукас.

— Мне так и сказали, — мрачно отозвался Смайз. — Так зачем мне нужно было вставать?

— Напряги живот и грудь. Соберись.

Смайз был удивлен, но опустил плечи и напрягся. Лукас протянул руку и раскрытой ладонью сильно толкнул его в грудь, потом чуть пониже, в живот. Мускулы были твердыми, как дерево.

— Ты занимаешься спортом?

— Да. Много.

— Для чего все это? — спросил Маккарти.

— Уцелевшая после нападения женщина... Убийца схватил ее сзади... Она сказала, что он хилый.

— Это не обо мне, — уже более доверительно проговорил Смайз. — Ну-ка, повернись

спиной.

Лукас повернулся, Смайз подошел к нему сзади и обхватил руками.

— Попробуй освободись, — сказал он.

Лукас начал выворачиваться и вырываться. Его вес позволил ему сдвинуть Смайза с места, они как бы танцевали почти на одном и том же месте, но руки, державшие его, были похожи на железные обручи.

— Ладно, — сдался Лукас, тяжело дыша.

Смайз его отпустил.

— Если бы я ее схватил, она бы не вырвалась, — заявил он. — Это что-нибудь доказывает?

— Для меня, да, — ответил Дэвенпорт. — Но для других это малоубедительно.

— По телевизору я видел тот репортаж, где вы говорите, что верите мне. И я больше не могу оставаться в этой тюрьме. Я решил положиться на вас у меня есть алиби, даже два.

— Все это можно сделать на предварительном слушании, — вставил Маккарти.

— До него еще ждать четыре дня, — буркнул Смайз. Он повернулся к Лукасу. — Если мои алиби окажутся достоверными, как скоро я смогу отсюда выйти?

Дэвенпорт пожал плечами.

— Если они будут убедительными и мы сможем их проверить, то тебя отпустят сегодня днем.

— Хорошо. Мистер Маккарти привез мой календарь. В тот день, когда напали на Льюис, я был на службе и проводил занятия с коллегами. Мы начали в девять часов утра и продолжали до пяти. В классе было десять человек. Мы обедали все вместе. Это произошло недавно, так что они помнят. А в день, когда убили Ширли Моррис, домохозяйку, я вылетел в Нью-Йорк в семь часов утра. У меня даже остался билет, и приятель провожал меня в аэропорт и видел, как я садился в самолет. У меня сохранился счет из гостиницы в Нью-Йорке, на нем помечено время прибытия. Моррис была убита днем, а я как раз днем и вселился. Думаю, они тоже меня запомнили, потому что, когда я поднялся с коридорным в номер, там была крыса. Парень засуетился. У этого отеля хорошая репутация. Я спустился к администратору, и он дал мне другой номер, но клянусь, они запомнили эту крысу. Можете позвонить им по телефону и проверить. Гостиничный счет и билет на самолет в офисе у мистера Маккарти.

— Вы должны были нам все это рассказать, — проговорил Лукас.

— Я боялся. Мистер Маккарти сказал...

Они оба посмотрели на адвоката.

— Все так внезапно произошло. Вы его активно допрашивали, все вокруг бегали как угорелые и орали, нам нужно было некоторое время, а то мы могли наделать ошибок, — начал оправдываться Маккарти.

— Да уж, вы действительно наделали ошибок, — заметил Смайз. — Моя семья знала, что я гомосексуалист, и мои родители, и братья, и сестры, и кое-кто из друзей. Но в моей школе мало кому это было известно, да и соседи тоже были не в курсе... — Внезапно он сел и расплакался. — А теперь все знают. Вы представляете, как мне теперь трудно будет приезжать на ферму? Домой к родителям?

Маккарти поднялся и отшвырнул в сторону свой стул.

Лукас задержался в холле центра предварительного заключения и позвонил по телефону.

— Это Лукас Дэвенпорт, — сказал он. — Мы можем срочно встретиться в каком-нибудь укромном месте?

— Конечно, — ответил женский голос. — Называй место.

Лукас указал букинистический магазин. Когда она приехала, он подумал, насколько ее внешний вид не соответствовал окружающей обстановке. С ее великолепной прической и безупречным гримом она бродила среди стеллажей, как Алиса в стране чудес, ошеломленная присутствием такого количества загадочных ветхих книг. Энни Макгаун. Гордость восьмого канала, тележурналистка.

— Лукас, — проговорила она, увидев его.

— Энни.

Он шагнул ей навстречу, и она пошла к нему, протягивая обе руки, как будто ожидала, что он обнимет ее. Вместо этого он взял ее за руки и прижал их к своей груди.

— То, что я тебе сейчас скажу, должно оставаться в секрете. Ты должна дать мне честное слово журналиста, или я тебе ничего не скажу, — сказал он, оглядываясь по сторонам.

— Да, конечно, — выпалила она.

От нее пахло корицей и еще какими-то специями.

— Помнишь этого парня, арестованного по подозрению в убийствах? Так вот, это не Бешеный, — прошептал Лукас. — У него два отличных алиби, железных алиби, как у нас говорят. Его должны отпустить сегодня после обеда. Никто, абсолютно никто, кроме полицейского управления, не знает об этом. Только ты. И если ты подождешь до трех тридцати или около того, то ты вероятно поймаешь его. Ты знаешь Маккарти, общественного защитника?

— Да, я его знаю, — затаив дыхание, сказала она.

— Ты можешь застать его у центра предварительного заключения, он будет забирать Смайза. Тебе лучше появиться там часам к трем. Не думаю, что это произойдет раньше.

— Ой, Лукас, это замечательно!

— Да. Конечно, если ты сможешь сохранить все в секрете. Я тебе еще кое-что расскажу, но все должно исходить от «хорошо информированного источника».

— А что еще?

— Мы предполагаем, что всех женщин изнасиловали, но не обнаружено ни капли спермы. В полиции считают, что убийца использовал что-то... какое-то приспособление, потому что он импотент.

— Вот это да! Бедняжка.

— Да.

— И что это за приспособление?

— Ну, мы пока точно не знаем.

— Ты имеешь в виду такие здоровенные резиновые половые члены?

Слова, легко вылетающие из ее красивого рта, настолько не подходили к ее внешности, что Лукас почувствовал, как у него отвисает челюсть.

— Ну, мы не знаем. Что-то похожее. Как бы то ни было, если ты правильно себя поведешь и не подставишь меня, я еще подкину тебе эксклюзивную информацию. А теперь мне пора уходить. Нельзя, чтобы нас видели вместе.

Она уже направилась к выходу, но вернулась.

— погоди. послушай, если ты будешь звонить мне на телестудию и называться своим настоящим именем, там догадаются, кто мой источник информации.

— Так что же?

— Может быть, нам стоит пользоваться каким-нибудь условным именем?

— Хорошая мысль. — Он вытащил из бумажника карточку и написал на обратной стороне свой домашний телефон. — Можешь звонить мне на работу или домой. Когда же я позвоню тебе, то скажу: «Передайте мисс Макгаун, чтобы она позвонила Гнедому Коню».

— Гнедой Конь, — прошептала она, стараясь запомнить это название. — Похоже на шахматную фигуру.

«Скорее на морского конька, мать его», — подумал Дэвенпорт.

Макгаун приблизилась и поцеловала его в губы, затем, блеснув черными глазами, пошла к двери; ее модное шерстяное пальто мелькнуло среди стеллажей.

Владелец магазина, совсем не романтичный толстяк, коллекционировавший первые издания книги Марка Твена «Жизнь на Миссисипи», появился в полутемном проходе и сказал:

— Господи, Лукас, что ты здесь делаешь, тискаешь красотку?

* * *

Дэвенпорт зашел к Даниэлю и вкратце описал ему алиби, представленные Смайзом. Вдвоем они прошли в отдел убийств, и он еще раз пересказал все Лестеру и Андерсону.

— Я хочу, чтобы все отложили свои дела и немедленно проверили эту информацию, — распорядился Даниэль. — Начните с управления оказания помощи малоимущим, проверьте все, что касается занятий, которые он проводил. Это сразу даст нам результаты. Потом посмотрите его билеты, сделайте несколько запросов. Если проверка даст положительные результаты, а я думаю, что так оно и будет, устроим совещание у прокурора. Где-нибудь в час или в два. Решим, что делать дальше.

— Вы считаете, можно снять обвинение? — поинтересовался Лестер.

— Да. Вероятно.

— Журналисты съедят нас живьем, — заметил Андерсон.

— Не съедят, если мы правильно себя поведем. Мы им скажем, что Дэвенпорт единственный человек, которому Смайз доверяет, он рассказал ему все, Дэвенпорт пришел к нам, и мы поняли свою ошибку.

— Это пузырь, который тут же лопнет, так мне кажется, — сказал Лестер.

— Это все, что можно сделать, — отрезал Даниэль. — И это лучше, чем если Маккарти свалит все на нас.

— Господи! — Лицо Лестера стало серым. — Ведь это я брал ордер на арест. Да еще это долбаное телевидение. Ну и зададут они мне трепку.

— Могло быть и хуже, — философски рассудил Даниэль.

— Это как же?

— На твоём месте мог бы оказаться я.

Лукас и Андерсон расхохотались, потом к ним присоединился Даниэль, и наконец улыбнулся и Лестер.

— Да, это было бы чертовски обидно, — заметил он.

* * *

Остальную часть утра Лукас провёл в кабинете, разговаривая со своими информаторами. Ничего особенного в городе не происходило. Ходили слухи, что кого-то убили в северо-западном районе во время игры в покер на большие деньги. Но он уже слышал нечто подобное три недели назад, так что это выглядело сомнительным. В городе появилось несколько сотен некредитоспособных карточек «Виза», их предъявляли в магазинах и в торговых центрах. Наиболее пострадавшие владельцы магазинов обратились к мэру. Ещё ходил слух о том, что за границу переправляют обычное и автоматическое огнестрельное оружие через аэродром в Рэд Ривер Вэлли. Слух был весьма нелепым и требовал проверки. А владелец аэродромной забегаловки жаловался, что в соседнем баре выпускают на сцену малолеток.

— Это несправедливо, у этих девчонок ещё молоко на губах не обсохло. Все побросали свои дела и сидят у Френки, — говорил он.

Лукас пообещал ему разобраться.

* * *

— Проверка все подтвердила, — сказал Даниэль. — Мы передали по факсу фотографию Смайза в Нью-Йорк, и местные полицейские предъявили ее в отеле. Коридорный узнал его и вспомнил про крысу. Он не уверен насчет числа, но зато вспомнил неделю, когда это произошло. Это та самая неделя.

— А как там с занятиями на службе?

— Проверка подтвердилась. Это убедительное алиби. Как только мы начали расспрашивать об этом, все управление заговорило о том, как мы опростоволосились. К вечеру об этом будет знать весь суд.

— Ну и?

— На два часа у нас назначено совещание с прокурором и общественным защитником. Мы будем рекомендовать полное снятие всех обвинений. А вечером будет пресс-конференция.

— Он подаст жалобу за оскорбление, — заметил Андерсон.

— Мы попросим документ об отказе от иска, — сказал Даниэль.

— Не получится, — вмешался Лукас. — Парня выставили на посмешище. — Он посмотрел на шефа. — Я думаю, что мне не стоит показываться на пресс-конференции.

— Да, пожалуй.

— Если кто-нибудь будет меня спрашивать, скажи ему, что у меня выходные. Я возьму пару дней отгулов и поеду на север.

Лукас ушел из мэрии в три часа и пешком направился к центру предварительного заключения. Он остановился только для того, чтобы купить коробочку воздушной кукурузы. Энни Макгаун и оператор были уже на месте и ждали. Лукас уселся на скамейке возле автобусной остановки неподалеку и через полчаса увидел, как из здания вышел Маккарти, за ним — Смайз. Вместе с ними вышли еще двое — мужчина и женщина. Лукас вспомнил, что видел их на фотографии в доме Смайза, это были его родители. В мгновение ока к ним подлетела Макгаун, и после минутного замешательства они, по-видимому, согласились на короткое интервью, которое записывалось на пленку. Дэвенпорт смял пустую коробку из-под кукурузы и бросил ее под скамейку. Он улыбался.

— Пресс-конференция в семь, — сказал Андерсон, поймав Лукаса в коридоре.

— У меня сегодня вечером кое-что предвидится, — сказал тот. — Мне надо на некоторое время «лечь на дно».

Прежде чем уехать, Лукас договорился с патрульной службой о поддержке, затем отправился домой, чтобы успеть к шестичасовым новостям. Макгаун выглядела замечательно, когда она рассказывала свою сенсационную новость. После двухминутного репортажа, снятого у порога тюрьмы, Макгаун снова появилась на экране, но уже в студии.

— Нам также стало известно, что полицейские уверены в том, что убийца импотент и, вполне вероятно, что он насилует женщин, используя какой-то тупой предмет, так как сам он не способен их изнасиловать. — Она повернулась к ведущему новостей и улыбнулась. — Фрэд?

— Спасибо вам, Энни, за ваш эксклюзивный репортаж...

Лукас переключил телевизор на четвертый канал. Последним пунктом новостей шло краткое повторение репортажа Макгаун:

— Мы только что узнали, что Джимми Смайз, которого арестовали в ходе расследования убийств трех женщин в нашем городе, был только что отпущен на свободу. Полиция, очевидно, теперь считает, что он не виновен...

Дженнифер позвонила через пять минут.

— Лукас, это ты ей подкинул?

— Подкинул что и кому? — невинным голосом спросил Дэвенпорт.

— Подкинул Макгаун информацию про освобождение Смайза.

— А разве его освободили?

— Ты подонок, в следующий раз надень бронежилет, когда встретишься со мной, потому что у меня будет нож.

Поздно вечером того же дня Лукас ехал на полицейской машине без опознавательных

знаков по Лэйк-стрит и всматривался в ночных прохожих, пьяниц, проституток, пытаюсь найти нужного ему человека. Он обнаружил его около десяти часов.

— Гарольд! Залезай в машину.

— А, лейтенант...

— Давай-давай, залезай.

Гарольд, занимавшийся спекуляцией фармацевтическими препаратами, сел в машину.

— Гарольд, ты мне обязан, — сказал Лукас.

В утонувшем в куртке защитного цвета парне было меньше шестидесяти килограммов веса.

— Послушай, чего ты хочешь? — занял он. — Я никому ничего...

— От тебя требуется пойти в бар к Фрэнки и посидеть там за стаканчиком. Выпивка за мой счет. Но ничего крепкого. Возьми вино, пиво. Я не хочу, чтобы тебя там поколотили.

— Из-за чего весь сыр-бор? — спросил Гарольд, сразу повеселев.

— В баре будет выступать девчонка. Совсем сопливая. Когда представление начнется, я хочу, чтобы ты вышел и предупредил меня. Я буду стоять в конце квартала. Выйдешь, как только она начнет, слышишь? Ни минутой позже, а сразу, как только она начнет.

Он сунул Гарольду десятку.

— Всего десятка? Ты хочешь, чтобы я там заказал себе выпивку всего на десятку? — скривился тот.

Лукас схватил его за куртку и как следует встряхнул.

— Послушай-ка, Гарольд, считай, тебе повезло, что я не беру с тебя денег за твои привилегии, понял? А теперь отправляйся куда сказано, а то я тебе морду расквашу.

— Да ты что, лейтенант...

Гарольд выскользнул из машины, а Лукас откинулся на спинку сиденья и стал наблюдать за прохожими. Большинство из них что-нибудь пили на ходу или уже были пьяными. Прошли несколько наркоманов. Проститутка и один из его подопечных.

Дэвенпорт знал его и, поспешно опустив голову, прикрыл лицо рукой. Проститутка на него даже не взглянула. Вот торговец наркотиками, еще один, толстощекий парень, наверное, только недавно приехал из деревни. Пьяный продавец из магазина. Лукас наблюдал за людьми целых полчаса, пока не вернулся Гарольд.

— Есть там девчонка, действительно совсем сопливая, — шепотом сказал он.

— Хорошо. Можешь идти.

Гарольд тут же исчез. Лукас, как и договаривались, вызвал по рации патрульных для поддержки, надвинул на глаза твидовую охотничью шляпу, надел очки с простыми стеклами, вылез из машины, запер ее и направился по улице к бару Фрэнки.

В баре пахло пивом и дешевым вином. В первом зале, расположенном прямо у входа с улицы, никого не было, если не считать двух, несчастного вида женщин, сидевших друг против друга в кабинке, обитой красным кожзаменителем. Бармен протирает стаканы и посматривал, как Лукас пробирается между пустыми столиками к арке, ведущей в дальний зал.

Это помещение было набито битком. Человек тридцать — сорок мужчин и с полдюжины полупьяных женщин сидели в клубах сигаретного дыма, хлопая в такт рока, гремевшего из музыкального автомата. На стойке бара танцевала девчонка, она уже разделась до крошечного лифчика и прозрачных голубых трусиков. Лукас протолкался сквозь толпу, за стойкой он заметил самого Фрэнки, который едва успевал наполнять

пластиковые стаканы пивом. Дэвенпорт поднял голову и посмотрел на девчонку. Сколько ей? Одиннадцать? Двенадцать? Весело взвизгнув, она закинула одну руку за спину. Она уже научилась полупрофессионально улыбаться, прикусывая нижнюю губу, и подогревать интерес публики. Взвизгнув еще раз, девчонка расстегнула лифчик и медленно стянула его, прикрывая при этом грудь рукой. Затем она швырнула лифчик за стойку бара и начала танцевать. Ее маленькие груди запрыгали в мигающем свете ламп на потолке.

— Трусики, трусики, трусики! — кричала толпа. Девчонка запустила большие пальцы за резинку трусов. Она кокетливо спускала их на дюйм то с одной стороны, то с другой, поворачивалась, наклонялась, смотрела на публику сквозь широко расставленные ноги. Наконец она встала спиной к зрителям и стянула их совсем, потом повернулась лицом, чтобы закончить танец.

В этот момент из первого зала раздался крик бармена:

— Легавые!

— Сматывайся! — заорал Фрэнки, схватив голую девчонку за ногу.

Толпа бросилась к дверям. Лукас рванулся вперед и вытащил пистолет. Упершись локтем в стойку бара, от ткнул дуло пистолета прямо Фрэнки в щеку.

— Не серди меня, Фрэнки, а то произойдет несчастный случай, — проговорил он. — У этого пистолета очень легкий спуск.

Владелец бара замер. Из переднего зала вбежали полицейские в форме, посетители бара прижались к стенам. С дюжину пакетиков с кокаином и крэком попадали на пол. Лукас посмотрел на девчонку.

— Слезай, — сказал он.

Она наклонилась и смачно плюнула ему в лицо.

* * *

— Что с ней было потом? — спросила Карла.

Они сидели на мостках причала, свесив ноги над водой. До заката был еще целый час, и они только что пришли из леса, где тренировались в стрельбе. День был прохладным и тихим, фиалковая голубизна неба отражалась в воде. В ста метрах от них рыбак, вымазанный речным илом, ловил на спиннинг рыбу. Поверхность воды была гладкая, как крышка стола, и до них доносился стрекочущий звук наматывающей леску катушки.

— Мы отвезли ее в отдел по защите несовершеннолетних, — сказал Лукас. — Они постараются разыскать ее родителей и вернут ее им. А через две недели она снова убежит из дома и начнет заниматься проституцией, или стриптизом, или еще чем-нибудь в этом роде. В ее возрасте это единственная работа, которой она сможет заняться.

— А что с Фрэнки?

— Мы предъявили ему все обвинения, которые только смогли придумать. Ему придется какое-то время отсидеть в тюрьме, и он потеряет лицензию на продажу алкогольных напитков.

— Отлично. Они должны... Ну, я не знаю. Ведь ей всего двенадцать лет.

Лукас пожал плечами.

— Средний возраст уличной проститутки примерно четырнадцать лет. В шестнадцать они уже слишком старые. Чем они моложе, тем больше денег зарабатывают. Это именно то,

что нравится клиентам. Молоденькие.

— Мужчины такие извращенцы, — сказала Карла, и Лукас засмеялся.

— Чего тебе хочется, порыбачить или пойти домой и подурачиться? — спросил он.

— Я уже нарыбачилась, — ответила она, хитро наморщив нос.

Все слухи, ходившие по конторе, собирались у секретарши Бешеного. Это могло бы ему помочь ориентироваться в служебных отношениях, если бы он принимал участие в кабинетных интригах, но отношения с секретаршей у него не были налажены. Он разговаривал с ней, не глядя ей в глаза. Он знал об этой своей привычке и изо всех сил старался избавиться от нее. Но ему это никак не удавалось, и он стал смотреть ей в переносицу. А она знала, что он не смотрит ей в глаза.

Ситуация еще усугублялась ее внешностью. Она была слишком хороша для него. И после его поступления на работу она очень скоро дала понять, что любые попытки заигрывания будут восприняты без одобрения. Он был даже в какой-то степени рад этому. Если бы она заинтересовала его и стала бы его избранницей, ей пришлось бы умереть, а это нарушило бы одно из главных правил: «Никогда не убивай людей, которых ты знаешь».

Когда он вошел в офис, она стояла в окружении трех женщин. Они о чем-то болтали.

— Ты слышал, Луис? — обратилась к нему одна из них.

Ее звали Маргарет Вильсон. Она была адвокатом и специализировалась по делам, связанным с нанесением ущерба гражданам, и, хотя ей не было еще тридцати, о ней говорили, что она одна из наиболее высокооплачиваемых специалистов у них в конторе. У нее были светло-карие глаза, большая грудь и мощные бедра. «Она слишком много смеется», — подумал Бешеный. В общем-то, она его пугала. Он остановился.

— Что слышал? — спросил он.

— Ну про этого гомосексуалиста, которого арестовали, потому что полиция считала, что он убийца Бешеный. Так вот, это не он.

— Да. Я видел это в выпуске новостей вчера вечером. Что же, очень плохо. Я думал, что убийцу поймали, — проговорил Бешеный, стараясь, чтобы голос оставался спокойным. Фрагменты пресс-конференции в полиции, которые он видел по третьему каналу, доставили ему наслаждение. Он сделал шаг в сторону своего офиса.

— Про него сказали, что у него просто не стоит, — сказала Вильсон.

Бешеный снова остановился.

— Прошу прощения? — переспросил он смущенно.

— Ну, по восьмому каналу. Энни Макгаун. Репортерша, черноволосая такая, с короткой стрижкой, похожа на конькобежку. Она беседовала с кем-то из полиции. Так вот они утверждают, что он импотент, и это заставляет его совершать убийства, — объясняла Вильсон.

Она что, насмехается над ним? В ее тоне было нечто похожее на вызов.

— Так ведь ошибались же они в отношении гомосексуалиста... — начал было он.

— Да чушь все это! — презрительно сказала его секретарша. — Все говорят, что он их насилует. Если у него не стоит, то как же он?..

— Полиция ни разу не обнаружила сперму, — заметила Вильсон. — Они думают, что он использует какой-то предмет.

Женщины переглянулись между собой, а Бешеный, буркнув: «Ну», — прошел к себе в кабинет и закрыл дверь. Он был вне себя от злости. Импотенция? Использует какие-то предметы? О чем они говорят?

За дверью раздался взрыв смеха, и он понял, что они смеются над ним. Что-то

использует. Наверное, как наш Луис. А интересно, что использует Луис?

Должно быть, так они говорят там за дверью. Они не знают, кто он такой, какой он, они не знают его силу. И они еще смеются над ним!

Он прошел к своему столу, бросил портфель, уселся и начал разглядывать эстамп с утками на стене. Три утки-кряквы в зарослях рогоза на рассвете. Бешеный смотрел на картину и не видел ее. Злоба внутри него все росла. За дверью послышался еще один взрыв смеха. Если бы у него с собой был пистолет, он вышел бы из кабинета и всех бы их перестрелял.

* * *

Бешеный ушел из конторы в одиннадцать тридцать и поехал домой смотреть дневные новости. Он предпочитал смотреть TV-3, так как считал, что новостям этого канала присуще некоторое достоинство.

Но, возможно, он станет смотреть новости и по другому каналу, если у этой Макгаун есть особые источники информации. Бешеный бросил машину на обочине дороги и поспешил в дом. Он приехал рановато и успел сделать себе чашку горячего бульона, до того как начались новости. Усевшись в огромное кресло в гостиной, он принялся отхлебывать солоноватую горячую жидкость. Начались новости, сообщение Макгаун было главной темой. По-видимому, это было повторение того, что показывали вчера вечером. В эфир снова запустили пленку, где Макгаун берет интервью у гомосексуалиста на ступенях местной тюрьмы, и еще раз повторили то место, где она говорила про импотенцию. Ее милое чистое личико было серьезным. Когда камера в последний раз показала его крупным планом, Бешеный почувствовал, как, несмотря на то что в нем снова начал разгораться гнев, у него внутри что-то шевельнулось. Тяжело дыша, он тычком выключил телевизор, с трудом пытаясь удержать охватившую его ярость. Энни Макгаун. Глядя на погасший экран, он все еще продолжал видеть ее. Она его заинтересовала. Она была лучше, чем та блондинка с TV-3.

Утренний выпуск «Стар трибюн» все еще лежал на кухонном столе. Бешеный снова просмотрел его. Об освобождении Смайза была написана большая статья, но ни словом не упоминалось об импотенции.

Почему это полицейские сказали Макгаун, что он импотент? Ведь они же должны знать, что это не так. Они должны знать, что он не импотент. Может быть, они таким способом пытаются заставить его обнаружить себя? Может быть, они таким образом пытаются разозлить его? Но это же... просто бред. Наоборот, они сделают все, чтобы не рассердить его. Ведь правда?

Он вернулся на работу. Гнев все не отпускал. Был большой соблазн найти Хизер и разделаться с ней немедленно. Но, сидя за книгами, он решил, что еще не время. Он чувствовал, как закипала в нем сила, но она не достигла еще той степени, когда терпеть уже становилось невозможно, что гарантировало те необыкновенные ощущения, к которым он привык и которые ему были необходимы. Убить Хизер сейчас означало нанести удар полицейским, но тем чувствам, которые он испытывал по отношению к ней, будет нанесен урон. Это убийство, подумал Бешеный, было бы преждевременным и не принесло бы удовлетворения. Он подождет.

Бешеный работал все выходные и чувствовал, как потребность в этой девице росла в нем и распускалась, словно цветок.

Он радовался. Днем в субботу и воскресенье в офисе никого не было, ему нравилось, когда никого не было. Он отыскивал интересное дело. И так как его будут рассматривать в суде, то ему его не дадут, но старший адвокат по делам, рассматриваемым в суде, передал его Бешеному для более глубокого изучения.

Подзащитного звали Эмил Гент. Он доставлял неприятности своей бывшей жене и ее нынешнему приятелю. Он следил за ними, устраивал скандалы и в конце концов начал угрожать расправой. Этим угрозам вполне можно было верить. Его выпустили досрочно, он отсидел всего тридцать месяцев из положенных по приговору сорока пяти за разбойное нападение с отягчающими последствиями. И женщина беспокоилась.

Настоящее дело было заведено после того, как Гента поймали в гараже его бывшей жены. В эту ночь она была дома одна. Кто-то из соседей заметил, как Гент проскользнул в открытую дверь, и позвонил женщине, а та позвонила по 911. Полицейские приехали меньше чем через минуту. Гента нашли прячущимся за машиной.

Раньше его обвинили бы в том, что он прячется с преступными намерениями. Но сейчас такой статьи не существует. Его нельзя обвинить в нападении, потому что он ни на кого не нападал. Нельзя его обвинить и в насильственном вторжении, потому что он не взламывал дверь гаража. В конце концов ему предъявили обвинение во вторжении в частное владение.

Однако прокурора не волновало, какое обвинение ему будет предъявлено. При обвинении по любой статье Гент автоматически отправлялся в тюрьму Стилуотер на оставшиеся пятнадцать месяцев.

Но Бешеный, изучая закон штата о вторжении в частное владение, нашел в нем крошечную лазейку. Этот пункт касался охотников, которые вторгались во владения фермеров не с преступными целями. Никому не хотелось каждую осень арестовывать тысячи охотников. Ведь большинство из них были избирателями. Поэтому закон о вторжении в частные владения имел некоторые дополнительные пункты. Самое важное заключалось в том, что такого нарушителя надо было предупредить и дать ему возможность уйти. И только в случае отказа или значительной задержки действие признавалось противоправным. Бешеный просмотрел полицейские отчеты. Этому человеку никто ничего не говорил до тех пор, как приехали полицейские. И уж, конечно, никто не предлагал ему уйти.

Бешеный улыбнулся и начал писать сопроводительную записку. Это дело до суда не дойдет. По законам Миннесоты Гент не совершал противозаконных действий. Итак, его поймали, когда он прятался в чужом гараже около полуночи. Ну так что же? Никто не попросил его уйти...

Бешеный оставил свою записку на столе у секретаря, когда уезжал домой в воскресенье во второй половине дня. В понедельник утром он случайно оказался в одном лифте со старшим адвокатом по делам, рассматриваемым в суде, Олсоном и его помощником. Они кивнули Бешеному и повернулись к нему спиной, глядя, как по очереди загораются цифры этажей.

На полпути помощник сказал:

— У меня есть кое-что интересное по делу Гента.

— Да?

Олсон был франтом. Он всегда носил серые костюмы, пестрые галстуки; белые зубы легко открывались в широкой улыбке.

— А я-то думал, что на него уже можно ставить клеймо и отсылать назад в Стилуотер.

— Не совсем, о мудрый, — сказал помощник. — Я все думал об этом законе и заглянул сюда в выходные, чтобы еще раз его просмотреть. Так вот. Там есть такой пунктик...

И помощник начал пересказывать содержание записки Бешеного. К тому времени как они доехали до верхнего этажа, Олсон хохотал. Он хлопнул своего помощника по спине и сказал:

— Черт возьми, Билли, не зря я тебя взял на работу!

Бешеный стоял в глубине лифта будто громом пораженный. Никто на него не обратил внимания. Через полчаса его уже колотило от ярости. Он не пойдет к Олсону и не будет доказывать, что эту работу сделал он. Это будет выглядеть мелочно. Помощник может сказать, что ему в голову пришла та же самая идея.

Вот всегда так. Вечно его игнорируют. Закипавшая в нем ярость подстегивала Бешеного к действиям. Она росла у него внутри и к тому времени, когда он вернулся домой, стала почти невыносимой.

* * *

Хизер Браун стояла на своем обычном месте. На ней была короткая кожаная юбка и бирюзовая кофта, расстегнутая до пояса. На покрытой веснушками груди висели стеклянные бусы, волосы подвязаны ленточкой.

Бешеный подошел к ней, на ходу обшаривая глазами. На этот раз он оделся очень тщательно, более тщательно, чем для любого предыдущего убийства, потому что все должно произойти в людном месте и могут оказаться свидетели.

Бешеный надел сапоги и джинсы, красную нейлоновую спортивную куртку и кепку. Его наряд выглядел не слишком вызывающе, но достаточно броско, чтобы кому-нибудь запомниться. Он простой фермер. Его не отличишь от других фермеров, пока он не откроет рот и не заговорит.

В кармане куртки Бешеный проделал дыру и вложил под подкладку большой нож, изготовленный в Чикаго.

— Хизер, — окликнул он девушку, подходя к ней поближе. При этом он посмотрел по сторонам. Ближе всех к ним находился чернокожий мужчина, который сидел на скамейке у автобусной остановки на противоположной стороне улицы. Бешеный повернулся к нему спиной. Смотревшая куда-то вдаль Хизер перевела взгляд на него.

— Привет, дружок.

— Мы с тобой разговаривали недавно...

— Не помню тебя.

— Я предложил тебе полсотни...

— А, да. — Она озадаченно тряхнула головой. — Ты очень изменился.

Бешеный оглядел себя и согласно кивнул, потом проговорил:

— Ты сказала, что можешь придумать что-нибудь более захватывающее, если у меня будут деньги.

— А у тебя есть деньги?

— У меня есть сотня.

— Так чего тебе хочется, ковбой?

Мотель был старым и обшарпанным. Это его обрадовало. Хизер зашла в комнатку к дежурному, взяла ключ и через минуту вернулась. Войдя в номер, Бешеный огляделся и ощутил какой-то запах. Пахло дезинфекцией. «Должно быть, они здесь все опрыскивают», — решил он. Ванная была крошечной, с выщербленными плитками на полу; кровать покрыта тонким драным одеялом.

— Почему бы нам сразу не решить денежный вопрос? — спросила Хизер Браун.

— Да-да. Сколько? Сто? — Бешеный вынул из кармана брюк несколько банкнот и положил их на столик. Пять бумажек по двадцать долларов. — А если у нас все хорошо будет получаться... ну, ты понимаешь... у меня есть еще пятьдесят.

— Ага, ты, парень, мне нравишься, — сказала она, широко улыбаясь. — Давай сразу отправимся в ванную и все обсудим под душем.

— Иди, я сейчас приду, — сказал он.

Бешеный начал снимать свою куртку, а когда она вошла в ванную, вынул из кармана нож и сунул его под кровать.

В душе было ужасно. Хизер принялась тщательно мылить ему пенис и, когда ничего не последовало, сказала:

— У тебя с этим какие-то проблемы?

Она нахмурилась, между бровей появилась морщинка. Среди ее клиентов импотенты были не из самых плохих, но на них уходило слишком много времени.

— Нет, нет, нет, вот если бы мы могли...

У нее в сумке оказались шелковые шарфы, целых четыре штуки, по одному на каждую руку и ногу.

— Не затягивай слишком туго, — попросила она. — Просто сделай петли.

— Я умею, — сквозь зубы проговорил Бешеный.

Сперва он привязал ее ноги, притянув каждую к углу кровати, затем руки.

— Как там дела, дорогой?

— Хорошо, — сказал он, поворачиваясь к ней. Эрекция у него уже началась, и пенис наполовину поднялся.

— Если хочешь, чтобы я тебе помогла, давай, — предложила Хизер.

— Нет, нет, все в порядке, но я хочу надеть презерватив... извини...

— Ничего, это даже хорошо, — одобрительно сказала она.

Бешеный повернулся и поднял с пола куртку, достал презерватив и натянул его на свой член. Затем он достал «Котекс» из того же кармана и положил около нее.

— Открой рот пошире, — приказал он.

Почувствовав, что что-то не так, она попыталась сесть, открыла рот, чтобы закричать, но Бешеный схватил ее за горло, сдавил его и повалил девушку обратно на кровать. Она упала, но продолжала биться, пытаясь высвободить из шарфов руки. Он все сильнее сжимал ей горло, и ее рот раскрылся шире. Она с трудом выдавила какой-то нечленораздельный стон. Но звук был недостаточно громким, чтобы привлечь чье-нибудь внимание, особенно в таком мотеле, как этот. В тот же момент он сунул ей в рот салфетки и затолкал их поглубже.

Придерживая кляп одной рукой, другой Бешеный пошарил в куртке. Нашел резиновые перчатки и стал их натягивать. Девушка смотрела на него, все еще пытаясь освободиться от

шарфов. Теперь ее глаза были широко открыты, в них застыл страх. Когда перчатки были надеты, из другого кармана он достал клейкую ленту и дважды обмотал ей голову так, чтобы лента удерживала кляп. Затем он еще раз проверил, как привязаны руки и ноги. Шарфы держали крепко.

— Посмотри-ка на него, — сказал он, обращаясь к девушке и вставая перед ней на колени. — Вот он какой. А они стараются всех уверить, что я импотент.

Хизер перестала сопротивляться и откинулась на постели, наблюдая за ним.

— Ну а теперь повеселимся. — Бешеный нащупал под кроватью нож, взял его в руку и показал ей; стальное лезвие поблескивало в свете лампы. — Тебе не будет очень больно. Я хорошо умею это делать, — успокоил он девушку. — И постарайся, чтобы твои глаза были открыты, когда в тебя войдет нож. Мне нравится в этот момент смотреть в глаза.

Она отвела взгляд, и внезапно в комнате чем-то запахло. Он посмотрел вниз и понял, что она обмочилась.

— Ох, боже ты мой!

Но ему это понравилось. Она описалась от страха. Она знала его силу.

Но теперь он не станет ее насилловать. Сама мысль о том, что при этом придется лежать в холодной луже, была омерзительна. Да и половой акт не был так уж необходим. Бешеный растянулся рядом с ней, придвинулся и ласково поцеловал ее в щеку. Она отпрянула.

— Все произойдет моментально, — продолжал говорить он.

Девушка неистово забилась, спутанная по рукам и ногам. Он приложил кончик ножа прямо под грудинной костью и почувствовал, как приближается оргазм. Бешеный вонзал нож все глубже и глубже. Глаза девушки были открыты, взгляд становился все более и более напряженным... И вдруг потух. Для нее все кончилось. Бешеный смотрел ей прямо в глаза и наблюдал за тем, как гаснет в них свет. Он почувствовал, как откатывается волна оргазма и спадает внутреннее напряжение.

«Все прошло очень хорошо, — подумал он. — Просто замечательно».

Он отошел на шаг от кровати и посмотрел на свою жертву. «Некрасивая, — отметил про себя он, — но в ее поведении было что-то чудесное». Он снял презерватив и спустил его в туалет, потом начал одеваться, останавливаясь время от времени, чтобы посмотреть на свою работу. Он радовался.

Когда Бешеный уже полностью оделся, то напоследок смерил девушку долгим взглядом и даже погладил по холодеющей ноге. Потом направился к двери.

— Ой! — воскликнул он вдруг. — Чуть не забыл про записку.

Он порывлся в кармане куртки, достал записку и положил ее на тело Хизер Браун.

На улице была чудесная прохладная осенняя ночь. Бешеный пересек покрытую темным навесом автомобильную стоянку, мельком взглянув в сторону помещения дежурного администратора. Через окно было видно, как тот сидит, уткнувшись в телевизор. Голубой свет экрана освещал его лицо. Бешеный прошел немного по улице и повернул за угол, там он снял с себя куртку и кепку, скатал это все вместе и сунул себе под мышку. Потом еще раз повернул за угол и оказался рядом со своей машиной. Он уселся за руль и бросил куртку на пол. Если кто-нибудь и видел, как он садился в машину, то его никак не смогли бы соотнести с человеком в красной куртке и кепке.

Бешеный проехал шесть кварталов и остановился у какого-то бара. Пока он пил свой первый стакан, мимо, в направлении Хеннепин, проехала полицейская машина с мигающими огнями, но без сирены. Бешеный не спеша допил свой стакан, потом попросил

бармена налить еще. Когда он уходил, прошел уже час с тех пор, как он вышел из номера мотеля.

— Еще один никому не нужный рискованный шаг, — сказал он сам себе. — Но близко подъезжать я не буду. Только чтобы можно было посмотреть.

Стоя у светофора примерно в квартале от места происшествия, он увидел возле мотеля по крайней мере четыре полицейские машины. Пока он ждал, когда зажжется зеленый свет, к мотелю подъехала машина телестудии, и из кабины вылезла темноволосая девушка. Он сразу узнал ее. Энни Макгаун, та женщина, которая сказала, что он импотент.

Сзади загудели автомобильные клаксоны, он посмотрел в зеркальце заднего обзора, а потом на светофор, там уже загорелся зеленый огонек. Бешеный повернул за угол и остановился у тротуара. Макгаун о чем-то говорила с полицейским, а тот отрицательно мотал головой. Привлеченная миганием полицейских огней и подъехавшей бригадой телевизионщиков, мимо сидевшего в машине Бешеного прошла группа людей.

У Бешеного возникло большое желание присоединиться к ним, но он решил не делать этого. Слишком большой риск. Хватит с него риска. Кроме того, наслаждение от убийства было так велико, что стоило поехать домой, где можно будет расслабиться и насладиться впечатлениями. Можно лечь в горячую ванну, закрыть глаза и заново проиграть тот момент, когда во взгляде Хизер Браун потух огонек.

Это был один из лучших уик-эндов года, дни стояли теплые, а ночи бодряще морозные. Лес был полон чудесных красок, и в воздухе висел легкий аромат горящих березовых поленьев.

— Листья еще не спадут, по крайней мере, неделю. Может быть, две, — сказала Карла. Клены на северном берегу озера полыхали оранжевым заревом. — Жаль, что у тебя здесь не растут клены.

— Когда я покупал этот дом, я думал об этом, — отозвался Лукас. — Я не хотел, чтобы были клены. Конечно, они красивые, но мне хотелось, чтобы были сосны. Они придают месту вид северного леса. Чуть дальше к югу, там, где растут клены и дубы, чувствуешь себя уже совершенно не так.

Они медленно плыли вдоль берега, забрасывая удочку у зарослей осоки, огибая причалы и затонувшие бревна.

— Некоторые рыбаки считают, что сейчас уже слишком поздно удить на искусственную мушку, но я с этим не согласен, — заметил Дэвенпорт.

За три часа рыбной ловли они поймали пять щук и еще двух маскинонгов.

— На маскинонгов нам сегодня не повезло, правда? — сказала Карла, когда они возвращались к своему причалу.

— Ну, ты не права! Сегодня, наоборот, удачный день. Два подряд — это же здорово! Они здесь ловятся крайне редко.

— Ну!

— Зато чем меньше улов, тем меньше возни с чисткой рыбы, — улыбнулся Лукас.

— Когда я должна буду отсюда уехать? — спросила Карла.

— Что значит «должна буду уехать»?

— Полагаю, вся эта шумиха, поднятая телевидением, теперь уже сошла на нет. Я могла бы вернуться. Но ты знаешь, я живу у себя в студии, как в норе, и мне страшно не хочется туда возвращаться.

— Послушай, да живи здесь хоть месяц, если хочешь, — предложил Лукас. — Мне нужно будет приехать сюда недели через две-три, чтобы убрать лодку. После этого ничего особенного делать не надо до самых морозов, пока не выпадет снег.

— Принимаю твое предложение, — рассмеялась Карла. — Ну, наверное, не на месяц, но на пару недель я здесь задержусь. Ты даже себе не представляешь, какая это для меня разрядка. Я привезла с собой пачку рисовальной бумаги и несколько пастельных карандашей и теперь благоденствую.

— Вот и отлично. Это как раз подходящее место.

Она подняла на него глаза.

— Я рада, что ты смог задержаться здесь на денек. Обычно здесь тихо, но в субботу и в воскресенье приезжают люди. Сегодня мы здесь одни. В будние дни чувствуешь себя как-то по-особенному.

После обеда Лукас принес березовые поленья, заготовленные прошлой осенью, развел в камине огонь. Когда дрова разгорелись, он и Карла уселись на диван и долго разговаривали, смотрели телевизор, а потом поставили на видеомагнитофон взятый напрокат фильм.

К концу фильма Лукас начал расстегивать пуговицы на ее блузке. Когда зазвонил

телефон, он уже снял с нее блузку, а Карла сидела у него на коленях и щекотала его. Лукас посмотрел на нее и совершенно твердым голосом заявил:

— Я не хочу подходить к телефону. Он еще кого-то убил.

Карла перестала смеяться, она полуобернулась, сняла трубку и сунула ее ему в руку. Он какое-то время молча смотрел на трубку, а потом приложил ее к уху.

— Дэвенпорт, — произнес он.

— Лукас, — проговорил Андерсон, — у нас еще одно убийство.

— Черт!

Он посмотрел на Карлу и утвердительно кивнул головой.

— Приезжай.

— Кого на этот раз?

— Проститутку. Мы знаем только, как ее звали на улице, и больше ничего. Хизер Браун. Лет пятнадцати. Ножом, как и всех остальных. И записка есть.

— Я ее не знаю. А Смайза вы проверяли?

— Да, он на ферме, где живет его семья. Мы определили, что ее прикончили около семи часов. Телевизионщики ехали за ним до самой фермы. В шесть часов они делали кое-какие съемки. Он все еще там. Это не он.

— Может быть, это ее сутенер.

— Мы его разыскиваем. И это еще одна из причин, по которой ты нужен нам здесь. Ты должен посмотреть на нее, может быть, ты ее знаешь, потряси там ее приятелей.

— Наши уже этим занимаются?

— Да. Они ее знают, но ничего конкретного они пока не нашли.

— Где это произошло?

— В Южном Хеннепине.

— Да. Я знаю это место. Хорошо, скоро буду.

* * *

Лукас повесил трубку и повернулся к Карле, она уже надевала блузку. Он протянул руку и дотронулся до ее груди.

— Мне надо ехать, — сказал он.

— Кого убили? — Ее голос звучал глухо, она была расстроена.

— Проститутку. В мотеле, где сдают номера на несколько часов. Это тот самый человек, но все как-то... странно. Как будто он это сделал абсолютно спонтанно. И это первый случай, когда он взялся за проститутку. — Он поколебался, а потом сказал: — Я хочу тебя кое о чем попросить, но я не хочу, чтобы ты меня неправильно поняла.

Она наморщила лоб и пожала плечами.

— Давай.

— Не могла бы ты на несколько минут выйти и прогуляться до причала?

— Да...

— Мне надо позвонить по телефону и... — Он сделал неопределенный жест. — Это не значит, что я тебе не доверяю, но будет лучше, если я буду говорить без свидетелей. Иногда я совершаю поступки, которые выходят за рамки закона. И если надо будет давать показания перед судом присяжных... словом, я не хотел бы, чтобы тебе пришлось давать ложные

показания под присягой или хотя бы думать о том, что такое возможно.

Она неопределенно улыбнулась.

— Конечно. Я пойду. Нет проблем.

— Похоже, проблема все-таки есть, — сказал Лукас, проводя рукой по волосам. — Каждый раз, когда такая ситуация возникает с женщиной, она считает, что я ей не доверяю.

— И часто такие ситуации возникали? — спросила она.

— Пару раз было. Это выводит меня из себя.

— Ладно. Ты ведь полицейский. — Она взяла одну из его фланелевых рубашек с длинными рукавами, которую обычно надевала холодными вечерами, и улыбнулась. — Ради бога, не беспокойся из-за этого. Я буду на причале, когда закончишь звонить, позови меня.

Он проследил взглядом, как она спустилась по ступенькам, прошла по тропинке через двор, и буквально через минуту увидел ее силуэт на причале на фоне темной воды. Лукас взял трубку и набрал номер.

— Мне нужно немедленно переговорить с Энни Макгаун. Это срочно.

— Как ей передать, кто ее спрашивает?

— Скажите ей, что это Гнедой Конь.

Через минуту Макгаун была уже у телефона.

— Гнедой Конь?

— Энни, совершенно еще одно убийство. Ты об этом уже слышала?

— Нет.

Она говорила коротко, голос ее звучал возбужденно.

— Где это произошло?

— Она проститутка, все произошло в мотеле у Ренди на Хеннепин. Молодая девчонка. На улице ее звали Хизер Браун. Там сейчас работают полицейские, тебе стоит съездить туда со своей командой. Я хочу еще кое-что тебе сказать насчет убийцы, это мнение наших специалистов. Наш шеф и другие детективы, возможно, попытаются это отрицать, потому что они не хотят, чтобы эта интимная подробность выплыла наружу. Так вот, мы предполагали, что он убьет проститутку.

— Господи, почему?

— Наши психоаналитики считают, что, вероятно, этот человек настолько безобразен, настолько непривлекателен для женщин, что у него от этого не просто не встает, но он даже не может познакомиться с женщиной. Одно ведет к другому. Мы не знаем, связано ли это с его внешностью. Возможно, это связано со специфическими реакциями организма, или что-то в этом роде. Может быть, от него воняет чем-нибудь, понимаешь?

— Ну и ну!

— Да, ну ты поняла. Действительно, отталкивающий тип, вроде человека-ящерицы. Я не стал бы об этом никому рассказывать, но мне понравилось, как ты вплела в свое сообщение ту информацию, которую я тебе сообщил. Теперь, когда он убил проститутку, я думаю, что, возможно, эти последние данные позволят зрителям вашей передачи заглянуть во внутренний мир этого убийцы-маньяка... ну, ты меня понимаешь.

— Это же настоящая сенсация, Лу... э-э. Гнедой Конь. Я сейчас же займусь всем этим, а потом позвоню тебе. Ты дома?

— Нет. Я нахожусь в трех часах езды к северу от города. Но я уже выезжаю и приеду где-то около полуночи. Дома буду, вероятно, после часа ночи. Но спать не лягу часов до трех. Если тебе нужно будет позвонить, то звони в это время.

— Ладно. Спасибо тебе, Гнедой Конь.

Карла сидела на причале, кутаясь во фланелевую рубашку.

— Ты уже едешь?

— Да.

— Я провожу тебя до машины.

— Я хотел задержаться здесь подольше, — сказал он.

— Так возвращайся.

— Если смогу.

Он обнял и поцеловал ее. Она прижалась к нему на минутку, потом отпрянула и пошла к дому. Лукас уселся в «порше», развернулся и поехал в город.

* * *

Быстрая езда по узким дорогам возбуждала его, но обычно он ездил с такой скоростью в дневное время. Ночью же создавалось впечатление, что деревья, стоявшие по обе стороны от дороги, сделали шаг вперед и прижались к самой кромке. Он ехал так быстро, что, казалось, обгоняет свет своих фар. Рекламные щиты и телефоны, укрепленные на столбах, внезапно возникали в поле его зрения, но у него не оставалось времени, чтобы осознать это.

Когда через тридцать миль он добрался до границы Миннесоты и проезжал маленький придорожный ресторанчик, у него за спиной замелькали красные огни машины дорожной полиции.

Лукас притормозил у обочины и, держа в руке свой полицейский значок, вылез из машины. Патрульный полицейский тоже вышел из машины, одну руку он держал на пистолете, а в другой у него был длинный металлический фонарь.

— Я полицейский из Миннеаполиса. Возвращаюсь в город по срочному вызову, — сказал Лукас, приближаясь к патрулю и предъявляя значок. — Лейтенант Лукас Дэвенпорт. Убийца по кличке Бешеный только что прирезал проститутку, совсем девчонку. Мне надо туда.

— Ага, — неопределенно хмыкнул полицейский.

Он посмотрел на значок, осветил фонариком на служебное удостоверение, потом Лукасу в лицо.

— Вы можете связаться со своим диспетчером, а он позвонит нашему дис...

— Я тебя видел по телевизору, — произнес патрульный, возвращая Лукасу значок. — Я не буду выписывать тебе штраф, но дам один совет, ладно? Я засек тебя, когда ты ехал со скоростью восемьдесят три мили в час. Если ты будешь ехать отсюда со скоростью пятьдесят пять миль в час вместо восьмидесяти трех, ты доберешься до автострады всего на пару минут позже. Но если ты будешь ехать со скоростью восемьдесят три мили и врежешься в оленя или медведя, тебе как. Твое счастье, что ты еще не встретил ни одного. Они сейчас часто выходят на дорогу. Столкнуться с матерой медведицей — это то же самое, что врезаться в кирпичную стену.

— Ты прав. Я просто немного возбужден.

— Ну ты поостынь, — сказал полицейский. — Я передам ребятам по трассе, что ты очень торопишься. Когда доберешься до автострады, постарайся не делать больше ста миль в час, и они не станут тебя останавливать.

— Спасибо.

Лукас направился к своей машине.

— Эй! Дэвенпорт!

Лукас остановился, держась за приоткрытую дверь.

— Что?

— Поймай этого ублюдка.

* * *

Мотель представлял собой ветхое одноэтажное здание в виде буквы L, здесь постоянно висела написанная от руки табличка о наличии свободных номеров. Когда Лукас приехал, там уже стояло с полдюжины полицейских машин и четыре фургона с телевидения. Он увидел Дженнифер и чуть дальше Энни Макгаун, обе были с операторами. Лукас втиснул свой «порше» между двумя полицейскими машинами, вылез, запер дверцу и направился к желтой ленточке, которой был перегорожен подъезд к мотелю.

— Лукас!

— А, Дженнифер...

— Ты просто сукин сын, ты опять передал ей информацию.

— Кому?

— Сам знаешь кому. Макгаун.

Дженнифер мотнула головой в ту сторону, где стояла Энни Макгаун.

— Это не я, — солгал Лукас. — Я был у себя в загородном домике на севере.

— Ну, значит, кто-то подкинул ей материал. Она теперь ходит и посмеивается над нами.

— Вот, значит, как делаются дела у вас в новостях?

Он нагнулся и пролез под лентой.

— Позвони мне завтра, посмотрим, может быть, я смогу что-нибудь для тебя узнать.

— Эй, Лукас, ты уже не сердись? Ну, насчет Смайза?

— Нам с тобой нужно поговорить, — сказал он. — Нам нужно заключить что-то вроде соглашения. Ты свободна завтра вечером?

— Да, конечно.

— Я приглашаю тебя поужинать где-нибудь в тихом месте вдвоем. Мы что-нибудь придумаем.

— Отлично.

Она улыбнулась ему, а он повернулся и увидел Андерсона, стоявшего среди других у комнаты управляющего мотелем.

— Так что здесь? — спросил он, беря Андерсона под руку.

— Пойдем, посмотришь.

Он повел его к входу.

— Кто ее нашел?

— Ночной портье, — ответил Андерсон. — Приходя и уходя, девушка обычно стучала ему в окно. Так вот она постучала, что пришла, но все никак не уходила. Через некоторое время он высунулся и увидел свет из ее двери, так он говорит. Очевидно, убийца не захлопнул дверь, когда уходил. Портье стало любопытно, и он подошел к двери и постучал.

Вот так он ее и нашел.

— Он видел убийцу? Этот портье?

— А-а. Говорит, что никого не видел.

— Как его зовут, Винни Шорт?

— Я не знаю его фамилии, — ответил Андерсон. — Но ростом он маленький^[4].

Хизер Браун, так же как и остальные жертвы, была привязана, но, в отличие от других ее руки были вытянуты под прямым углом к телу, как будто она была распята. Ручка ножа торчала из груди чуть ниже кромки грудинной кости. Голова была повернута набок, глаза и рот раскрыты. Неприлично белый язык вывалился. На бедрах у нее были узкие длинные шрамы, они выделялись белыми полосами на фоне кварцевого загара.

— Я ее не знаю, — сказал Лукас.

Вошел полицейский из отдела по борьбе с проституцией.

— А ты ее знаешь? — спросил Дэвенпорт.

— Видел ее здесь несколько раз, она уже пару лет промышляет на улице, — ответил тот. — Раньше она стояла на Университетской в Сент-Поле, но ее сутенер на крэке, и она на некоторое время исчезла.

— Ты это про Белого Луиса?

— Да. Видишь шрамы у нее на ногах? Это Луис, его клеймо. Он их лупил вешалкой для пальто. Он говорил, что больше двух раз повторять не приходилось.

— Но он же умер, — заметил Лукас.

— Восемь месяцев назад, слава тебе, Господи. Но вот что я хочу тебе сказать. Его девчонки выделяли всякие штуки. «Золотой дождь», привязывание, садистский секс и так далее. Может быть, этот человек знал ее. Видишь, как она привязана... Трудно привязать так человека, если он сопротивляется.

— А ваши люди не знают, кто сейчас ее «пасет»?

— Нет. Некоторое время ее здесь не было видно, — сказал полицейский.

— Мы уже говорили с ночным портье, но он клянется и божится, что ничего про нее не знает, — сообщил Андерсон. — Сказал, что появилась здесь недели две-три назад. Обычно она заходила к нему, платила за комнату и уходила. Она снимала номер на всю ночь, приводила туда двоих или троих мужчин и стучала в окно, когда приходила и когда уходила. Она сама перестилала постель.

— Сколько она платила за комнату?

— Не знаю, — ответил полицейский, — можно выяснить.

— Обычно платят с каждого клиента. Конечно, если в мотеле знают, чем занимаются их клиенты.

— Ну этот-то знал, — сказал полицейский.

— Винни Шорт?

— Да.

— Мы давно знаем друг друга. Пойду поговорю с ним, — сказал Лукас. Он еще раз оглядел комнату. — Больше ничего?

— Ничего особенного. Записка.

— Что там написано?

— «Никогда не оставляй у себя орудие преступления, после того как воспользовался им».

— Сукин сын! Почти никаких следов.

Андерсон вышел. Лукас снова посмотрел на тело, затем взял сумочку Браун и просмотрел ее содержимое. В дешевом пластиковом бумажнике было пятнадцать долларов, водительские права, карточка социального страхования и несколько фотографий. Он вытащил самый четкий снимок и как бы невзначай уронил его на дно сумочки. В боковом кармашке он обнаружил две пластиковые упаковки. Кокаин.

— У нее здесь две упаковки по четверти грамма, — сказал Лукас полицейскому из отдела по борьбе с проституцией. — Вы уже составили опись содержимого сумочки?

— Нет еще.

— Сделай одолжение, позови Андерсона, пожалуйста.

Когда полицейский шагнул за дверь, Лукас потихоньку переложил фотографию к себе в карман и закрыл сумочку.

— Что там? — спросил Андерсон, снова вернувшись в комнату.

— Здесь в сумочке порошок. Надо положить ее в пакет для вещественных доказательств, пока что-нибудь не пропало.

* * *

Винсент Шорт был небольшого роста. Еще у него были редящие рыжие волосы, и он считал себя похожим на Вуди Аллена. Он ничего не знал. Он почесал затылок, отрицательно покачал головой и снова поскреб в затылке. Перхоть, как хлопья снега, обсыпала его черную водолазку. Допрос вели два сотрудника отдела по борьбе с проституцией. Когда вошел Лукас, Шорт поднял глаза и побледнел.

* * *

— Лейтенант, — нервозно проговорил он.

— Винсент, друг мой, нам нужно побеседовать, — бодро заявил Лукас. Он посмотрел на полицейских. — Могу ли я поговорить с этим человеком наедине? Мы с ним давно знакомы.

— Пожалуйста, — согласился один из полицейских.

— Скажите, вы нашли регистрационную карточку этой девушки?

— Да, вот она.

Полицейский передал ему карточку, и Лукас посмотрел на общую сумму. Тридцать долларов.

— Спасибо. Встретимся позже. — Когда они ушли, Лукас повернулся к Шорту, который сидел, развалившись на стуле. — Может быть, нам стоит продолжить разговор в полиции? — предложил он.

— Иди ты к черту, Дэвенпорт, — занял Шорт.

Лукас наклонился над его стулом и вкрадчиво проговорил:

— Винсент, ведь ты знаешь, кто сутенер этой девчонки. А теперь ты должен решить, кого ты больше боишься, его или меня? И позволь мне тебя просветить кое в чем. Мы сейчас работаем по делу убийцы-маньяка. От этого зависит моя карьера. Так что тебе лучше всего

испугаться меня.

— Ты, чертов...

— И, может быть, стоит еще подумать, что скажет твой босс, когда узнает, что ты сдавал номер проститутке на всю ночь всего за тридцать долларов. Наверняка ты что-то с этого имел, а? Как с тобой расплачивались, деньгами или натурой? Ну так как, Винсент?

— Ты, ты...

Лукас через окно посмотрел на улицу. Там никого не было. Тогда он протянул руку и двумя пальцами ухватил Шорта за перегородку между ноздрями; его ноготь впился в хрящ. Шорт задергался, как будто через него пропустили электрический ток, и схватил Лукаса за руку. Но тот продолжал давить, а другой рукой сжал его горло пониже адамова яблока, чтобы он не закричал. Через несколько секунд Лукас отпустил его. Шорт упал на стул и, согнувшись пополам, уткнул лицо в ладони; он жалобно и протяжно завывал.

Лукас нагнулся и вытер пальцы об рубашку Шорта.

— Кто ее сутенер? — тихо спросил он.

— Да ладно тебе, Дэвенпорт.

— Если тебе понравилось, могу показать еще парочку мест, о которых ты даже не подозреваешь, — сказал Лукас. — И самое главное, не остается никаких следов.

— Спаркс, — пробормотал Шорт, его голос был почти неразличим. — Только не говори ему, что это я тебе сказал.

— Кто, кто?

— Джефферсон Спаркс. Она работала на Спаркса.

— Спарки! Черт побери. — Лукас потрепал Шорта по плечу. — Спасибо, Винсент. Полиция высоко ценит помощь, оказываемую нашими горожанами.

Шорт взглянул на него, его глаза покраснели, по щекам текли слезы.

— Убирайся отсюда, подонок.

— Если ты сказал неправду и это не Спарки, то я вернусь, — пообещал Лукас и улыбнулся на прощание. — Ну, будь здоров.

Когда он вышел на улицу, тело уже выносили. Кругом ослепительно сияли телевизионные прожектора. Полицейские из отдела по борьбе с проституцией маленькой группкой стояли на тротуаре и наблюдали за происходящим. Лукас подошел к ним.

— Ну как, рассказал тебе что-нибудь твой старый приятель?

— Она работала на Джефферсона Спаркса, — ответил Лукас.

— Спарки! — воскликнул один из полицейских. — Кажется, я знаю, где он живет.

— Его надо взять, — сказал Лукас. — За приставание к прохожим на улице или за что-нибудь еще. Мы побеседуем с ним завтра утром.

— О'кей.

Андерсон беседовал с судебно-медицинским экспертом. Закончив разговор, он, покачивая головой, подошел к Дэвенпорту.

— Ничего? — спросил Лукас.

— Ни единой зацепки.

— Вы уже опросили соседей? Может быть, кто-нибудь что-то видел?

— Наши работают по всей округе. Но до утра вряд ли что-либо будет известно.

— Мы установили имя ее сутенера, — сказал Лукас. — Отдел по борьбе с проституцией занимается его розыском. Возможно, завтра он будет у нас.

— Надеюсь, это нам что-нибудь даст, — проговорил Андерсон. — Мы никак не можем

сдвинуться с места.

* * *

Лукас с полчаса поработал над своей игрой, редактируя сценарий. Это была самая неприятная часть работы. Но после убийства Хизер Браун он никак не мог сосредоточиться.

В два часа ночи Лукас наконец закончил, съел чашку клубничного йогурта, проверил, заперты ли двери, и выключил свет. Он уже минут десять лежал в кровати, когда у дверей раздался звонок. Потихоньку выбравшись из постели, Лукас на цыпочках прошел в комнату, из окна которой был виден фасад дома и входная дверь.

Когда он выглянул, звонок зазвенел еще раз. В свете уличных фонарей стояла Энни Макгаун, она была одна и немного смущена. Лукас присел, прижавшись спиной к стене, и уставился в темноту комнаты. Дженнифер беременна. Карла ждала его в загородном домике. Лукас любил женщин, новых женщин, разных женщин. Он любил с ними разговаривать, присылать им цветы, быть рядом. Энни Макгаун была потрясающей женщиной, с лицом Елены Прекрасной и изящным, крепким телом.

И, кроме того, она была глупа как пень. Лукас думал об этом, пощипывая переносицу.

Энни Макгаун все еще ждала на улице, но через минуту-другую она повернулась и пошла к своей машине. Лукас поднялся на ноги и посмотрел в щелку между шторой и стеной. Она открыла дверцу машины, заколебалась, снова посмотрела на дом. Его рука уже лежала на ручке окна, и ему потребовалось бы только одно мгновение, чтобы открыть его и позвать ее, пока она еще не уехала. Но он не двигался. Она села за руль, захлопнула дверь и выехала на проезжую часть.

Еще через мгновение ее уже не было. Лукас медленно прошел в спальню, лег и постарался заснуть.

Перед глазами стояла Энни...

Дверь кабинета Лукаса Дэвенпорта была открыта. Полицейский из отдела по борьбе с проституцией неторопливо вошел и плюхнулся на свободный стул.

— Спарки исчез, — сказал он.

— Черт. Все не слава богу, — проговорил Лукас.

— Мы нашли его обиталище на Дюпон-стрит, но он улизнул вчера ночью. Парень, который живет этажом выше, сказал, что Спарки пришел домой около полуночи, покидал свои шмотки в машину и отбыл с одной из своих дамочек. Этот парень говорит, что было не похоже, чтобы он собирался вернуться.

— Он знал про Браун, — произнес Лукас, откидываясь назад и задирая ноги на стол.

— Да. Похоже.

— Так что теперь?

Полицейский пожал плечами.

— Мы наводим справки. У него есть еще женщины. Мы знаем, что они обслуживают сауну на Лэйк-стрит. Раньше они работали в заведении под названием «Железная бабочка», но сейчас это место закрыто. Так что мы ведем поиск.

— Родственники?

— О них ничего не известно.

— Когда он в последний раз попадал к нам? — спросил Лукас.

— Примерно год назад — кажется, так. За сводничество.

— Он получил срок?

— Три месяца исправительных работ.

— Дело на него у нас?

— Да. Я могу его принести.

— Не беспокойся, — сказал Лукас. — Я сейчас не занят. Сам схожу и посмотрю.

— Мы продолжаем розыск, — добавил полицейский. — Даниэль с нас не слезает.

* * *

Лукас уже закрывал на замок дверь своего кабинета, когда раздался телефонный звонок. Он снова вошел в комнату и взял телефонную трубку.

— Лукас? Это Дженнифер. Так мы идем куда-нибудь сегодня вечером?

— Конечно. В семь часов, подойдет?

В его мозгу промелькнул образ Карлы, как прогибается ее спина, как напрягается грудь, как приоткрывается ее рот.

Карла Руиц.

Дженнифер Кери, она беременна.

— Да, подходит. Заедешь за мной?

— Увидимся в семь.

* * *

Бешеный ждал, когда принесут из архива его дела. В этот момент вошел Лукас. Бешеный тотчас узнал его и, сделав равнодушный вид, заставил себя просматривать дела, которые были у него в руках. Лукас не обратил на него никакого внимания. Он прошел через турникет за стойку клерка и направился прямо туда, где за стеклянной перегородкой сидела начальница архива. Он просунул голову в дверь и что-то сказал. Бешеный не расслышал. Женщина оторвала взгляд от стола и рассмеялась, а Лукас вошел и присел на край стола.

Детектив обладал даром общения с людьми. Бешеный сразу это понял и позавидовал ему. Начальница архива была неприступной женщиной, много лет проработавшей в суде и все повидавшей на своем веку, но в присутствии Лукаса она вся затрепетала, как девчонка. Он продолжал смотреть, и вдруг Лукас обернулся; на какое-то мгновение их взгляды встретились. Бешеный быстро пришел в себя и снова опустил глаза в свою папку.

— Кто этот пижон у стойки? — спросил Лукас.

Женщина посмотрела в сторону Бешеного, который уже положил папку в корзину возврата и направился к двери.

— Он адвокат. Не помню, из какой фирмы, но в последнее время он часто здесь бывает. Он вел дело Бэрина, помнишь, ну, у которого богатый папаша, он врезался на машине в толпу людей...

— Да. — Бешеный уже исчез в дверях, и Лукас забыл о нем. — Джефферсон Спаркс Ужасный малый. Сутенер. Мне нужны последние дела по нему.

— Сейчас принесу. Можешь располагаться за столом Лори. Она болеет, — сказала женщина, указывая на свободный стол.

На Спаркса имелось три недавних дела, в каждом была куча всяких бумажек. Лукас наскоро прочитал их все и обнаружил, что в них раз пять упоминается спортивно-оздоровительный клуб «Силк хэт». Он набрал номер телефона отдела борьбы с проституцией и попросил того детектива, с которым разговаривал утром.

— А что, владелица «Силк хэт» все еще Ширли Дженсен? — спросил он, когда полицейский взял трубку.

— Да.

— Это имя встречается кое-где в деле Спарки. Может быть, там работают его девочки?

— Может быть. Я сейчас вот что вспомнил: Ширли раньше вела бухгалтерию в «Бабочке».

— Спасибо. Еду туда.

— Не теряй с нами связь.

Лукас повесил трубку, сунул папки в корзину возврата и посмотрел на часы. Было чуть больше двенадцати. Ширли должна быть на работе.

«Силк хэт» располагался между магазинчиком, где продавали поношенную одежду, и агентством, сдававшим мебель напрокат. В неоновой вывеске не хватало нескольких букв. Стекла в двери и в окне были выкрашены черной краской. Над дверью горела лампа, которую какой-то умник раскрасил в красный цвет. «А может, это сделал и сам владелец», — подумал Лукас.

Он распахнул дверь и прошел в маленькую комнату ожидания. Но ворсистом ковре стоял столик для кофе и два пластиковых стула. На подоконнике у замазанного черным окна стоял аквариум, в котором плавали гуппи. На столике валялось с полдюжины замусоленных журналов «Пентхаус». Стулья стояли напротив конторки длиной в шесть футов, и было такое впечатление, что ее украли из приемной врача. Дверь за конторкой вела во внутренние

помещения.

Когда Дэвенпорт вошел, он услышал, как где-то в глубине зазвенел звонок, и через несколько секунд за конторкой появилась молодая женщина в черном платье с глубоким вырезом. Она жевала резинку, на одной груди у нее была заметна татуировка жука. Она была похожа на Бетти Буп, но благоухала, как жевательная резинка «Джуси Фрут».

— Да?

— Я хочу поговорить с Ширли, — сказал Лукас.

— Не знаю, здесь ли она.

— Скажи ей, что ее ждет Лукас Дэвенпорт, и, если она сейчас же не притащит сюда свой толстый зад, я здесь все разнесу.

Женщина некоторое время смотрела на него, продолжая жевать резинку. Слова не произвели на нее впечатления.

— Ну, ты крутой, — лаконично сказала она. — У нас здесь есть один парень, может, ты с ним поговоришь? Прежде чем ты все разнесешь.

— Это кто?

Она окинула его взглядом и решила, что, возможно, он знает это имя.

— Болд Петерсон.

— Болд? Да. Скажи ему, пусть тоже идет сюда, — заявил Лукас.

Он сунул руку под пиджак и вытащил пистолет, глаза женщины округлились, она подняла руки, как будто хотела загородиться от пули. Лукас улыбнулся и пнул переднюю стенку конторки, она треснула. Он принялся колотить по ней ногой. Женщина бросилась бежать.

— Болд, ты, сукин сын, выходи! — орал Лукас через дверь.

Он ухватился руками за крышку конторки и рванул ее, она с хрустом оторвалась. Он швырнул ее, потом снова пнул переднюю стенку, отбив еще кусок доски.

— Болд, ты, ублюдок...

Болд Петерсон был около двух метров ростом и весил более ста двадцати килограммов. Когда-то он был боксером, потом принимал участие в соревнованиях профессиональных борцов. Кое-кто на Лэйк-стрит считал, что он псих. Но Лукас был уверен в обратном. Когда-то давно Болд напал на Лукаса — это было много лет назад, — Дэвенпорт тогда был еще патрульным. Это случилось на стоянке автомобилей около ночного клуба, они сошлись один на один. Болд полагался на свои кулаки. У Лукаса была девятидюймовая полицейская дубинка, обтянутая грубой кожей и со свинцовой начинкой. Болд упал на шестой секунде первого раунда. После этого Лукас еще добавил ему ногами и тяжелым металлическим фонарем. Он сломал ему руки, обе ноги ниже колен, кости стопы, челюсть, нос и несколько ребер. И еще он несколько раз ударил его в пах.

Пока они ждали приезда «скорой помощи», Болд пришел в себя. Лукас схватил его за рубашку и сказал, что если у него еще когда-нибудь будут с ним неприятности, то он отрежет ему нос, язык и член в придачу. Дэвенпорта отстранили после этого на некоторое время от службы за превышение силы. Болд отлежал четыре месяца в госпитале и еще шесть месяцев провел в инвалидной коляске.

Если бы Болд был психом, рассуждал Лукас, он стал бы гоняться за ним с пистолетом или с ножом, как только смог ходить. Однако он этого не сделал. Он ни разу даже не посмотрел на Лукаса и старательно обходил его стороной.

— Болд, ты тупоголовый ублюдок, — орал Лукас.

Он еще раз пнул стенку конторки, и она проломилась внутрь. На лестнице послышался стук каблучков, Лукас перестал крушить мебель. Из-за двери показалась Ширли Дженсен. Он убрал пистолет.

— Ты дурак! — завопила Дженсен.

— Заткнись, Ширли, — рявкнул Лукас. — Где Болд?

— Его здесь нет.

— Твоя шлюха сказала, что он был здесь.

— Его нет, Христом Богом клянусь, посмотри, что ты наделал...

Дженсен было далеко за сорок, все лицо в морщинах от кварцевой лампы, бурбона, сигарет и картошки. В ней было килограммов пятьдесят лишнего веса. Жир висел складками у нее под подбородком, на плечах и руках и колыхался, как желе, под поясом из золотой парчи. Ее лицо исказилось, Лукас даже подумал, что она сейчас заплачет.

— Я хочу знать, куда делся Спарки.

— Я не знала, что он уехал, — сказала она, продолжая рассматривать изуродованную конторку.

Лукас наклонился к ней так, что его лицо оказалось в десяти сантиметрах от ее носа. Ее грим, похожий на шпукатурку, потрескался, как дно пересохшего озера в Дакоте.

— Ширли, я сейчас здесь камня на камне не оставлю. У меня на шее висит дело убийцы-маньяка, и возможно, что у Спарки есть интересующая меня информация. Я буду ждать здесь... — Он посмотрел на часы, как будто засекая время. — Пять минут. Потом начну все крушить. Иди и найди его.

— Спарки знает что-то про Бешеного?

Сама идея ошеломила ее.

— Это его девчонку вчера прирезали. Бешеный взялся за проститутку. Это гораздо проще, чем выслеживать добропорядочных женщин.

— Только не ломай мою мебель, — попросила Ширли, она повернулась и вперевалку пошла по коридору.

Через пару секунд открылась входная дверь. Вошел тощий человек с серым лицом, узкими плечами, в костюме стоимостью семьдесят долларов. Он посмотрел на разломанную конторку, затем перевел взгляд на Лукаса.

— Господи, что здесь произошло?

— Полицейская облава, — охотно объяснил Лукас. — Но если вы пришли немного размяться, ну, там, скажем, перепихнуться и выпить фруктового сока, то, прошу вас, проходите.

У мужчины дважды дернулся кадык, и он произнес:

— Пожалуй, не стоит.

Дверь за ним закрылась. Лукас пожал плечами, уселся на один из пластиковых стульев и взял журнал. *«Я не верил, что такие вещи действительно могли произойти, — прочел он. — Но прежде чем я расскажу вам об этом, попробую описать себя. Я недавно поступил в университет на Среднем Западе, и мои сокурсники говорят, что я отлично вооружен. Моя подружка как-то измерила меня, и оказалось, что у меня девять дюймов твердой как скала...»*

— Дэвенпорт...

Ширли показалась через заднюю дверь.

— Да.

Он бросил журнал на столик.

— Точно не знаю, где он сейчас, в каком отеле, — сказала женщина, — но, похоже, в Сидар-Рапидс...

— В Айове?

— Да. Пару раз в год он объезжает такие места, как Су-Сити, Де-Мойн, Уотерлу, Сидар-Рапидс. Так вот, одна из его девчонок утверждает, что он там. Она не знает, в каком именно месте, но говорит, что он должен быть в одном из этих городов.

— Ладно, — проговорил Лукас, кивнув головой. — Но если его там нет...

— Дэвенпорт, иди ты к черту, ты мне всю стойку разломал.

* * *

Дженнифер понравились цветы. На каждом столике в высоких и узких вазах стояли по две гвоздики, красная и белая. Владела рестораном семья вьетнамцев-беженцев, бросивших в Сайгоне ресторан французской кухни. Глава семьи и его жена финансировали заведение, их дети вели дела и готовили на кухне, жены и мужья детей и другие родственники обслуживали столики, стояли за стойкой бара и сидели за кассой, десятилетние внучата убирали со столов и мыли посуду.

— К сожалению, скоро это местечко станет весьма популярным, — заметила Дженнифер.

— Пускай, — сказал Лукас, — они этого заслуживают.

Дженнифер смотрела на красное вино в своем бокале, наблюдая, как преломляются в нем лучи света проникавшие с улицы через жалюзи.

— Что мы будем делать? — спросила она после минутной паузы.

Лукас откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу.

— Дальше так продолжаться не может. Ты мне очень навредила. Даниэль знает о наших с тобой отношениях. И каждый раз, когда что-нибудь появляется в прессе, он смотрит в мою сторону. Даже если новость прозвучала по восьмому каналу.

— Я больше не занимаюсь репортерской работой, по крайней мере пока, — отозвалась она.

Дженнифер тряхнула головой и откинула волосы назад, взгляд Лукаса скользнул по мягким очертаниям ее подбородка, и он подумал, что действительно любит ее.

— Да. Но если у тебя будет какая-нибудь зацепка... пообещай мне, что ты не передашь информацию кому-нибудь из твоих друзей по студии, — сказал он.

Дженнифер отпила вина, поставила бокал на стол, провела пальцем по его ножке, потом вдруг взглянула Лукасу прямо в глаза.

— Ты спал с Макгаун?

— Черт побери, Дженнифер, — раздраженно проговорил Дэвенпорт. — Да не спал я с ней. Никогда.

— Ладно. Но я не очень-то тебе верю, — сказала она. — Кто-то ведьставляет ей информацию, и, кто бы это ни был, он достаточно близко стоит к расследованию.

— Только не я, — буркнул Лукас и, наклонившись вперед, добавил: — Кроме того, сведения, которые она получает... — Он замолчал, покусал губу. — Я мог бы тебе кое-что сказать, но боюсь, ты опять будешь меня цитировать, и я окажусь в дураках.

— А это заслуживает внимания?

Лукас задумался.

— Очень может быть. По крайней мере, ты бы смогла полностью уничтожить Макгаун.

Дженнифер покачала головой.

— Я не стала бы этого делать. Никто на телевидении не стал бы так поступать. Это слишком опасно может начаться война между станциями. Так что рассказывай. Если все так, как ты говоришь, то клянусь, что от меня этого никто не услышит. Лукас смотрел на нее какое-то время.

— Правда?

— Правда.

— Ты знаешь, — произнес он обычным тоном, как будто то, что он говорил, не имело никакого значения, — я пригрозил тебе, что не буду с тобой разговаривать, но ведь у нас с тобой есть причины, чтобы снова быть вместе. Я мог бы попытаться найти объяснение твоему поступку.

— Очень великодушно с твоей стороны.

— Подожди. Дай мне закончить. На этот раз ты дала обещание. Без всяких условий. И если будет какой-нибудь прокол, то я буду знать, кто это сделал. И у нас уже не будет никаких оснований доверять друг другу. Никогда. Даже если будет ребенок. Это не игра. Это жизнь.

Дженнифер забросила руку за спинку стула, посмотрела вверх, потом на него.

— Когда я была еще подростком, мы с отцом договорились... — медленно начала она и снова посмотрела в потолок. — Если возникало что-то действительно серьезное и он должен был знать правду, то я говорила ему правду, а потом добавляла: «Клянусь честью девочки-скаута». В свою очередь, если он сообщал мне что-то важное и ему было не до шуток, он тоже говорил: «Клянусь честью бойскаута» и отдавал честь, как это делают бойскауты. Я понимаю, что это глупо звучит, но мы никогда не нарушали наших клятв. Мы никогда не лгали друг другу.

— И ты не расскажешь...

— Клянусь честью девочки-скаута, — произнесла она, отдав честь. — Господи, должно быть, мы странно выглядим со стороны.

— Хорошо, — сказал Лукас. — Так вот, что я хотел тебе рассказать. Не знаю, откуда Макгаун получает информацию, но она совершенно неправильная. Она говорит, что мы считаем, что убийца импотент, или что от него плохо пахнет, или что у него внешнее уродство, а мы так вовсе не думаем. Это все слухи, которые ходят в суде. Мы полагаем, что она черпает информацию от какого-то сотрудника, который не имеет непосредственного отношения к расследованию.

— Так это все враки? — спросила Дженнифер с недоверием.

— Ага. Поразительно, но это так. Она преподносит свою информацию как сенсацию, на самом деле все это ерунда ерундой. Мне кажется, что она сама это придумывает.

— А ты не шутишь, Дэвенпорт?

Она посмотрела ему в глаза, он не отвел взгляда.

— Нет.

— Ты спал с Макгаун?

— Нет, не спал. — Лукас поднял руку с тремя сложенными пальцами, как делают скауты, когда дают клятву. — Клянусь честью бойскаута, — проговорил он.

Она повернула свой бокал за ножку, посмотрела на вино.

— Мне нужно все хорошенько обдумать в отношении тебя, Дэвенпорт. У меня раньше были увлечения. Но теперь все поворачивается как-то иначе.

* * *

Утром Дженнифер читала «Пионер пресс», а Лукас готовил завтрак. Зазвонил телефон.

— Это Андерсон.

— Да.

— Позвонил полицейский из Сидар-Рапидс. Они задержали Спарки за тайный сговор с целью совершения акта проституции, и у них...

— Сговор с какой целью?

— Ну придумали они какой-то повод. Он сказал, что окружной прокурор даст им всем под зад, когда узнает. Они должны будут сообщить ему об этом сегодня днем, до конца рабочего дня. Мы заказали тебе билет на самолет на десять часов. Так что у тебя еще есть целый час, чтобы добраться до аэропорта. Билет ждет тебя там.

— А сколько времени это займет, если ехать на машине?

— Пять-шесть часов. Ты не успеешь, по крайней мере до того момента, как им придется докладывать окружному прокурору. После чего они, скорее всего, должны будут Спарки отпустить.

— Ладно, ладно, какая авиакомпания?

Лукас записал на листке бумаги все данные, повесил трубку и пошел к Дженнифер.

— Не буду тебя ни о чем расспрашивать, — сказала она с улыбкой.

— Если хочешь, я тебе расскажу. Но мне необходимо, чтобы ты дала свою клятву.

— Не-а. Проживу и так, ничего не зная, — ответила она, продолжая лукаво улыбаться. — И если ты собираешься лететь самолетом, тебе стоит распечатать бурбон.

* * *

Самолеты, совершавшие рейсы между Миннеаполисом и Сидар-Рапидс, были вполне надежными. Здесь никогда не случалось авиакатастроф. Именно так и говорилось в рекламе этой компании. Лукас вцепился в подлокотники своего кресла мертвой хваткой. Пожилая женщина, сидевшая в соседнем кресле, с любопытством наблюдала за ним.

— Вы что, в первый раз летите? — спросила она, когда самолет уже набрал высоту.

— Нет. К сожалению, — ответил Лукас.

— Лететь на самолете гораздо безопаснее, чем ехать на машине, — сказала женщина. — Это даже безопаснее, чем переходить улицу.

— Да, я знаю.

Он смотрел прямо перед собой и желал, чтобы старушку хватил удар. Или еще что-нибудь произошло, только бы она замолчала.

— У этой авиакомпании прекрасные показатели безопасности полетов. У них ни разу не было авиакатастроф.

Лукас кивнул и промывчал:

— Угу.

— Не переживайте, через час мы уже будем на месте.

Лукас повернул к ней голову — ему показалось, что со скрипом, как будто у него проржавел позвоночник.

— Через час? Мы уже летим черт знает сколько.

— Всего десять минут, — уточнила женщина.

— О Господи!

Психолог у них в полиции как-то объяснил ему, что он боится потери контроля. Он говорил Лукасу:

— Вы никак не можете свыкнуться с мыслью, что ваша жизнь находится в чужих руках, независимо от того, насколько умелы эти руки. Вы всегда должны думать о том, что ваша жизнь постоянно находится в чужих руках. Вы можете ступить на мостовую, и вас собьет какой-нибудь пьянчуга в «кадиллаке». Гораздо больше шансов погибнуть так, чем в авиакатастрофе.

— Но в случае с пьяным водителем, возможно, я бы смог заметить, как он приближается. Я мог бы это почувствовать и отскочить. Мне могло бы повезти. Или что-нибудь еще. Но когда летит самолет... — Лукас жестом изобразил, как самолет падает носом вниз. — Шлеп. И все всмятку.

— Это неправильно, — возразил психолог.

— Я понимаю, — ответил Лукас. — Я хочу знать, как мне с этим бороться.

Психолог покачал головой.

— Ну, можно подвергнуться гипнозу. Еще есть книги, которые могут помочь. Но на вашем месте я бы просто выпил пару стаканчиков. И постарался бы не летать самолетами.

— Может быть, какие-нибудь лекарства?

— Можно принять успокоительное, но от него будет тяжелая голова. Я бы не советовал ничего принимать, если вам нужно быть в форме и ко всему готовым там, куда вы летите.

Во время полета до Сидар-Рэпидс спиртные напитки не предлагали. Таблеток у него не было. Когда самолет выпустил шасси, у Лукаса оборвалось сердце.

— Мы всего лишь идем на посадку, — с готовностью объяснила соседка.

— Знаю, — проскрипел он.

* * *

Лукас сдал обратный билет на самолет.

— Вы получите не полную стоимость, — предупредил его служащий.

— Это не самое страшное, — ответил Лукас.

Он взял напрокат машину, чтобы на ней вернуться в Миннеаполис, и поехал в сторону полицейского участка, который находился в старом доме, похожем на четырехугольную бетонную коробку. Полицейский по имени Макэлрени уже ждал его.

— Кэрл Макэлрени, — представился он. У него были крупные зубы и пышные усы. Одет он был в спортивную куртку в клетку, коричневые брюки и коричневые с белым ботинки.

— Лукас Дэвенпорт. — Они пожали друг другу руки. — Мы вам признательны за все. Мы завязли.

— Я слышал об этом. Сержант Андерсон сказал, что вы не подозреваете в этом Спаркса, но, возможно, он что-то знает. Это так?

— Да. Возможно.

— Пойдемте посмотрим.

Макэлрени провел его в комнату для допросов.

— Мистеру Спарксу у нас не нравится. Он считает, что с ним поступили несправедливо.

— Он просто сукин сын, — сказал Лукас. — Вы нашли его девчонку?

— Да. Уж очень молоденькая.

— А разве они не все молоденькие?

Когда Лукас вслед за полицейским из Сидар-Рэпидс вошел в комнату, Спаркс сидел на одном из трех металлических стульев. «А он стареет», — подумал Лукас, глядя на него. В первый раз он увидел Спаркса на улице в начале семидесятых годов. Тогда у него были длинные курчавые черные волосы. Теперь он был весь седой, а его лоб прорезали глубокие морщины. Нос был сплюснен в лепешку, кривые зубы пожелтели от никотина. Он явно нервничал.

— Дэвенпорт, — сказал Спаркс, не выказывая никаких эмоций. Глаза у него были такие же желтые, как и зубы.

— Спарки! Сожалею, что у тебя опять неприятности.

— Перестань молотить чепуху и говори прямо, что тебе от меня нужно.

— Я хочу знать, почему ты удрал из города через пятнадцать минут после того, как одной из твоих девчонок всадили нож в сердце?

Спаркс вздрогнул.

— Так вот...

— И не ври мне, Спарки. Мы только хотим узнать, куда ты выбросил нож. — Лукас внезапно замолчал и посмотрел на Макэлрени. — Вы объявили ему его права?

— Только по обвинению, связанному с проституцией.

— Господи, надо сделать это еще раз, где моя карточка...

Лукас потянулся за своим бумажником, но тут заговорил Спаркс.

— Эй, Дэвенпорт, подожди, — сказал он еще более озабоченно. — У меня есть свидетели, которые подтвердят, что я ничего такого не делал. Мне эта девчонка нравилась.

Лукас засунул бумажник обратно в карман.

— Ты видел, кто это сделал?

— Ну, я не знаю...

Дэвенпорт наклонился вперед.

— Лично я не думаю, что это сделал ты, Спарки. Но ты должен дать мне нечто такое, над чем я мог бы работать дальше. С чем я мог бы вернуться. Ребята из отдела по борьбе с проституцией имеют на тебя зуб. Ты знаешь, что они говорят? Так вот, они говорят: «Конечно же, он не виновен в этом. Но он виноват во многом другом, и за это его можно брать. Засадим старика Спарки в Стиллуотер, это решит множество проблем». Вот что они говорят. Еще они обнаружили у твоей дамочки в сумке кокаин, это тоже не пойдет тебе на пользу...

Спаркс облизнул губы.

— Я так и знал, что эта сука не все отдает.

— Мне нет до этого дела, Спарки. Что ты там видел?

— Я видел этого парня...

— Дай я включу запись.

Спаркс употреблял крэк, и порой ему трудно было терпеть. В ночь, когда была убита Хизер Браун, он сидел на скамейке возле автобусной остановки на противоположной стороне улицы и ждал, когда она принесет деньги. Он видел, как к ней подошел клиент.

— Было темно?

— Да, но горели большие уличные фонари.

— Ладно.

Ничего примечательного в Бешеном он не заметил. Среднего роста. Белый. Правильные черты, округлое лицо. Да, он немного толстоват. Подошел прямо к ней, они не долго договаривались.

— Думаешь, она его знала?

— Да. Может быть. Но я не уверен. Я никогда не видел его раньше, а она уже довольно давно работала на улице. Он не постоянный клиент.

— Она продолжала обслуживать клиентов с садистскими наклонностями?

— Да, есть такие любители. — Тут он поднял обе руки вверх. — Я ее не заставлял. Ей самой это нравилось. Ну, чтобы ее побили немного. И деньги за это хорошие платят...

— Ладно, вернемся к этому парню. Как он был одет? Модно?

— Нет, — ответил Спарки. — Он скорее походил на фермера.

— На фермера?

— Да. На нем была такая кепочка с козырьком, ну, знаешь, с надписью спереди. Одет он был в дешевую куртку, такие продают на автозаправочных станциях. Бейсбольная куртка.

— Ты уверен, что это был ее последний клиент?

— Да. Должно быть, так. Они пошли в мотель, а я отправился выпить пива. А потом на улице завывли сирены.

— Фермер не очень-то вписывается в картину, — сказал Лукас.

— Ну... — Спаркс почесал голову. — Мне он тоже показался не настоящим. Что-то в нем было такое...

— Что?

— Не знаю. Но что-то было.

Он снова почесал голову.

— Ты видел его машину?

— Нет.

Дэвенпорт продолжал расспрашивать, но ничего нового не узнал.

— Как ты думаешь, ты его узнаешь?

— Гм... — Спаркс задумался, глядя в пол. — Не знаю. Может быть. Я хочу сказать, может быть, если бы я увидел, как он идет по улице ночью в той же одежде, тогда бы я сразу сказал, что это тот самый ублюдок. Но если вы поставите его в ряд с другими, то я не уверен. Я ведь был далеко, на другой стороне улицы. И горели только уличные фонари.

— Хорошо.

Лукас выключил магнитофон.

— Нам нужно, чтобы ты вернулся в Миннеаполис, Спарки. Можешь заниматься своими девочками. Никто не будет тебя трогать, пока мы не найдем этого индюка. Когда же мы его обнаружим, тебе нужно будет на него посмотреть. Так, на всякий случай.

— А вы меня дергать не будете?

— Нет, если будешь сидеть тихо.

— Хорошо. А как насчет здешнего обвинения?

Макэлрени покачал головой.

— Если миннеаполисской полиции ты не нужен, мы можем выпустить тебя через десять минут.

— Нам он не нужен, — сказал Лукас. Он снова повернулся к Спарксу. — Но ты должен вернуться в Миннеаполис. Если же ты будешь по пути заезжать в каждый айовский город, то тебе придется отдуваться за каждую остановку. Так что возвращайся в Миннеаполис.

— Конечно. Будь спокоен. На мой вкус, здесь слишком часто кормят кукурузой. — Спаркс взглянул на Макэлрени. — Я никого не хотел обидеть.

Но Макэлрени обиделся.

* * *

Лукас уже открыл дверцу машины, которую он взял напрокат, когда Макэлрени что-то крикнул ему со ступеней полицейского участка. Спаркс стоял прямо у него за спиной, и они вместе подошли к Дэвенпорту.

— Я вспомнил, что мне показалось странным в этом пижоне, — сказал Спаркс. — Егс стрижка.

— Стрижка?

— Да. Ну, когда они шли от меня в сторону мотеля, он снял свою кепку. Мне не видно было его лица, только затылок. Но я помню, что подумал тогда, что он подстрижен не как фермер. Ты же знаешь, как у фермеров всегда торчат уши? А иногда они бывают подстрижены «под горшок». Так вот, похоже, что у этого парня была прическа. Ну как у тебя, как у бизнесмена, или адвоката, или доктора. Волосы прилизанные. Не как у фермера. Никогда не видел фермера с такой прической.

Лукас кивнул.

— Хорошо. Он блондин, так?

Спаркс наморщил лоб.

— Да нет. У этого пижона были темные волосы.

Лукас придвинулся к нему ближе.

— Спарки, ты уверен? Может быть, ты ошибаешься?

— Нет-нет. Темноволосый пижон.

— Черт! — Дэвенпорт задумался. Эта деталь не вписывалась. — Что-нибудь еще? — наконец спросил он.

Спаркс отрицательно покачал головой.

— Ничего, кроме того, что ты постарел. Я помню, что в первый раз узнал о тебе, когда ты отделал Болда Петерсона. У тебя тогда было лицо гладкое, как попка младенца. Жизнь тебя потрепала.

— Спасибо, Спарки, — сказал Лукас.

— Мы все стареем.

— Конечно. Кстати, я сожалею о твоей девчонке.

Спарки пожал плечами.

— Женщин действительно иногда убивают. Но пока недостатка в шляхах не ощущается.

Поездка домой на машине заняла всю оставшуюся часть дня. Он остановился недалеко от границы Айовы и съел чизбургер с жареной картошкой, потом, придерживаясь скорости семьдесят миль в час, домчался до реки Миннесот, пересек ее, в восемь с небольшим вечера въехал в Миннеаполис. Лукас оставил взятую напрокат машину в аэропорту и на такси приехал домой. Он страшно вымотался. После горячего душа его сгорбленная спина распрямилась. Он оделся, достал из холодильника пиво, прошел в спальню, поставил банку с пивом на пол у кровати, улегся и принялся рассматривать приколотые к стене листы бумаги.

Белл, Морис, Руиц и Льюис. Бешеный. Даты. Личные качества. Он снова все это перечитал, вздохнул, поднялся с кровати, приколот еще один лист бумаги и написал сверху фломастером: «Браун».

Проститутка. Молодая. Темные волосы и глаза. Физические данные подходили. Но она была убита в мотеле, после того как с ней познакомились на улице. На всех других нападение было совершено в укромных местах, в домах, квартирах или, как в случае с Льюис, в пустом доме, который она хотела продать.

Он опять перебрал все факты, сопутствовавшие убийству Браун, включая ее появление в суде. Может, Бешеный юрист? Или даже судья? Или репортер, освещающий судебную хронику? А может быть, он заместитель шерифа или кто-то из тех, кто работает в суде? Таких десятки. Лукас особо отметил нож. Бешеный принес его с собой. Чикагская фабрика — это дорогая фирма, ее продукция продавалась во всех лучших универмагах и специализированных магазинах. Может быть, он гурман? Или помешан на готовке? Возможно, он купил нож недавно, и тогда при проверке магазинов, может быть, отыщется продавец, который продал один нож белому толстому парню.

Лукас взглянул на записи, сделанные на листе с пометкой «Бешеный». Обеспеченный человек, возможно, переехал сюда недавно. Откуда-то с юго-запада. Работает в офисе. Спаркс подтвердил, что у него светлая кожа. Вот только загвоздка с темными волосами. Карла была уверена, что у него очень светлая кожа, это предполагает светлые волосы. Конечно, есть черноволосые ирландцы, да и финны подойдут под такое сочетание, но это называется «притягивать за уши». Лукас покачал головой и приписал: «Темные волосы». В конце перечня он добавил:

«Дорогая стрижка. Темные волосы? Парик? Изменяет внешность (фермер). Гурман?»

Он снова лег, подоткнул под голову подушку и отпил пива, потом поставил банку себе на грудь, придерживая ее рукой, и снова перечитал все, что было написано на листах.

Богач, бедняк, нищий, вор, доктор, юрист, индейский вождь. Полицейский.

Он посмотрел на часы. Девять сорок пять. Лукас встал, не выпуская из рук пива, прошел

в рабочую комнату и взялся за телефон. Помедлив немного, он набрал номер восьмого канала телевидения.

— Передайте ей, что это Гнедой Конь, — проговорил Лукас.

Через пятнадцать секунд Макгаун была у телефона.

— Гнедой Конь?

— Да. Слушай, Энни, исключительные новости. На улице недалеко от того места, где убили Браун, был человек, который кое-что видел. Он видел Бешеного. Говорит, что тот похож на фермера. На нем была кепка с надписью. Так что вполне возможно, что он приезжает сюда из деревни.

— Убийца-гастролер?

— Да, можно и так назвать.

— То есть он приезжает сюда, убивает женщин, а потом возвращается домой и живет там как обыкновенный фермер, собирает картошку или что там он еще может делать?

— Ну, э-э, в полиции считают, что, может быть, он разводит свиней. Этот нага свидетель, проходя мимо, удивился, что общего у этого деревенщины с такой девушкой, как Браун. Кроме того, он сказал, что как будто от него исходил какой-то запах, понимаешь?

— Ты хочешь сказать... от него несло говном?

— Гм, да, свиным навозом. Это подтверждает наши предположения.

— Очень хорошо. Можем ли мы как-нибудь снять этого свидетеля?

— Нет. Никак нельзя. Если ситуация изменится, я дам тебе знать, ну а пока его личность держится в секрете. Если Бешеный узнает, кто он такой, то он может начать на него охоту.

— Ладно. Сообщи мне, если что-то изменится. У тебя еще что-нибудь?

— Нет. Это все.

— Спасибо, Гнедой Конь. Я очень, очень тебе признательна.

Повисла тягостная пауза.

— Э-э, — сказал наконец Лукас, — ну, пока.

Свиновод?

Бешеный в ярости прошелся по квартире. Они утверждают, что он свиновод. И они говорят, что от него несет свиным навозом.

Он с трудом смог собраться с мыслями.

Что-то важное говорили. Он должен вспомнить это важное: кто-то его видел и запомнил, как он был одет. Видел ли он его лицо? Может быть, художник уже работает над его портретом? Может быть, уже утром полиция окружит здание суда? Он грыз ноготь, расхаживая по комнате. Вдруг он почувствовал боль. Он посмотрел на свою руку и увидел, что оторвал от бледно-розового мяса большой кусок ногтя. Из ранки хлынула кровь. Ругаясь, он бросился в ванную, нашел щипчики и попытался отстричь ноготь. Руки дрожали. Когда это ему удалось, он залепил палец пластырем и вернулся к телевизору.

Показывали новости спорта. Он перемотал видеозапись назад и начал смотреть, как Энни Макгаун передает свое сенсационное сообщение. Она сказала, что он свиновод. Убийца-гастролер. От него воняет свинячьим дерьмом, возможно, этим объясняется то, что женщины отворачиваются от него. Он отключил звук и смотрел только изображение, ее черные волосы с завитками челки на лбу обрамляли лицо с бездонными темными глазами.

Она волновала его. Она походила на... на кого? На кого-то, кого он знал давным-давно. Он остановил ленту, перемотал назад и снова включил запись без звука. Она была Избранной.

* * *

Макгаун.

Ему понадобится навести справки, но время есть. То, что выбор пал на нее, хорошо по нескольким причинам. Она принесет ему удовлетворение и преподаст всем этим журналистам серьезный урок. Он не тот человек, над которым можно смеяться. Его нельзя называть свинарем. Весь город будет в ужасе, и никто не будет смеяться. Они узнают его силу. Все. Они все узнают. Он быстро ходил по комнате, наблюдая за лицом Макгаун. Он перематывал пленку и смотрел запись снова и снова. Это будет его фантазия. И урок всем.

* * *

Урок оставим на потом. У него была еще одна Избранная. Она являлась ему во сне, стояла перед глазами среди бела дня. Она не ходила, она *передвигалась*. Жила она менее чем в двух кварталах от Бешеного. Он несколько раз видел, как она едет по тротуару в своей инвалидной коляске. Он узнал, что она попала в автокатастрофу. Это случилось, когда она училась на последнем курсе университета. Приятель мчал ее поздно вечером на своей мощной спортивной машине. Они врезались в дорожное ограждение. У него от удара произошел перелом шейных позвонков. Ей каркасом сиденья раздробило спину. Ее целый час доставали из машины. Об этом происшествии даже писали в газетах.

Но она вернулась к учебе, и опять газеты поместили об этом большие статьи.

Она закончила бизнес-школу и начала изучать право. Женщина-правовед. Теперь их полно. Сбоку инвалидной коляски висел рюкзачок, в котором она возила книги. Она передвигалась на коляске с помощью рук, значит, она была сильная. Она жила одна в квартире дома с осыпающейся штукатуркой в шести кварталах от школы, где изучала право.

Бешеный уже изучил ее квартиру. Владелицей была старушка-вдова, она жила в передней части дома с полудюжиной пестрых кошек. Верхнее помещение снимали супруги-студенты. Калека жила в задней части дома. Пологий скат позволял ей прямо на коляске въезжать в кухню ее трехкомнатной квартиры. В газетных статьях говорилось о том, что она ценит свое одиночество и свою независимость. Она носила на шее цепочку, на которой висело стальное кольцо, оно принадлежало парню, погибшему в катастрофе. Она говорила, что теперь должна жить за обоих. Были и еще статьи.

Информацию он черпал в библиотеке, разыскивал ее имя в указателях, читал материалы на микрофильмах. В конце концов он убедился: она была Избранной.

Если бы только у него был шанс заполучить ее. Но его видели. Узнали. Что принесет с собой утро? Он ходил и ходил кругами по квартире в течение целого часа, потом набросил пальто и вышел на улицу. Было холодно. Сильно подморозило. Вот уже и зима приближается.

Он прошел квартал, потом еще один, мимо дома калеки. Наверху горел свет. Внизу, там, где жила старуха, было темно. Он прошел еще дальше и, оглянувшись, посмотрел на дом сбоку. Ее окна тоже были темными. Бешеный взглянул на часы. Час ночи. Она была лучшей студенткой в группе, так писали газеты. Он облизнул губы и почувствовал, как ветер обжег их. Она ему нужна. Действительно нужна.

Он все шел и шел, пересек улицу, прошел еще один квартал, потом еще. Перед глазами стояла искалеченная женщина. Его ведь видели. Неужели его портрет появится в завтрашних газетах? И кто-нибудь позвонит в полицию? Может быть, уже сейчас кто-то звонит в полицию? Они уже едут к его дому, разыскивают его. Бешеного затрясло, но он продолжал идти. Снова в мозгу всплыл образ калеки. Через некоторое время он обнаружил, что стоит перед университетским общежитием. Новое здание из красного кирпича. Внутри был телефон. Дэвенпорт.

Бешеный зашел в общежитие, пребывая в каком то трансе. Когда он проходил через дверь во внутренний холл мимо стойки администратора, на него взглянула студентка-блондинка в белом лыжном свитере. Телефон висел на стене напротив туалетов. Он прижался лбом к холодным кирпичам. Он не должен этого делать. Бешеный сунул руку в карман в поисках монетки.

— Алло?

— Дэвенпорт?

Он почувствовал внезапное напряжение на другом конце провода.

— Да.

— Зачем эта игра? К чему вся эта ерунда со свиноводством?

— Э, не могли бы вы?..

— Ты знаешь, кто тебе звонит, и позволь предупредить: я уже выбрал следующую. Когда ты разыгрываешь свои карты, то тем самым сердишь меня, а расплачиваться будет Избранная. А сейчас я пойду посмотреть на нее. Я очень близко от нее. Я посмотрю. — Бешеному казалось, что его слова звучат приятно, сухо, официально. С достоинством.

Он повесил трубку и вышел через пустой холл и стеклянные двери. Свинар! Его глаза увлажнились, он наклонил голову и устало потащился домой.

Весь обратный путь ему мерещились то Избранная, то Макгаун, то лицо Дэвенпорта. Когда тот зашел в архив и обернулся, разглядывая его. Бешеный не смотрел, куда идет, пока неожиданно для себя не обнаружил, что стоит перед своим домом. Ноги сами нашли дорогу назад. Он как будто только что проснулся. Он вошел, начал снимать пальто, потом передумал, взял телефонную книгу, нашел нужный номер и позвонил в «Стар трибюн».

— Справочная.

Голос был грубый, запыхавшийся.

— Когда выходит ваша газета?

— Уже должна быть в продаже.

— Спасибо.

На другом конце повесили трубку прежде, чем он успел договорить.

Бешеный вышел на улицу, сел в машину, завел мотор и поехал по Вашингтон-стрит-бридж в другую часть города. Туда, где перед зданием редакции «Стар трибюн» стояли два зеленых газетных автомата. Он подъехал к тротуару, бросил монету в автомат и посмотрел на первую страницу номера.

НЕУЖЕЛИ БЕШЕНЫЙ СВИНАРЬ? ТЕЛЕРЕПОРТЕРЫ ГОВОРЯТ «ДА».

Статья была написана на основе выступления Макгаун по телевидению. Еще прилагалось краткое интервью по телефону, взятое у начальника полиции: «Я не знаю, где она взяла информацию, но мне об этом ничего не известно». Так сказал Даниэль. Тем не менее он не стал отрицать, что, возможно, убийца — фермер. «Все может быть», — добавил он.

Не было никакого описания. Не было никакого портрета-наброска.

Бешеный вернулся в машину. На третьей странице была еще одна заметка об убийствах, в ней они сравнивались с похожей серией убийств в Юте. Больше ничего. Он снова вернулся к первой странице.

Здесь было написано, что он свинар.

Он не позволит, чтобы с ним так обращались.

Даниэль сидел, откинувшись в своем кресле, и, покусывая ластик на конце желтого карандаша, наблюдал за Слоуном. Андерсон и Лестер развалились на соседних стульях. Лукас шагал по комнате.

— Ты говоришь, что у нас ничего нет, — подвел итог Даниэль, когда детектив замолчал.

— У нас нет ничего такого, что помогло бы нам его арестовать, — подтвердил Слоун. — Когда мы его найдем, нам понадобится информация, чтобы его прижать. Можно даже попробовать показать его Джефферсону Спарксу, посмотреть, может, тот его вспомнит. Но у нас нет ничего, что бы прямо указывало на него.

— Ну а водительские права? Там что-нибудь получилось?

Андерсон отрицательно покачал головой.

— Они не ведут учет водительских прав людей, которые приезжают на жительство в штат.

Лукас шагал по периметру комнаты.

— Ну а как дела на почте?

— Мы уже получаем ответы. Их слишком много. Мы получили сто тридцать шесть возможных вариантов за период в последние два года, и это только из почтовых отделений, охватывающих всего лишь одну десятую часть населения, которое нас интересует. Если так и дальше пойдет, мы получим примерно тысячу четыреста фамилий. Мы полагаем, что наиболее вероятны молодые неженатые мужчины. Около трети нашего списка подпадает под эту категорию. Это где-то около пятисот подозреваемых. И все это базируется на том, что, возможно, этот парень говорит с акцентом.

— А что, если он приехал три года назад, а не два, тогда все насмарку, — произнес Даниэль.

— Но это все же кое-что, — продолжал настаивать Лукас. — Сколько одиноких молодых мужчин среди тех, по которым у нас уже есть сведения?

— Тридцать восемь из ста тридцати шести человек. Но некоторые из них на самом деле переехали вместе с женщиной или же сошлись с женщинами после того, как приехали сюда, или староваты. Двое наших людей быстренько проверяют список. Осталось двадцать два человека, которые соответствуют основным критериям: мужчина, молодой, неженатый, не имеет связи с женщиной.

— Они служащие? — спросил Лукас.

— Все, кроме двух. Рабочие сюда не едут. Для них работы больше в Техасе, и не так холодно, — пояснил Андерсон.

— Так о чем все-таки идет речь? — вмешался Даниэль.

— Ну, мы говорим о том, как проверять эти двадцать два человека. Мы должны суметь сразу отсеять половину из них или даже больше. А затем мы сконцентрируемся на оставшихся. Конечно же, к ним будут постоянно добавляться все новые и новые имена.

— Лукас, у тебя что-то еще?

Лукас еще раз прошелся по комнате. Прошлой ночью он уже говорил с Даниэлем о телефонном звонке Бешеного и в начале совещания рассказал об этом всем остальным. Он записал этот телефонный разговор на пленку. В последнее время он записывал все телефонные звонки. Сегодня утром он первым делом отвез копию записи в университет и

договорился с двумя лингвистами, чтобы они прослушали ее.

Во время совещания лингвисты позвонили прямо в кабинет Даниэля. Один из них утверждал, что говорит техасец. Другой был не так категоричен: Техас или другие ограниченные районы на юго-западе.

Восточная часть Нью-Мексико или район вокруг Уайт Сендз. Оклахома и Арканзас исключаются.

— Его акцент имеет сильный налет среднезападного диалекта, — сказал второй лингвист. — Там есть такая фраза: «Я собираюсь на нее сейчас посмотреть». Так вот, если внимательно слушать, как он это произносит, то слышны типичные мидвестернизмы. Средний Запад, северная его часть. Поэтому я считаю, что он какое-то время прожил здесь. Не так долго, чтобы полностью потерять свой юго-западный акцент, но достаточно долго, чтобы он значительно сгладился.

— Ага, — встрепенулся Лукас.

Детективы с интересом посмотрели на него.

— Вчера вечером я смотрел восьмой канал. Показывали Макгаун, она говорила о том, что он свинарь. Бешеный позвонил через сорок пять минут. Я проверил, в каком часу вышли первые номера газет «Пионер пресс» и «Стар трибюн», и в той и в другой печаталось выступление Макгаун. Когда звонил Бешеный, ни той ни другой газеты в продаже еще не было.

— Таким образом, получается, что он видел ее по телевизору, — сделал вывод Андерсон.

— И вот что я подумал в отношении Макгаун, — сказал Лукас. — Она как раз соответствует тому типу женщин, за которыми охотится Бешеный...

— Господи, этого только не хватает! — воскликнул Даниэль.

— В этом звонке что-то было. Что-то особенное относительно этой «избранной», о которой он говорил. Я это просто чувствую.

— Так ты думаешь, что он может начать охотиться за Макгаун?

— Он смотрит ее передачи по телевизору. И внешне она соответствует его типу женщин. А потом все эти ее нелепые предположения. Кажется, этот тип добивается всеобщего внимания, но, с его точки зрения, все, что она говорит, негативно. Ему хочется быть единственным и неповторимым, а она говорит, что он импотент и от него воняет, что он разводит свиней. Вчера ночью он был вне себя.

— Вот именно, — сказал Даниэль, и лицо его побагровело. — Я хочу, чтобы за ней установили круглосуточное наблюдение.

— Но шеф... — начал было говорить Андерсон.

— Не важно, сколько человек для этого понадобится. Если необходимо, то освободите нескольких человек от дежурства. Я хочу, чтобы днем ее повсюду сопровождали, а ночью велось наблюдение за ее домом.

— Но делать это надо незаметно, — вставил Лукас.

— Это зачем?

— Она наш шанс схватить его, — пояснил Лукас. Он поднял обе руки вверх, прося, чтобы его не прерывали. — Знаю, знаю, что мы должны быть осторожными. С ней не должно случиться ничего плохого. Все это я знаю. Но она может послужить для нас

великолепной подставкой.

— Если ты прав, то, возможно, он сейчас смотрит на нее, — сказал Лестер. — Прямо в эту минуту.

— Не думаю, что он осмелится на это днем. Она всегда среди людей. Если он и сделает попытку, то это произойдет ночью. Когда она будет возвращаться домой или уже будет дома. Он может проникнуть в ее дом днем и поджидать ее там. Мы должны предусмотреть и эту возможность.

— Ты уже подумал об этом, — сказал Даниэль, прищуривая глаза.

Лукас пожал плечами.

— Да. У меня кроме задницы еще и голова есть. Но, кажется, что это действительно наш шанс, за ней должно быть установлено наблюдение, как за мной, помнишь?

— Хорошо.

Даниэль повернулся и нажал на кнопку переговорного устройства.

— Линда, позвоните на восьмой канал телевидения и скажите им, что мне срочно нужно переговорить с директором. — Он отпустил кнопку и сказал: — Лукас, задержишься на минутку. Все остальные, давайте займемся работой. Начните разбираться со списком приехавших сюда. Конечно же, это не поможет, если он уже живет здесь некоторое время, но все равно надо проверить. Тебя, Андерсон, я попрошу снова просмотреть все, что у нас есть по этому делу, не пропустили ли мы что-нибудь важное.

Пока все выходили из комнаты, Лукас стоял, прислонившись к стене, и смотрел на ковер.

— Ну что? — спросил Даниэль.

— У этого типа не все в порядке с головой, но не так, как я думал раньше. Он не просто хладнокровный убийца. У него еще и крыша поехала. Вспомнить только, с каким превосходством он говорил о себе и об этих «избранных».

— Ну и что это меняет?

— Не знаю. Возможно, предвидеть его поступки труднее, чем казалось раньше. Может быть, он отреагирует не так, как мы ожидаем.

— Хватит об этом, — сказал Даниэль, переводя разговор на другую тему. — Я хотел спросить тебя еще кое о чем. Откуда Макгаун берет всю эту ерунду, которую она потом запускает в эфир?

Лукас с невинным видом покачал головой.

— Возможно, от кого-нибудь из младшего состава, кто достаточно близок к расследованию, чтобы кое-что слышать, но не настолько, чтобы правильно все понять.

— Получается, что вчера ты был в Сидар-Рапидс, и тогда впервые за все расследование прозвучало слово «фермер». Я опомниться не успел, а она уже передает в своем репортаже, что Бешеный — фермер.

— Она сказала «свиновод». Это большая разница. Тот, кто поставляет ей информацию, распалывает убийцу. Спаркс не считает, что Бешеный — фермер. Я тоже. По дороге назад я остановился и по телефону передал то, что сказал Спаркс, чтобы Андерсон мог присоединить это к остальной информации. Ну а потом? Кто знает, что было потом. Наверное, произошла утечка, но все вывернуто шиворот-навыворот.

— Ладно, — сказал Даниэль.

«Он что-то подозревает, — подумал Дэвенпорт. — Даже больше того».

— Не буду тебя больше расспрашивать об этом совпадении. Но хочу заметить только

одно: если кто-то затеял игру, то это может оказаться очень опасным.

— Мы уже играем в опасную игру, — проговорил Лукас. — Бешеный не дает нам никакого выбора.

* * *

Весь день Лукас прошатался по улицам, навещая людей, которые поставляли ему информацию, своих друзей, просто знакомых, напоминая всем о своем существовании. В городе объявился колумбиец, предположительно для того, чтобы обсудить оптовые поставки кокаина четверем основным торговцам, которые через своих распространителей обслуживали весь город. Трое из них были мужчины и одна женщина, у каждого была своя территория и свои обязанности. Если бы кто-то из них попытался занять чужую территорию, то колумбиец тут же прекратил бы поставлять кокаин возмутительно спокойно.

Лукас этим заинтересовался. Большая часть кокаина поступала в город в упаковках по три унции или даже меньше мелким оптом из Детройта или Чикаго и еще в небольшом количестве из Лос-Анджелеса. И раньше ходили слухи о прямых связях с Колумбией, но они не воплощались в реальность. На этот раз, кажется, все обстояло по-другому. Он поручил своим информаторам разузнать имена, пообещав взамен деньги и защиту.

Ходили слухи о делах бандитских группировок, местных головорезов переманивали в Чикаго и Лос-Анджелес. В городе банды особенно не разрастались. Им не давала покоя служба по борьбе с бандитизмом, как в Сент-Поле, так и в Миннеаполисе. Их так часто сажали в тюрьму и на такие большие сроки, что любой мало-мальски смысленный мальчишка старался держаться от них подальше.

Индейцы с Франклин-авеню рассказывали о какой-то женщине, которая то ли сама прыгнула, то ли ее сбросили с моста. Тело так и не нашли. Лукас записал себе, что надо навести справки в речной полиции.

Макгаун позвонила ему, когда он к концу дня вернулся в свой кабинет.

— Лукас? Это просто замечательно!

— Что?

— Ну, насчет Бешеного. Ты знаешь, за мной будут вести наблюдение!

— Да, я знаю, шеф хотел это сделать.

— Так вот, я согласилась. Только с одним условием, если мы кое-что сможем снять на пленку. Конечно же, мы во всем пойдем вам навстречу, но иногда, когда это будет выглядеть естественно, в дом будут приносить камеру и снимать, как я готовлю или шью или еще что-нибудь в этом роде. Полиция разместит один пост наблюдения на противоположной стороне улицы, а другой позади дома. Нам позволят заснять на пленку, как полицейские в бинокли следят за моим жилищем и все такое прочее!

«Она не просто возбуждена, — подумал Дэвенпорт. — Она просто в экстазе».

— Послушай, Энни, ведь это не спортивное соревнование. Конечно же, ты будешь под прикрытием, но ведь этот человек просто маньяк.

— Мне это безразлично, — твердо сказала она. — Если он начнет охоту на меня, это будет транслироваться по всем каналам телевидения. Репортажи пойдут в выпусках новостей по всей стране. И вот что я хочу тебе сказать: если у меня появится такой шанс и я сделаю все так, как надо, то здесь я больше не останусь. Через шесть недель я уже буду в

Нью-Йорке.

— Отличный план, смерть может оказаться досадной помехой.

— Этого не случится, — доверительно сказала она. — Меня оберегают восемь полицейских двадцать четыре часа в сутки. Он не сможет до меня добраться.

«Или же если он до нее доберется, то улизнуть ему не удастся», — подумал Дэвенпорт.

— Надеюсь, что они дали тебе какое-нибудь сигнальное устройство.

— Конечно. Мы как раз сейчас об этом говорили. Оно похоже на маленький передатчик, я буду постоянно носить его на поясе. Стоит мне только нажать на кнопку, как все сбегутся.

— Не надо только слишком самоуспокаиваться. Ты ведь знаешь, что Карла Руиц даже не видела, как он к ней подошел. И если бы ее не беспокоил вопрос о том, что ей приходится выходить на улицу одной, и если бы она не носила с собой газовый баллончик, то она была бы мертва.

— Не беспокойся, Лукас, со мной все будет в порядке. — Макгаун понизила голос. — Знаешь, я хотела бы увидаться с тобой вне работы. Я хотела бы тебе кое-что сказать, но теперь, когда за мной следят круглые сутки...

— Конечно, — поспешно согласился он. — Нехорошо, если шеф или даже кто-нибудь из ваших узнает о наших отношениях.

— Вот и отлично, — сказала она. — Пока, старина Гнедой Конь.

— Береги себя.

* * *

Детективы установили за домом Макгаун прямое наблюдение, им помогали переодетые в гражданское полицейские, которые дежурили в машине без опознавательных знаков на прилегающей улице. В первую ночь, когда пост только что установили, Лукас не пришел. Слишком много полицейских, слишком много суеты — все это могло привлечь внимание соседей. На вторую ночь он остался дежурить с полицейским из отдела по борьбе с проституцией по фамилии Хенли.

— Ты у нее бывал? — спросил Хенли.

— Нет. А что, хороший дом?

— Неплохой. Маленький дом старой постройки напротив Миннехаха-Крик. Два этажа. На восточной стороне дома большой двор с несколькими яблонями. С западной стороны примерно в тридцати футах стоит следующий дом, пространство между ними просматривается. Должно быть, он ей обошелся в сотню тысяч.

— Ну, денежки у нее есть, — заметил Лукас.

— С таким-то личиком да еще на телевидении... В это можно поверить.

— Она сказала, что наблюдательные пункты установлены по обеим сторонам.

— Да. Наши расположились в доме напротив со стороны входа и в доме через аллею с задней стороны, — сказал Хенли. — Мы ведем наблюдение из мансард.

— Полиция сняла эти помещения?

— Хозяин дома со стороны Миннехахи не захотел брать деньги, он сказал, что рад помочь и так. Мы его предупредили, что все может продлиться и два месяца, а он ответил, что никаких проблем.

— Хороший мужик.

— Старик. Архитектор на пенсии. Мне кажется, ему нравится наша компания. Разрешил нам класть свои продукты в холодильник и пользоваться кухней.

— Ну а в другом доме?

— Там живет пожилая пара. Они согласились предоставить нам место, но было похоже, что они нуждаются, поэтому мы арендовали площадь. По две сотни долларов в месяц. Заплатили за два месяца. Они были рады.

— Смешно. Ведь это довольно дорогой район, — заметил Лукас.

— Я с ними разговаривал, у них не очень-то хорошо идут дела. Старик сказал, что они зажились на этом свете. Они ушли на покой в шестидесятых годах, оба получают пенсию, думали, что обеспечены до конца дней. А потом началась инфляция. Стали расти цены, налоги, ну и все такое прочее. Они едва сводят концы с концами.

— Гм. Так куда мы едем?

— К архитектору. Мы оставим машину на другой стороне реки и пешком перейдем мост. Потом пройдем за домами, которые стоят вдоль берега, и войдем в его дом через заднюю дверь. Таким образом, нас никто не увидит.

У архитектора был большой дом, который содержался в идеальном порядке. Везде было полированное дерево и восточные ковры, украшения из стали и бронзы, на стенах цвета яичной скорлупы висели замечательно выполненные черно-белые гравюры. Лукас и Хенли поднялись на четыре пролета лестницы и оказались в тускло освещенной мансарде. Двое полицейских сидели в мягких креслах, у их ног стоял телефон, между ними на треногах были установлены бинокль и подзорная труба. Рядом на полу лежал матрац. Около него стоял магнитофон, из которого лилась легкая музыка.

— Привет, — сказал один из них. Другой просто кивнул головой.

— Что-нибудь происходит? — спросил Лукас.

— Парень выгуливает собаку.

Лукас подошел к окну и выглянул на улицу.

Стекло с внутренней стороны было покрыто тонкой отражающей пластиковой пленкой. С улицы окно казалось прозрачным, и создавалось впечатление, что в комнате никого не было.

— Она дома?

— Нет еще. У нее десятичасовые новости, потом она приводит себя в порядок и обычно едет куда-нибудь поужинать. А потом уже возвращается домой, если только у нее не назначено свидание. Но в ближайшие две недели она будет приходить прямо домой.

Лукас сел на матрац.

— Я думаю, правда, я не уверен, что если он решит напасть, то он придет после того, как стемнеет, но до полуночи. Он осторожен. Он не захочет слоняться здесь в такое время, когда люди могут обратить на него внимание. Он наверняка сделает так, чтобы темнота скрыла его лицо. Я предполагаю, что он постарается пробраться в дом, пока ее нет, и набросится на нее, когда она зайдет. Именно так он поступил с Руиц. Второй вариант: он схватит ее прямо у двери, когда она будет ее открывать, и затащит в дом. Если он все правильно обставит, то внешне это будет выглядеть, как будто он встречает ее у входа.

— Мы подумали, что, может быть, он попробует как-нибудь ее обмануть, — проговорил один из наблюдателей. — Ну, например, подойдет к дверям и скажет, что его прислали за чем-нибудь с телевидения или что-то в этом роде. Короче, постарается сделать так, чтобы

она открыла дверь.

— Это тоже возможно, — согласился Лукас. — Но мне больше нравится...

— Вот она подъезжает, — перебил его полицейский, стоявший у окна.

Лукас поднялся и осторожно подошел к окну. Красная спортивная «тойота» остановилась перед домом Макгаун. Из нее вышла Энни и направилась к двери, неся большой пакет с покупками. Она даже не посмотрела по сторонам и самоуверенно продефилировала к дому, открыла ключом дверь и шагнула внутрь.

— Вошла, — доложил наблюдавший за ней полицейский.

Его напарник зажег миниатюрный фонарик, осветил на свои часы и засек время. Тридцать секунд. Минута. Минута тридцать секунд. Минута сорок пять.

Зазвонил телефон, один из полицейских поднял трубку.

— Мисс Макгаун? Все в порядке? Отлично. Но не снимайте сигнальное устройство пока не ляжете спать, хорошо? Спокойной ночи.

* * *

— Ты будешь приходить каждую ночь? — мимоходом поинтересовался Хенли.

— Почти каждую ночь. Часа на три или около того, с девяти часов до полуночи или до часу ночи, — ответил Лукас.

— Если наблюдение затянется, ты заработаешь нервное истощение.

— Ну а если тебя работа не доконает, то это сделает музыка, — заметил Лукас.

Из маленького магнитофончика продолжала доноситься незатейливая мелодия.

Один из полицейских, ведущих наблюдение, ухмыльнулся и кивнул в сторону своего напарника.

— Мы пошли на компромисс, — сказал он. — Мне нравится рок, а он его терпеть не может. Ему нравится кантри, а я слышать не могу всю эту дребедень. Поэтому мы нашли компромиссное решение.

— Могло быть и похуже, — выразил свое мнение Хенли.

— Хуже не может быть, — сказал Лукас.

— А ты когда-нибудь слышал группу «Нью Эйдж»?

— Ты победил, — сдался Лукас. — Бывает и похуже.

* * *

— Эй, мужики, черт побери, опять она.

— Что?

Лукас встал с матраса и подошел к окну.

— Мы подумали, может быть, ей невдомек, что шторы закрыты неплотно, — сказал полицейский.

Его напарник направил свой бинокль на дом Макгаун и проговорил:

— Ну же, крошка.

Лукас слегка оттолкнул первого полицейского от подозрительной трубы и посмотрел сам. Труба была направлена в промежуток между неплотно закрытыми шторами в окне второго

этажа. Сперва ничего не было видно, потом появилась Энни, она прошла через полосу света, который, как догадался Лукас, шел из ванной. Она расчесывала волосы, ее руки были закинута за голову. На ней были только белые трусики. И больше ничего.

— Ты только посмотри! — прошептал полицейский с биноклем.

— Дай-ка мне, — засуетился Хенли, пытаясь оттеснить их.

— Черт побери, вот это стопроцентная панамериканская телерепортерша! — почти благоговейно произнес полицейский и передал бинокль Хенли.

— Как вы думаете, она знает, что мы ее видим?

«Она знает», — подумал Дэвенпорт, наблюдая за лицом Энни Макгаун, на котором выступил румянец. Она была возбуждена.

— Очевидно, нет, — вслух проговорил он.

* * *

Пять дней наблюдений не дали никаких результатов. Подозрительные машины у ее дома не останавливались, на улице к ней никто не подходил. Ничего, кроме опавших листьев и ветра, который гремел черепицей на крыше дома архитектора. Штора в ее доме до конца не закрывалась.

* * *

— Гнедой Конь?

Была середина дня. Лукас звонил из дома.

— Да, Энни. У меня пока нет для тебя свежих новостей, но я здесь кое-где побывал и увидел нечто такое, что могло бы тебя заинтересовать. В одном женском бизнес-клубе специалист из университета будет читать лекцию на тему — сейчас я прочитаю ее название — «Взаимосвязь между социально-сексуальной неадекватностью и антисоциальным поведением, с комментариями по поводу маньяка-убийцы, терроризирующего два города». Звучит увлекательно. Может быть, ты захочешь взять интервью у лектора перед его выступлением.

— Кажется, это вполне уместно. Как его фамилия?

* * *

— Лукас?

Звонила Дженнифер, она немного запыхалась.

— Дженнифер, я уже собирался тебе звонить. Как ты себя чувствуешь?

— Меня немного мутит.

— Ты была у врача?

— Господи, Лукас, со мной все в порядке. Это всего лишь тошнота по утрам. Надеюсь, она не усилится. Меня чуть не вырвало после завтрака.

— Что ж, это вполне вероятно, если учесть, какие завтраки ты съедаешь. Пора кончать с

яичницей с колбасой, которую ты вдобавок еще заедаешь бутербродами с маслом. Такая пища тебя доконает, даже если тебя не будет от нее тошнить. У тебя холестерин, наверное, уже поднялся до шестисот восьми. Свари себе овсяную кашу. Принимай витамины. Я никак не могу понять, почему ты еще не вешишь сто килограммов. Бога ради, сделай...

— Да, да, да. Послушай, я ведь не ради кулинарных рецептов тебе звоню. Это официальный звонок. Последнее время ходят странные слухи, что против Бешеного что-то готовится. Говорят, что полиции известно, кто он такой, и вы ведете за ним наблюдение.

— Ничего подобного, — коротко ответил Дэвенпорт. — Я не могу сейчас что-либо доказывать, но это неправда.

— Не стану требовать от тебя честного слова, потому что это относится к личным вопросам, а сейчас я звоню официально.

— Ладно, послушай, учитывая то, что ты носишь моего ребенка, я не хочу, чтобы ты суежилась и переутомлялась, поняла? Поэтому чисто из личных побуждений я тебе говорю, честное слово бойскаута, мы не имеем ни малейшего представления, кто он такой.

— Но ведь вы же что-то делаете?

— Это официальный вопрос. Я могу снова соврать.

Дженнифер рассмеялась.

— Я вижу тебя насквозь, — сказала она. — Спорим, я за неделю разузнаю, что там у вас происходит.

— Удачи тебе, толстуха.

* * *

Лукас и Андерсон беседовали в комнатке Лукаса, когда туда втиснулся Даниэль. Он никогда раньше не видел кабинета Лукаса.

— А у тебя здесь неплохо, — улыбнулся он, — почти так же просторно, как у меня в кладовке.

— Здесь есть фальшивая стена, а за ней сразу начинается кабинет размером с директорский, но я в нем сижу, только когда я один, — проговорил Лукас. — Не стоит вызывать чувство зависти у рядовых сотрудников.

— Мы обсуждаем сложившуюся ситуацию, — сказал Андерсон, поглядывая на шефа снизу вверх. — Прошло уже десять дней с последнего нападения Бешеного. Если наши психоаналитики не ошибаются, то он должен уже готовить новое убийство. Вероятно, на следующей неделе.

— Надо что-то делать, — произнес Даниэль. Лукас подумал, что он похудел. Волосы его были в беспорядке, как будто, выходя из дому, он забыл причесаться. Это дело с Бешеным совсем доконало его. — Что там у Макгаун?

— Ничего.

— Лукас. Говори ты.

— У меня ничего особенного. Хорошо бы немного охладить пыл прессы. Думаю, нам стоит обнародовать кое-какую информацию. Что-нибудь такое, что усложнит ему подход к жертве.

Даниэль помолчал, потом спросил:

— Например?

— Надо выпустить листовку с указанием примет, по которым он выбирает среди женщин жертву: темные волосы, темные глаза, молодая или средних лет, привлекательная. Затем указать то, что мы знаем о нем. Ну, что у него светлая кожа, темные волосы, немного полноватый, возможно, недавно переехал сюда с юго-запада. По крайней мере один раз он был одет как фермер, но мы считаем, что он служащий. Обратитесь к женщинам, которые подходят под это описание и которые заметили поползновения со стороны мужчин, тоже соответствующих описанному типу, и попросите их позвонить в полицию.

— Господи, да ты представляешь, сколько будет звонков? — воскликнул Андерсон.

— Этого нельзя избежать, — сказал Дэвенпорт. — У нас больше ничего нет, и если он через неделю еще кого-нибудь убьет... Наше положение будет выглядеть лучше, если пресса станет считать, что мы предпринимаем какие-то шаги.

Даниэль сжал губы, невидящим взглядом он смотрел на плакат на стене. В конце концов он кивнул головой.

— Да. Давайте так и сделаем. По крайней мере, мы хоть что-то предпримем.

— И еще можно было бы объявить особое положение на следующую неделю, — предложил Лукас. — Послать дополнительные наряды для патрулирования. И пусть пресса узнает об этом, но попросите их пока не публиковать эту информацию. Они пойдут вам навстречу, и в то же время у них будет ощущение причастности.

— Неплохо, — согласился Даниэль с ледяной улыбкой. — Потом мы могли бы пойти на телевидение и обсудить вопрос журналистской этики, должны ли они оказывать содействие полиции.

— Ты все правильно понял, — сказал Лукас. — Им это понравится.

* * *

Дэвенпорт позвонил ей из телефона-автомата.

— Гнедой Конь?

— Слушай, Энни, Даниэль приказал Андерсону, ну, ты знаешь его, из отдела убийств и ограблений, так вот он приказал ему составить список примет потенциальных жертв и самого Бешеного и обнародовать его в прессе и на телевидении. Очевидно, это произойдет сегодня днем. Некоторые пункты уже известны, но кое-что держалось в секрете.

— Если бы я смогла получить эти сведения через десять минут, они прошли бы в эфир в дневных новостях.

— Я не могу рассказать тебе все, но в полиции считают, что он переехал сюда недавно. Мы думаем, что он живет здесь не более нескольких лет и что он приехал сюда с юго-запада.

— Ты имеешь в виду из Уортингтона или Маршалла, оттуда?

— Нет, нет, не с юго-запада Миннесоты, а с юго-запада Соединенных Штатов. Вероятно, из Техаса. Может быть, из Нью-Мексико. Примерно оттуда. Даниэль еще официально подтвердит, что его видели одетым фермером, так, как ты и сообщала. Но теперь мы считаем, что это маскировка. На самом деле он служащий.

— Отлично! Это просто замечательно, Гнедой Конь. Что еще?

— В списке будет еще кое-что, но это самое интересное. И послушай, прежде чем выпускать эту информацию в эфир, позвони Андерсону и расспроси его. Он тебе все расскажет. Он сейчас у себя в кабинете. — Лукас дал ей номер прямого телефона

* * *

Середина дня. Лукас расслабился после обеда и лениво поднял трубку.

— Лукас?

— Как ты себя чувствуешь, Дженнифер?

— Что происходит с Макгаун?

— Дженнифер, черт побери...

— Нет, нет, нет. Я не спрашиваю, спал ты с ней или нет. Ты уже дал мне честное слово на этот счет. Теперь я хочу знать, какая связь между Макгаун и полицейским наблюдением? Почему за ней следит полиция?

Лукас замялся, поняв, что допустил ошибку.

— Ага! Так вы действительно ведете за ней наблюдение, — воскликнула Дженнифер.

— Дженнифер, помнишь, я попросил тебя поговорить с начальником полиции, прежде чем что-либо предпринимать в отношении Карлы Руиц? Так вот, я прошу тебя сделать то же самое и сейчас.

* * *

Вечер. Солнце уже садилось заметно раньше. Лето прошло. Лукас ждал за дверью кабинета Даниэля. Он простоял минут пятнадцать, прежде чем появился шеф.

— Зайди, — сказал Даниэль. Он снял пальто и швырнул его на диван. — Я прямо тебя спрашиваю. Это ты передал Дженнифер Кери информацию, что мы ведем наблюдение?

— Не я, клянусь. У нее свои источники. Она позвонила мне, а я направил ее к тебе.

Даниэль ткнул пальцем ему в грудь.

— Если я узнаю, что все было иначе, я тебя вышвырну.

— Это не я. А что случилось после того, как она позвонила?

— Я связался с управляющим телестанцией, пригласил его и Кери приехать и напомнил им закон об охране общественного спокойствия и порядка. Кери начала рассуждать об этике, а управляющий сказал, чтобы она заткнулась. Он заявил, что не допустит, чтобы на его телестанцию возложили вину за то, что ведущую тележурналистку с другой станции убьет Бешеный.

— Вот как?

— Они хотят получить такой же доступ, как и восьмой канал. В выходные дни, когда ничего подозрительного не будет происходить, они собираются пронести туда камеру и снять Макгаун, как она гладит рубашки или еще что-нибудь делает. Мы также на несколько минут допустим их на пост, откуда ведется наблюдение. Всего один раз.

— А они придержат пленку до того времени, как мы поймем его?

— Мы договорились.

— Неплохой договор, — одобительно заметил Лукас. — И что сказала об этом Дженнифер?

— Она была явно расстроена. Ничего, переживет. Она возьмет интервью у Макгаун.

Кто-то уже об этом заикнулся, — сказал Даниэль. — Честно говоря, мне кажется, что она ей немного завидует. Думаю, она хотела бы оказаться на ее месте.

* * *

— Помнишь тот ужасный стих, который ты сочинил для меня, когда мы только познакомились? О том, что у меня будет ребенок?

— Он был не таким уж и ужасным, — заметил Лукас, опираясь на локоть. — Просто он довольно замысловатый.

— Замысловатый? Он напомнил мне плохую песню в стиле рок-н-ролл 1959 года, написанную подростком.

— Послушай, я знаю, что тебе не особенно нравится мой...

— Нет, нет, нет. Мне он очень понравился. Я его сохранила. Он у меня приклеен к столику для пищащей машинки, и примерно раз в неделю я его перечитываю. Вот и сегодня я его снова прочитала. И подумала: «А ведь у меня действительно будет от него ребенок».

Лукас прижал ухо к голому животу Дженнифер.

— Как ты думаешь, я уже могу что-нибудь услышать?

— А ты внимательно слушаешь?

— Да.

Он прижал ухо плотнее.

— Ну, если ты очень-очень внимательно слушаешь...

— То?

— То ты, наверное, слышишь, как булькает пиво, которое я выпила перед тем, как лечь в постель.

* * *

Лукас приехал на озеро как раз в тот момент, когда садилось солнце и наступал субботний вечер. Карла уехала куда-то на велосипеде, но через полчаса она вернулась, привезя с собой продукты и бутылку красного вина. Дэвенпорт провел здесь субботнюю ночь, все воскресенье и часть воскресной ночи. В два часа он поцеловал Карлу в губы и уехал обратно в город, в постель у себя дома он улегся уже в шестом часу утра. На совещание он опять опоздал.

— Как обстоят дела с тем списком людей, который был составлен со слов миссис Райс? — спросил Дэвенпорт. Было утро понедельника, все сидели в кабинете у шефа. После бурных выходных лица присутствовавших детективов расплывались у Лукаса перед глазами. — Ну помните, когда мы наводили справки насчет пистолета Бешеного и пытались узнать, кто его купил у ее мужа?

— Да, мы проверили всех, кого она смогла вспомнить, — сказал Слоун, который разговаривал с миссис Райс.

— Ничего?

— В общем-то мы допрашивали не всех. Мы о каждом навели справки. И если кто-то не подходил под наши ориентиры, то мы его не вызывали. Ну например, женщины, старики,

мальчишки — мы их не трогали. Но допросили всех, кто хоть сколько-нибудь подпадал под подозрение. Все это не дало ничего. Мы уже собрались заняться остальными, но тут все затормозилось, потому что появился Джимми Смайз, его кандидатура выглядела очень соблазнительно. Всех бросили туда.

— Надо вернуться к этому и опросить абсолютно всех, — проговорил Дэвенпорт, повернувшись к Даниэлю. — Мы все знаем, что пистолет — это наш шанс. Может быть, кто-то купил его, а потом перепродал. Я считаю, что мы должны проверить и женщин, и мальчишек, и стариков — всех до одного.

— Займись этим, — приказал Даниэль Андерсону. — Я полагал, что все было сделано.

— Да...

— Выполняй, и хватит разговоров!

* * *

Лукас сидел на полу в мансарде.

— Уже среда. Не думал я, что мы проторчим здесь до среды, — сказал дежуривший в это время полицейский. — Он что-то задерживается.

— А у вас тут холодно, — заметил Лукас. — Просто ветер гуляет.

— Да. Мы оставляем дверь открытой, но здесь нет никаких батарей. Мы подумываем о том, чтобы принести обогреватель.

— Неплохая идея.

— Загвоздка в том, что начальство не желает платить за это деньги. А мы не хотим, чтобы с нас за это удержали из зарплаты.

— Я поговорю с Даниэлем.

— Подъезжает машина, — произнес второй полицейский наблюдатель.

Машина медленно проехала по улице, притормозила прямо под ними, затем проехала дальше и свернула за угол.

— Номер заметили?

— Этим занимается наш человек, который сидит в машине в конце улицы. У него есть прибор ночного видения.

Рация, стоявшая у матраса, вдруг затрещала.

— Ну что, засекли его? — спросил полицейский.

— Да. Это сосед.

— Он притормозил у ее дома.

— Ему шестьдесят шесть лет, все равно возьму его на заметку, — ответил голос по рации.

— Как у вас дела?

— Холодно.

Они снова стали ждать.

— Представление начинается, — минут через двадцать произнес дежурный.

Лукас посмотрел в бинокль. На Макгаун был воздушный розовый пеньюар и крошечные трусики. Она ходила взад и вперед перед неплотно прикрытыми шторами, дразня их с большим искусством, чем любая профессиональная исполнительница стриптиза.

— Она наверняка знает, — проговорил полицейский.

— Не думаю, — сказал Лукас. — Я считаю, что она просто настолько привыкла к тому, что у нее неплотно прикрыты шторы, что даже не замечает...

— Ерунда. Посмотри, как она потягивается. Прямо-таки демонстрирует себя. Не показывает не все. Она ходит по квартире без лифчика, но ни разу нельзя было застать ее без трусиков, даже когда она выходила после душа. Она просто дразнит нас. Говорю тебе, она знает...

Они продолжали спорить, а в это время Бешеный убил калеку.

Бешеный получил листовку при входе в здание, она была напечатана на розовой бумаге. Он прочитал ее, стоя в ожидании лифта.

В листовке не было даже схематического портрета или сколько-нибудь точного описания подозреваемого. Полиция утверждала, что убийца — конторский служащий, вероятно, имеет отношение к Хеннепинскому окружному правительственному центру или к мэрии Миннесоты. У него белая кожа. Юго-западный акцент, возможно, техасский. Один раз его видели одетым, как фермер, но, скорее всего, это была маскировка.

Бешеный сложил листок и уставился на загоравшиеся лампочки лифта. Когда лифт опустился, Бешеный вошел в кабину, кивнул стоявшим там людям, повернулся и уперся глазами в дверь. Он никогда не думал, что говорит с акцентом. Неужели у него есть акцент? Ему казалось, что он говорит, как все. А ведь знал же, что разговаривать с Дэвенпортом было ошибкой. Теперь можно за это поплатиться.

Потом его мысли переключились на юридическую сторону дела. Ну и что они могут из этого извлечь? Пусть у него акцент. У сотен людей он есть. Он служит в конторе. Да большая часть населения Миннеаполиса служащие. Он часто бывает в правительственном центре. Ну так то же самое ежедневно делают еще десять тысяч человек, кто-то приходит по делам, кто-то просто так. Можно ли на этом построить обвинение? Нет. В любом случае для этого очень мало шансов. Конечно же, нужно учитывать причуды присяжных заседателей. Но будут ли присяжные заседатели рассматривать его дело, это еще вопрос. Над этим стоит внимательно подумать. Если его поймают, то он мог бы потребовать суда без присяжных. Тогда ни один судья не вынесет ему обвинительный приговор на основании того, что написано в этой листовке. Что же у них еще есть? Бешеный прикусил губу.

Что же еще?

Но чем больше он волновался, тем сильнее чувствовал потребность в новом убийстве. На фоне металлических дверей перед его глазами стояло лицо студентки юридического факультета. Это видение настолько захватило его, что, когда двери раскрылись, он вздрогнул, и женщина, стоявшая рядом с ним, удивленно на него посмотрела. Бешеный поспешно вышел из лифта и направился к себе в офис. Его секретарша куда-то ушла. Когда он проходил мимо ее стола, то заметил уголок розового листка бумаги, выглядывавший из-под папки. Бешеный остановился, быстро огляделся по сторонам и вытащил листок. Листовка. Он положил ее на место. Где же секретарша?

Он вошел к себе в кабинет, бросил портфель у стола, сел и закрыл лицо руками. Когда в дверь осторожно постучали, он продолжал сидеть все в том же положении. Бешеный поднял голову и увидел, что его секретарша смотрит на него через вертикальную стеклянную панель около двери. Он жестом пригласил ее войти.

— С вами все в порядке? Я увидела, что вы сидите вот так...

— Плохой день, — отозвался Бешеный. — Я уже почти закончил работать и собираюсь ехать домой.

— Хорошо. Мистер Векслер прислал бумаги относительно развода Карлсона, но дело, кажется, совсем заурядное, — сказала секретарша. — Вам не нужно ничего делать по нему до конца недели.

— Спасибо. Если у тебя не осталось никаких дел, ты тоже можешь быть свободна, —

проговорил он.

— Ой! Спасибо, — радостно воскликнула она.

Когда Бешеный, выйдя на улицу, шел к своей машине, он думал о том невинном разговоре, который произошел между ним и секретаршей. Он сказал: «Плохой день». Потом еще: «Я уже почти закончил работать и собираюсь ехать домой». Это ему только кажется, что он так сказал. А может быть, для его секретарши эти слова прозвучали как-то иначе. Может быть, он сказал это как-нибудь по-особенному, по-техасски. Или здесь тоже так говорят?

Разве он говорит, как Линдон Джонсон?

* * *

У себя дома Бешеный заглянул в морозилку, достал упаковку, сунул ее в микроволновую печь, установил таймер и нажал на кнопку. Его лицо отразилось в окошечке печи. Губы похожи на красных червячков. Рука скользнула в нагрудный карман пиджака и нащупала листок бумаги. Он вынул его и перечитал все заново.

Жертвы соответствовали определенному типу. Темные глаза, темные волосы. Привлекательные. От молодых до женщин среднего возраста.

Он задумался над этим. Конечно же, они правы. Может быть, ему следует выбрать блондинку? Но блондинки ему не нравились. Белая кожа, светлые волосы. У них холодная кровь. И старуха ему не нужна. Это просто противно. Старухи уже не раз думали о своей смерти. Женщины, которых выбирает он, должны впервые сталкиваться с такой перспективой.

«Я не буду ничего менять», — подумал он. И правда, в этом нет никакой нужды. В двух городах живут более миллиона женщин. Примерно четверть миллиона соответствуют этому типу. Четверть миллиона потенциальных избранниц. С этой точки зрения описание типичных черт ничего не давало. У полиции ничего не получится. Он почувствовал себя увереннее. Все это бесцельно. Ну и что, что одна женщина от него отбилась? Ну и что, что еще один свидетель видел его в вечер убийства Браун? Бешеный пришел к выводу, что полиция знает меньше, чем он ожидал. Если только полиция выложила все.

Раздался сигнал микроволновой печи, он вытащил свой обед и поставил его на стол.

«Сегодня ночью, — подумал он. — Я больше не могу ждать».

* * *

Чуть позже шести часов вечера он позвонил девушке-инвалиду домой. Никто не ответил. Он позволил еще раз в семь часов. Никакого ответа. В восемь часов к телефону подошли.

— Филлис? — спросил он писклявым голосом.

— Вы, должно быть, ошиблись номером.

Бешеный впервые услышал ее голос. Он оказался низким и звучал как музыка.

— Да что вы, — сказал Бешеный. Он был сама любезность, по голосу он мог сойти за кого угодно, но только не за убийцу. Он назвал номер, который на одну цифру отличался от

номера девушки.

— Вы ошиблись, — повторила она. — Мой номер пять, четыре, семь, шесть.

— О! Прошу прощения, — проговорил он и повесил трубку.

Она была дома.

Готовился он тщательно. Возбуждение росло, но Бешеный держал себя в руках. Это было возбуждение охотника, радость охоты. Он наденет свою лучшую спортивную твидовую куртку, сверху черное кашемировое пальто, черные мокасины и фетровую шляпу.

У пальто были большие карманы. Туда влезет картофелина. С ней все так здорово получилось в прошлый раз. Он подошел к стенному шкафу, вынул из коробки упаковку «Котекс», которую он купил три месяца назад. Клейкую ленту. Под кожаные перчатки надел резиновые. Шарф частично закроет нижнюю часть лица и уберет его от возможности быть узнанным. В конце концов, это было что-то новенькое, выбор пал на женщину, живущую неподалеку. Он должен быть готов отступить в любую минуту. Если кто-нибудь увидит его у ее дверей, прощай все.

Нож брат? Не надо. У нее найдется.

Когда он собрался, то прошел через боковую дверь в прилегающий к дому гараж, сел в машину, нажал кнопку дистанционного открывания двери гаража, задним ходом выехал на улицу, закрыл дверь, проехал два квартала и остановил машину. Он протянул руку и взял с заднего сиденья коричневый конверт, открыл его и заглянул внутрь. Там лежало с полдюжины бланков, которые он выудил из мусорной корзины на первом этаже правительственного центра. Бланки заявлений о приеме на работу.

Бешеный шел к ее двери, возбуждение было трудно сдержать. «Я иду к тебе, — твердил он. — Я иду к своей Избраннице». Он почувствовал, как в лицо ему подул ветер, он радовался ему, пахло северо-западом, приближающейся зимой.

Бешеный быстро шел к ее дому. Бизнесмен идет по делу. Не останавливаясь, он свернул к ее двери. В центре двери на уровне головы имелось маленькое оконце, оно было наполовину прикрыто занавеской. Он заглянул в кухню. Никого. Бешеный постучал в дверь.

Он подождал и снова постучал. Что там, какой-то шум? Потом он увидел ее. Она ехала в своей инвалидной коляске по полу, покрытому линолеумом. Она небогата, но какое у нее лицо, какое свежее лицо у женщины с такими тяжелыми травмами. Она оптимистка.

Она приоткрыла внутреннюю дверь, а внешнюю оставила закрытой.

— Да?

— Мисс Уиткрофт? Меня зовут Луис Валлион, я адвокат из конторы Фельсен-Гор. Я член комитета по стипендиям ассоциации адвокатов Миннесоты.

Он сунул руку в карман пальто, достал визитную карточку и, открыв дверь, протянул ее девушке. Она взглянула на карточку и удивленно спросила:

— Что вам угодно?

Он показал ей коричневый конверт для деловых бумаг.

— Я только что беседовал с деканом юридического факультета Дженсеном. Собственно, я заходил туда, чтобы забрать заявления о приеме на работу в Фельсенскую юридическую контору, и декан Дженсен сказал, что вы, должно быть, забыли написать такое заявление. Или оно потерялось.

Он взмахнул перед ней конвертом и начал доставать белые листы бланков.

— Я ничего об этом не знаю, — сказала она, — я никогда об этом ничего не слышала.

— Никогда не слышали об этой конторе? — Бешеный был озадачен. Как она могла

ничего о них не знать? — Извините, я полагал, что все старшекурсники знают о них. Они так хорошо платят, и, знаете ли, там вы сможете получить больше знаний и опыта в области гражданского права. По крайней мере, за этими местами так же гоняются, как и за должностью секретаря, особенно учитывая то, что они хорошо платят.

Она заколебалась, посмотрела ему в лицо, окинула взглядом его одежду, коричневый конверт, визитную карточку.

— Может быть, вы зайдете, мистер...

— Валлион, — сказал он, входя в дом. — Луис Валлион. Ужасная ночь, знаете ли.

* * *

На этот раз все было по-другому. Почти с удобствами. Бешеный убивал свою жертву в течение почти двадцати минут. Он лежал голым около нее на ее же кровати с натянутым презервативом, чтобы не оставить следов спермы. Ему это было необходимо. Первый раз он кончил, когда устраивал ее на кровати, и еще раз, когда наконец вонзил нож под ребра. Ее спина выгнулась, и душа отлетела.

Глядя на нее, он почувствовал, что ему хочется спать, и положил голову ей на грудь.

* * *

Холодно и жестко. Он сел и огляделся. Боже мой, он заснул. Его охватила паника, он посмотрел на ее холодеющее тело, а потом оглядел всю комнату. Сколько прошло времени? Сколько? Он посмотрел на часы. Девять сорок пять.

Бешеный поднялся, снял презерватив и спустил его в унитаз. Все его тело было в крови. Он вошел в крохотную ванную, включил воду в душе и ополоснулся. Резиновые перчатки он не снимал: не хотел, чтобы остались отпечатки пальцев. Только не сейчас. Только не в лучший час его жизни.

Когда Бешеный почти полностью смыл с себя кровь, он вышел из душа, но оставил воду включенной. Если с него упал какой-нибудь волосок, то вода смоет его. Он взял было полотенце, но тут же положил его на место. На нем тоже могут остаться волосы. Бешеный вытерся своей майкой и, когда воды на нем почти не осталось, сунул ее в карман своего пальто. Мысли о волосках вызывали у него паранойю. Он продолжал сбривать лобковые волосы, но боялся, что могут остаться волосы с его груди или с головы. Бешеный взял клейкую ленту, обмотал ею ладонь и провел по постели с той стороны, где лежал. Когда он покончил с этим, то посмотрел на ленту, к ней прилипли две тонкие, похожие на волосы, волоконные нити и один или два черных лобковых женских волоска. Ничего рыжего. Ничего от него. Он сунул ленту в карман пальто, туда, где лежала мокрая майка, вернулся в ванную, выключил воду и оделся.

Когда Бешеный был готов, он огляделся вокруг и собрал свои вещи. Он продолжал оставаться в резиновых перчатках. Спортивная куртка, пальто, шляпа, шарф, водительские перчатки. Он ничего не забыл? Визитная карточка. Он нашел ее на полу. Вот теперь все. Оставим носок с картофелиной на полу. Теперь положим записку ей на грудь.

Готово. Он потрепал ее по животу и ушел.

Выйдя на улицу, Бешеный спустился на тротуар и завернул за угол. По дороге он снял резиновые перчатки. В квартире старухи света не было. Свет горел наверху в третьей квартире, но к окну никто не подошел. Он быстро зашагал по улице и, когда проходил под уличным фонарем, заметил темное пятно на тыльной стороне руки. Глядя на него, Бешеный заколебался. Что это, кровь? Он дотронулся до него языком. Кровь. Сладкая. По дороге к машине он не встретил никого. Открыл дверцу, сел и уехал.

Он поехал к дороге 1-94. В глазах ощущалась тяжесть. Он собирался сделать еще одну вещь. Телефон на придорожном столбе около прачечной с автоматами. Внутри сидел человек и читал газету, пока его белье вертелось в сушилке. И раньше это было ошибкой, ошибкой было делать это и сейчас. Но ему это было необходимо. Это ему было так же необходимо, как и то, что он делал с женщинами. Ему нужен был кто-то, с кем он мог поговорить. Кто-то, кто мог бы его понять. Бешеный притормозил у телефона и набрал домашний номер Дэвенпорта.

И нарвался на автоответчик. «Сообщите, что вы хотите», — коротко произнес голос Дэвенпорта, не называя себя. Раздался сигнал. Бешеный был разочарован. Это было не то же самое, что разговор с живым человеком. Он снова прикоснулся кончиком языка к пятнышку крови на руке, посмаковал его, а потом проговорил:

— Я пришил еще одну.

Сигнала отбоя не было. Он облизал губы.

— Это было чудесно, — добавил он.

«Это было чудесно».

Лукас прослушал запись во второй раз, в груди его росла какая-то безнадежность.
— Ублюдок, — прошептал он.

Дэвенпорт перемотал пленку и снова прослушал запись.

«Это было чудесно».

— Ублюдок.

Он уселся за стол, положил на него локти и подпер голову одной рукой. Так он сидел минуты три и при этом не мог ни о чем думать. Дом обступил его со всех сторон, неосвещенный, тихий, защищающий. Мимо дома по улице проехала машина, свет ее фар скользнул по стене. Злясь на самого себя, он позвонил в Миннеаполис и попросил старшего дежурного.

— У нас ничего, — ответили ему.

В полиции Сент-Пола ответили то же самое. В Блумингтоне ничего не случилось Слишком много окраин, чтобы проверять их все. И Лукас подумал, что Бешеный, вероятно, убил кого-то на территории самого Лукаса. Теперь это уже было похоже на соревнование. Точно.

— Лукас? — Голос Даниэля звучал сердито.

— Он мне звонил. Говорит, что убил еще одну.

— О Господи! — произнес Даниэль.

Дэвенпорт услышал, как жена Даниэля спросила, действительно ли убили еще одну и где.

— Я не знаю где, — сказал Лукас. — Он мне этого не сказал. Он только сказал, что это было чудесно.

Девушку-студентку нашли через два дня. Ближе к вечеру. Она редко пропускала занятия. Когда она не пришла в первый день, то ее отметили как отсутствующую, но выяснять ничего не стали. Когда же она пропустила второй день, никого не предупредив и ничего не объяснив, ей домой позвонила подруга. Но никто не ответил. В обеденный перерыв подруга приехала к ней и увидела в окне свет. Она постучала, заглянула через окно внутрь и заметила торчащую из двери спальни ручку инвалидной коляски с резиновым набалдашником. Обеспокоенная, она пошла к старушке-хозяйке, которая принесла ключи. Так они ее и нашли.

— Боюсь, что ее убил Бешеный, — рыдала подруга, когда приехали первые полицейские. — Я думала об этом по дороге сюда. Что, если ее убил Бешеный?

* * *

— Красный Конь?

— Энни, еще одна жертва, — сказал Лукас. Он дал ей имя и адрес убитой. — Это около университета. Она студентка юридического факультета, инвалид. Ее зовут Черил...

— Продиктуй по буквам.

— Уиткрофт. Ч-е-р-и-л У-и-т-к-р-о-ф-т. В газетах было о ней несколько статей. Кажется, в «Стриб».

— Я могу посмотреть. У нас есть справочная библиотека.

— Посмотри еще и в «Пионер пресс». Она училась на последнем курсе, была одной из лучших. Ее родители тоже живут здесь, в восточной части Сент-Пола. Пока еще никто об этом не знает, но очень скоро это будет известно всем. На улице миллион полицейских, которые ходят туда-сюда. Медицинские эксперты. Мы опрашиваем студентов и соседей. Если ты быстро примчишься со своей командой, то застанешь, как будут выходить ее родители.

— Через пять минут, — сказала она и повесила трубку.

* * *

— Черил Уиткрофт, — произнес Даниэль.

Он стоял на кухне без шляпы, без пальто, сердитый.

— Что же она сделала, чтобы заслужить такое, Дэвенпорт? Она что, согрешила? Или блудила по ночам? Пропускала мессу по воскресеньям? Что же она такого сделала, черт побери, Дэвенпорт?

Лукас, видевший, в каком состоянии находится шеф, попытался отвлечь его вопросом:

— Что показали ее родителям?

— Лицо. И все. Ее мать хотела увидеть ее целиком, но я попросил отца увести ее. Он был почти так же плох, как миссис Уиткрофт, но все же понял нас и увел ее. А тут им прямо в лицо суют телекамеру. Господи, это не люди, а животные! Телевизионщики не лучше Бешеного.

Детективы из отдела убийств ходили по квартире, низко опустив головы, как будто их унылые фигуры могли уменьшить гнев Даниэля. Говорили шепотом. И, когда Даниэль уехал, все равно продолжали говорить шепотом. Когда он выходил на улицу, телекамера засекала его лицо. И потом его профиль, застывший от мучительных переживаний, как глыба льда с озера Верхнее, использовался в качестве заставки перед началом ночных новостей по восьмому каналу.

Пока эксперты проводили осмотр места преступления, Лукас терпеливо ждал.

— Есть какая-то разница по сравнению с его обычными приемами? — спросил он медэксперта.

— Да. Он ее резал, как мясник. Раньше он действовал с хирургической точностью. Приходил и убивал. А эту он искромсал. И она почти все это время была жива.

— А секс?

— Ты имеешь в виду, изнасиловал ли он ее? Нет. Не похоже. У нее несколько колотых ран над лобком с проникновением в вагину и ректальную область, потом в подлобковые области...

— Куда?

— Ну спереди, спереди, снизу вверх. Похоже на то... Матерь божья... — Медэксперт провел рукой по своим седеющим волосам.

— Сэм...

— Похоже на то, что он пытался обнаружить, где она начинала ощущать боль. У нее ведь целая история болезни, и, судя по всему, травма позвоночника, которая привела ее к инвалидности, произошла в верхнем отделе. Выше бедер, ниже груди. Она бы потеряла поверхностную... Господи, Лукас, это просто в голове не укладывается. Ты не мог бы подождать, пока мы составим отчет?

— Нет. Мне нужно знать сейчас.

— Ну, когда у человека бывает травма позвоночника, то он в разной степени теряет контроль за мышечными функциями, а также чувствительность в нижней части тела. Эти потери варьируются от незначительных расстройств до полного паралича, когда теряются все функции. Именно это с ней и случилось. Но в зависимости от того, какой участок позвоночника был травмирован, человек теряет поверхностную чувствительность... ну, он теряет чувствительность в различных частях тела. Мы говорим о болевой чувствительности. И похоже на то, что он методично исследовал ее тело, пытаясь обнаружить, где она начинала чувствовать боль.

— А как насчет колотых ран в вагинальной области?

— Так вот я и хотел сказать, что они не такие же, как все остальные раны. Это уже, похоже, связано с сексом. Такие раны не редкость, когда за убийством стоит сексуальная мотивация. Еще имеет место скальпирование груди...

— Что? Скальпирование?

— Он сдирал с нее кожу. Я думаю, что он перестал это делать, когда понял, что она умирает. Только тогда он в конце концов вонзил в нее нож, чтобы добить ее самому. Умертвить.

— Боже мой.

Эксперты обследовали все кругом. Лукас копался в вещах убитой и нашел несколько выпускных фотографий в верхнем ящике комода. На ней была черная мантия и академическая шапочка с кисточкой. Он сунул фотографию себе в карман и ушел.

* * *

Лукас уже не спал, когда услышал, как у его парадной двери шлепнулась газета. Он еще минуту полежал с закрытыми глазами, потом сдался и пошел к двери, чтобы забрать ее.

На всю страницу шел огромный заголовок. Под ним на четыре полосы расположился снимок, на нем было видно, как покрытое простыней тело везут на тележке. Фотограф снимал широкоугольным объективом, так что лицо человека, толкавшего тележку, было искажено. ЗВЕРСКОЕ УБИЙСТВО ДЕВУШКИ-ИНВАЛИДА, говорилось в заголовке. Лукас закрыл глаза и привалился спиной к стене.

* * *

Совещание началось зло, и злоба так и витала в воздухе до его окончания.

— Так вы говорите, ничего существенного?

Они все собрались в кабинете Даниэля — Лукас, Андерсон, Лестер и еще дюжина ведущих детективов.

— Все, как в остальных случаях. Он не оставил нам никаких следов, — сказал Андерсон.

— Больше я таких ответов не принимаю! — вдруг рявкнул Даниэль, ударив при этом по крышке стола и вперив взгляд в Андерсона. — Я не хочу больше слушать эту ерунду про...

— Это не ерунда, — так же на повышенных тонах ответил Андерсон. — Это то, что у нас есть: ни хрена. И я не хочу слышать ни от тебя, ни от Дэвенпорта о том, какую бурю нам устроит пресса. Это первое, что ты нам сказал, как только мы сюда вошли. Ну, что там с этой прессой? Да пошла она куда подальше! Мы делаем все, что только можем, вашу мать!

Он повернулся и вылетел из комнаты.

Даниэль, чей эмоциональный взрыв был на середине перекрыт шквалом эмоций Андерсона, плюхнулся обратно на свой стул.

— Пусть кто-нибудь пойдет и вернет его, — сказал он после минутной паузы.

Когда Андерсон вернулся, Даниэль кивнул ему.

— Извини, — сказал он, потирая глаза. — Я теряю контроль. Мы должны положить всему этому конец. Нужно его поймать. Идеи есть? Давайте ваши предложения.

— Не надо снимать наблюдение с Макгаун, — сказал Лукас. — Я все еще думаю, что с этим получится.

— После убийства Уиткрофт она все там облазила, — заметил один из детективов. — Как она узнала? Ведь она на добрых полчаса опередила всех остальных.

— Не беспокойся об этом, — ответил Даниэль. — Я хочу, чтобы наблюдение было таким тщательным, чтобы даже муравей не мог туда пробраться. Понятно? Что еще? Что-нибудь есть? Как там дела с опросом людей, которые могли купить пистолет у Райса?

— Там кое-что есть, — сказал Слоун. — Сразу после войны Райс был в Японии и привез оттуда кое-какие сувениры, крошечные фигурки из слоновой кости. Ну, как их там называют? Не могу вспомнить. Так вот, он рассказал о них своему соседу, и тот посоветовал ему насчет художественной галереи, которая занимается искусством Востока. И вот человек из этой галереи пришел к нему и купил эти фигурки. Он дал за них Райсу пятьсот долларов. У нас есть счет. Я ходил к нему поговорить, его зовут Алан Нестер, и его заведение находится на Николлет.

— Видел я его заведение, — сказал Андерсон. — «Алан Нестер. Предметы искусства Востока». На первом этаже «Балморал Билдинг».

— Шикарный адрес, — заметил Лукас.

— Он самый, — поддакнул Слоун. — Тем не менее он так и не нашел для меня времени. Сказал только, что ничего не знает и что только одну минуту поговорил с мистером Райсом и тут же ушел. Никакого пистолета не видел и ничего о нем не слышал.

— Ну и что? — спросил Даниэль. — Ты думаешь, что это он?

— Нет, нет. Он слишком высокий, должно быть, выше ста девяноста сантиметров, и очень худой. И по возрасту он староват. Ему лет пятьдесят. Один из тех придурков, что вместо галстука носят шарф.

— Галстук-эскот?

— Да, кажется. Я не думаю, что он убийца, но он занервничал и начал врать. Возможно, он ничего не знает про Бешеного, но из-за чего-то он нервничает.

— Приглядишься там, посмотри, что можно раскопать, — сказал Даниэль. — А что с остальными?

— У нас еще шесть человек, — ответил Слоун. — Это наименее вероятные кандидаты.

— Займись ими в первую очередь. Кто знает, что там может оказаться.

Он посмотрел по сторонам.

— Что-нибудь еще?

— У меня ничего, — откликнулся Лукас. — Ничего не приходит в голову. Сегодня похожу по улицам, посмотрю, как там дела, а потом поеду на север. У меня здесь плохо получается.

— Задержись на минуточку, ладно? — попросил Даниэль. — Все свободны. И прошу прощения, Энди. Я не хотел на тебя кричать.

— Я сам от себя этого не ожидал, — проговорил Андерсон, горько усмехаясь. — Это все Бешеный.

* * *

— Андерсон не хочет говорить о прессе, — сказал Даниэль, хлопнув по стопке газет на своем столе. — Но надо же что-то делать. Я сейчас не говорю о том, как бы удержаться на службе. Ведь начнется паника. Где-нибудь в Лос-Анджелесе это обычная вещь, но наши люди... Такого просто не бывало. Все начинают бояться.

— Что ты подразумеваешь под словом «паника»? Люди кинутся бежать по улицам? Этого не будет. Все просто будут тише воды, ниже травы.

— Я говорю о людях, у которых есть оружие. Я говорю о студентах колледжей. Кто-то из них может вернуться с вечеринки в неурочное время, когда родители его не ждут, среди ночи, ведь папаша запросто разнесет ему голову из своего колыта. Вот о чем я говорю. Ты, вероятно, молод и не помнишь, как Чарли Старкуэзер убивал людей в Небраске, и тогда люди, выходя на улицу, брали с собой ружья. Нам такого не надо. И не нужно, чтобы Национальная ассоциация стрелкового оружия провернула очередную кампанию нагнетания страха под лозунгом «Пистолет в каждом доме, танк в каждом гараже»

— Мы должны побеседовать с издателями и управляющими телестанциями или их владельцами, — сказал Лукас после минутных раздумий. — Они могут просто *распорядиться*, чтобы журналисты умерили свой пыл.

— Думаешь, они на это пойдут?

Лукас еще немного подумал.

— Если мы правильно поведем себя. Репортеров в основном все презирают, но они ведь тоже люди, и, как все люди, они хотят, чтобы их любили. Дай им только возможность продемонстрировать, что они по-настоящему хорошие ребята, они ботинки тебе будут лизать. Но все должно исходить от тебя. На высшем уровне. Босс договаривается с боссом. Может быть, стоит взять с собой заместителей. Может быть, даже мэра. Это им польстит, продемонстрируй им, как ты их уважаешь. Конечно же, они зададут вопросы типа: «Вы что же, хотите, чтобы мы сами себя подвергли цензуре?» А ты должен ответить: «Конечно же нет. Мы только хотим предупредить вас о том, какую угрозу представляет всеобщая паника. Мы хотели бы, чтобы вы отнеслись к этому с пониманием».

— Должен ли я еще *и поделиться* с ними своими тревогами? — саркастически заметил Даниэль.

Лукас указал на него пальцем.

— Вот именно. И не стоит иронизировать. Ты имеешь дело с прессой. И можешь прямо

так и сказать — «поделиться». Именно так и говорят: «Позвольте мне этим с вами поделиться».

— Думаешь, они на это купятся?

— Думаю, да. Это позволит газетам тоже почувствовать некоторую ответственность. Они могут на это пойти, потому что со всех этих событий особого навару не имеют. Газета не может привлечь рекламодателей только тем, что печатает сообщения об убийствах. И их не особенно интересует краткосрочное увеличение тиража. Они все равно не смогут все продать.

— Ну а телевидение?

— С ними забот будет побольше, потому что их рейтинг колеблется, и это для них действительно имеет значение. Господи, кажется, я где-то в газете читал на прошлой неделе, что близится подведение итогов. Если мы не заключим что-то вроде соглашения с телестанциями, то они просто с ума все походят из-за этого Бешеного.

Даниэль тяжело вздохнул.

— Определение победителя среди телестанций. Я совсем об этом забыл. Но мы же полицейское управление. Мы должны ловить преступников. А я сижу здесь, и меня в пот кидает от какого-то подведения итогов на телевидении.

— Я составлю тебе список всех тех, с кем тебе нужно будет поговорить, — сказал Лукас. — Я передам его Линде через час. С указанием номеров телефонов. Лучше всего тебе позвонить им напрямую. В таком случае они подумают, что ты их знаешь.

— Ладно. Сколько встреч устраивать? Одну или две? Одну для газетчиков, а другую для телевизионщиков?

— Думаю, одну для всех. Телевизионщики любят принимать участие во всех мероприятиях, в которых участвуют газетчики. Тогда они тоже чувствуют себя журналистами.

— Ну а как быть с радио? — спросил Даниэль.

— К черту радио.

* * *

Андерсон заглянул в дверь кабинета Лукаса.

— Что-нибудь есть?

— Возможно, он ездит на «сандерберде» темного цвета, новом, может быть, темно-синем, — сказал он, и в его голосе прозвучал лишь легкий оттенок удовлетворенности.

— Откуда ты это взял? — спросил Лукас.

— Ладно. Медэксперты вычислили, что ее убили где-то между ночью среды и утром четверга. Нам известно, что в семь часов вечера она была жива, потому что тогда она разговаривала по телефону с подругой. Парень, который живет на противоположной стороне улицы, работает в ночную смену. Он возвращался домой в двенадцать двадцать и обратил внимание на то, что у нее все еще продолжал гореть свет. Он это заметил, потому что обычно она рано ложилась спать.

— Откуда он это знает?

— Сейчас расскажу. Он работает посменно, и смены постоянно меняются. Когда он работал в дневную смену с семи до трех, то он часто видел ее на улице, когда уходил на

работу. Однажды он спросил ее, почему она так рано встает. Она ответила, что всегда встает рано, это лучшее время дня. Она не могла работать по ночам. Поэтому он обратил внимание на свет у нее в квартире. Подумал, может быть, у нее большая контрольная.

— И что же...

— Поэтому мы думаем, что тогда она уже была мертва. Или умирала. Дальше, около десяти часов — точно мы время не смогли установить, так что это примерно плюс-минус пятнадцать минут — по улице шел один паренек, который заметил, как какой-то человек идет по противоположной стороне. Он шел в том же направлении, что и мальчишка. Среднего роста. Темное пальто. Шляпа. Они шли по той самой улице, на которой находится дом Уиткрофт. Вот так они прошли пару кварталов. Но ты ведь знаешь, с каким особым вниманием относишься к людям, когда идешь по улице пешком поздно вечером?

— Да.

— Так вот, они прошли два квартала, и этот человек остановился около машины «сандерберд». Мальчишка запомнил это, потому что увлекается автомобилями. Человек открыл машину, сел и уехал. Позже, когда паренек услышал о том, что произошло с Уиткрофт, он начал вспоминать, что было тогда, и ему этот мужчина показался странным. На улице полно места, где можно припарковать машину, да вдобавок еще холодно, так зачем же ставить ее в двух или даже в трех кварталах от нужного вам места?

— Умница парень.

— Да.

— А ты его самого проверил? — спросил Лукас.

— Да. С ним все в порядке. Студент инженерного факультета университета. Он здесь живет постоянно. И тот, что живет на другой стороне улицы, тоже подозрений не вызывает.

— Гм.

Лукас покусал губы.

Андерсон пожал плечами.

— Это, конечно же, не ключ к разгадке, но уже кое-что. Теперь мы проверяем страховки на «сандерберды» за последние три года, разыскиваем тех, кто перевел свои страховые полисы к нам сюда из других мест. Ну, например, из Техаса.

— Удачи тебе.

* * *

Встреча с журналистами проходила на следующий день в конференц-зале газеты «Стар трибюн». Все были в костюмах. Даже женщины. У большинства были кожаные папки с листками желтой бумаги внутри. Все обращались к Даниэлю и мэру по имени. Лукаса называли лейтенантом.

— Вы хотите, чтобы мы сами себя подвергали цензуре? — спросил главный редактор «Стар трибюн».

— Ну что вы, нет, конечно, потому что мы знаем, что вы этого все равно не сделаете, — проговорил Даниэль, хитро улыбаясь. — Мы только хотим поделиться с вами озабоченностью и указать на возможность всеобщей паники. Этот человек убийца, он ненормальный. Мы делаем все от нас зависящее, чтобы установить его личность и арестовать его. И я вовсе не хочу преуменьшить весь ужас его преступлений. Но я хочу

заметить, что на сегодняшний момент он убил пять человек в городе с населением почти в три миллиона. Другими словами, ваши шансы погибнуть при пожаре, или от руки члена вашей семьи, или быть задавленным автомобилем, не говоря уже о возможности погибнуть от сердечного приступа, так вот, эти шансы намного значительней, чем вероятность нарваться на этого убийцу. И сейчас мы говорим о том, что показывать выпуски новостей, которые вызывают панику, это просто безответственно, это приводит к обратным результатам...

— Приводит к обратным результатам по отношению к чему? К тому, чтобы вы удержались на своей работе? — спросил журналист «Стар трибюн», пишущий передовые статьи.

— Я отвергаю такую позицию, — резко ответил Даниэль.

— Не думаю, что данный вопрос был вполне уместен, — примирительно заметил издатель газеты.

— В любом случае ему не стоит об этом беспокоиться, — сказал мэр города Миннеаполиса, сидевший на другом конце стола. — Начальник полиции Даниэль отлично справляется с работой, и я намерен продлить его службу в этой должности еще на один срок, независимо от результатов этого расследования.

Даниэль посмотрел на мэра и кивнул головой.

— Тогда у нас возникает проблема, — проговорил управляющий телестанцией TV-3. — Сейчас эта история с убийцей больше всего интересует наших зрителей. Я никогда не видел ничего подобного. И если мы преднамеренно снизим, приглушим интерес к этой теме, а наши коллеги с восьмого канала, шестого канала и двенадцатого канала не станут этого делать, то мы потеряем в рейтинге. Нас не волнуют тиражи, как газетчиков, но рейтинг — это наша жизнь. И, учитывая, что популярность нашей телестанции самая высокая...

— Но только по десятичасовым новостям, а не по шестичасовым, — перебил его управляющий восьмым каналом.

— И так как наш итоговый рейтинг самый высокий, то мы теряем больше всех. Честно говоря, я сомневаюсь в том, что мы сможем достигнуть какого-нибудь соглашения, которого будут придерживаться все. Слишком многое поставлено на карту.

— Ну а что, если я и мои люди обратятся к каждому полицейскому нашего управления персонально и объяснят им, как данная телестанция причиняет нам вред своими обзорами новостей? А что, если мы попросим всех их снизу доверху не давать никакой информации этой станции? Другими словами, полностью перерезать все контакты этой телестанции с полицией. Заморозить. Это повлияет на ваш рейтинг? — спросил Лукас.

— Это опасное предложение, — заметил представитель прессы Сент-Пола.

— Если возникнет паника, спровоцированная средствами массовой информации, вот это и будет действительно опасно, — парировал Лукас. — Если какой-нибудь мальчишкостудент, который живет в общежитии университета, невзначай зайдет поздно вечером домой к родителям, а его папаша пристрелит его, потому что подумает, что это Бешеный, кого тогда обвинять? Кого обвинять в нагнетании страха?

— Это несправедливо, — заявил управляющий TV-3.

— Ну конечно. Вам просто хочется, чтобы это было несправедливо.

— Спокойно, лейтенант, — сказал мэр после минутной тишины. Он оглядел всех присутствующих. — Послушайте, мы всего лишь хотим, чтобы вы не слишком усердно эксплуатировали эту тему. Вчера я с часами в руках смотрел программу восьмого канала, вы

уделили этому событию более семи минут, оно освещалось в четырех отдельных фрагментах. Честно говоря, это перебор. Других новостей почти что и не было. Я только предлагаю, чтобы вы внимательно посмотрели на каждый фрагмент обзора и сами себе задали вопросы: «Это действительно необходимо? Это на самом деле поднимет наш рейтинг? А что, если начальник полиции Даниэль, мэр, городской совет и законодательные органы штата рассердятся всерьез и начнут говорить о безответственности прессы, да еще упомянут конкретные фамилии? Это увеличит вашу популярность?»

— Подведем итог: вы хотите, чтобы мы вас не сердили, — резюмировал директор отдела новостей двенадцатого канала.

— Подведем итог, я обращаюсь к вам: подходите с ответственностью к своей работе. Если же нет, то вы за это заплатите.

— Это похоже на угрозу, — заметил директор отдела новостей.

Мэр пожал плечами.

— Вы все видите в драматическом свете.

* * *

Когда они выходили через вестибюль на улицу, Даниэль посмотрел на мэра.

— Я благодарен вам за ваши слова по поводу следующего срока моего пребывания на посту, — произнес он.

— Еще рано праздновать, — проговорил мэр сквозь зубы. — Если ты не поймаешь этого негодяя, я могу и передумать.

Два дня, прошедшие с момента совершения убийства, до того как тело было обнаружено, были днями чудесного предвкушения. Бешеный расслабился. Он даже улыбался. Его секретарше он даже показался почти обаятельным. Почти. Все, кроме губ.

Бешеный снова и снова прокручивал запись, он смотрел, как Макгаун ведет репортаж от дома Уиткрофт.

— Говорит Энчи Макгаун. Я веду репортаж с последнего места преступления, совершенного маньяком-убийцей, известным всем как Бешеный, — проговорила она, и ее губы при этом сексуально округлились. — Сам начальник полиции Миннесоты Квентин Даниэль сейчас находится внутри этого дома, расположенного всего в трех кварталах от студенческого городка университета нашего города. Здесь жила попавшая в автомобильную катастрофу и покалеченная студентка юридического факультета Черил Уиткрофт, одна из лучших на своем курсе. Ее истязал, зарезал насмерть и надругался над ней в сексуальном плане человек, о котором сами полицейские говорят, что он хуже дикого зверя...

Ему это нравилось. Ему даже нравилось, что его сравнили с диким зверем. О свиновоме уже не было и речи, об этом забыли. Он наслаждался газетами, снова и снова перечитывал статьи и, лежа на постели, снова и снова воскрешал в памяти подробности смерти Уиткрофт. Он мастурбировал, и лицо Энни Макгаун становилось в его воображении все более отчетливым.

Реакция прессы усиливалась день ото дня и достигла своей кульминации, когда в воскресной миннеаполисской газете появился большой обзор на трех страницах и аналитическая статья чуть поменьше в сент-польской газете. В понедельник интерес к этой теме угас. Не было напечатано почти ничего, это его озадачило. Неужели это все?

В тот день он пошел в окружной архив и вежливо представился юристом, который занимается вопросами недвижимости. Он показал им свою карточку, и ему объяснили, как пользоваться компьютером, в который введены сведения о налогах. Макгаун? По экрану компьютера побежали строчки имен. Макгаун — Адам, Айлин, Алексис, Энни. Вот она. Единственный владелец. Хороший район.

Компьютер выдал ему данные о квадратных метрах, цене. Ему понадобятся еще некоторые сведения. От компьютера он перешел к сборникам карт местности и начал рассматривать планы.

— Если вам нужны снимки аэрофотосъемки, то они там, вон в тех ящичках, — мило улыбаясь, сказала служащая архива. — Они сложены в том же порядке.

Снимки аэрофотосъемки? Отлично. Он просмотрел их, нашел дом Макгаун, отметил его положение относительно соседних домов, строения в саду, прилегающий гараж. Он даже провел пальцем по аллее, которая проходила за домом. Если он будет подходить с северной стороны, то сможет пройти по аллее и подойти прямо к задней двери, взломать ее и пробраться внутрь. Если он придет туда достаточно рано, когда будет точно знать, что она на съемках, то у него будет возможность все осмотреть. Что, если там еще кто-нибудь живет? Это легко проверить. На что же тогда существуют телефоны? Он будет звонить ей днем и ночью, когда она на работе, вдруг подойдет кто-нибудь другой, ее-то голос он уже хорошо знал. Может быть, у нее живет какая-нибудь подруга? Он задумался над этим, прикрыв глаза. Он в состоянии справиться с обеими. Две женщины за один раз.

Но он чувствовал, что это было бы неверно. Это было для него чем-то личным и должно было происходить один на один. Это принадлежало только двоим, и еще чье-то присутствие было неуместным. Это уже толпа.

Бешеный вышел из архива. На улице был чудесный осенний день, он отправился в библиотеку, в отдел уголовных преступлений, и начал выбирать книги по кражам со взломом. Авторы этих книг утверждали, что они помогают домовладельцам защитить их собственность.

Если посмотреть с другой точки зрения, то эти книги представляли собой краткий курс обучения взломам. Он изучил пару таких «пособий», перед тем как идти в студию к Карле Руиц. Они ему очень помогли. Бешеный верил, что в библиотеке можно найти все.

Он пролистал несколько книг, выбрал из них четыре лучшие, которые он еще не читал. Когда он проходил между стеллажами мимо ряда книг о преступлениях и преступниках, ему в глаза бросилось имя Сэм. Сын Сэма. Он уже читал о нем, но не эту книгу. Бешеный взял и ее.

Выйдя на солнечный свет, он глубоко вздохнул и посмотрел на спешащих по своим делам людей. «Муравьи», — подумал он. Но не стоило серьезно думать об этом. Уж слишком хорош был день. Он походил на раннюю весну в Техасе. Нельзя сказать, что на Бешеного такие вещи не действовали.

* * *

Книги о грабежах дали ему пищу для размышлений, а книга про Сэма еще больше.

Сэма не должны были поймать, по крайней мере не в тот раз.

Во время своей последней миссии — Бешеный так это назвал про себя — Сэм стрелял в молодую парочку, при этом он убил одного, а другого человека ранил и ослепил. Так вот, он поставил свою машину около пожарной колонки, на некотором расстоянии от места преступления. На его машину был выписан штрафной талон.

Женщина, гулявшая с собачкой, видела, как сперва на машину повесили талон о штрафе, а потом какой-то мужчина подбежал к ней и уехал. И, когда в прессе появились сообщения о последнем убийстве Сэма, она позвонила в полицию. Той ночью в этом районе было выписано всего лишь несколько штрафных талонов, и только один за парковку у гидранта. По копии штрафного талона полиция смогла установить номер машины. Так поймали Сэма.

Бешеный читал книгу лежа в постели. Он уронил книгу себе на грудь и задумался, глядя в потолок. Он знал эту историю, но успел забыть ее. Он подумал о своей последней записке, которую оставил у Уиткрофт. «*Обезопасить себя от случайного обнаружения*» — так говорилось в ней. Он подумал о своей машине. А всего-то понадобился какой-то штрафной талон. Теперь, когда он над этим задумался, ему стало ясно, что полиция проверяет все штрафные талоны, выписанные недалеко от места убийства.

Он бросил книгу на кровать и отправился на кухню, согрел воды в маленькой кастрюльке и сделал себе чашку какао. Он любил какао. Когда его язык ощутил горячий, горьковато-сладкий напиток, Бешеный почувствовал, что он снова на ранчо, стоит на кухне с... С кем? Он тряхнул головой, как бы стряхивая наваждение, и вернулся в спальню.

С Уиткрофт он все сделал правильно. Он оставил машину и прошел пешком до места преступления, чтобы его машину не заметили неподалеку.

К месту убийства надо идти пешком. И держать машину в стороне. Убедиться, что она оставлена в положенном месте. И поставить ее достаточно близко от дома, чтобы можно было добежать до нее за минуту, если придется убегать, но в то же время достаточно далеко, чтобы никто не мог тут же припомнить, что видел чужую машину неподалеку от места преступления.

Поставить ее в пяти кварталах? Как это будет выглядеть? Он достал листок бумаги и начертил улицы и кварталы. Так, хорошо, если он оставит свою машину в пяти кварталах, то в таком случае полиции придется проверить приблизительно пятьдесят кварталов, прежде чем они доберутся до его машины.

Если он поставит машину в шести кварталах от дома Макгаун, то им уже придется проверять семьдесят два квартала. Число кварталов было бы вдвое большим, если бы не рукав реки.

Он взглянул на свою карту и стал прикидывать. Если он поставит машину к северу от ее дома, то можно отбросить шесть кварталов у реки, тем более что они небольшие. Он также получит доступ к аллее, которая начиналась у последних кварталов, это хорошее место, там можно укрыться, если ситуация станет критической и ему придется прятаться.

На планах было указано, что участки имели длину двадцать один метр, ширина аллей составляла четыре с половиной метра. Улицы были шириной девять метров. Он сделал некоторые подсчеты на листке бумаги. Все вместе — примерно двести метров. Он сможет пробежать это расстояние меньше чем за минуту. Бешеный поднялся, снова вернулся в кухню, отыскал в ящике карту города и отсчитал шесть кварталов.

«Нет, шесть кварталов это слишком», — подумал он. Лучше пять кварталов. Если он оставит машину за пять кварталов, то окажется на улице, которая имеет выход на дорогу номер 35. Стоит ему лишь сесть в машину, и менее чем через минуту он оказывается на шоссе; это даже если он не будет превышать скорость.

Бешеный закрыл глаза и представил себе, как это может произойти. Если ему придется спасаться бегством, расстояние от ее дома до шоссе он преодолет за две минуты. А как только он окажется на шоссе, то, чтобы доехать до его гаража, потребуется восемь минут. Надо все хорошенько обдумать.

* * *

Бешеный нашел номер телефона Макгаун в специальном справочнике. Он позвонил ей домой и даже разговаривал с ней.

— Филлис? Извините, наверное, я неправильно набрал номер, — сказал он в трубку.

Потом позвонил еще раз. Снова позвонил. Ответил автоответчик, но ни разу к телефону не подошел другой человек.

Бешеный даже как-то съездил на разведку. Он ездил на своем темно-синем «сандерберде».

* * *

Был воскресный день. Энни Макгаун поехала навестить своих родителей в Брукингс в

Южной Дакоте. И должна была вернуться на работу в понедельник. Полицейские все же продолжали вести наблюдение за ее домом, по одному сзади и спереди. Полицейские, дежурившие в машинах, на то время, пока Макгаун нет в городе, были отозваны.

Теперь, когда Макгаун не было дома, трудно было серьезно вести наблюдение. Полицейский, дежуривший сзади, лениво перелистывал стопку журналов комиксов пятидесятых годов, которые он нашел на чердаке, и теперь подумывал, как бы их унести с собой. Одному только Богу известно, сколько они теперь стоят, а старикам, кажется, все равно. Они даже не помнят о них. Через каждые две-три минуты он посматривал через окно на заднюю дверь дома Макгаун. Но ведь всем хорошо известно, что Бешеный не нападает по выходным. Поэтому он особенно не напрягался.

Полицейский как раз читал про Супермена, когда перед домом Макгаун на своей машине проехал Бешеный. Если бы он ехал по аллее, то полицейский наверняка бы услышал, что проезжает автомобиль, и увидел его. И, возможно, засек бы его номер. Но в дальнем конце аллеи упал мусорный бачок. И когда Бешеный начал туда заворачивать, то он это заметил, решил не рисковать и повернул назад. Не стоит, чтобы его кто-нибудь увидел среди бела дня, как он вылезет из машины и начнет возиться с чужим бачком.

Полицейский, дежуривший в доме архитектора на противоположной стороне улицы, тоже должен был бы его заметить. Он знал, что Бешеный, возможно, ездит на темном «сандерберде». Но именно в тот момент он спустился вниз, сунул голову в холодильник и решал, что бы прихватить к диетической коке, йогурт или банан. Он вовсе не спешил обратно в мансарду. Там ему все надоело.

В общем, полицейского не было у окна целых двадцать минут, хотя ему показалось, что прошло всего минуты четыре или пять. Когда он вернулся, то откупорил йогурт и посмотрел в окно. На улице мальчишка мыл отцовский автомобиль. Пес наблюдал за тем, как он работает. Больше ничего. Бешеный уже проехал.

А Бешеный подумал про себя: «Завтра вечером».

Когда Лукас подъехал, Карла сидела во дворе, завернувшись в старый джемпер и держа на коленях лист рисовальной бумаги. Дэвенпорт вылез из машины, прошел по сухим листьям, глубоко вдыхая кристальный воздух осеннего леса.

— Замечательный день, — сказал он и, сев рядом с ней, посмотрел на лист голубой бумаги, на котором она сепией рисовала падающие листья. — Очень мило.

— Я думаю — я, правда, не уверена, — но я думаю, что из этого получатся очень красивые ткани. — Она наморщила лоб. — Одна из проблем формы заключается в том, что наилучшая форма — это символ, но наилучшее искусство символов не содержит.

— Правильно, — сказал Лукас.

Он откинулся назад и растянулся на листьях, глядя в безоблачное синее небо. Легкий ветерок с юга морщил озерную гладь.

— Чушь какая-то, правда? — спросила Карла, улыбаясь, в уголках ее глаз появились морщинки.

— Почему, звучит вполне по-деловому, — ответил Лукас.

Он повернул голову и посмотрел на пучок маленьких зеленых растений, пробивавшихся сквозь опавшую листву. Лукас протянул руку и сорвал несколько блестящих зеленых листочков.

— Закрой глаза, — попросил он, протянув к ней руку и разминая листочки между пальцами. — А теперь понюхай.

Она втянула в себя воздух, улыбнулась и открыла глаза.

— Пахнет конфетами. Это зимолюбка?

— Да. Она растет здесь повсюду.

Карла взяла у него из рук листочки и снова понюхала.

— Господи, они пахнут свежестью.

— Ты не передумала возвращаться?

— Нет, — ответила она, и в ее голосе прозвучали нотки сожаления. — Я должна работать. У меня уже сотня рисунков, и мне пора начинать с ними что-нибудь делать. А потом я позвонила в картинную галерею в Миннесоте, там проданы две мои хорошие картины. И деньги уже ждут меня.

— Ты почти можешь зарабатывать этим на жизнь, — криво улыбнулся Лукас.

— Да, почти. Мне передали, что владелец галереи из Чикаго видел некоторые мои работы. Он хочет поговорить со мной по поводу заключения контракта. Поэтому мне надо ехать.

— Ты можешь вернуться в любое время.

Карла на минутку перестала рисовать и потрепала его по коленке.

— Спасибо. Мне бы хотелось вернуться сюда весной, может быть. Ты даже представить себе не можешь, что этот месяц сделал со мной. Господи, я здесь так здорово поработала, это не поддается никакому подсчету. Мне все это было необходимо.

— Поедешь во вторник вечером?

— Отлично.

Лукас встал и прошел к причалу, чтобы посмотреть на свою лодку. У него была лодка из стекловолокна примерно четыре с половиной метра в длину с двадцатипяти сильным

подвесным мотором. Небольшая, широкая, она как раз подходила для ловли маскинонгов. На корпусе выделялась полоса, где лодка начала обрастать.

Он снова поднялся на высокий берег.

— Мне нужно будет вытащить лодку из воды, прежде чем мы уедем, — сказал он. — Ею почти совсем не пользовались. Бешеный загубил всю осеннюю рыбалку.

— А я слишком увлеклась походами в лес, чтобы кататься на ней, — проговорила Карла.

— Может быть, поедем порыбачим? Прямо сейчас.

— Конечно. Дай мне десять минут, я только закончу рисовать. — Она подняла голову и взглянула на озеро. — Господи, какой денек!

* * *

Днем после обеда они снова пошли в лес. На поясе у Карлы был пистолет. Стоя у подножия холма и стреляя в откос с расстояния в Двадцать метров, она восемнадцать раз подряд попала в круг размером с большую мужскую ладонь. Круг находился прямо в центре человеческого силуэта, который она начертила на песке. Выстрелив в последний раз, она поднесла дуло пистолета к губам и как бы сдула несуществующий дымок.

— Ну что ж, это приличный результат, — сказал Лукас.

— Прилично, только и всего? А я-то думала, что это отличный результат.

— Нет, только приличный, — повторил Лукас. — Если тебе когда-нибудь придется воспользоваться этим пистолетом, ты должна будешь принять решение в доли секунды, возможно, в темноте, возможно, в тот момент, когда на тебя набросится убийца. Это совсем другое дело.

— Господи, тогда зачем все это?

— Погоди-ка, — поспешно заметил Дэвенпорт. — Я вовсе не хотел преуменьшить твои достижения. У тебя и вправду хорошо получается. Но не стоит зазнаваться.

— Все равно у меня здорово получается. — Она хитро улыбнулась. — Ну а как тебе нравится кобура? Правда, миленько получилось, а?

На черном нейлоне кобуры она вышила розочку.

* * *

Поздно ночью Карла, лежа с Лукасом в постели, подула ему в пупок, потом посмотрела на него и проговорила:

— Это лучший отпуск, какой у меня когда-либо был. Включая следующие два дня. Мне хочется задать тебе вопрос, но я боюсь им все испортить.

— Не бойся. Ни один вопрос ничего не испортит.

— Ну, тогда я начну с преамбулы.

— Я просто обожаю преамбулы, надеюсь, что в конце будет постскриптум. Индекс тоже сойдет, или можно...

— Замолчи и послушай. Помимо милого времяпрепровождения, я здесь проделала огромную работу. Мне кажется, что я преодолела какой-то рубеж. Думаю, что из меня

получится настоящая художница, не как раньше. Но я уже встречала мужчин, похожих на тебя... есть один художник в Сент-Поле, он в некотором роде очень похож на тебя... а ты со временем переключишься на других женщин. Я это знаю, и у меня нет претензий. Но, когда это произойдет, сможем ли мы остаться друзьями? Смогу ли я снова приехать сюда?

Лукас рассмеялся.

— Ну вот, такой малюсенький вопросик начистоту — и все мои силы улетучились.

— О, это мы поправим, — ответила она. — Но мне хотелось бы знать...

— Послушай. Я не знаю, что с нами будет дальше. У меня были взаимоотношения с несколькими женщинами, и многие из них все еще дружны со мной. Кроме того, две из них до сих пор приезжают сюда. Ну, не на месяц, как ты, а на выходные. Иногда они даже остаются на ночь. Иногда нет, если наши взаимоотношения изменились. Мы просто гуляем. Так что...

— Хорошо, — проговорила она. — Когда все закончится, я плакать не стану. Более того, скоро я буду так занята, что не знаю, смогу ли я и дальше поддерживать наши взаимоотношения. Но мне бы хотелось сюда когда-нибудь вернуться.

— Ну конечно же. Поэтому мои друзья и называют это место ловушкой для кошек — ой! ой! Отпусти меня...

* * *

— У тебя найдется минутка времени?

В дверь заглядывал Слоун. Во рту он держал пластиковую палочку, которая заменяла ему сигарету.

— Конечно.

Лукас приехал в Миннеаполис настолько расслабленным, что ему казалось, что у него нет позвоночника. Это ощущение длилось всего пятнадцать минут, когда он вошел в главное полицейское управление, поговорил с Андерсоном и получил всю свежую информацию. Пока он дошел до своей комнаты, это настроение улетучилось.

— Ты помнишь, как я рассказывал про владельца галереи восточных искусств? — проговорил Слоун, усаживаясь на свободный стул.

— Да. Там что-то есть?

— Кое-что. Но я пока не уверен. Может быть, ты с ним поговоришь?

— Если это поможет.

— Думаю, поможет. Мне больше удаются уговоры. А на этого приятеля нужно поднажать.

Лукас взглянул на часы.

— Сейчас?

— Да. Если у тебя есть время.

* * *

Когда они вошли, Алан Нестер стоял к ним спиной, согнувшись над тонким фарфоровым блюдом. Лукас огляделся. На паркетном полу лежал восточный ковер. На

полках из светлого дуба стояло всего несколько предметов из фарфора, керамики и жадеита. То, что вещей было немного, говорило о том, что где-то недалеко имелось нечто вроде кладовой или склада. При звуке дверного колокольчика Нестер вздрогнул и его длинное лицо сморщилось.

— Сержант Слоун, — сердито проговорил он. — Я вам ясно сказал, что мне вам нечего сообщить.

— Я подумал, что вам следует поговорить с лейтенантом Дэвенпортом, — произнес Слоун. — Возможно, ему удастся объяснить вам ситуацию более доходчиво.

— Вы знаете, какое преступление мы расследуем, и у сержанта Слоуна сложилось впечатление, что вы что-то утаиваете, — сказал Лукас. Он взял в руки хрупкую фарфоровую вазочку и начал ее разглядывать. — Такое положение вещей недопустимо... И, прошу прощения, мне не хотелось бы, чтобы мои слова прозвучали резко. Но дело в том, что нам нужна вся информация. Абсолютно вся. И если вы что-то утаиваете, то наверняка эта информация имеет значение, иначе вы не стали бы себя так вести. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Но я ничего не скрываю! — раздраженно воскликнул Нестер.

Он был высоким худым мужчиной, похожим на голубую цаплю. Сделав несколько шагов по ковру, он взял вазочку из рук Лукаса.

— Пожалуйста, не трогайте ничего. Это очень хрупкая вещь.

— Да? — протянул Дэвенпорт.

Пока Нестер ставил вазочку на место, Лукас взял маленький керамический горшок.

— Мы всего лишь хотим знать, — проговорил он, — что произошло в доме Райсов. Потом мы уйдем. Так что не стоит так волноваться.

Прищурив глаза, Нестер наблюдал, как Лукас держит горшочек за ободок.

— Простите, я на минутку.

Он пересек комнату и подошел к стеклянному шкафу, поднял трубку телефона и набрал номер.

— Да, это Алан Нестер. Пожалуйста, соедините меня с Полом и побыстрее. — Ожидая ответа, он с опаской поглядывал на Лукаса. — Пол, это Алан. Ко мне снова пожаловали полицейские, и один из них сейчас держит за самый ободок горшочек времен династии Санг стоимостью семнадцать тысяч долларов и угрожает уронить его. Мне совершенно нечего им сообщить, но они этому не верят. Не мог бы ты подъехать ко мне?.. Да? Вот и отлично. Номер у тебя есть.

Нестер повесил трубку.

— Я звонил своему адвокату, — сказал он. — Если вы немного подождете, то сюда позвонит или ваш шеф, или заместитель мэра.

— Гм... — Лукас улыбнулся, обнажая зубы. — Кажется, нам здесь не рады. — Он осторожно поставил горшочек на место и повернулся к Слоуну. — Пойдем.

Когда они вышли на улицу, Слоун искоса посмотрел на Дэвенпорта.

— Не много же нам удалось.

— Мы еще вернемся, — с удовольствием заметил Лукас. — Ты абсолютно прав. Этот сукин сын что-то скрывает. А это уже хорошо. В деле с Бешеным кто-то что-то скрывает, и мы об этом знаем.

Из уличного автомата они позвонили Мэри Райс. Она согласилась с ними поговорить. Слоун прошел к дому первым и постучал.

— Миссис Раис?

— Вы те самые полицейские?

— Да. Как вы себя чувствуете?

Лицо Мэри Райс постарело, кожа стала красновато-желтой с коричневыми пятнами, сухая и жесткая, она походила на апельсин, который слишком долго пролежал в холодильнике.

— Заходите скорей, а то холод напустите, — сказала она.

Она зря боялась напустить холод, в доме стояла нестерпимая жара, но миссис Райс закуталась в толстый орлоновый жакет, и еще на ней были шерстяные брюки. Нос у нее красным и немного припухшим.

— Мы говорили с человеком, который купил у вашего мужа фигурки из слоновой кости, — начал объяснять Слоун, когда они уселись за кухонным столом. — И мы стали размышлять над тем, что ваш муж...

— Вы полагаете, что он и есть убийца? — спросила женщина, и глаза ее сделались круглыми.

— Нет, нет, мы просто хотим лучше разобраться кое в чем в отношении него, — тут же развеял ее страхи Слоун. — Может быть, ваш муж сказал что-нибудь о нем, что вам показалось необычным или интересным?

Женщина попыталась сконцентрироваться, и у нее на лбу собрались морщинки.

— Нет... нет, просто он купил эти маленькие резные фигурки и спросил, есть ли у Лэрри еще что-нибудь. Ну, например, старинные мечи или что-либо в этом роде. Но у Лэрри ничего не было.

— Они еще о чем-нибудь говорили?

— Нет... я не знаю... Лэрри сказал, что этот человек спешил, он не захотел ни кофе, ни чего-нибудь другого. Просто отдал ему деньги и ушел.

Слоун посмотрел на Лукаса. Тот задумался на минутку, потом спросил:

— И все-таки, как выглядели те статуэтки?

— У меня осталась одна, — сказала старушка. — Это последняя. Лэрри подарил мне ее на память, когда мы поженились. Я могу вам ее показать.

— Да, пожалуйста.

Миссис Райс ушла в другую комнату. Через несколько минут она вернулась и протянула Лукасу руку. В ее ладони уютно устроился крошечный мышонок из слоновой кости. Лукас взял его и начал рассматривать, у него перехватило дыхание.

— Хорошо, — сказал он после минутной паузы. — Можем мы на время взять это у вас, миссис Райс? Мы дадим вам расписку.

— Ну конечно. И мне не нужна расписка. Ведь вы полицейские.

— Хорошо. Мы вам ее вернем.

На улице Слоун произнес:

— Ну что?

— Думаю, мы не просто подцепили нашего друга Алана Нестера на крючок, а держим

его за жабры. Кроме того, мне кажется, я знаю, что он от нас скрывает. Это не имеет никакого отношения к Бешеному, — хмуро пояснил Лукас. Он разжал пальцы и посмотрел на мышонка. — Все, что я знаю об искусстве, можно уместить на почтовой марке. Но посмотри на эту вещицу. Нестер купил пятнадцать таких фигурок за пятьсот долларов. А я бьюсь об заклад, что одна только эта мышка стоит пятьсот долларов. Я никогда не видел ничего подобного. Посмотри на выражение ее мордочки. Если она не стоит пяти сотен, то я поцелую тебя в зад на лужайке перед Домом правосудия.

Они оба с интересом рассматривали фигурку. Мышонок был само изящество, его крошечные лапки сжимали соломинку. Внутри соломинка была полый.

Неожиданно Слоун посмотрел куда-то в сторону, Лукас тоже поднял глаза. Они увидели патрульную полицейскую машину, она почти остановилась, и двое полицейских внимательно разглядывали их с переднего сиденья.

— Думают, что один из нас продает наркотик, а другой покупает, — рассмеялся Слоун.

Он вытащил свой значок и подошел к машине. Полицейский в машине опустил стекло, и Лукас крикнул ему:

— Хотите посмотреть на мышонка, вы отродясь такого не видели?

* * *

К тому времени, как они ушли от миссис Райс, институт искусств уже был закрыт, и Лукас принес фигурку к себе домой. Мышонок сидел на стопке книг в рабочей комнате и наблюдал за тем, как Дэвенпорт заканчивает последнюю таблицу в своей игре.

— Черт побери, как бы мне хотелось занять тебя, — сказал Лукас, перед тем как пойти спать. Рано утром на следующий день он поднялся и первым делом посмотрел на мышонка. А вдруг он куда-нибудь убежал за ночь.

Лукас заехал за Слоуном к нему домой. Вместе с ним на улицу вышла и его жена.

— Я так много слышала о вас, что мне кажется, я вас отлично знаю, — сказала она.

— Надеюсь, вы слышали только хорошее.

Она рассмеялась, и Лукасу это понравилось.

— Присматривайте там за моим Слоуном, — сказала она и вернулась в дом.

— Даже жена зовет меня Слоуном, — пожаловался тот, когда они отъезжали.

Консультант в институте искусств бросил всего лишь один взгляд на мышонка, присвистнул и проговорил:

— Замечательный экземпляр. Давайте посмотрим в каталогах.

— Откуда вы знаете, что это стоящая вещица? — задал вопрос Лукас.

— Потому что посмотришь на него, и кажется, будто он может гулять по ночам, — сказал консультант.

Поиски нужной литературы заняли некоторое время. Когда Лукас вернулся, Слоун прогуливался по выставке фотографий.

— Ну что? — спросил он.

— Восемь тысяч, — ответил Дэвенпорт.

— За что? За мышонка или за все пятнадцать фигурок?

— Только за мышонка. И это минимум. Он сказал, что на аукционе за него могут дать вдвое больше. Так что если эта фигурка стоит восемь тысяч и другие не хуже нее, то

получается, что Нестер заплатил человеку, умирающему от рака, пятьсот долларов за нэцке, которые стоят от ста двадцати тысяч до четверти миллиона долларов.

— Вот это да! — опешил Слоун. Суммы были слишком велики. — Так вот, оказывается, как они называются! Нэцке.

— Да. Именно так их называл консультант из института.

— Я не знал.

— Зато Алан Нестер знал.

* * *

Они остановились у дома миссис Райс.

— Восемь тысяч долларов? — удивилась старушка. По ее щеке поползла слеза. — Но он же купил пятнадцать таких...

— Миссис Райс, я полагаю, что когда ваш муж попросил мистера Нестера приехать к вам, то единственное, что он желал сделать, было произвести оценку, чтобы он смог продать их позже, ведь так вы нам сказали? — спросил Лукас.

— Я не помню...

— Я точно помню, как вы это сказали во время первой нашей беседы, — с нажимом проговорил Слоун.

— Да, наверное, — с сомнением проговорила женщина.

— Потому что если все так и произошло, то это значит, что он вас надул, — продолжал нажимать Лукас. — Он совершил мошенничество, и вы могли бы востребовать свои фигурки назад.

— Так что он приходил сюда только за тем, чтобы оценить их, — проговорила миссис Райс, бодро кивая головой, ее память снова вернулась к ней. Она нежно взяла мышонка в руки. — Восемь тысяч долларов...

— А теперь что? Едем за ордером? — спросил Слоун, когда они стояли на дорожке у дома миссис Райс.

— Не сейчас, — откликнулся Лукас. — Не знаю, хватит ли нам фактов. Давай-ка сперва заглянем к Нестеру. Расскажем ему все, что мы знаем, и попросим его помочь нам в деле с пистолетом. Пообещаем ему, что, если он расскажет все, что знает, мы отнесемся к его афере как к гражданскому делу, и оно будет решаться между его адвокатом и адвокатом миссис Райс. Если же он откажется, то мы получаем ордер, берем его в ежовые рукавицы, да еще и сообщаем об этом прессе, как он обобрал человека, умирающего от рака и хотевшего хоть что-нибудь оставить своей жене.

— О, это просто отвратительно, — улыбнулся Слоун. — Отличная идея.

* * *

— Где Нестер?

Мужчина за прилавком был небольшого роста, темноволосый, смуглый и много моложе Нестера.

— Его здесь нет, — ответил он.

В воздухе повеяло холодом. Лукас и Слоун не походили на покупателей.

— Простите, а кто его спрашивает?

— Полиция. Нам нужно с ним поговорить.

— Боюсь, что это невозможно, — сказал молодой человек, его брови приподнялись. —

Сегодня днем он уехал в Чикаго. Он, наверное, уже прибыл туда, но я понятия не имею, где он там остановится.

— Черт, — проговорил Слоун.

— Когда он должен вернуться? — спросил Дэвенпорт.

— Во вторник утром. К полудню он будет наверняка.

— А нэцке у вас есть? — поинтересовался Слоун.

Брови молодого человека снова поползли вверх.

— Думаю, есть, но вам надо поговорить об этом с Аланом. Он лично занимается дорогостоящими предметами.

Лукас снял пальто и швырнул его на матрас. Два наблюдателя — один из них высокий, другой низенький — сидели на складных стульях лицом друг к другу, а между ними стоял стул, на сиденье которого они играли в джин ^[5]. Пока один оценивал свои карты, другой смотрел в окно. У них это здорово получалось. Их дежурство выпало на первую половину дня.

— Ничего? — спросил Лукас.

— Ничего, — ответил длинный.

— А у тех, что в машинах, что-нибудь есть?

— Ничегошеньки.

— Кто там сидит?

— С северной стороны, за ее домом, Дэви Джонсон и Йорк. На востоке — Салли Джонсон и Сиклз. С западной стороны — Блэни с новым парнем Кохраном. Я его не знаю.

— Кохран — это такой длинный блондин, он играет в баскетбольной команде, — вмешался в разговор коротышка.

Он развернул веером карты, потом бросил их на сиденье стула и сказал:

— Джин.

Радиоприемник у стены наигрывал какую-то мелодию. Рядом с ним молча стояла полицейская рация.

— Пора ему уже объявиться, — сказал Лукас, выглядывая на улицу.

— На этой неделе появится, — согласился коротышка. — Что само по себе странно, если в это вдуматься.

— Что же здесь странного?

— Ну, в одной из своих записок он пишет: «Никогда не следуй плану, который легко понятен всем». А сам что делает? Он убивает по жертве каждые две недели. Это же самое настоящее планомерное действие.

— Он убивает, когда чувствует в этом потребность, — заметил Лукас. — У него возникает желание, и он не может с ним бороться.

— С промежутком в две недели?

— Похоже на то.

Из полицейской рации послышались какие-то звуки, все трое повернулись и посмотрели на нее.

— Машина, — раздался голос из рации.

Через минуту тот же голос произнес:

— Со стороны Кохрана едет красный «понтиак бонневилль».

Длинный полицейский нагнулся, взял микрофон и проговорил:

— Ведите за ней наблюдение. Даже если цвет не тот, по размеру она подходит.

— Она подъезжает к вам, — проговорил Кохран. — Вижу номерной знак, сейчас проверим.

Лукас и другой наблюдатель видели, как машина проехала по улице и остановилась у тротуара за два дома от них. С минуту она постояла с зажженными фарами. И тогда Лукас сказал:

— Я иду туда.

Он уже был на лестнице, когда долговязый полицейский остановил его.

— Подожди.

— Что там?

— Это девушка.

— Там девчонка, школьница, наверно, еще, — сказал второй наблюдатель. — Она идет к дому. Должно быть, у нее было свидание.

Когда Лукас вернулся к окну, то успел заметить, как девушка входила в парадную дверь. Машина уехала.

— Кажется, что-то происходит с ее телефоном, — через некоторое время заметил коротышка.

Установка прослушивания телефонных разговоров находилась на втором наблюдательном посту, с другой стороны дома Макгаун.

— Что? Ты имеешь в виду телефон Макгаун? — спросил Дэвенпорт.

— В течение прошлой недели и в выходные было несколько звонков. Целая серия, с промежутком в полчаса, примерно так. И тот, кто звонил, не стал ничего говорить на автоответчик. После того как заканчивался текст, записанный на автоответчике, трубку просто вешали.

— Почти все так делают, не разговаривают с автоответчиком, а вешают трубку.

— Да, но здесь не совсем то же самое. Такое происходит впервые, и впервые звонят несколько раз подряд. А ведь ее номер не занесен в телефонную книгу. Если бы звонил знакомый человек, он бы оставил сообщение, а не стал звонить снова и снова.

— Похоже на то, что кто-то проверяет ее, — заметил длинный полицейский.

— А нельзя определить, откуда звонили?

— Он слишком быстро вешает трубку.

— Может быть, стоит заменить аппарат?

— Можно. Она должна быть дома через полтора часа?

— Да, примерно.

— Тогда все и сделаем.

Лукас вернулся на матрас, а оба полицейских снова стали играть в карты.

— Сколько я тебе должен? — спросил длинный.

— Сто пятьдесят тысяч, — ответил коротышка.

Лукас усмехнулся, закрыл глаза и начал размышлять об Алане Нестере. «Здесь что-то есть. Скорее всего, он боится, что откроется его афера с нэчке и ему начнут задавать вопросы. Эта его покупка стояла на грани мошенничества. Да, почти наверняка это так и есть. Черт побери! Что еще может там быть?»

Через полчаса снова заговорила полицейская рация.

— Это Дэви, — послышался голос, в нем звучали нотки возбуждения. — Ребята, показался!

Лукас кубарем скатился с матраса и вскочил на ноги, а длинный схватил микрофон.

— Что там у тебя, Дэви?

— У нас одинокий белый мужчина, на нем черные брюки, темная куртка, темные перчатки, кепка, темные ботинки, идет пешком, — перечислил Дэви Джонсон.

Он уже много лет патрулировал на улице и редко бывал таким возбужденным без причины, но сейчас его голос даже немного охрип от напряжения.

— Он направляется в вашу сторону, идет по улице как раз к вам, ребята. Если он идет к

Макгаун, то вы его увидите сзади дома через минуту. Этот хлыщ что-то задумал, он явно не на прогулку собрался.

— Йорк с тобой?

— Он пошел пешком за этим парнем, но старается не попасться ему на глаза. А я с рацией. Черт побери, он идет прямо туда, теперь он пересек улицу, эй, там, остальные, давайте подтягивайтесь ближе, черт вас побери!..

— Мы его видим через боковое окно нашего дома, — зазвучал новый голос по рации.

— Это Кеннеди на другом посту, — объяснил Лукасу длинный.

Дэвенпорт повернулся и бросился к лестнице.

— Побегу, — крикнул он.

— Сейчас он идет по аллее, — услышал он голос Кеннеди, пока сбегал по ступенькам вниз. — Он у нее во дворе. Давайте, ребята, двигайтесь.

Лукас сбежал до конца лестницы и бросился к входной двери мимо седоволосого архитектора, который стоял в прихожей, держа в руках газету и трубку. Он выбежал во двор.

* * *

Бешеный оставил свою машину за пять кварталов от дома Макгаун — так, чтобы сразу можно было выехать на шоссе. Он внимательно осмотрел все дорожные знаки. В этом месте парковка была разрешена. На этой стороне улицы стояло еще много машин.

Погода испортилась с самого утра. Днем некоторое время шел холодный дождь, потом он утих, потом снова пошел, снова утих. Теперь уже шел снег. Бешеный оставил дверь машины незапертой. Это не было так уж рискованно в этой части города.

Тротуар был все еще мокрым, и он шел быстро, размахивая одной рукой, а в другой нес короткий широкий предмет, похожий на рычаг для взлома, прижимая его к боку. Им он будет взламывать заднюю дверь.

Он прошел один квартал, второй, третий, четвертый и подошел к тому месту, где стоял дом Макгаун. Где-то неподалеку завели мотор машины, он повернул голову и замедлил шаг. Больше ничего не слышно. Он быстро огляделся всего один раз, зная, что таинственность сама по себе привлекает внимание. У него в животе начало, как булавочками, покалывать от возбуждения. Это будет шедевр. От этого весь город будет стоять на ушах. Он станет более известным, чем Сэм, и даже более известным, чем Мэнсон.

«Ну, может быть, не как Мэнсон, но все же», — подумал он.

Бешеный свернул в аллею. Послышался звук другой машины. Две машины? Он прошел по аллее, дошел до дворика Энни, снова огляделся и сделал несколько шагов внутрь. За квартал от этого места на другом конце аллеи раздался визг тормозов.

Полиция.

В то самое мгновение, когда колеса завизжали по асфальту, он понял, что его обвели вокруг пальца.

Знал. Это полицейские.

Он бросился назад, туда, откуда он пришел.

Еще одна машина. Жуткий грохот у него за спиной, одна из машин во что-то въехала. Еще полицейские. Хлопнула дверь. На другой стороне улицы. И еще за домом Макгаун.

Он выскочил из аллеи, рычаг для взлома выскользнул у него из-под куртки и упал в

траву. Бешеный побежал через двор соседнего дома, через плети розовых кустов. В темноте он врезался в какой-то куст, упал, услышал крики людей:

— Держи его, держи!

Бешеный убегал.

* * *

За рулем сидел новичок Кохран, и, когда он притормаживал, поворачивая на аллею, шины внезапно завизжали, его напарник выругался, и тут они увидели, как со скоростью удирающей крысы перед ними выскочил Бешеный. Кохран развернул машину, ударился о пустые мусорные бачки и помчался за ним вдогонку.

Бешеный бежал между домами, когда машина бокового поста наблюдения вылетела на аллею им навстречу, и Кохран чуть в нее не врезался. Дверцы второй машины распахнулись, из нее выскочили два полицейских и бросились в погоню. Напарник Кохрана Блэни заорал: — Сворачивай, сворачивай на улицу!..

Кохран провел машину между домами в конце аллеи и вылетел на улицу.

* * *

Салли Джонсон выпрыгнула из машины и увидела, что через улицу в одной белой рубашке бежит Лукас. Она повернула и побежала между домами за своим напарником Сиклзом, а тем временем машина Кохрана понеслась на улицу.

Бешеный уже пересек следующую улицу. Салли Джонсон вытащила передатчик из футляра на поясе, но сообщать информацию на бегу было невозможно, и к тому же она боялась отстать от Сиклза, который уже вытащил пистолет.

Еще один полицейский, Йорк, выскочил сбоку от нее с пистолетом в руке. Салли Джонсон тоже попыталась вытащить свой пистолет и увидела, что Бешеный перелезает через забор на другой стороне улицы, намного опередив их.

* * *

Бешеный со спринтерской скоростью несся через улицу, он никогда в жизни так быстро не бегал, но теперь адреналин и страх сузили его поле зрения, и он бежал как бы по коридору, в котором не было полицейских, он с разбегу врезался в забор и одним махом перелетел через него. Бешеный никогда бы не смог перемахнуть через такую преграду, если бы у него было время подумать об этом. Забор был метр тридцать высотой, на уровне его груди, но он преодолел его, как олимпийский чемпион, и приземлился во дворе. Там оказался пустой бассейн, возле которого лежала маленькая лодочка, завернутая в полотно, а неподалеку стояла собачья конура.

Конура была разделена на две части, входы в них прикрывались ковриками, и в каждой половине сидел черно-коричневый доберман-пинчер, одного звали Июль, а другого Август.

Август услышал шум и наострил уши. Он высунул голову из будки как раз в тот момент, когда Бешеный перелетел через забор, пошатнулся, стрелой промчался через двор и перелез через забор с другой стороны. Конечно, собаки легко могли бы схватить его, будь они готовы к столь внезапному появлению незнакомца. Как бы там ни было, выскочивший из своей конуры Июль на мгновение вцепился в ногу незваного гостя, царапнул ее зубами, и человек исчез. Но это было еще не все. Только Июль упустил одного, как через забор уже начал перелезать другой человек.

Карл Вершель и его жена Луиза уже собирались ложиться спать, когда во дворе начали заливаться лаем собаки.

— Что там? — спросила Луиза.

Она была нервной женщиной. Она очень боялась, что ее могут изнасиловать бандиты на черных мотоциклах в Северных лесах, хотя ни она, ни кто-нибудь другой никогда не встречал бандитов на черных мотоциклах в Северных лесах. Тем не менее во сне она часто видела, как мотоциклисты склоняются над ней, и пока они творят свое подлое дело, как ей казалось, внутри «кадиллака» сорок седьмой модели, у них над головами кружат вороны.

— Похоже...

— Подожди здесь, — сказал Карл.

Он был очень полным мужчиной, который сам боялся бандитов на черных мотоциклах и на черный день хранил запас боеприпасов и камуфляжную одежду. Он достал из шкафа двенадцатизарядный «ремингтон» и, на ходу засовывая патрон в винтовку, бросился к задней двери.

Когда Сиклз, которому было сорок пять, преодолел забор, он на мгновение испытал чувство радости. От Бешеного его отделяли двенадцать метров и один забор, он был в хорошей спортивной форме, и если ему немного повезет да и другие подоспеют...

Собаки накинулись на него, как ураган. Он упал, продолжая сжимать в руке пистолет, но потеряв при этом фонарик. Собаки бросились ему на плечи и спину, разъяренные, они лаяли, рычали, рвали его руки и шею...

Салли Джонсон прыгнула через забор и чуть не приземлилась на вцепившихся в Сиклза собак. Одна из них повернулась в ее сторону, пуская слюни, приготовилась к прыжку. Салли Джонсон дважды выстрелила в оскалившуюся морду. К ней стала подбираться другая собака.

Салли прицелилась. Видя, что Сиклз стоит на четвереньках достаточно далеко слева, она нажала на курок один раз, потом другой...

* * *

Карл Вершель выскочил из боковой двери с двенадцатизарядной винтовкой и увидел, как молодой панк в джинсах и черной куртке стреляет в его собак, убивая их наповал.

— Стой! — заорал он.

Но на самом деле он подразумевал «умри!» и с радостью, доставшейся ему в наследство от предков — прусских воинов, он начал палить с расстояния в десять метров, целясь Салли Джонсон в голову. Последнее, что Салли увидела, был длинный ствол винтовки, который поднимался в ее сторону, но она уже ничего не могла поделать, чтобы предотвратить это...

* * *

Сиклз почувствовал, что собаки отпустили его, он начал переворачиваться и увидел, как длинный снап огня ударил в Салли, которая только что спасла его от собак. Он знал, что обязан ей жизнью, ни больше ни меньше. Сверкнул новый снап огня, и Салли упала. Сиклз давно служил в полиции, он сразу понял, что стреляют из винтовки. В памяти всплыли строчки полицейской поговорки, хотя он почти потерял сознание и ничего не видел, так как кровь заливала ему лицо: «Две в живот, одну в голову, это уложит любого насмерть». Он выстрелил три раза, первый выстрел прошил Вершелю живот и разорвал ему печень. Вторым выстрелом пробил ему сердце. Вершель был мертв еще до того, как упал на землю, хотя мозг его еще работал несколько мгновений. Третья пуля Сиклза пробила стену дома, влетела в гостиную, прошла горку с фарфором, разбила стопку тарелок, прошла еще одну стену и вылетела во двор, как позднее установило полицейское расследование. Пулю так и не нашли.

* * *

Когда выскочил Вершель с винтовкой, Бешеный уже перебежал улицу и свалился в траншею, которую вырыли для того, чтобы заменить канализационные трубы. Она была полна мокрой желтой глины. Весь перемазанный глиной, он вылез из траншеи, не понимая, почему его до сих пор не поймали.

И его наверняка бы поймали, если бы Дэви Джонсон, который как раз подъехал к кварталу, когда залп из винтовки озарил окрестности, оставался на месте. Но Джонсон выскочил из автомобиля и ринулся в драку. Его партнер Йорк был без машины и находился в середине квартала, когда Бешеный изменил направление бегства, но Йорк не заметил этого и таким образом оказался позади Сиклза и Салли Джонсон и прямо перед Лукасом, который пробежал через сад Энни Макгаун.

Кохран и Блэни выехали из аллеи и уже намеревались повернуть на север, в том направлении, куда побежал Бешеный, но в это время началась стрельба. Она переключила на себя все внимание. Они решили, что Сиклз и Салли Джонсон загнали Бешеного в угол, не

оказалось, что тот вооружен, и начали стрелять. Ну а когда преступник начинает палить из винтовки... Так же как и Дэви Джонсон, они бросили свою машину и побежали.

Лукас только что перескочил через забор, в руке у него был пистолет, он крикнул, чтобы кто-нибудь вызвал «скорую помощь» и послал за подмогой. В это время Бешеный вылез из канавы и пробежал через другой темный двор, потом пересек аллею и еще один двор и побежал дальше. Через сорок секунд он уже сидел в своей машине. А еще через минуту он был уже около шоссе. Света фар за ним видно не было. Что-то там произошло. Но что?

Во дворе у Вершелей Лукас своей рубашкой пытался заткнуть зияющую дыру в шее Салли Джонсон, зная, что это бессмысленно, а Сиклз все повторял: «Боже мой, Боже мой» Через забор перепрыгнул Кохран с пистолетом в руке и закричал:

— Что случилось? — Потом указал на мертвого Вершеля и спросил: — Это он?

Из боковой двери дома вышла Луиза Вершель.

— Карл! — позвала она.

* * *

Блэни вызвал подмогу сразу же, как только началась стрельба. В дальнейшем запись радиопереговоров, предоставленная прессе, выявила, что через шесть минут Лукас по рации Кохрана попросил, чтобы все последние модели «сандерберда» темного цвета в Южном Миннеаполисе задерживались, а их водителей и пассажиров проверяли.

Но диспетчер тут же забыла об этом, как только она услышала, что ранили кого-то из полицейских. Она начала выяснять, кого именно, спрашивать о состоянии, потом вызвала «скорую помощь» и поддержку. Просьбу всем постам насчет «сандерберда» она передала в эфир лишь минуты через две, полагая, что это известие не первостепенной важности и может подождать. К тому времени Бешеный был уже далеко. Еще через две минуты он подъезжал к своему дому, а еще через минуту стоял перед дверью гаража и ждал, когда она автоматически откроется.

* * *

Врачи приехали к дому Вершелей прежде, чем Бешеный добрался до дома, но для Салли Джонсон и Карла Вершеля было слишком поздно. Одного взгляда, брошенного на Вершеля, хватило, чтобы определить, что он мертв, но у Салли еще чуть слышно билось сердце, ей начали вливать физиологический раствор и попытались наложить повязку на шею. С раной на голове они ничего сделать не могли, и ее отнесли в машину «скорой помощи». Там ее сердце и остановилось. Ей сделали стимулирующий укол, и машина помчалась в сторону Хеннепинского медицинского центра, но ее зрачки не двигались и не реагировали на свет. Врачи еще пытались что-то сделать, но все понимали, что она умерла...

* * *

Лукас тоже знал, что она умерла. Когда ее увозили, он стоял на бульваре у дома Вершелей и смотрел на мигалку до тех пор, пока машина не скрылась из виду. Тогда он вернулся в огороженный забором двор. Там еще два медика занимались с Луизой Вершель и Сиклзом, оба были в шоковом состоянии. Карл Вершель напоминал выброшенного на песок кита, он лежал животом вверх на клумбе побуревших от заморозков ноготков.

— Кто вел машину, у которой завизжали тормоза? — тихо спросил Лукас.

Блэни взглянул на Кохрана. Лукас перехватил его взгляд. Кохран открыл было рот, чтобы объяснить, как это произошло, но Лукас со всего размаху ударил его в нос. Кохран повалился на землю, и в этот момент их осветил прожектор. Лукас схватил Кохрана за рубашку, приподнял и снова ударил в зубы. Йорк обхватил его сзади и оттащил в сторону.

— Это ты, сукин сын, ты убил Салли, ты, засранец безмозглый! — орал Дэвенпорт.

Свет бил ему в глаза, а Йорк кричал:

— Прекратите, прекратите!

Кохран одной рукой прикрывал разбитые нос и рот, а другой помогал себе встать, его лицо было обращено к Лукасу, глаза широко раскрыты от страха. Лукас еще некоторое время пытался освободиться от Йорка, но наконец затих и расслабился. Йорк отпустил его, он повернулся и увидел над забором направленные на них телекамеры и прожекторы. Дэвенпорт пошел к телевизионщикам, намереваясь погасить их осветительные приборы. Но в этот момент ему навстречу вышла Энни Макгаун и проговорила:

— Лукас? Ты его поймал?

Когда началось совещание, в окно кабинета уже лился дневной свет. Лицо Даниэля было натянутым и мрачным. Он не побрился, и на нем не было галстука. Лукас никогда не видел его в кабинете без галстука. Два его заместителя выглядели потрясенными. Они нервно ерзали на своих стульях.

— ...не понимаю, почему мы автоматически не стали останавливать все «сандерберды» с того самого мгновения, как что-то стало происходить, — говорил Даниэль.

— Так мы и должны были поступить, но никто не мог решить, кто же будет звонить. Когда все произошло и началась стрельба, Блэни крикнул, что нужна поддержка, а потом понадобилась «скорая помощь», так что этот момент просто выпал из поля зрения, — объяснил старший группы наблюдения. — Лукас вышел в эфир довольно скоро, через шесть минут...

— Шесть минут, Боже правый! — произнес Даниэль, откинувшись в своем кресле и закрыв глаза. Он говорил тихо, но его голос дрожал. — Если бы кто-нибудь из наблюдателей позвонил в тот самый момент, как только все это началось, то это сообщение ретранслировали бы и наши машины уже выехали бы к тому времени, как на связь вышел Блэни. Это бы устранило ошибку диспетчера. Проверка началась бы на восемь, а то и на девять минут раньше. И если Лукас прав, что он оставил свою машину недалеко от выезда к шоссе, то к тому моменту, как мы начали разыскивать его, он уже сидел в городе и попивал пиво.

Наступила долгая пауза.

— А как теперь быть с этим Вершелем? — спросил один из заместителей.

Даниэль открыл один глаз и посмотрел на помощника городского прокурора, сидевшего в глубине комнаты. У него между ног стоял портфель.

— Дело еще не улажено, — сказал тот. — Будет проводиться судебное разбирательство, но мы действовали в рамках закона и имели право зайти к нему во двор, преследуя убийцу.

Строго говоря, собаки должны быть привязаны, независимо от высоты изгороди. А когда он вышел и открыл огонь, то Сиклз имел полное право защитить себя и своего напарника. Он поступил правильно.

— Так что с этой стороны у нас проблем нет, — заметил один из заместителей шефа.

— Суд присяжных может присудить жене некоторую сумму, но я не стал бы об этом беспокоиться, — проговорил юрист.

— Наша проблема, — отчужденно произнес Даниэль, — заключается в том, что этот убийца все еще бродит на свободе, а мы похожи на толпу клоунов, которые бегают по городу, убивают ни в чем не повинных людей и друг друга. А после этого еще бьют друг другу морду.

Снова наступила тишина.

— Давайте вернемся к работе, — наконец сказал Даниэль. — Лукас, я хочу с тобой поговорить.

* * *

— Что еще у тебя есть? — спросил он, когда они остались одни.

— Совсем ничего. У меня было... такое чувство в отношении Макгаун...

— Ерунда, Лукас, ты просто ее подставил, и сам прекрасно это знаешь, и я это знаю, и да поможет мне Бог, если бы мы могли все это сделать сначала, я бы сказал: делай. Эта задумка должна была сработать. Сукин сын! Вот сукин сын! — Даниэль ударил рукой по столу. — Мы его уже держали в кулаке. Он уже был у нас в руках.

— Это я его упустил, — уныло сказал Дэвенпорт. — Началась стрельба, я прыгнул через забор и увидел лежавшего там Вершеля. Я тут же понял, что это не Бешеный, потому что тот был одет во все черное. Салли тоже лежала на земле, из нее хлестала кровь. Сиклз пытался ей помочь, там еще были люди. Я не должен был там задерживаться. Мне нужно было преследовать Бешеного, а Салли оставить с другими. Я думал так сделать. У меня был импульс бежать дальше, но Салли истекала кровью, и никто даже пошевелиться не мог...

— Ты поступил правильно, — сказал Даниэль, останавливая этот поток эмоций. — Когда прямо у тебя на глазах ранят полицейского, то остановиться — значит проявить человечность.

— Я просчитался, — проговорил Лукас. — И теперь мне не за что зацепиться.

— Гвозди, — произнес одно слово Даниэль.

— Что?

— Я уже слышу, как пресса готовит для нас гвозди. Нас собираются распять на кресте.

— Мне теперь все равно, — сказал Лукас.

— Подожди пару деньков. И ты станешь обращать внимание на такие вещи. — Он немного помялся. — Так ты говоришь, что восьмой канал заснял на пленку то, что происходило между тобой и Кохраном?

— Да. Черт бы их всех побрал. Я сожалею о случившемся. Ведь он новичок. Я забыл об этом.

— Исходя из того, что я теперь слышу, тебе будет очень трудно вернуть свои слова назад. Большинство наших полицейских считают, что ты прав. Да и Салли с нами была не один год. Если бы только Кохран не поторопился, он оказался бы на этой аллее до того, как

Бешеный догадался, что его ловят. Вы бы просто зажали его между собой, и никто не полез бы в этот двор с этими чертовыми собаками.

— Мне не легче от того, что я знаю, что он был у нас почти в руках.

— Поезжай выспись и возвращайся сюда днем, — отпустил его Даниэль. — К тому времени скандал уже разразится. Мы будем знать, что нам ждать от прессы и телевидения. И сможем прикинуть, что делать дальше.

— Я не смогу подсказать вам, что делать, — произнес Лукас. — Я выдохся.

За ним никто не пришел.

Где-то в глубине сознания он не мог этому поверить, но за ним не пришли.

Пошатываясь, он прошел через внутреннюю дверь из гаража прямо к себе в квартиру, шагнул было в комнату, но тут же заметил, что за ним на ковре остаются желтые следы глины, и остановился. Он постоял некоторое время, глубоко дыша, приводя мысли в порядок, потом осторожно шагнул обратно в кухню и там разделся на кафельном полу. Он снял с себя абсолютно все, включая нижнее белье, и оставил это кучей лежать на полу.

Из раны на ноге шла кровь, Бешеный присел на край ванны и начал ее разглядывать. Укусы оказались не слишком глубокими, но края раны были рваные. При других обстоятельствах он пошел бы в амбулаторию, где оказывают срочную помощь, и наложил бы швы. Но сейчас он не мог этого сделать. Он осторожно промыл рану мылом и горячей водой, не обращая внимания на боль, затем задернул шторку душа и вымылся полностью. Мылся Бешеный тщательно — руки, волосы, лицо. Особенно усердно он вычистил ногти, под ними могли остаться частички глины.

Когда Бешеный заканчивал принимать душ, ему сделалось плохо, его начало рвать. Он стоял, прислонившись к стене, переполненный страхом и выделившимся адреналином. Но он не мог позволить себе распуститься. Это было бы роскошью. Он не мог позволить себе и роскошь долгих раздумий. Он должен был действовать.

Усилием воли Бешеный взял себя в руки. Закончив мыться, вытерся жестким полотенцем, перевязал ногу бинтом и закрепил повязку пластырем. Потом он прошел в спальню, надел чистую одежду и вернулся в кухню.

Всю одежду, которая была на нем в эту ночь, легко было купить повсюду. Джинсы «Левис», обычная водолазка, черная лыжная куртка, купленная прямо на улице. Обычное мужское нижнее белье. Синтетическая кепочка без надписи. Кроссовки. Бешеный выложил все из карманов куртки. Кляп, перчатки, клейкая лента, носок с картофелиной, пачка презервативов — все это он сложил кучкой на полу. Когда он убежал, то потерял ломик, но с этим все чисто, полиция тут ничего не найдет. Он собрал одежду в охапку и запихнул все в стиральную машину.

Пока одежда стиралась, Бешеный взял маленький пылесос и отправился в гараж чистить и пылесосить машину. Несколько комочков влажной глины крепко прилипли к коврику. Он вернулся в квартиру, взял бутылочку с жидкостью для мытья посуды и кастрюльку и аккуратно, тщательно промыл с мылом все те места, где была заметна глина. Если полицейские отправят его машину в лабораторию на исследование, то они смогут найти следы глины. Надо будет об этом поразмыслить. И обязательно надо будет еще раз все пропылесосить после того, как мокрые коврики просохнут.

Закончив чистить автомобиль, Бешеный вернулся в квартиру и проверил стиральную машину. Программа стирки уже закончилась, машина автоматически отключилась. Он переложил белье и кроссовки в сушилку, затем достал коробку с хирургическими перчатками, которыми пользовался во время своих походов, и натянул одни. На кухне из-под раковины он достал рулон черных мешков для мусора, взял один из них, вынул из пылесоса фильтр и бросил в мешок. Туда же он бросил все то, что достал из карманов, и коробку с оставшимися салфетками «Котекс», которые лежали у него в шкафу.

«Что еще? Да, картошка. Не слишком ли? Ведь у всех в доме есть картошка. Но, с другой стороны, вдруг они проведут какое-нибудь специальное генетическое исследование, которое покажет, что этот картофель из одной партии или места». Вся картошка тоже полетела в мусорный мешок.

Одежда все еще сушилась, и Бешеный пошел в спальню. Там он достал пачку газетных вырезок. На первой было заглавие:

«МАНЬЯК-УБИЙЦА ВЫСЛЕЖИВАЕТ ЖЕНЩИН В МИННЕАПОЛИСИ СЕНТ-ПОЛЕ».

Он вытащил ее, быстро перечитал в последний раз и отнес в туалет. Потом, доставая один за другим листки, он рвал их на мелкие клочки размером с конфетти и спускал в унитаз.

Когда одежда просохла, Бешеный засунул ее в другой мешок. К одиннадцати часам он закончил разбирать вещи, которые носил в ту ночь, затем позвонил в агентство по прокату автомашин в аэропорту. Там ему ответили, что контора будет открыта еще в течение часа. Он зарезервировал для себя машину по своей кредитной карточке «Виза», вызвал такси, съездил в аэропорт, подписал нужные бумаги и пригнал машину в город. «Так будет лучше всего, — подумал он, — следует на некоторое время убрать свою машину с улицы». Там у Макгаун такое творилось, перестрелка, всю округу, наверное, перебудили. Если кто-нибудь обратил внимание на то, как отъезжала его машина... Да и полицейские могли додуматься останавливать все «сандерберды» на шоссе, записывать номера, а потом производить проверку.

Вернувшись домой, Бешеный переложил мусорные мешки с одеждой и другими вещами во взятую напрокат машину. Через несколько минут он выехал на автостраду номер 94 и поехал на восток через Сент-Пол в Висконсин. Он останавливался на каждой площадке для отдыха между Сент-Полом и О-Клэром и выкидывал по одному предмету из пакетов в мусорные бачки.

За лыжную куртку Бешеный заплатил сто шестьдесят долларов, и ему жаль было с ней расставаться. Но это необходимо было сделать. В ткань могли впитаться неразличимые глазом частички желтой глины. Однако выбросить ее в мусорный бачок он не мог. Она была слишком дорогой. Кому-нибудь это может показаться странным, а очень скоро всем станет известно, что на Макгаун хотел напасть Бешеный, одетый во все черное. В конце концов он оставил ее висеть на вешалке в туалете открытого всю ночь ресторанчика, в котором обычно останавливаются водители грузовиков. Пусть думают, что ее кто-нибудь забыл. Если повезет, она скоро окажется где-нибудь в Бойсе.

Та же проблема возникла и с кроссовками. Это была новая пара фирмы «Рибок» модного матового черного цвета. Они ему нравились. Он выкинул их по отдельности из окна машины в придорожную канаву за милю друг от друга. Теперь ему придется купить новую пару взамен старой пары «Найк» на воздушной прослойке. Лучше уж купить пару этой фирмы, на тот случай, если полицейские обнаружат отпечатки его кроссовок в глинистой канаве и определят, какой они фирмы.

В О-Клэр Бешеный поселился в мотеле, стоявшем не очень близко от дороги, и расплатился кредитной карточкой «Виза». В квитанции время не указывалось. Если полиция когда-нибудь до него доберется, то заспанный портье наверняка не вспомнит его, не говоря

уже о том, в какое время он приехал. А у него будет иметься квитанция в доказательство того, что в ночь нападения на Макгаун он был в О-Клэр.

В своем номере он разделся, еще раз вымылся в душе и заново перевязал покусанную ногу. В три часа ночи он покончил с этими процедурами, лег в постель, выключил свет и натянул одеяло до самого подбородка.

Вот теперь можно подумать. Он лежал без сна в темноте и в уме воскрешал каждый свой шаг от машины до дома Макгаун. Он шел по темной стороне улицы. Потом послышался шум машины. Где он тогда находился? Он ведь еще не свернул в аллею. Потом послышался шум второй машины.

Он понял, что они держали дом Макгаун под наблюдением. Они устроили на него засаду, и она должна была сработать. Дэвенпорт? Наверняка он. Ему подсунули женщину для нападения, и, наверное, она им помогала.

Бешеный понимал, что в один прекрасный день его могут поймать. На этот счет у него не было иллюзий. Он полагал, что если его поймают, то это произойдет в результате совпадения неконтролируемых и непредсказуемых обстоятельств. В ночных кошмарах ему представлялись борьба с женщиной, как это произошло с Карлой Руиц, вмешательство другого мужчины или, может быть, даже целой толпы, способной линчевать его. В этих видениях толпа преследовала его в каком-то универмаге, где туда-сюда летали вешалки с женской одеждой, покупатели орали, стеклянные витрины разлетались вдребезги. Это было нелепо, но казалось вполне реальным, эти бесконечные ряды с одеждой, через которые он убегал, и толпа, которая отставала от него всего на несколько шагов и уже обходила с флангов.

Но он представить себе не мог, что им будут манипулировать, его обманут, обведут вокруг пальца. Он не мог вообразить, что он проиграет игру из-за того, что плохо играет.

По сути, почти так и произошло.

В глубине души он до сих пор не мог поверить в то, что его не взяли. Что они не знали, кто он такой.

Бешеный еще раз в уме прикинул, все ли улики в своей квартире уничтожил. И пришел к выводу, что он хорошо потрудился. Но, может быть, где-нибудь остались следы грязи, которые расскажут о многом? Могло такое случиться, что кто-то видел номер его машины?

Видео пленка. Черт побери! Он забыл видео пленки с записями выпусков новостей. Не подожди-ка, он никогда точно не знал, когда в выпуске будут идти сообщения о нем, и поэтому аккуратно записывал весь выпуск целиком. В некоторых из них вообще не было ни единого слова об убийце... хотя за последние несколько недель таких выпусков было мало. Так что к видеозаписям не придерешься. В них не было такой ярко выраженной направленности, как в газетных вырезках.

Он ощутил сильное сожаление о том, что ему пришлось уничтожить газетные статьи. Может быть, каким-нибудь образом ему бы удалось сохранить их, может быть, стоило принести их в машину, а завтра в О-Клэр он смог бы арендовать сейф в банке. Ну, теперь уже слишком поздно. И, вероятно, это глупо. Когда ему надоест убивать женщин или когда он будет уезжать из этих мест — может быть, уже сейчас подошло такое время, — то тогда он сможет раздобыть копии в библиотеке.

События дня мелькали у него в голове, сменяя одно другое. Бешеный повыше натянул одеяло, ногу жгло как огнем. Он ждал, когда же наступит рассвет.

Прежде чем ехать домой, Лукас вернулся к дому Макгаун. У дома Верителей стояло несколько машин местного отделения полиции, три машины городского управления и фургон технической службы. Еще две полицейские машины стояли на улице возле дома Макгаун. Машина восьмого канала телевидения с антенной микроволновой связи на крыше въехала к ней во двор, и с полдюжины черных проводов змеились от машины к дому и исчезали внутри.

Лейтенант патрульной службы увидел, что подходит Лукас, и вылез из машины.

— Лукас! Я думал, ты поехал домой, — сказал лейтенант.

— Как раз еду туда. А здесь как?

— Все взято под контроль. В канаве нашли несколько следов, похоже, что он туда свалился. Возможно, ушибся или покалечился.

— Кровь есть?

— Нет. Но мы сообщили во все госпитали, передали им листовки с описанием и добавили еще кое-что по поводу глины. Они начеку.

— Хорошо. Вы нашли кого-нибудь, кто видел его после того, как он вылез из канавы? Дальше к северу?

— Пока никого. Мы хотим обойти все дома на шесть или семь кварталов в том направлении...

— Сосредоточьтесь на тех улицах, которые ведут к скоростной автостраде. Даю руку на отсечение, что именно там он и ставил свою машину.

Лейтенант кивнул головой.

— Мы уже это сделали. Начали, когда было еще темно, поднимали людей с кроватей. Ничего.

— А что там со следами? Есть четкие?

— Да. Они довольно четкие. На нем были...

— «Найк» на воздушной прослойке, — перебил его Лукас.

— Нет, — покачал головой лейтенант, наморщив лоб. — На нем были «Рибок». Когда мы звонили, чтобы вызвать экспертов, мы сразу сказали, что у нас здесь есть несколько отпечатков, так эксперт привез с собой справочник. Они сделали слепки, чтобы изучить их в лаборатории, но в этом случае сомнений нет. Это совершенно новые кроссовки фирмы «Рибок». На подошве никаких следов изношенности.

Лукас почесал в затылке.

— «Рибок»?

* * *

Энни Макгаун вся сияла. Семь часов утра, а она выглядит так, как будто уже давно встала.

— Лукас! — позвала она, когда увидела его за дверью. — Заходи.

— Что, вечером ожидается большое шоу?

— В полдень, после обеда и вечером, вот так-то! А сейчас я буду выступать в программе

«Доброе утро». — Она посмотрела на часы. — Через пятнадцать минут.

Из гостиной вышел продюсер, увидел Лукаса и тут же торопливо бросился к нему.

— Лейтенант, вы не будете против, если мы возьмем у вас небольшое интервью?

— По какому вопросу?

— О вашем плане. Как все было задумано, что пошло не так.

Лукас пожал плечами.

— Мы опростоволосились. Вы это хотите выпустить в эфир?

— Если вы именно это хотите сказать, можно сделать и так.

— А вы будете показывать ту пленку, где заснята драка?

У продюсера сузились глаза.

— Это потрясающий фрагмент, — заявил он.

— Я не дам вам интервью, если вы это покажете, — проговорил Лукас. — Не выпускайте драку в эфир, и я буду с вами беседовать.

— Я не могу вам ничего обещать, — сказал продюсер. — Но я могу поговорить насчет этого с директором отдела новостей.

— Хорошо, — утомленно произнес Дэвенпорт. — Я дам вам интервью на пару минут. Но я должен заранее знать вопросы, и чтобы не было никаких подвохов.

— Отлично.

— И вы постараетесь, чтобы в эфире не было этой пленки с дракой.

— Да, конечно.

* * *

Съемки заняли почти целый час с перерывом для выступления Энни Макгаун. Когда он приехал домой, то вытащил шнур телефона из розетки и, даже не раздевшись, упал на кровать лицом вниз. Он проснулся от какого-то дробного звука, сел и посмотрел на часы. Было без малого час дня.

Звук прекратился, и он спустил ноги на пол, потер шею и встал. Резкий звук донесся из окна спальни, он нахмурился и открыл жалюзи. На полянке перед домом стояла Дженнифер Кери.

— Открой дверь! — крикнула она.

Лукас кивнул, опустил жалюзи и пошел открывать дверь.

— Я все поняла, — сердито сказала она. — Не знаю, почему я раньше этого не видела, но как только мы услышали о нападении, я все поняла.

Она не стала снимать пальто, и вместо того чтобы, как всегда, пройти в кухню, остановилась в коридоре.

— Что ты поняла? — сонно спросил Лукас.

— Ты подставил Макгаун! Специально. Ты нарочно подкидывал ей эти выдуманные предположения, чтобы разозлить Бешеного и натравить его на Макгаун.

— Господи, Дженнифер.

— Ведь я права?

Он махнул рукой и пошел в гостиную.

— Ну так вот, она тебе отплатила, — сказала Дженнифер.

Лукас повернулся.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, это твое безобразное признание. Ну, ты знаешь, там, где ты говоришь, что все это твоя вина. А потом они пустили пленку с дракой. Где ты lupишь этого несчастного мальчишку.

— Они не должны были это показывать, — упавшим голосом произнес Лукас. — Мы же договорились.

— Что?

— Я дал им интервью, а продюсер обещал поговорить с директором отдела новостей о том, чтобы не выпускать эту пленку в эфир.

Дженнифер покачала головой.

— Боже мой, Лукас, иногда ты бываешь таким наивным. Уж кто-кто, а ты, кажется, все должен знать о репортерах. Ну как же они могли не выпустить подобную запись? Там же такие события! Такая перестрелка, два человека убиты, и лейтенант полиции lupит своего собрата полицейского, из-за которого все это произошло. Да эта пленка будет сегодня гвоздем вечернего выпуска новостей.

— А, черт!

Он рухнул на диван и запустил пальцы в волосы.

Дженнифер немного смягчилась и погладила его по голове.

— Поэтому я и пришла сюда, чтобы постараться использовать тебя еще один раз. Я имею в виду именно *использовать*.

— Что?

— Мы хотим взять совместное интервью у тебя и Карлы Руиц. Ты расскажешь о том, что знаешь об убийце, а Руиц будет говорить о нападении. Интервью возьмет Элли Карлсон. А я буду продюсером.

— Почему именно сейчас?

— Правду? Потому что у нас нет ничего серьезного для сегодняшнего выпуска, Макгаун и восьмой канал дадут нам такого пинка, что нам еще долго будет больно. Они это сделают в любом случае, но с помощью этого совместного интервью мы сможем удержать значительную часть аудитории, по крайней мере на один выпуск новостей. Особенно если мы правильно его подадим.

— Ну что за день, одни неприятности!

— Ты это заслужил.

— Мне надо поговорить с шефом.

* * *

Даниэль был мрачен и погружен в себя. Он жестом указал Лукасу на стул, а сам повернулся на своем стуле так, чтобы можно было смотреть на улицу.

— Я видел запись твоего интервью восьмому каналу. Ты берешь всю вину на себя. Красивый жест.

— Я думал, что это может помочь.

— Я дал Кохрану двухнедельный оплачиваемый административный отпуск, сказал ему, чтобы держался подальше от репортеров, пусть займется своим лицом. Ты его сильно отделал.

— Я постараюсь найти его, поговорить, — сказал Лукас.

— Не знаю, — покачал головой Даниэль. — Может быть, будет лучше, если ты уйдешь в тень на некоторое время.

Лукас неуютно поежился.

— Понимаю, что сейчас не лучшее время говорить об этом, но Дженнифер Кери хочет получить совместное интервью у меня и Карлы Руиц. Она на этом настаивает. На этой неделе подводят итоги телевизионного рейтинга. Но она считает, что если они сделают эту ленту и покажут ее в эфире, то это поможет им бороться с восьмым каналом. По крайней мере, там будет что-то позитивное.

— Давай, Лукас, если хочешь, — отозвался шеф.

Казалось, что ему все равно, он продолжал смотреть на улицу.

— У ребят, которые работают там, на месте, есть что-нибудь, что могло бы нам помочь?

— Они мне ничего не сообщали.

Они посидели минуту в тишине, потом Даниэль вздохнул и повернулся на стуле.

— Отдел по расследованию убийств его не поймает, если только это не произойдет случайно, — проговорил он. — Этот удар, едва не попавший в цель, может напугать его на неделю или две, но он вернется. Или, возможно, он уедет из города и вернется к своему занятию где-нибудь еще. Знаешь что? Я не хочу, чтобы так получилось. Я хочу, чтобы его прижали к ногтю здесь. И именно тебе придется этим заняться. То, что произошло у Макгаун, просто ужасно, согласен, но я все-таки думаю, что это не самое страшное. Я продолжаю думать, что Дэвенпорт все-таки вычислил его. И если он сделал это один раз, может быть, он сможет сделать это еще раз. Может быть... Я не знаю.

— У меня в голове нет ни единой мысли, — слабо попытался сопротивляться Лукас.

— Ты сейчас в смятении, — сказал Даниэль. — Но это пройдет. Твоя голова снова заработает.

— Ты ошибаешься насчет того, как нам удастся его взять, — заметил Лукас. — Это произойдет не потому, что я смогу его вычислить. Когда мы его поймаем, это произойдет лишь по счастливой случайности.

— Терпеть не могу полагаться на случай, надеюсь, что мы придумаем что-нибудь более надежное.

— В этом мире нет ничего надежного, — проговорил Лукас. — Бешеный сыграл великолепную партию. Руиц могла бы рассказать нам гораздо больше. Она ведь до него дотрагивалась. Если бы она стянула с него маску... После нападения на Браун мы должны были сделать лучшее описание. И я все думаю, если бы Спаркс не находился на другой стороне улицы, тогда он разглядел бы его лицо. И если бы только Льюис записала его имя на своем календаре. Или вообще хоть что-нибудь написала о нем. Мы должны были его прихлопнуть у Макгаун. Когда он сбежал, мы должны были засечь его машину, если у него действительно «сандерберд». Ему удивительно везет. Но в мире игр есть одна закономерность. Везение изменчиво. Удача не вечна. Она переходит к другому. Всегда. И когда мы его поймаем, это произойдет лишь по счастливой случайности.

— Да услышит нас Господь, пора удаче переходить на нашу сторону, — сказал Даниэль.

Дженнифер уже поговорила с Карлой по поводу интервью, и, когда Лукас по телефону сообщил ей о своем согласии, она сказала, что Карла уже готова. Они будут их снимать в три часа, быстренько все подгонят, сокращенный вариант в шесть часов. Полный вариант пойдет в десятичасовом выпуске новостей, который по решению студии будет продлен, чтобы уместилось интервью.

— Надень, пожалуйста, костюм, — попросила она, — и голубую рубашку. И еще побрейся.

Интервью продолжалось целый час, Лукас был холоден и рассеян, Карла излучала тепло и настойчивость. Надо только отрезать лишнее, и все будет отлично. Дженнифер наблюдала, как ведущая беседует с ними, и где-то на середине съемки поняла, что Лукас и Карла спят друг с другом. Или спали раньше.

По окончании интервью она ушла вместе с Лукасом, пробравшись между операторами и техниками, которые переносили оборудование обратно в машину. Когда они оказались одни в лифте, она сказала:

— Раньше я подозревала, что, возможно, ты спишь с Макгаун. Но теперь я вижу, что ошибалась. Ты спишь с Карлой Руиц.

— Да ладно тебе, Дженнифер, давай только сейчас не будем об этом, — проговорил Лукас, глядя в пол лифта.

— Я почти не сержусь, — грустно произнесла она. — Я всегда знала, что это когда-нибудь случится. Я только надеялась, что это произойдет не так скоро.

— Я думаю, что с этим уже покончено.

— Что, так просто, спасибо за внимание и все?

Дэвенпорт отрицательно покачал головой.

— Несколько дней назад она со мной разговаривала об этом. Я ей нравлюсь, но она даст мне отставку, если это помешает ее работе.

— Да что ты говоришь! Разве с тобой такое когда-нибудь бывало? — иронично заметила Дженнифер.

Вопрос прозвучал легко, даже с сарказмом, но по ее щеке покатились слезы. Лукас протянул руку и вытер ее ладонью.

— Только не надо. Не надо плакать.

— Почему? Ты не выносишь вида настоящих чувств?

Он уставился в пол у себя под ногами, потом скосил глаза на нее.

— Иногда люди знают друг друга не настолько хорошо, как им кажется. Ты говоришь мне неприятные вещи, и я должен все это принимать как мужчина. А ты знаешь, как я себя чувствую? Мне хочется поехать домой, сунуть в рот пистолет сорок пятого калибра и вышибить себе мозги. Меня переиграл сумасшедший. Может быть, я когда-нибудь и приду в себя, а может быть, и нет. Но я никогда не забуду этого. Никогда в жизни.

Дверь лифта раскрылась, он вышел и пошел прочь, ни разу не оглянувшись.

* * *

Элла наблюдала за ним во время игры. Букмекер и адвокат ушли вместе, два студента ушли через несколько минут после них. Бакалейщик продолжал рассматривать карту, прикидывая что-то в уме.

Мид был не дурак. После сражения, которое длилось целый день, армия южан контролировала почти все высоты к югу от Геттисбурга, и он предусмотрительно отошел к югу, по направлению к Вашингтону. Там его ожидали заранее подготовленные позиции. Ли — за него играла Элла — мог продолжать свой захват Севера, оборонять который было все труднее и труднее. Или же он мог преследовать армию Мида на юге. Эта армия должна быть уничтожена в любом случае. Но если Ли погонится за Мидом, то это будет походить на какую-то наполеоновскую атаку, которая в реальности провалится. Как только он войдет в непосредственное соприкосновение с противником в районе Вашингтона, когда с запада от него будут горы, а на юге полноводный Потомак, то надо будет стоять до конца или погибнуть. По игре Лукаса Гражданская война могла бы закончиться на два года раньше...

— Не надо так много думать об этом, — проговорила Элла.

— Что? — Уставившись в потолок, Лукас покачивался на двух ножках стула.

— Нельзя все думать и думать о той трагедии, которая произошла у дома этой репортерши. Это бессмысленно. Ты его почти поймал. Ведь это ты заманил его. Тебе надо перестать сожалеть обо всем и начать жалеть себя, тогда ты сможешь придумать что-нибудь новенькое.

Лукас качнулся вперед, и стул встал на все четыре ножки. Он поднялся.

— Дело в том, что я не могу ничего придумать. Голова отупела. Возможно, он ушел от нас.

— Нет. Что-то еще должно произойти, — заверила его Элла. — Ты знаешь, есть поговорка: «Мы все знаем, что что-то должно произойти, даже если обстоятельства не ведут к этому». Так вот у меня сейчас такое же ощущение. Внутренний голос говорит мне, что все еще переменится.

— Весь вопрос как? — вмешался в разговор бакалейщик.

— Именно, — сказал Лукас, ткнув пальцем в его сторону. — Вот именно! А что, если он решит просто уехать отсюда? Он может снова взяться за свои дела еще где-нибудь, а мы даже не будем ничего знать об этом. А потом, нам просто не с чем продолжать. У нас нет ни одного ключа. Если он решит уехать, то запросто может это сделать.

— Он никуда не уедет, — уверенно проговорила Элла. — Все идет к заключительной фазе. Я это просто чувствую.

— Надеюсь, что так, — вздохнул Лукас. — Вряд ли я долго это выдержу.

— Мы молимся за тебя, — сказала Элла, и тогда Лукас заметил, что вторая монахиня тоже смотрит на него. В подтверждение этих слов она кивнула ему головой. — Каждую ночь. И Господь услышит нас. Ты должен его поймать.

Бешеный позвонил из О-Клэр своей секретарше и сказал, что он болен. Лежа в постели он посмотрел телевизионную программу из Миннеаполиса и выехал из отеля днем прямо перед наступлением расчетного часа. Он вернулся домой после полудня, умылся, привел себя в порядок и поехал к себе в офис. Там он объяснил, что чувствует себя уже лучше. Он даже пытался поработать, но у него не получилось.

Фиаско, которое он потерпел у дома Макгаун, было темой дня. В конторе все только об этом и говорили. Бешеному эти разговоры удовольствия не доставляли, от них у него не прибавлялось энергии. Его заманили в мышеловку. И все это сделал Дэвенпорт, именно он приковал его внимание к Макгаун. Настолько глубоко он его понял. Выследил его. Ему не повезло, он не смог его поймать только из-за сложившихся обстоятельств, столь удивительных, что такое совпадение вряд ли когда повторится.

Бешеный знал, что ему просто повезло. Невероятно повезло. Пора переосмыслить игру. Может быть, стоит остановиться? Он сильно опережал своих противников. И у него были очки. Но может ли он вообще остановиться? Он не был в этом уверен. А если он не может остановиться, то, может быть, стоит куда-нибудь переехать. Например, обратно в Техас. Подальше от этого холода. И еще раз обдумать игру.

Он засиделся у себя за столом много дольше пяти часов, заканчивая обычные дела по недвижимости. Когда он уходил, то заметил, как в одном из офисов его коллег горит экран телевизора, такие вольности во время рабочего дня не разрешались. На экране было лицо Лукаса Дэвенпорта, камера показывала его в упор. Под глазами у него были синяки, но держался он молодцом. На одно мгновение картинка застыла, затем камера переключилась на ведущую программы.

Бешеный подошел поближе и прислушался.

— ...полную запись интервью с жертвой нападения Карлой Руиц и лейтенантом Лукасом Дэвенпортом смотрите сегодня вечером в расширенном выпуске десятичасовых новостей по TV-3.

* * *

Бешеный разрывался между восьмым каналом и TV-3. По восьмому каналу показывали все наиболее интересные новости, но интервью, передаваемое по TV-3, могло поведать ему больше о человеке, загнавшем его в мышеловку. Но в конце концов после тщательного изучения инструкции к видеоманитофону он решил, что, пока будет смотреть восьмой канал, сможет одновременно записать и передачу по TV-3. Для тренировки он записал какую-то комедию. Все получилось.

Макгаун — какая же она все-таки красавица! — вела выпуск вечерних новостей, в них она была главным действующим лицом. Она подробно рассказала о наблюдении, показала сигнальное устройство, которое носила на поясе. Поведала, как она сидела в одиночестве по ночам в своей спальне, прислушиваясь к каждому звуку и думая о том, не идет ли Бешеный. Показали, как она стоит на кухне и готовит что-то себе на ужин. На стенах висят медные сковородки, которыми никто не пользуется. А на заднем плане тикают старинные часы с

гирьками.

Прямо как в театре, она восстановила все события той ночи: как бежала в темноте, а за ней едва поспевал оператор с камерой, потом рассказала о перестрелке и объяснила, кто откуда стрелял. Это был театр одного актера, где все роли исполняла Макгаун. Потом действие переместилось за задний забор, где она показала то место в канаве, где в желтой глине остались следы Бешеного.

Действие развивалось, как в пьесе, и, как в каждой хорошей постановке, дело закончилось потасовкой. Драка происходила в лучах прожекторов, Дэвенпорт колотил новичка-полицейского, его руки двигались с такой скоростью, что удары нельзя было различить. Потом Дэвенпорт двинулся к телекамере, в его глазах пылал огонь, и в этот момент его окликнула Макгаун.

Жестоко. Дэвенпорт не был просто игроком. Он вел себя, как животное.

Когда передача закончилась, Бешеный еще несколько минут продолжал смотреть на экран, а потом включил запись интервью, шедшего по TV-3.

Снова на экране возник Дэвенпорт, но здесь он выглядел по-другому. Намного сдержаннее, расчетливее. Охотник, а не боец. Бешеный сразу же инстинктивно почувствовал это, он встречал таких людей среди фермеров, когда жил у отца на ранчо. Они всегда говорили «моя антилопа» или «мой олень».

Руиц все еще продолжала привлекать его внимание. Ее лицо, ее черные глаза. Та взаимосвязь, которая существовала, уже не была главным, это было не то чувство притяжения, которое он испытывал к Избранным; она лишилась этой привилегии. Но, несомненно, что-то осталось от их прежних взаимоотношений, этого нельзя было отрицать, и Бешеный это чувствовал и размышлял над этим.

Может быть, его опять куда-то заманивают? Может быть, это очередная уловка Дэвенпорта? Кажется, нет.

Отношения с женщинами у Бешеного всегда были односторонними, они никогда не отвечали ему взаимностью, но он четко улавливал наличие связи между другими. На середине интервью он вдруг понял, что между Дэвенпортом и Карлой Руиц что-то есть. Секс? Да. И чем дальше он смотрел передачу, тем больше он убеждался в том, что правильно угадал.

Интересно.

— Ну давай. Давай сделаем это.

Слоун стоял в дверях.

— Не имеет никакого смысла, — вяло отозвался Лукас. Все эмоции как бы застыли в нем. — Мы знаем, что он пытается скрыть. Он беспокоится о своей репутации. Обобрал Райсов и теперь боится, что кто-нибудь это раскопает.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ты это о чем?

— Как ты себя чувствуешь, ну, после того как вы там лопухнулись?

Лукас непроизвольно улыбнулся. То, что произошло у дома Макгаун, назвали просто «лопухнулись». Все; начиная от мэра до последнего уборщика, так и говорили. Лукас даже подозревал, что так говорит весь город.

— Чувствую себя паршиво, — проговорил он.

— Ну так давай, — продолжал уговаривать Слоун. — Давай поедем и прихлопнем этого прохвоста. У тебя на душе сразу станет веселей.

Это было лучше, чем просто сидеть в офисе. Лукас поднялся.

— Ладно, только машину поведу я. А потом заедем куда-нибудь и поедим.

— Ты угощаешь?

* * *

Продавец прошел в заднюю комнату и позвал Нестера. Тот был вовсе не рад снова их увидеть.

— Я считал, что вы меня поняли, — сказал он, направляясь к телефону. — Но вижу, что вы собираетесь меня беспокоить постоянно. И прежде чем вы начнете говорить, позвоню своему адвокату.

— Как хотите, Нестер, — проговорил Лукас, обнажая в улыбке зубы. — В конце концов, возможно, это и неплохая идея. А то мы никак не можем решить, то ли предъявить вам обвинение в мошенничестве, то ли позволить адвокату миссис Райс решить его как гражданское дело. А если вы будете вести себя вызывающе, мы наденем на вас наручники, отвезем в участок и оформим на вас дело.

Продавец вертел головой, переводя взгляд с одного на другого, как болельщик на теннисном турнире.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — произнес Нестер, держа руку на телефоне.

— Все вы прекрасно понимаете, — заявил Лукас. — Речь идет о нэчке стоимостью приблизительно в четверть миллиона долларов. Вас пригласили, чтобы произвести оценку для оформления страховки. Вы сказали владельцу, что они ценности не представляют, и купили их за гроши.

— Нет, — пролепетал Нестер. — Меня не просили произвести оценку. Фигурки были выставлены на продажу, и я заплатил ту сумму, которую запросили. Это все.

— Миссис Райс говорит иначе. Она намеревается передать дело в суд.

— Неужели вы думаете, что присяжные поверят какой-то... Какой-то *прачке*, а не мне?

Ведь есть только мои показания, а ее...

— Вам вряд ли удастся что-нибудь доказать, — почти ласково проговорил Слоун. — Никаких шансов. Ведь речь пойдет о человеке, который сражался на войне за свою страну и привез оттуда несколько сувениров, даже не зная, что это такое. Так и живет этот парень, подметая полы, хороший парень, жизнь его продолжается, и наконец он умирает от рака, болезнь медленно пожирает его тело сантиметр за сантиметром. Он хочет продать все свои личные вещи, чтобы жене было на что жить после его смерти. Она тоже уже совсем старая, и живут они впроголодь, может быть, даже питаюсь собачьими консервами. Я уверен, что именно так все и будет представлено, когда ее адвокат возьмется за дело.

— Может быть, даже кошачьими консервами. Или рыбными отходами, — вставил свое слово Лукас.

— Но у них есть этот бесценный трофей, о чем они даже не подозревают, — продолжал рассказывать Слоун. — У всей этой истории вполне мог бы быть счастливый конец, прямо как в кино. Но что же происходит? Появляется проходимец, разбирающийся в предметах искусства, и дает им пять сотен за статуэтки стоимостью в четверть миллиона долларов. Так неужели вы думаете, что присяжные станут на вашу сторону?

— Если же вы так считаете, то вы просто мечтатель, — заметил Лукас. — У меня есть знакомые журналисты. И когда я поведаю им эту историю, вы станете даже еще более знаменитым, чем Бешеный.

— Что ж, неплохая мысль, — согласился Слоун, искоса посмотрев на Лукаса, когда он понял, куда тот клонит. — Заберем его сейчас с собой, заведем на него дело по обвинению в мошенничестве, а потом опубликуем все это в прессе. Это несколько отвлечет внимание от...

— Давай-ка лучше пройдем ко мне в кабинет, — предложил бледный как смерть Нестер.

Через узкую дверь они проследовали за ним в заднюю комнату. Большую часть пространства занимало отгороженное стальной сеткой хранилище. А в одном углу был устроен небольшой, но уютный офис. Нестер уселся за стол, зачем-то полистал настольный календарь, а потом проговорил:

— Что можно предпринять в этой ситуации?

— Мы можем арестовать вас за мошенничество, но нам нужно не это. Сейчас нас беспокоит нечто другое, — начал Лукас, присаживаясь на антикварный стул. — Если вы расскажете нам то, что нас интересует, то мы посоветуем миссис Райс нанять адвоката и урегулировать это дело в гражданском суде. Или, возможно, вы могли бы договориться как-нибудь иначе.

— Я уже беседовал с этим человеком, — запротестовал Нестер, кивнув головой в сторону Слоуна. — Я рассказал ему все, что произошло между мистером Райсом и мной.

— У меня сложилось такое впечатление, что вы что-то утаиваете, — заметил по этому поводу Слоун. — А я обычно не ошибаюсь.

— Ну, честно говоря, я подумал, что если вы узнаете, за сколько я купил нэцке, а именно столько запросил за них мистер Райс, и пусть это будет на его совести, так вот, вы могли бы подумать, что цена... ну, не совсем соответствовала. Я ведь этого не скрывал, я просто старался быть осмотрительным.

Лукас состроил гримасу.

— Если бы вы сразу нам все сказали или хотя бы намекнули на это, мы бы не стали за

вами гоняться. Мы стараемся выяснить, к кому попал пистолет, который был у мистера Райса. Поэтому мы опрашиваем всех, кто говорил со стариком, пока он был жив.

— Я никогда не видел у него пистолета, а он никогда не упоминал о нем и никогда не предлагал мне его купить. Пока я был у него, к нему никто не заходил, даже миссис Райс не появлялась. Мы с ним не разговаривали. Я пришел к нему и сказал, что хотел бы взглянуть на нэцке. Он отъехал на своем инвалидном кресле, достал их из коробочки и дал мне, а сам снова начал читать свои бумаги. Я спросил, сколько он за них хочет, он ответил: «Пятьсот». Я дал ему чек и ушел. Мы вдвоем произнесли не более пятидесяти слов.

— Это совсем не похоже на мистера Райса, — проговорил Слоун. — Старик любил поболтать.

— Со мной он почти не говорил.

Лукас посмотрел на Слоуна и покачал головой.

— Я думаю, это из-за того, что он был поглощен чтением своего завещания, — пояснил Нестер. — Он должен был его прочитать и подписать до того, как за ним придет его адвокат.

— Его адвокат? — Лукас повернулся к Слоуну. — Его адвокат? — снова повторил он свой вопрос.

Слоун стал листать свою записную книжку.

— Он сказал, что к нему едет адвокат, — продолжал говорить Нестер, переводя взгляд с одного на другого. — Вам это может помочь?

— У нас не числится никакого адвоката, — наконец проговорил Слоун.

Лукас почувствовал, как у него сдавливают горло.

— Он сказал, как зовут его адвоката?

— Да нет, а может быть, я просто забыл.

— Возможно, нам понадобится еще с вами поговорить, — произнес Лукас, вставая. — Поехали, Слоун.

* * *

Слоун сунул монетку в телефон-автомат. Миссис Райс тут же подняла трубку.

— Я хотел бы узнать по поводу завещания вашего мужа, миссис Райс. У вас есть копия? Могли бы ее достать? Я подожду.

Лукас стоял рядом с ним, он поглядывал по сторонам, покачиваясь с пятки на носок, и прикидывал в уме. Адвокат. Это подходит. Но странно. Уж слишком это просто. Ожидая у телефона, Слоун переминался с ноги на ногу.

— А вы посмотрели в верхнем ящике комода? — наконец проговорил он. — Помните, вы как-то говорили мне, что вы туда кладете... Да, я могу подождать.

— Что она там делает?! — начал нервничать Лукас.

Он уже хотел отнять у Слоуна трубку и накричать на старуху, чтобы она быстрее шевелилась.

— Никак не может найти, — объяснил Слоун.

— Поехали туда и перетрясем весь дом или...

Слоун предостерегающе поднял руку и снова заговорил:

— Нашли? Очень хорошо. Посмотрите на последней странице. Там есть фамилия адвоката? Нет, не название фирмы, а фамилия адвоката. Там должна быть роспись, а под ней

фамилия, напечатанная на машинке. Хорошо, а теперь продиктуйте мне ее по буквам. Л-у-и-с В-а-л-л-и-о-н. Спасибо. Спасибо.

Он записал фамилию к себе в блокнот. Лукас смотрел ему через плечо, отрицательно покачивая головой.

— Никогда не слышал о таком.

— Надо еще позвонить, — сказал Слоун. Он достал из нагрудного кармана маленькую черную записную книжечку, открыл ее, нашел нужный номер и начал рыться в карманах в поисках монетки. Ее не оказалось. — У тебя есть?

Дэвенпорт тоже начал шарить по карманам.

— Нет.

— Черт, где бы разменять...

— Подожди, подожди, можно позвонить по моей телефонной карточке, нужно только набрать ноль. Дай-ка сюда телефон. Кому мы звоним?

— Да так, одной знакомой в государственной службе общественной безопасности.

Лукас набрал номер и, услышав гудки, передал трубку Слоуну. Тот попросил к телефону Ширли.

— Это Слоун, — проговорил он, — из полицейского управления Миннеаполиса. Как поживаешь?.. Да. Да. Отлично. Послушай, мне здесь срочно нужно кое-что выяснить, ты не могла бы мне помочь?.. Прямо сейчас?.. Спасибо. Его зовут Луис Валлион. — Он продиктовал фамилию по буквам. Подождал немного, а потом сказал: — Да, давай все.

Слоун слушал, время от времени приговаривая: «Ах, черт!» или «Вот это да!». Наконец он сказал: «Спасибо, дорогая», повесил трубку и повернулся к Лукасу.

— Ну?!

— Луис Валлион. Мужчина. Белый. Двадцать семь лет. Рост сто семьдесят пять сантиметров. Вес восемьдесят пять килограммов. Глаза голубые. И еще две новости — одна хорошая, а другая плохая. С какой начинать?

— С плохой, — быстро ответил Лукас.

— Спаркс твердо уверен, что у убийцы темные волосы. А у этого нет. Он рыжий.

Лукас, сосредоточенно глядя на Слоуна, облизнул губы.

— Рыжий?

— Так записано в его водительских правах.

— Так это же прекрасно, — прошептал Лукас, его лицо словно окаменело.

— Почему? — удивился Слоун.

— Карла была уверена, что у него светлая кожа. Она твердо стояла на этом. Так вот ни у кого не бывает такой светлой кожи, как у рыжих. Спарки уверен, что у него темные волосы. А я никак не мог объяснить этого. Но попробуй поставить рыжего под ртутные лампы уличного освещения ночью на Хеннепин...

Он ткнул пальцем Слоуна в грудь, как бы подталкивая его к нужному ответу.

— Сукин сын. Они могут показаться темными, — проговорил тот, приходя в возбуждение.

— К черту «могут», — воскликнул Лукас. — Они на самом деле выглядят темными. Особенно с некоторого расстояния. Все сходится, как мозаика.

Он снова облизнул губы.

— Если эта была плохая новость, то какая же хорошая?

Слоун поднял палец вверх.

— Он зарегистрирован владельцем, — проговорил он, — темно-синего форда «сандерберд». Он купил его три месяца назад.

* * *

Дверь в кабинет Даниэля была закрыта. Его секретарша Линда печатала на машинке письма.

— Кто у него там? — спросил Лукас, указывая на дверь.

Слоун стоял, покачиваясь на каблуках.

— Петтинжер из бухгалтерии, — ответила Линда. — Лукас, постой, туда нельзя...

Дэвенпорт влетел в кабинет, Слоун проскользнул за ним следом. Ошарашенный, Даниэль удивленно уставился на них, но потом увидел их лица и повернулся к бухгалтеру.

— Мне придется закруглиться с тобой, Дэн, — сказал он. — Вернемся к этому вопросу чуть позже.

— А, хорошо.

Финансист взял пачку компьютерных распечаток, с интересом взглянул на Лукаса и Слоуна и вышел.

Даниэль прикрыл за ним дверь.

— Кто он? — в лоб спросил он.

— Адвокат, — ответил Лукас. — Адвокат, а зовут его Луис Валлион.

— Где он сейчас?

Лукас говорил по рации, остановив машину у тротуара за один квартал от дома, где жил Бешеный. Его «форд-эскорт» пятилетней давности ничем не выделялся среди стоявших вокруг автомобилей.

— Едет по мосту, направляется на юг. Похоже, что он отправился в торговый центр «Бернсвилль». Мы сейчас находимся прямо к северу от этого места.

За Бешеным вели наблюдения шесть групп, всего двенадцать полицейских, из них семь женщин и пять мужчин. Его вели от самой квартиры до автостоянки недалеко от его конторы, прослеживали, как он входит в офис, с него не спускали глаз во время обеденного перерыва, когда он ел в закусочной. Наблюдавшие отмечали, что он прихрамывает на одну ногу. Это у него после падения в канаву. Его сопровождали обратно до его конторы, потом в суд, потом в архив, обратно до его офиса.

Пока он днем работал у себя, специалист по электронике прикрепил маленький, но мощный передатчик под бампер его машины. Когда вечером Бешеный ушел с работы, наблюдатели проводили его до машины. Он вернулся домой, очевидно, поужинал и снова уехал. Он направился в южном направлении.

— Он оставил машину на стоянке.

Лукас взглянул на часы. Даже если Бешеный сразу же вернется и поедет домой на самой большой скорости, это займет не менее двадцати минут. Этого вполне достаточно.

— Вышел из машины, идет внутрь, — передавали по рации.

Лукас выключил передатчик и сунул его себе в карман. Он не хотел, чтобы рация внезапно заговорила в самый неподходящий момент. Специальное устройство для вскрытия замков и фонарик лежали под сиденьем. Он вытащил все это оттуда, запихнул фонарик в другой карман, а универсальную отмычку засунул под пальто под мышку.

Дэвенпорт вышел из машины, поднял воротник пальто и быстро зашагал по тротуару, повернувшись спиной к ветру, который гнал по земле последние опавшие листья.

Бешеный жил в особняке на четыре квартиры, каждая из них располагалась на двух этажах, имела мансарду и занимала целый угол построенного в викторианском стиле особняка. При каждой из четырех квартир имелся встроенный гараж на одну машину и маленькое крыльцо с укрепленными на перилах горшками, в которых выращивали петунии и герань. Сейчас в цветочных горшках ничего не росло.

Лукас направился прямо к квартире Бешеного, свернул на дорожку, ведущую к его крыльцу, и быстро поднялся по ступенькам. Он нажал на кнопку звонка, сперва один раз, потом еще, послушал, как звонит телефон, огляделся по сторонам, вытащил свое приспособление и сунул его в замок. Отмычка затрещала немилосердно громко, но сработала. Дверь начала открываться, но вдруг замерла на месте, так как изнутри была накинута цепочка. Бешеный, должно быть, вышел через гараж, а эта дверь осталась закрытой на все запоры.

Лукас выругался, порывлся в карманах, вытащил коробочку с кнопками и пару круглых резинок. Еще раз посмотрев по сторонам, но не увидев на пустынной улице никого, он снова приоткрыл дверь, пока она не уперлась в цепочку. Просунув руку как можно дальше, он воткнул в дверь кнопку и прикрепил на нее резиновое колечко. Затем натянул резинку, пока

она не зацепилась за крючок на конце цепочки.

Лукас снова прикрыл дверь, резинка натянулась и потянула за собой цепочку, сместив крючок к концу канала. Он тряхнул дверь несколько раз, и крючок на конце цепочки выпал из канала.

— Эй! Луис, что там у тебя? — крикнул Лукас, когда наконец дверь открылась. Ответа не было. Он посвистел, проверяя, нет ли собаки. Тишина. Тогда он закрыл за собой дверь и включил свет в прихожей. Потом вытащил кнопку из двери. Дырочка была почти незаметна. Дэвенпорт достал рацию, включил ее и вызвал группу наблюдения.

— Где он сейчас?

— Только что вошел в магазин спортивных товаров. Смотрит куртки.

Лукас переключил передатчик в режим приема и начал быстро осматривать квартиру, пытаясь найти что-либо, что точно указывало бы на то, что Валлион и Бешеный одно и то же лицо. Проходя мимо телефона, он снял трубку с рычага, потом положил ее на место. Телефон замолчал.

Быстро осмотрев первый этаж, он зашел в подсобную комнату, где находились бойлер, стиральная машина и сушка, а также небольшой встроенный шкафчик, один из ящиков которого был наполовину заполнен недорогими инструментами. В этой комнате была еще одна дверь, которая вела в гараж. Лукас открыл ее, включил свет и осмотрелся. Небольшой снегоочиститель, пара лопаток для снега и кипы газет, сложенные в коричневые пакеты. Если бы у него было время, он бы задержался и просмотрел все газеты. И если бы ему повезло, то, возможно, он отыскал бы ту, из которой Бешеный вырезал буквы, чтобы составлять послания, которые он потом оставлял на телах своих жертв. Больше ничего интересного здесь не было.

Он закрыл дверь в гараж, прошел в маленькую кухоньку, попутно открывая и закрывая дверцы шкафчиков, просунул голову в гостиную, проверил ванную комнату с мини-ванной, потом рабочее место, где стоял компьютер IBM и лежало несколько книг по праву.

На втором этаже находились две спальни и ванная комната больших размеров. В одной из комнат стояла мебель, а другая использовалась как кладовка. Там находились пустые чемоданы, коммутационная панель — ею почти не пользовались — и недорогой тренажер с набором противовесов для спортсмена-любителя. Он внимательно осмотрел спортивный снаряд. Так же как и панелью, им практически не пользовались. Валлион был человеком, не доводившим начатое до конца...

В углу стоял потрепанный диван и три коробки с журналами, здесь были собраны журналы «Плейбой» лет за десять, если не больше. Лукас вышел из кладовки и направился в другую комнату.

В коридоре между двумя спальнями на потолке виднелся люк, ведущий на чердак, на нем была стальная ручка. Лукас потянул за ручку, и из проема в коридор опустилась легкая складная лестница. Он поднялся на несколько ступеней, сунул голову в проем и осветил по сторонам фонариком. Весь чердак был поделен между четырьмя квартирами тонкими фанерными перегородками. Часть чердака, принадлежавшая Валлиону, была пустой. Дэвенпорт спустился вниз, закрыл люк, и лестница убралась на место. Он вытащил рацию.

— Где он сейчас?

— Все еще в магазине.

Пора приниматься за дело.

Лукас снова запихнул рацию в карман, из другого кармана вытащил диктофон, включил

его и шагнул во вторую комнату.

— Спальня, — начал он. — Шкаф для одежды. Спортивная куртка, размер сорок два, средний рост. Костюм, сорок второй размер, средний рост. Брюки, талия тридцать шесть. Кроссовки. Фирмы «Найк», на воздушной прокладке, синие, с пузырьками по внешней стороне подошвы. Кроссовок фирмы «Рибок» нет... Комод в спальне... презервативы со смазкой фирмы «Троян», упаковка на двенадцать штук, семи не хватает... Письменный стол. Бумага из Ассоциации юристов, Миннесотский университет. Квитанции об уплате федеральных налогов за восемь лет. Миннесота, Миннесота, Миннесота, Техас, Техас, Техас. Есть адрес в Хьюстоне, штат Техас, на имя Луисе Валлиона... Компьютерные файлы, всевозможные материалы по праву и корреспонденция, в основном деловая переписка... Кухня. Под мойкой мешочек лука, картошки нет...

Лукас методично осматривал квартиру, пытаясь найти хоть что-нибудь, что связывало Валлиона с убийствами. Кроме кроссовок «Найк», ничего не было. Но косвенные улики накапливались: жизнь в Техасе, до того как он год пробыл на юридическом факультете университета Миннесоты, размер одежды соответствовал, презервативы...

— Где он?

— Интересуется обувью.

Лукаса бесило отсутствие прямых улик. Вот если бы Валлион хранил сувениры с места преступления, если бы Лукас нашел коробку хирургических перчаток, а рядом с ними стояли упаковки «Котекса», и тут же лежало колечко клейкой ленты... или если бы на кухонном столе валялись обрезки газеты, из которой вырезали буквы...

Вот если бы он берег все это, тогда они нашли бы способ получить ордер на арест и взяли бы его. Но ничего подобного не было. Лукас стоял, уперев руки в бока, и оглядывал неестественно чисто убранную гостиную, и только тогда ему пришла в голову мысль. А ведь порядок наведен неестественный.

— Мы спугнули этого сукина сына, и он избавился от всех улик, — громко вслух произнес Дэвенпорт.

Если бы они поговорили с Нестером на прошлой неделе, до того как произошли все эти события у Макгаун... Что теперь думать об этом! Он уже повернулся, чтобы выйти из комнаты, когда взгляд его остановился на видеомэгнитофоне. Кассет нигде не было видно, хотя возле телевизора лежала пустая коробка из-под видеокассеты. Лукас протянул руку, включил магнитофон и нажал кнопку. Послышалось несколько щелчков, и из аппарата показалась кассета.

— Где он?

— Уходит из обувного магазина.

Лукас включил телевизор и поставил пленку. На ней ничего не было записано. Он остановил ленту, перемотал ее назад, снова включил магнитофон и даже вздрогнул от неожиданности — на экране показалось его собственное лицо.

— Господи, да это же мое интервью, — пробормотал Лукас себе под нос.

Камера переключилась на Карлу. Он досмотрел все интервью до конца, подождал, пока на экране не останется никакого изображения, потом выключил телевизор и видеомэгнитофон.

После просмотра видеозаписи у него исчезли последние остатки сомнений. Лукас снова прошел в спальню, откинул покрывало и пошарил между матрасом и кроватью. Ничего.

Он сунул руку в карман своей куртки, вытащил конверт и вытряхнул из него

фотографии. Льюис, Браун, Уиткрофт и другие. Держа фотографии за срезы, чтобы не оставить на них отпечатков пальцев, он как можно глубже засунул их под матрас. Их обнаружат при тщательном обыске.

Когда дело было сделано, он поправил покрывало и пошел к выходу, по пути внимательно оглядывая все кругом. Все осталось лежать на месте. Все проверено. Везде погашен свет. Он вышел на улицу. Вокруг ни души. Снова закрыл входную дверь на цепочку и прошел в гараж. Еще десять минут он потратил на то, чтобы проверить старые газеты. Там не было ни одной изрезанной. Он снова сложил все, как было, и вышел на улицу через дверь гаража.

Лукас уже почти дошел до своей машины, когда загудел сигнал его рации.

— Вышел из магазина, идет к своей машине. Третий и пятый, оставайтесь на улице, слежка переходит к наблюдателям в машинах, садитесь ему на хвост...

* * *

Лукас и Даниэль сидели вдвоем в полутемном кабинете Даниэля и смотрели друг на друга через желтый пучок света, падавшего от настольной лампы.

— Так что даже если мы его возьмем, то ничего уличающего не обнаружим, — в заключение произнес Даниэль.

— Поклясться в этом я не могу, но у меня такое впечатление, что он уничтожил все улики. Может быть, он что-нибудь и припрятал, у меня не было времени, чтобы перевернуть там все вверх дном, — рассказывал Лукас. — Я так и не нашел ничего существенного. Кроссовки подходят, презервативы те же, размер одежды такой же, машина той же марки. Но и ты, и я, мы оба знаем, что найдется еще человек пятьдесят, у которых совпадут все эти вещи.

— Пятьдесят человек, которые тоже юристы, бывают в городском суде, имеют техасский акцент и могли приобрести пистолет у Раиса?

— Но у нас нет никаких прямых доказательств, что он купил пистолет у Раиса. А все остальные улики слишком легковесны. И уж поверь мне, он возьмет лучшего адвоката, а хороший адвокат разобьет нас в пух и прах.

— А как насчет экспертизы голоса, записанного на пленку?

— Ты сам прекрасно знаешь, как в суде относятся ко всему этому.

— Но ведь сейчас совсем другое дело.

— Да. Я знаю. Это соблазнительно...

— Но?

— Но если мы и дальше будем за ним наблюдать, то мы его обязательно на чем-нибудь поймем. В последний раз ему так и не удалось никого убить. И теперь он напуган, но уж если он настроился убить, то обязательно вернется к этому. Рано или поздно. Могу поспорить, он сделает это на следующей неделе. На этот раз он от нас не уйдет. Возьмем его, когда он будет входить к жертве, и при нем будет все — и «Котекс», и картофелина, и перчатки. Будем брать его тепленького.

— Я поговорю с окружным прокурором. Расскажу, что у нас есть сейчас и что может быть, если подождать. Но в основном, думаю, ты прав.

Посты наблюдения располагались в домах, стоявших на другой стороне улицы неподалеку от особняка, в котором жил Бешеный.

— Это все, что мы могли устроить, но в общем и это неплохо, — объяснил старший из наблюдателей. — Отсюда видны обе двери и все окна. Сбежать можно только на юг, а из этого района одна дорога — на север. И только мимо нас. Но нас он не заметит.

— Что там у него горит? Он что, читает в постели?

— Ночник, наверное, — предположил полицейский.

Лукас кивнул. Кажется, он видел ночник в спальне, но точно сказать не мог.

— Должно быть, пытается прогнать ночные кошмары, — проговорил он.

— Уж кого-кого, а его должны мучить кошмары, — согласился дежурный. — Ты постоянно будешь дежурить с нами?

— Я буду приезжать каждый вечер, — ответил Лукас. — И если он изменит каким-либо образом свой обычный распорядок дня, я хочу, чтобы вы мне сообщили. Я тут же примчусь. Он еще никогда не совершал нападения рано утром, так что я буду уезжать домой после того, как он будет ложиться спать. Утром я первым делом буду связываться с наблюдателями.

— Постарайся никуда не уезжать. Если он что-нибудь затеет, то все произойдет очень быстро.

— Знаю.

Лукас посмотрел через окно на квартиру Бешеного, на втором этаже тускло светилась лампа. Уж на этот раз они не «лопухнутся».

Бешеный никогда бы не заметил, что за ним ведется наблюдение. Это произошло совершенно случайно.

Он задержался почти до вечера, оформляя в банке сделку купли-продажи недвижимости в городке под названием Гастингс, расположенном на реке Миссисипи в двадцати милях к югу от Миннеаполиса. Уже стемнело. Он пересек Миссисипи по мосту в Гастингсе и поехал на север по шоссе 61, потом через пригороды Коттадж-Кроув, парк Сент-Пола и Ньюпорт. Когда он проезжал через парк, то оказался прямо за самосвалом с гравием. Куски камня сыпались из кузова и летели на дорогу. Такой камень вполне мог разбить лобовое стекло.

Подумав о такой перспективе для своего новенького блестящего «сандерберда», Бешеный взял левее и обогнал самосвал. Машина ближнего наблюдения, шедшая за ним, тоже приблизилась к самосвалу. Так как по всему было заметно, что их подопечный никуда не спешит и всего лишь намеревается ехать впереди самосвала, то полицейские не стали обгонять грузовик.

Гравий падал вокруг их машины, однако они не обращали на это внимания. Машина была в хорошем техническом состоянии, но, как большинство машин наблюдения, внешней красотой не отличалась, это был обыкновенный «додж». Ничего страшного, если на нем появится пара свежих царапин. Зато самосвал с гравием служил великолепным прикрытием.

Ничего бы не случилось, если бы один особенно большой камень не отскочил от дороги и не отколол половинку желтого пластмассового рассеивателя сигнала левого поворота. Полицейские в машине слышали глухой звук удара.

— Надо бы этому паразиту выписать штрафной талон, — сказал один из наблюдателей после удара.

— Да, — проговорил водитель. — Давай, ставь мигалку на крышу и вперед.

— Можешь представить себе лицо Даниэля после этого. Мы ему говорим: «Ну, мы вели наблюдение за ним, когда у нас прямо перед носом возник этот чертов самосвал, нагруженный доверху щебенкой...»

— Да он просто в тюрьму нас засадит, — откликнулся его напарник. — Уж он-то найдет способ сделать это.

Бешеный решил остановиться у закусочной, там, где шоссе делает петлю. Это место находилось чуть к северу от города Ньюпорт. Когда он переходил на другую полосу движения, то посмотрел в зеркальце заднего обзора и без особого интереса заметил, что у машины, которая шла за ним метрах в ста, сигнал поворота был каким-то необычным. Сигнальная лампочка загоралась, но была как бы двухцветной: желтой и ярко-белой.

Машина наблюдения находилась намного ближе к автомобилю Бешеного, чем полагалось, и все еще продолжала ехать впритык, когда Бешеный свернул в сторону, направляясь к одному из ресторанчиков. Съезжая с трассы и притормаживая на спуске, Бешеный снова обратил внимание на «додж» с необычным сигналом поворота. Что-то там было не так, подумал он, разбитая фара или что-то еще. Эта машина не торопилась съезжать следом за ним.

Когда загорелся зеленый свет, Бешеный тут же забыл про «додж», повернул налево, поднялся немного в горку и въехал на стоянку автомашин у ресторана. У входа в ресторан он купил номер «США сегодня» и вошел внутрь.

Пока он ел и читал газету, полицейские наблюдатели по очереди заправились гамбургерами и кока-колой в закусочной «Макдоналдс» в полумиле от него. Но две группы следили за Бешеным неотрывно.

Выйдя из ресторана, Бешеный решил ехать в Сент-Пол по Роберт-стрит. Это была загруженная улица со сложным движением, но там находились два кинотеатра. А посмотреть фильм было бы очень кстати.

Уже проехав половину Роберт-стрит, он вдруг заметил знакомый огонек. Он мелькнул за три машины у него за спиной. Сперва он был не очень уверен, но огонек мелькнул еще раз, потом еще.

За ним следили.

Он был в этом уверен.

Зажегся зеленый свет, а он все продолжал стоять, уставившись невидящими глазами на дорогу перед собой, пока машины, находившиеся за ним, не начали оглушительно сигналить. Что же ему делать? Уносить ноги?

Нет. Если за ним действительно следят, то полицейские тут же догадаются, что он их раскусил. Ему нужно время, чтобы все обдумать. К тому же, может быть, он ошибся. Он не был уверен, что этот странный огонек означает слежку. Может быть, это совпадение.

Но в глубине души он чувствовал, что это не совпадение.

Он проехал торговый центр, повернул направо и направился к скоростному шоссе номер 3, которое вело на север и там пересекалось с дорогой номер 94. Сделав поворот, он посмотрел в зеркальце. Машина ехала за ним следом, но на достаточно большом расстоянии, и он не мог разглядеть, какой у нее сигнал поворота.

Он подумывал уже о том, чтобы свернуть на обочину и инсценировать поломку машины, но это могло ускорить события, заставить их предпринять какие-то шаги. Он не был уверен, что стоило добиваться такого эффекта. Мысленно он перебрал, есть ли против него какие-нибудь улики. В квартире ничего. В машине тоже ничего. Ничего такого, за что его можно было бы подцепить на крючок. Если же они действительно ведут наблюдение, то, должно быть, ждут, когда он совершит нападение.

Подъезжая к дорожной развязке за мостом Лафайет, Бешеный вдруг резко сбросил скорость. Машины, ехавшие позади, начали приближаться, на соседней полосе Бешеный снова заметил «дождь», сигнал бокового поворота которого был явно испорчен.

Два полицейских в замыкающей машине наблюдения наконец проехали мимо Бешеного, затем она двинулась на север по дороге номер 3. Доехав до скоростной трассы, две женщины-полицейские в головной машине наблюдения сделали логическое заключение, что Бешеный направляется обратно в Миннеаполис. Они стали разворачиваться. Бешеный, ехавший за ними, проскочил эту дорожную развязку и ринулся в лабиринт улиц предместья Сент-Пола. Все наблюдавшие за ним группы, стараясь не оторваться от него, двинулись по параллельным улицам. Когда головная машина наблюдения отстала, машине ближнего наблюдения пришлось опять прижаться к нему как можно ближе. Они ехали на таком малом расстоянии, что, когда повернули за угол и увидели, что автомобиль Бешеного остановился, им пришлось проехать дальше.

А Бешеный тем временем следил за ними и отчетливо заметил разбитую линзу сигнальной лампочки.

За ним установили слежку. Один раз это могло оказаться совпадением. Но нужно быть совсем наивным, чтобы поверить, что все это простое совпадение.

Бешеный запер машину, быстро прошел в торговый центр и поднялся на второй этаж, где располагался кинотеатр. Здесь его тоже сопровождали, правда небольшими силами, но все были на своих местах. Из машины ближнего наблюдения передали всем группам, что Бешеный ставит машину. Все, кроме шоферов, уже стояли на улице еще до того, как их подопечный смог втиснуть свою машину у тротуара.

Они шли за ним до самого кинотеатра. Как же они на него вышли? Наверное, еще во время наблюдения за домом Макгаун они, следуя заведенному порядку, записали номера всех машин, стоявших в том районе. Возможно, кто-то, услышав стрельбу, увидел, как он отъезжает, и запомнил номер машины. Может быть, у них ничего и нет, кроме этого номера. Наверное, ему стоит продумать объяснение, почему он там был. Сейчас в голову ничего не приходило, но позже он что-нибудь придумает.

Если они следят за ним, то он ничего не мог с этим поделать. Уйти из-под наблюдения он не осмелился. Это только подтвердит его вину. Он уже избавился от всех улик, которые могли бы указывать на его причастность к убийствам. Насколько он знал, против него не было неопровержимых доказательств.

Когда фильм закончился, Бешеный вернулся к машине, изо всех сил сдерживая обуревающее его желание оглядеться по сторонам. Где там его сыщики? Конечно же, он их не увидит. Они достаточно профессиональны для этого. По улицам пригорода он доехал до шоссе и повернул на восток. По дороге домой он не видел больше разбитой сигнальной линзы. Это ничего не значило. Он это понимал, но не мог подавить в себе крошечный лучик надежды. Может быть, на самом деле это всего лишь совпадение?

Шоссе было заполнено машинами, и хотя он приглядывался, но так и не заметил «доджа» с разбитой мигалкой. Бешеный с облегчением вздохнул и почувствовал, как спадает напряжение. Когда он добрался до своего поворота, то притормозил у светофора и стал ждать. За ним следовала еще одна машина. Она медленно свернула за поворот. Слишком медленно.

Светофор переключился на зеленый свет. Бешеный все продолжал стоять. Мимо него проехала еще одна машина. Рассеиватель на левой сигнальной лампочке был разбит. Из-под остатков желтой пластмассы ярко светила белая лампочка.

Бешеный взглянул вверх, увидел зеленый сигнал светофора и тронулся.

— Господи, да на вас лица нет! Уж не заболели ли вы? — озабоченно проговорила его секретарша.

— Нет-нет! Просто последние несколько ночей страдаю от бессонницы. Пожалуйста, найдите документы по закрытию дела Паркер-Олсон.

Бешеный сел за свой письменный стол. Дверь кабинета была закрыта. Перед ним лежала стопка чистых листков желтой бумаги. Он задумался.

В новых статьях о том, как велось наблюдение за домом Макгаун, упоминалось, что полиция устроила наблюдательные посты и перед ее домом, и позади. Интересно, они так же поступили, когда устанавливали наблюдение за его домом? Наверное, да. Вокруг много пустых квартир, он сам видел объявления, только не обращал на них внимания. Да и с соседями он не был знаком, только что раскланивался с жильцами своего дома. Сможет ли он обнаружить посты наблюдения?

Бешеный поднялся и подошел к окну. Держа руки в карманах, он смотрел на улицу, не видя того, что там происходит.

Да. Может быть, он и сможет вычислить их местонахождение. Но что это ему даст?

Если они придут его арестовывать, он не станет сопротивляться. Это бессмысленно. Разве он не представлял себя в суде, как будет защищать себя от обвинений? Разве он не мечтал очаровать, заморозить судей своим ораторским искусством?

Да. Мечтал. Но теперь картина блестящей защиты не так легко всплывала в его мозгу. В глубине души он знал, что они правы. Он не очень хороший адвокат, а уж для выступлений в суде и подавно не подходил. Бешеный никогда не позволял себе задумываться над этим, но факт оставался фактом.

Он ходил из угла в угол, покусывая губу. За ним вели наблюдение. И, как бы долго он ни сдерживал желание овладеть другой женщиной, они все равно за ним придут. Они не станут ждать вечно.

Он опустил на стул, посмотрел на желтые листки и начал размышлять.

Они пока еще не полностью уверены во всем, чтобы арестовать его.

А с другой стороны, не могут же они ждать до бесконечности.

Что же они предпримут?

Бешеный подумал о Дэвенпорте. Он же игрок. Как в этой ситуации поступит игрок?

Игрок сфабрикует ложное обвинение.

Через полминуты лазания на коленках в гараже он нашел укрепленный на его машине передатчик. А еще через час поисков обнаружил у себя под матрасом фотографии. Передатчик он трогать не стал, а вот фотографии его перепугали до смерти. Если бы в это мгновение полицейские вошли в его дом, то он угодил бы в тюрьму на восемнадцать лет — таков максимальный срок тюремного заключения в Миннесоте.

Он принес фотографии на кухню и сжег их одну за другой, наблюдая за тем, как они корчатся в пламени газовой горелки. Когда фотографии догорели до конца и превратились в пепел, он растер его в мелкую пыль и смыл в раковину.

Этой ночью Бешеный заставил себя полежать в постели пятнадцать минут, потом тихонько подошел к окну и выглянул на улицу. Там повсюду виднелись освещенные окна, но еще больше было темных окон. Он снова вернулся к постели, взял две подушки, одну бросил на пол, а другую прижал к стене так, чтобы можно было на нее опереться. Впереди была целая ночь.

* * *

После трех часов сидения Бешеный начал дремать, его голова свесилась на грудь. Он встряхнулся и снова уставился в окно. Все было примерно так же, как и раньше, но продолжать наблюдать дальше у него уже не было сил. Осталось только два освещенных окна, он взял их на заметку.

Бешеный поднялся сам, поднял подушки и рухнул на постель лицом вниз. Парадоксально, но, как только он позволил себе расслабиться и заснуть, он ощутил какое-то возбуждение. Мысли мелькали в его мозгу, они походили на ночные поезда, были тяжелыми, внезапно возникали и быстро исчезали, так и не успев приобрести четкие формы. Какая-то мешанина образов: его женщины, их глаза, Лукас Дэвенпорт, драка у дома Макгаун, разбитая мигалка на машине...

Из всего этого хаоса возникла идея. Сперва Бешеный отбросил ее, потому что она походила на ночной кошмар. Но в конце концов он обдумал ее и начал выдвигать

возражения одно за другим. И чем больше их находилось, тем убедительнее становилась сама идея.

Это будет выигранный удар. А что касается наблюдения, то лучшего алиби ему не найти. Хватит ли у него отваги, чтобы нанести этот удар? Или же он будет сидеть здесь, как перепуганный заяц, дожидаясь, пока охотник свернет ему шею?

Бешеный закусил губу. Зубы вонзились так глубоко, что на следующее утро он обнаружил кровь на своей подушке. Но он все решил. Он попытается.

Лукас сидел на высокой табуретке. Склонившись над верстаком, он колдовал над кусками белой двухдюймовой поливинилхлоридной трубки, гайками, болтиками, алюминиевыми трубами и полосками ватина, который используют в качестве утеплителя в зимних пальто.

Он надеялся сам взять Бешеного. Но следствие превращалось в скучный и неприятный шахматный эндшпиль. Исход борьбы будет определяться, скорее всего, разного рода маневрами, а не открытой схваткой.

Тем не менее он должен быть готов и к схватке — в том случае, если такая возможность представится.

Его первая попытка смастерить глушитель стоила ему крови.

— Ну, не знаю, — проговорил он вслух.

Штука должна сработать, но внешне она выглядела ужасно. Поливинилхлоридная трубка длиной в тридцать сантиметров была разрезана вдоль и снова соединена крыльчатыми гайками, но с пропилами по всей длине разреза. Через эти щели выглядывал плотно скрученный ватин. А в самой середине помещалась алюминиевая трубка, в которой он ручным сверлом просверлил много маленьких дырочек.

Лукас присоединил всю эту конструкцию к стволу одного из своих пистолетов, потом включил маленький магнитофон, дослал патрон в патронник, прицелился в стопку телефонных справочников и нажал на курок. Шум от выстрела был небольшой, раздался механический лязг, телефонные книги подпрыгнули, и в тот же момент глушитель вывернулся у него из рук и развалился. Острый край поливинилхлоридной трубки порезал ему средний палец.

— Сука! — выругался Лукас.

Он выключил магнитофон и пошел наверх, разглядывая порез. Рана была неглубокой. Лукас промыл ее, перевязал и снова спустился вниз.

Звук выстрела записался на магнитофон, и лязгающий звук разваливающегося глушителя тоже, но все это не было похоже на звуки обычных выстрелов.

Глушитель разлетелся на части. Внутреннюю трубку выбило из сочленения со стволом пистолета то ли выбросом газа, то ли самой пулей. Но траектория полета пули в основном не изменилась. Лукас в уме прикинул, какие изменения необходимо внести в конструкцию глушителя. Главное требование заключалось в том, чтобы его можно было легко отсоединить от пистолета и разобрать. Внешний вид значения не имел.

Закончив рассматривать глушитель, Лукас вынул пулю из телефонного справочника и внимательно осмотрел ее. Это была самодельная охотничья пуля с плоской головкой. Она была так искорежена, что для определения ее калибра понадобился бы специалист.

Лукас удовлетворенно кивнул головой. Патроны подходят, нужно еще поработать над глушителем.

И надо было сделать мишень.

Утро. Через окно в кухню проникал серый свет. Лукас пытался взбодрить себя с помощью кофе и физических упражнений. Пистолет с насаженным на него усовершенствованным глушителем лежал в замызганной спортивной сумке, которую он откопал у себя в кладовке. Ношение пистолета с глушителем было противозаконным. И, если его каким-то образом обнаружат у него в машине, он скажет, что подобрал его на улице.

Где-то неподалеку хлопнула дверца машины, Лукас взял чашку кофе, прошел по коридору и посмотрел в окно, выходящее на улицу. По дорожке шла Карла Руиц. От дома отъезжало такси. Он спрятал сумку под раковину, вернулся в спальню и натянул спортивный костюм. В дверь позвонили. Лукас пошел открывать.

— Привет, — тихо произнесла Карла. Ее лицо было опущено, и она лишь на короткие мгновения поднимала на Лукаса глаза.

— Что случилось?

— Давай-ка выпьем кофе.

— Конечно, — удивленно проговорил он. — У меня как раз только что закипела вода.

Он провел ее в кухню, в большую керамическую кружку положил полную с верхом ложку растворимого кофе и поставил перед ней.

— Вчера вечером ко мне приходила Дженнифер Кери, — сказала Карла, усаживаясь.

Она расстегнула пальто, но не стала его снимать.

— Ого! — Лукас сел напротив.

— Мы поговорили.

Лукас отвел взгляд и посмотрел в гостиную.

— Вы что же, решали мое будущее? Ты и она?

Карла слегка улыбнулась, но только чуть-чуть.

— Да, — подтвердила она и отпила кофе.

— Очень мило, что ты поставила меня в известность, — язвительно заметил он.

— Мы подумали, что это следует сделать. Это было бы вежливо по отношению друг к другу, — сказала Карла, и Лукас непроизвольно рассмеялся.

— И что же вы решили?

— Ты достанешься ей.

— И ты не против?

— Я не против. Я страшно сердита на тебя за то, что ты спал с нами по очереди — с одной здесь, в городе, а с другой там, в лесу. Но я поразмыслила и решила, что наши с тобой отношения длились не так уж долго. Мы живем в разных местах. Я рисую, а ты стреляешь в людей. И, кажется, у нее есть некоторый приоритет, учитывая беременность и все остальное.

— А почему бы вам не поинтересоваться, чего хочу я?

— Мы решили, что это не имеет особого значения. Дженнифер сказала, что ты будешь вилять и изворачиваться, но потом сдашься.

— А вот это уже слишком, — сказал Лукас, перестав улыбаться.

Они смотрели друг на друга через стол. Лукас первым отвел взгляд.

— Я ведь могу послать Дженнифер куда подальше, — проговорил он.

— Только не сейчас, когда она беременна, — заявила Карла, качая головой. — Не получится. Дженнифер так решила, и я с ней согласна. Я спросила ее, что она будет делать, если у тебя появится другая женщина. Она ответила, что снова пойдет и поговорит с этой новой женщиной.

— Господи! — Он закрыл глаза, откинул назад голову и принялся массировать шею. —

Чем же я заслужил такое?

— Спал слишком со многими, — сказала Карла. — В конце концов, это даже льстит тебе, если вдуматься. Она симпатичная и умная. И по-своему она тебя любит. А я по-своему, впрочем, мне хотелось бы приезжать в твой домик пару раз в году. Пока я не смогу купить свой собственный.

— В любое время, — с тоской проговорил Лукас.

Он хотел сказать еще что-нибудь, но никак не мог подобрать слова.

Карла еще разок пригубила кофе, отодвинула чашку на середину стола и встала.

— Мне пора идти. Такси должно уже вернуться.

Лукас продолжал сидеть.

— Все было по-настоящему.

— Как понимать твои слова? — спросила она, беря в руки свою сумочку.

— Так говорят, когда не могут придумать ничего лучше.

— Хорошо. Пока.

Она застегнула пальто.

— А почему не пришла Дженнифер?

— Мы об этом говорили и решили, что это должна сделать я. Тогда нам обоим будет ясно, что нас уже ничто не связывает. Кроме того, она сказала, что ты полчаса будешь каяться, потом в ярости станешь крушить все вокруг, потом постарайся позвонить ей по телефону, с тем чтобы наорать на нее. Потом, примерно через два часа, ты начнешь хохотать. Она сказала, что предпочитает пропустить прелюдию. — Карла посмотрела на часы. — Она приедет через два часа.

— Стерва, — проговорил Лукас, не веря своим ушам.

— Ты прав. — Карла вышла из дома. Желтая машина такси уже ждала ее. Она остановилась у входной двери. — Я позвоню тебе следующей весной. Насчет домика.

* * *

Прошло более трех часов. Когда приехала Дженнифер, в ее поведении не было заметно и тени раздражения.

— Привет, — сказала она открывшему дверь Лукасу.

Она прошла в дом, сняла пальто и бросила его на диван.

— Звонила Карла, сказала, что разговор прошел успешно.

— Мне очень неприятно... — начал было Лукас, но она не дала ему договорить.

— Оставь это. Между прочим, Макгаун переходит работать в центральную телекомпанию. Весь город об этом говорит.

— К черту Макгаун.

— Так что поспеши, — продолжала Дженнифер, — она уедет через месяц. Но я все равно продолжаю считать, что то, что ты сделал, просто ужасно. Макгаун слишком глупа, чтобы понять это.

— Черт побери, Дженнифер...

— Если ты собираешься орать, то мы можем поговорить как-нибудь в другой раз.

— Я не собираюсь орать, — пробурчал Лукас, а про себя подумал, что мог бы сейчас кого-нибудь задушить.

— Хорошо. Тогда, думаю, я могу объяснить свою позицию в этом вопросе. Конечно, если ты захочешь меня выслушать.

— Конечно. Почему бы и нет? Ведь ты же теперь будешь говорить мне, как жить.

— Так вот, моя позиция такова: я беременна, и отец моего ребенка не должен ни с кем путаться до того времени, как родится ребенок, и, возможно, — она остановилась, обдумывая справедливость и приемлемость своих требований, — пока он не достигнет одного года. А может быть, и двух лет. Таким образом, я смогу ощущать себя замужней женщиной и говорить с тобой о ребенке, о том, что мы делали в течение дня, о его первых словах, о том, как он начал ходить, и мне не надо будет беспокоиться, что ты с кем-то связался. А потом, когда тебе все это надоест и ты с кем-нибудь спутаешься, то я смогу думать, что мы с тобой развелись.

Она улыбнулась. Лукас чувствовал себя раздавленным.

— Я никогда не слышал более холодного и расчетливого предложения.

— Это не экспромт, я писала и переписывала эту речь раз десять. Мне кажется, что все изложено довольно убедительно и в то же время эмоционально.

Лукас засмеялся, потом перестал смеяться и сел. «У него измученный вид, — подумала она. — Или загнанный».

— Хорошо. Сдаюсь, — проговорил он.

— И на все согласен?

— Да, на все.

— Честное слово бойскаута?

— Да. Честное слово скаута.

* * *

Поздно вечером того же дня Лукас лежал на матрасе на наблюдательном посту и думал о Дженнифер. Пожалуй, он смог бы так жить. Два года? Это возможно.

— Странно... Вот! Видел? — проговорил один из полицейских.

— Я ничего не заметил, — ответил другой.

— Что там? — спросил Лукас.

— Да не знаю. Похоже, там есть какое-то движение. Едва заметное, у самого края окна.

Лукас подполз ближе и тоже посмотрел. В квартире Бешеного было темно, за исключением едва мерцавшего света ночника.

— Я ничего не вижу, — сказал он. — Думаешь, он там что-то делает?

— Не знаю. Может быть, ничего и не делает. Просто время от времени... как будто он наблюдает за нами.

Этот удар принесет ему победу. И если ему хватит самообладания, то он сделает все как надо. Бешеный представил себе лицо Дэвенпорта. Уж Дэвенпорт-то поймет что к чему, но не будет знать, как он это собирается сделать, и ничем не сможет ему помешать.

В некотором смысле это будет его наиболее интеллектуальным ходом. Он не испытывал внутренней тяги именно к этой женщине, но все равно он будет ею обладать. Полицейские, за исключением Дэвенпорта, найдут в этом свою логику. Понятную им логику.

А тем временем в нем снова начинала расти непреодолимая страсть. В городке под названием Ричфилд жила женщина, школьная учительница У нее были глаза, как миндалины, и пышные волосы, похожие на соболий мех. Бешеный видел ее, когда она приводила группу школьников в правительственный центр, где на первом этаже устраивалась выставка рисунков школьников начальных классов...

Нет. Надо выбросить ее из головы. Тяга к ней будет расти, но он сможет взять себя в руки. Для этого нужно будет усилие воли. А его ум должен быть ясным, чтобы точно нанести удар.

Сначала ему надо хотя бы на пару часов вырваться на свободу. Он не видел наблюдавших за ним, но слежка продолжалась, он был в этом уверен. Толпа наблюдателей ходила за ним по пятам по всему городу. Его ночные бдения и обзор местности с чердака принесли свои плоды. Он решил, что знает, где находятся посты наблюдения. По тому, как зажигался там свет, он понял, что там живет не семья и не одинокий человек. Он видел огоньки машин, подъезжавших и уезжавших ночью от одних и тех же двух домов. Он точно знал, что до недавнего времени один из этих домов пустовал.

Они ждали, когда он совершит первый шаг. Но, чтобы совершить его, он должен был вырваться на свободу. Всего на два часа. Кажется, он придумал, как это сделать.

Адвокатская контора Вудли, Гэйджа и Хоула занимала три этажа в административном здании в двух кварталах от него. Бешеный дважды сталкивался с одним из адвокатов этой фирмы во время окончательного решения вопросов по недвижимости. Этого человека звали Кеннет Харт. Каждый раз они вместе обедали. Если бы когда-нибудь кто-нибудь спросил его, есть ли у него друзья, он назвал бы Харта. И теперь он рассчитывал, что Харт помнит его.

В этой конторе сотрудники размещались на этажах в зависимости от занимаемого положения. Наиболее престижным считался третий этаж, там располагались офисы трех глав компании. Сотрудники среднего звена работали на четвертом этаже, а все остальные на пятом. В менее известной фирме клиента, который в поисках адвоката, сидевшего на четвертом или пятом этаже, зашел в приемную на третий этаж, отправили бы назад по коридору к лифтам. Но здесь такой необходимости не было. У них был свой внутренний лифт и своя лестница.

Но самое замечательное заключалось в том, что на каждом этаже, вплоть до восьмого, был специальный выход в гараж. Если он войдет к ним в контору на третьем этаже и если полицейские не знают о внутренней лестнице, то он сможет незаметно улизнуть через пятый.

Но, прежде чем воспользоваться конторой Вудли и Гэйджа, необходимо совершить туда предварительную экскурсию, и сделать это надо под носом у полицейских.

Бешеный пораньше вышел из офиса. На своей машине с прикрепленным к ней радиосигналом он поехал на юг, на Лейк-стрит, нашел место парковки, вышел из машины и зашагал вдоль линии обшарпанных магазинчиков. Он подошел к антикварному магазину, посмотрел сквозь грязное стекло витрины и с облегчением вздохнул. Наживки для рыбной ловли все еще продавались.

Бешеный прошел еще полквартила до магазина, где продавались материалы для компьютера. Там он купил упаковку бумаги и медленно направился назад к машине, продолжая разглядывать витрины. Бешеный снова задержался у антикварного магазина и притворился, что раздумывает, заходить или нет. Не стоит переигрывать, подумал он, за ним наблюдают профессионалы, они могут что-нибудь заподозрить. Вошел.

— Чем могу служить?

Из глубины магазинчика показалась женщина. Ее пепельные волосы были забраны в пучок, руки она сложила на груди. Если бы на ней была еще шаль, то она была бы похожа на бабушку, которую изображают на упаковке шоколадного печенья. Она была одета в дешевый синий костюм с красным галстуком, напряженность и слезящиеся глаза выдавали в ней закоренелого алкоголика.

— Там на витрине у вас выставлены наживки для рыбной ловли, они дорогие? — спросил Бешеный.

— Одни дорогие, другие нет.

Женщина направилась к витрине, при этом она широко расставляла ноги, чтобы не упасть. «Она же пьяная», — подумал Бешеный.

— А вот эта, с голубенькой кисточкой?

— Эта ручной работы и расписана от руки. Сейчас, знаете ли, много подделок, а эта настоящая. Я купила их все прошлым летом у владельца пансионата, он продавал ненужные вещи.

— Так сколько она стоит?

Она окинула его взглядом, прикидывая в уме, какую сумму назвать.

— Двадцать.

— Беру.

На ее лице отразилось сожаление, что она не запросила больше.

— Плюс налоги, — добавила она.

Он вышел из магазина, неся наживку в коричневом бумажном пакетике, и поехал в банк. Там он выписал чек на две тысячи долларов.

* * *

Приманка была вырезана из цельного куска сосны, с нее свисали три ржавых тройных крючка. Эта приманка на раннюю щуку, так сказала продавщица, наверное, сделана в тридцатые годы. Бешеный ничего не понимал в наживках для рыбной ловли, но эта обладала какой-то необыкновенной точностью, характерной для народного искусства.

Если бы он занимался коллекционированием, как Харт, то купил бы ее для своей коллекции. Завтра он позвонит Кеннету Харту сразу после обеда.

Ночью он снова обдумал весь план и решил, что не стоит этого делать. Уже на рассвете, пошатываясь, он прошел в ванную и выпил полтаблетки снотворного. Прежде чем лекарство начало действовать, он снова передумал.

— Алло, Кен?

— Да, это Кен Харт...

Голос звучал несколько обеспокоенно.

— Это Луис Валлион, помнишь, в Фелсен...

— Конечно. Что у тебя?

Теперь голос звучал дружелюбно.

— Ты в ближайшее время будешь на месте?

— У меня в два встреча...

— Ты мне нужен всего на минутку. У меня для тебя кое-что есть.

— Заходи.

Как только он куда-нибудь выходил, вокруг него разворачивалась невидимая сеть, так он предполагал. Он старался не смотреть по сторонам, но никак не мог удержаться от этого. Большинство наблюдателей женщины, он знал об этом. Они лучше всего ведут слежку. По крайней мере, так говорится в книгах.

Бешеный оставил свое пальто в офисе и отправился к Харту в одном пиджаке и с портфелем. Недорогой плащ коричневого цвета был туго свернут и лежал в портфеле, там же лежала и твидовая шляпа.

Придя в контору, где работал Харт, Бешеный прошел прямо в приемную на третьем этаже.

— Мне нужен Кен Харт, — сказал он секретарше.

— Вам назначена встреча, мистер?..

— Валлион. Я адвокат из конторы Фелсен-Гор. Несколько минут назад я звонил Кену и сказал, что иду к нему.

— Хорошо. — Она улыбнулась. — Пройдите по коридору...

Он тоже как можно любезнее улыбнулся.

— Я знаю дорогу.

Пройдя по коридору, он вошел в лифт и нажал кнопку пятого этажа. Бешеный надеялся, что его сопровождение сконцентрирует свое внимание на приемной третьего этажа.

— Кен?

Тот листал бумаги, но, услышав свое имя, поднял голову.

— А! Луис. Проходи, садись.

— Да не могу, я очень спешу, — проговорил Бешеный, поглядев на часы. — Я только хотел тебе кое-что занести. Помнишь, когда мы с тобой обедали, ты упомянул о том, что собираешь рыболовные наживки. Я здесь пару недель назад ездил на север...

Он вытряхнул наживку из пакета прямо на стол Харта.

— Ого! Отличная вещь, — проговорил Харт, он был доволен. — Спасибо, приятель. Сколько я тебе должен?

— Фактически, я ее стянул, — ответил Бешеный, качая головой. — Мне неловко говорить тебе об этом. Ну, может быть, ты захочешь угостить меня чизбургером в следующий раз...

— Идет, — весело согласился Харт. — Черт возьми, она действительно хороша!

— Ну, мне пора. Я могу спуститься с вашего этажа или надо возвращаться?..

— Нет, нет, прямо по коридору, — сказал Харт. Он проводил его до двери и показал, куда идти. — Эй, Луис, большое спасибо.

«Тебе спасибо», — про себя подумал Бешеный, выходя. Вся эта шарада была придумана для того, чтобы пройти через пятый этаж. Он немного поколебался, прежде чем выйти через дверь. Это был критический момент. Если там за дверью есть кто-нибудь из тех, кто мелькал у него за спиной, когда он шел по автомобильной стоянке, то придется все отменить. Он глубоко вздохнул и открыл дверь. Там никого не было.

Бешеный прошел до пандуса, остановился за железной пожарной дверью, вынул плащ и шляпу, надел их и только тогда вышел. Вниз можно было спуститься на лифте, но он пошел по лестнице, каждый раз предварительно осматривая лестничный пролет. Внизу он нагнул голову и вышел на улицу почти за целый квартал от того места, где вошел в здание. Бешеный перешел на другую сторону, как бы прогуливаясь, зашел в другое административное здание, поднялся на один этаж и начал блуждать по переходам. Через две минуты он оглянулся. Сзади никого не было.

Он был один.

* * *

Бешеный остановил такси и поехал туда, где на Университетской авеню продавали подержанные машины, это было в миле от его квартиры.

Он осмотрел шеренгу автомобилей и выбрал «шевроле» коричневого цвета. На боковом стекле было написано: «1695 долларов». На спидометре стояла цифра 94651. К нему, потирая руки, подошел похожий на краба продавец.

— Как вам погода? Удивительная, а? — издали начал он.

Бешеный не поддержал разговора о погоде. Машина ему подходила.

— Я подыскиваю что-нибудь дешевенькое для моей жены. На чем можно проехать зиму, — начал он сразу о деле.

— Эта ей подойдет, — отозвался продавец. — Хорошая машинка. Ест мало горючего, но не...

— Даю за нее тысячу четыреста, налог за тобой, — прервал его Бешеный.

Продавец оглядел его с ног до головы.

— Тысячу пятьсот и налог за вага счет, — сказал он.

— Тысячу пятьсот ровно, — продолжал торговаться Бешеный.

— Тысячу пятьсот и налог пополам.

— Документы на нее здесь? — спросил Бешеный.

— Конечно.

— Пусть сотрут краску с лобового стекла и снимут наклейку с двери, — распорядился

он, показывая продавцу пачку пятидесятидолларовых купюр. — Я хочу на ней уехать.

Он назвался Гарри Барбером. Видя, что он будет платить наличными, никто не стал требовать у него документы. Он подписал бумагу, в которой говорилось, что у него есть страховка.

По дороге домой Бешеный остановился у магазина вторсырья и купил двухфутовый шланг для автомашины, мешок с песком, моток серебристой эластичной ленты и пару рабочих перчаток. Когда он подошел к кассе, то увидел несколько различных баллончиков со слезоточивым газом, наподобие того, которым воспользовалась Карла Руиц.

— А они работают? — спросил он кассира.

— Конечно. Еще как!

— Дайте мне один.

В машине он крепко-накрепко завязал один конец шланга серебристой лентой, насыпал в него песок и затянул другой конец. Когда он закончил, то у него получилась слегка гнущаяся двухфутовая тяжелая резиновая дубинка. Бешеный сунул ее под сиденье, а остатки ленты положил в мешок с песком.

Далее, если он правильно запомнил со времен своего студенчества...

В мотеле все автоматы, в которых продавалась разная мелочь, были собраны в одном месте.

Бешеный опустил монетку, получил пачку «Котекса» и сунул ее в карман. С помощью еще нескольких монеток он купил две катушки узкого медицинского пластыря.

Он засунул мешок с песком и лентой в мусорный бак в мотеле, все остальное запер в багажнике автомобиля и быстро, но осторожно поехал в свой район. Бешеный оставил машину на боковой улочке в трех кварталах от своего дома, внимательно огляделся, чтобы убедиться, что припарковался в положенном месте. Машина должна была простоять здесь в целости и сохранности несколько дней. А если ему повезет и не сдадут нервы, ей не придется стоять здесь более нескольких часов.

Бешеный посмотрел на часы. Он вышел из офиса Харта полтора часа назад. Если он хотел достигнуть вершины мастерства в игре, то ему нужно вернуться в офис Харта на пятом этаже, спуститься по лестнице и выйти через приемную. Есть шанс, и довольно хороший шанс, что полицейские не станут интересоваться, где он был.

Но если они все-таки заинтересовались и знают, что он уходил от него, то тогда его притворное возвращение многое им объяснит. Они поймут, что он *знает* о них. Они пойдут напролом, если, конечно, смогут, а ему не хотелось, чтобы ловушка захлопнулась раньше времени.

С другой стороны, если он с невозмутимым видом пройдет через третий этаж и по главной лестнице спустится мимо наблюдателей в одном только пиджаке, без плаща и шляпы...

Скорее всего, они решат, что раз он вернулся, то, наверное, его поход имел невинные цели, например, пообедать.

Он надеялся, что именно так они и подумают.

От этого зависел решающий удар.

Бешеный направился в университетское общежитие, чтобы вызвать такси.

— Вы его потеряли? — Глаза Лукаса потемнели от гнева.

— По крайней мере на два часа, — признался старший по ведению наблюдения.

Чувствовал он себя отвратительно, он еще помнил, что случилось с Кохраном.

— Мы не знаем, то ли он нас провел, то ли просто ушел.

— Как это произошло?

Они сидели на переднем сиденье машины Лукаса, стоявшей у конторы Бешеного, который находился у себя в офисе.

— Он вышел, как всегда, с портфелем в руке, только без пальто и шляпы.

— Без пальто?

— Без пальто, а на улице было холодно. Так или иначе, он отправился за два квартала в другую адвокатскую контору. Это крупная фирма. У них большая застекленная приемная на третьем этаже в здании биржи.

— Да. Я знаю. Компания Вудли и еще кого-то.

— Они самые. Поэтому мы установили надзор за входом и за всем этажом на тот случай, если он выйдет через заднюю дверь. Мы также поставили людей в переходе на первом этаже, чтобы они следили за выходами. Через полтора часа или около того, когда он не вышел, мы забеспокоились. Кэрол позвонила...

— Надеюсь, она нашла благовидный предлог.

— Она придумала какую-то ерунду, но все прошло гладко. Она сказала, что у нее важное сообщение для мистера Валлиона, не могли бы ей помочь его разыскать. Секретарша кому-то позвонила — мы видели все это через стекло, — а потом заявила, что он давно ушел. Он заходил всего на пять минут, чтобы повидаться с человеком по фамилии Харт.

— Так куда же он отправился?

— Я уже подхожу к этому. Так вот, Кэрол говорит, что сообщение очень важное, и спрашивает ее уже по-свойски, не видела ли она, как он уходил? «Он такой рассеянный, — говорит она, — ну, вы знаете, какие они, адвокаты». Девушка в приемной сказала, что нет, она не видела, чтобы он уходил, но она полагает, что он вышел через выход на пятом этаже. Войти можно только через приемную, но контора занимает три этажа, и выйти можно с любого. У них есть свой внутренний лифт, а мы об этом не знали.

— А он мог об этом знать, — заметил Лукас. — Наверняка знал. Он специально это сделал? Как ты думаешь, может быть, он вас засек?

— Не думаю. Я побеседовал с нашими, они считают, что у них чисто.

— Господи, ну и вляпались мы!

— Ты думаешь, его надо брать?

— Не знаю. Как вы его нашли?

— Ну, мы там метались, пытаюсь найти хоть что-нибудь, хоть какой-нибудь след. А он тут как тут, идет по переходу. В руке портфель и свернутая «Уолл-стрит джорнал». Несется мимо нашего наблюдателя, как будто спешит куда-то.

— Он отправился прямо к себе в контору?

— Прямоком назад.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь?

Полицейский покусал губу, подумал немного.

— Не знаю, — наконец сказал он. — Дело в том, что если он намеренно пытался избавиться от нас, то он мог выйти через пандус с пятого этажа. Но с другой стороны...

— Ну?

— Мне неловко признаваться, но он мог пройти и мимо дежурившего в переходе. Совершенно не скрываясь при этом. Мы должны были перекрыть много точек на случай, если он каким-либо образом захочет проскользнуть мимо нас. Мы поставили человека в переходе, он должен был наблюдать и за переходом и за лестницей. Если открывались двери лифта, то он должен был следить за ними, а Валлион мог в этот же момент выйти с лестницы и повернуть в другую сторону...

— Так он мог пройти мимо вас?

— Мог. Даже не подозревая о том, что мы за ним наблюдаем.

— Господи. Опять мы не знаем. — Лукас посмотрел вверх на окно кабинета Валлиона. Там горел свет.

— Я вот подумал...

— Ну?

— Там, откуда он шел, когда мы его засекли, есть пара ресторанчиков. Он держал смятую газету, похоже было, что он ее уже прочитал. Конечно же, я на стал бы клясться в этом перед судом, но думаю, что, вполне возможно, он ходил обедать. Ведь он больше не обедал.

— Гм.

— Ну? Что теперь будем делать?

Лукас запустил пальцы в волосы и подумал о том, как они накололись в прошлый раз. Эти воспоминания не должны были влиять на него, но они влияли.

— Оставим его, — проговорил он. — Надеюсь, под прилавком киоска в том переходе не обнаружат труп.

— Хорошо, — согласился полицейский.

* * *

Игра была сыграна, и последний вечер они посвятили ее обсуждению. Все считали, что она прошла очень успешно. Нужно было добавить лишь несколько штрихов...

Генерала Ли потрепали войска Мида, окопавшиеся вдоль Пайп Крик. Сам Мид нес огромные потери. Но хуже всех пришлось Пикетту, он первым ворвался в Геттисбург, и его дивизия удерживала высоту к югу от города. Во время преследования сил юнионистов, когда те отступали к Вашингтону, дивизия Пикетта оказалась в арьергарде. В последний день сражения у Пайп Крик Ли бросил сравнительно свежие силы Пикетта в центр. Там он и погиб. Юнионисты удержали свои позиции, а конфедераты дрогнули, поспешно отступив за Потомак.

— Что-нибудь изменилось? — спросила Элла Лукаса.

Они стояли у выхода в стороне от других. Элла говорила почти шепотом.

Лукас кивнул, он тоже понизил голос.

— Кажется, мы знаем, кто убийца. Наверное, благодаря твоим молитвам. Это просто подарок Господа. Чистая случайность. Судьба. Наверное, так.

— Почему вы его не арестуете?

Лукас пожал плечами.

— Мы знаем, что это он, но не можем доказать. Пока. Мы ждем, когда он сделает первый шаг.

— Он интеллектуал?

— Точно не знаю. — Лукас окинул взглядом комнату и понизил голос. — Он адвокат.

— Будь осторожен, — предостерегла его Элла. — События быстро подходят к финальной точке. Он играл, и если он настоящий игрок, то я уверена, что он тоже чувствует это. Он может сделать мастерский ход.

— Мне кажется, это ему не по зубам. Мы просто в порошок его сотрем.

— Возможно, — сказала она, трогая Лукаса за рукав. — Но помни, может быть, для него смысл победы не заключается в том, чтобы избежать ареста. Он адвокат и, возможно, надеется выиграть процесс и выйти сухим из воды. Вот в чем заключается фокус.

* * *

Лукас уехал из колледжа святой Анны в восемь часов. Он отправился домой, включил свой компьютер, зажег лампу и принялся вносить последние доработки в сценарий игры. Вступительное слово должно быть сочным, в нем должны быть намеки на дев с обнаженной грудью и пышным задом, поединки на шпагах в темных туннелях, дальние странствия старых добрых друзей, короче, все, о чем мечтают и чего не имеют мальчишки — любители компьютерных игр. Нужно было все это вставить и в то же время скрупулезно избегать порнографии или чего-нибудь такого, что может настроить против мамашу ребенка.

У него это не очень получалось. Он вздохнул и отключил компьютер, положил дискету обратно в коробку, потом спустился в библиотеку и, устроившись в кресле, принялся размышлять.

Его беспокоили те два часа, когда Бешеный ушел из-под наблюдения. Может быть, это произошло случайно. А если он сделал это специально, то зачем? Куда он ходил? Как и когда он обнаружил слежку? Он отлучался не для того, чтобы кого-то убить, у него не было нужных вещей, если только он не носил их в портфеле. Но не такой уж он дурак.

Его посещение антикварного магазина тоже вызвало некоторое беспокойство. Правда, Бешеный зашел сперва в магазин, где продают материалы для работы на компьютере, и купил там пачку бумаги. Но Лукас-то помнил, что около принтера лежало полпачки бумаги. Ведь ему не нужна была бумага. По крайней мере, не настолько, чтобы специально ехать за ней. Затем он зашел в антикварный магазин, и наблюдатель, прогуливавшийся по противоположной стороне улицы, видел, как владелица магазина снимает с витрины наживки для рыбной ловли. Позже, когда Бешеный уже ушел, это подтвердилось. Слоун сам ходил и расспрашивал женщину.

Старинная наживка для рыбной ловли. С чего бы это вдруг? У него дома не было никаких безделушек или украшений, чтобы Лукас мог подумать, что он купил это для себя.

Подарок? Но для кого? Насколько им было известно, у него не было друзей. Бешеный никому не звонил по телефону, и никто не приходил к нему домой. По почте он получал только счета и рекламные объявления.

Так кому же предназначался раритет?

Дэвенпорт сидел в темноте с закрытыми глазами и вертел эту проблему в уме, как

крутят кубик Рубика, но у него все время что-то не сходилось.

«Не имеет смысла сидеть здесь», — подумал Лукас. Он посмотрел на часы. Девять. Лукас поднялся, надел куртку и вышел на улицу к машине. Теперь ночи становились все холоднее, и ветер, бивший ему в лицо, напоминал о катании на лыжах. Пора приводить в порядок и смолить лыжи. Он всегда уставал от зимы в конце сезона, но начало ему нравилось.

Бешеный жил в пяти милях от Лукаса. Лукас остановился у газетного киоска и купил пару журналов.

— Ничего нового, — сказал наблюдатель, когда Дэвенпорт поднялся к ним. — Сидит у телевизора.

Лукас посмотрел на окна квартиры Бешеного.

Сквозь шторы в гостиной просвечивал синий свет телевизора.

— Ну давай же, давай, сукин ты сын, — проговорил он.

Бешеный заставил себя поужинать и убрать посуду. Все, как всегда. В семь часов он включил телевизор. Шторы были задернуты. Он огляделся. Сейчас или никогда.

Он никогда особенно не пользовался инструментами, но эта работа не будет сложной. Он взял из подсобной комнаты отвертку с длинной ручкой, молоток-гвоздодер, клещи, электрический фонарь и отнес все это наверх. У себя в спальне он надел две пары толстых носков, чтобы заглушить шаги. Когда все было готово, Бешеный опустил чердачную лестницу.

Чердак был небольшой, он делился между четырьмя квартирами восьмимиллиметровыми фанерными перегородками. Так как пол чердака имел теплоизоляцию, а сам чердак не отапливался, то здесь было холодно. Тут можно было хранить вещи, которым не страшна холодная зима в Миннесоте. Бешеный бывал здесь лишь дважды: первый раз, когда он только снимал эту квартиру, а второй, когда задумал свой удар, — для того, чтобы осмотреть фанерные перегородки.

Неслышно ступая по полу, он подошел к перегородке, отделявшей часть чердака, которая относилась к соседней квартире, выходявшей окнами на улицу. Фанера была прибита гвоздями с его стороны. Сделано все было небрежно, и Бешеный без особого труда просунул кончик отвертки под край фанерного листа и осторожно отжал его. Чтобы с помощью гвоздодера и клещей вытащить гвозди, ему потребовалось двадцать минут. Все было сделано непрочено, лист крепился десятком гвоздей.

Затем он отогнул фанеру настолько, чтобы иметь возможность пролезть на соседний чердак. Эта часть была такой же пустой, как и его, только у сложенной лестницы лежало несколько сборных картинок-головоломок. Вокруг было тихо, он воспользовался моментом и продолжил работу. Спешить было некуда. Он не выйдет из дома, пока полицейские шпионы не будут думать, что он лег спать. Тихо и осторожно работая при свете фонаря, Бешеный отодрал фанерные листы, отделявшие чердак его соседа от чердака женщины, жившей в квартире, расположенной по диагонали от занимаемой им квартиры.

Он добрался до цели. Здесь жила хирургическая сестра, она недавно развелась, и, с тех пор как он сюда переехал, она все время дежурила в ночную смену в травматологическом отделении медицинского центра Рамси в Сент-Поле. Он звонил в госпиталь со своей работы и спрашивал ее, ему ответили, что она придет в одиннадцать часов.

Потребовалось полчаса работы на холоде, чтобы добраться в ее чердачный отсек. Когда проход был проделан, он тихонько пристроил фанеру на место, так чтобы при Сеглом осмотре не было видно отсутствующих гвоздей. Бешеный спустился по лесенке к себе в спальню, а фонарик, инструменты и гвозди оставил наверху. Когда он будет возвращаться, то воткнет гвозди в старые отверстия, чтобы все выглядело как прежде. Завтра утром, когда жильцы из соседних квартир уйдут на работу, но до того, как последняя жертва Бешеного будет найдена, он снова поднимется наверх и прибьет фанерные листы молотком.

Спустившись вниз, Бешеный решил прогуляться в соседний магазинчик. Он пойдет пешком. Это могло выглядеть как неуместная провокация, но он все-таки решил рискнуть. Бешеный выключил телевизор, надел куртку, проверил, на месте ли портмоне, и вышел через переднюю дверь. Он старался идти медленно, чтобы было ясно, что он никуда не спешит. Пересек автомобильную стоянку перед магазинчиком, зашел внутрь, купил кое-какие

продукты, кашу моментального приготовления, бутылку молока и журнал «Пентхауз». Выйдя на улицу, он откусил пирожок, ощутил во рту вишневую начинку и неторопливо побрел домой.

Это должно сработать. Психологически это должно подготовить их к тому, что он просидит дома весь вечер.

Бешеный поднялся на крыльцо, вошел в дом, закрыл за собой дверь, убрал кашу и молоко и включил телевизор. Показывали футбольный матч.

Он только что начался. «Ковбои» против «Великанов». Бешеный просмотрел первую половину игры. Он смотрел на экран, не задумываясь о том, что происходит на поле. На середине игры он достал пленку с записью интервью Дэвенпорта, поставил ее в видеомаягнитофон и начал смотреть. Дэвенпорт-игрок. Карла Руиц, которую он наметил в Избранные, но которая ею не стала. Он посмотрел запись еще раз и выключил телевизор. Начал ходить по квартире. Зашел на кухню. Заглянул в ящик, где лежали столовые приборы. Открыл холодильник, выпил молока, поставил чашку на буфет. Десять сорок пять. Снял трубку, позвонил медсестре. Двадцать гудков. Тридцать гудков. Сорок. Пятьдесят. Его так и подмывало позвонить в госпиталь и попросить ее к телефону, но лучше не делать этого. Телефон могут прослушивать.

Бешеный погасил свет и пошел наверх, там он разделся, свалил одежду в кучу и начал одеваться снова. Темная водолазка. Джинсы. Кроссовки «Найк» на воздушной прокладке он, связав шнурки вместе, повесил на шею. Новая лыжная куртка цвета морской волны с бирюзовой полосой на груди. Перчатки. Кепка. Он выключил свет в спальне.

Бешеный босиком прошел по коридору, ощупью, держась рукой за стену, в темноте поднялся на чердак. Нашел фонарик, зажег его и пролез сначала на чердак соседа, а потом на чердак медсестры. Там он подошел к лестнице, на сантиметр приоткрыл люк и прислушался. Ни единого звука. Ни огонька.

Эта квартира была точной копией его собственной. Сперва он проверил спальню, направив свет фонаря через открытую дверь. Постель была аккуратно застелена, здесь никого не было. Спустился в кухню, увидел телефон и подумал: «А почему бы и нет?». Полистал телефонную книгу, позвонил в госпиталь и попросил ее к телефону.

— Это Сильвия.

Он повесил трубку, при этом несколько раз нажав на клавишу, как будто на линии были какие-то неполадки. Она была на работе, в госпитале.

Через кухню он прошел в подсобную комнату и оттуда открыл дверь в гараж. Пусто. Бешеный знал, как дверь гаража выглядит с улицы: въезд в гараж прикрывает зеленая изгородь. Он сможет приоткрыть дверь на фут, а то и больше, и этого никто не заметит. На всякий случай он проверил, не заперт ли гараж, и медленно-медленно приподнял дверь. Когда она поднялась на фут, он лег на спину и вылез наружу.

Ночь была темной и облачной. Невидимый с улицы, он, собираясь с духом, еще некоторое время полежал у двери, затем опустил дверь почти до конца, оставив лишь маленькую щель. На обратном пути так будет легче ее поднять.

«А теперь за дело», — подумал он. Под прикрытием живой изгороди Бешеный на четвереньках пробрался к тротуару. Посмотрел по сторонам. С этой стороны стояли жилые дома. Два дома, из которых полицейские вели наблюдение за его квартирой, теперь находились у него за спиной. Проблема может возникнуть только в том случае, если машины наблюдения окажутся на боковых улицах, откуда не видна его квартира. С точки зрения

полицейских, это не имело смысла. Зачем ставить людей там, откуда они не могут видеть жилище их подопечного? Но кто знает, что у них на уме?

Ожесточаясь от этих мыслей, он двинулся вперед. Ступил на тротуар и пошел по улице прочь от дома. Он поглядывал на стоявшие здесь машины, но старался делать это незаметно. Никого. Если бы здесь были машины наблюдения, они стояли бы на самом повороте. Вряд ли их поставили бы здесь. Отсюда нельзя было никуда выехать.

До «шевроле» нужно было пройти три квартала. Бешеный открыл дверцу, сел в машину и осмотрелся. Хвоста не было, он был в этом уверен. Все шло хорошо, он чувствовал это кожей. Он немного посидел в машине, осваиваясь в окружающей среде, стараясь слиться с ночью. Он свободен. Бешеный включил фары, завел мотор и двинулся вперед. Раньше ему в голову приходила одна мысль, и теперь он захотел проверить ее. В газетах писали, что Дэвенпорт ездит на «порше». Стоит ли такая машина у одного из домов наблюдения? Если там действительно находятся посты наблюдения. Он повернул в улицу, проходящую сзади от его дома, и медленно проехал мимо подозрительного дома. Две машины. Ничем не примечательные «форды-седаны». На таких вполне могут ездить полицейские. А что стоит у другого дома? Он свернул налево, проехал два квартала, свет его фар скользнул по приближавшейся машине. Смотри-ка, «порше»! Мимо него промелькнуло лицо Дэвенпорта, когда он заворачивал за угол. Бешеный притормозил, развернул машину и поехал назад. Машина Дэвенпорта остановилась у второго дома, где, по его расчетам, был наблюдательный пост. Дэвенпорт вылез из машины, в руках у него была белая квадратная коробочка, похожая на... Пицца!

Пицца.

Вот и ответ на его второй вопрос. Он никак не мог решить, как же ему попасть в квартиру Руиц. Сначала он хотел поднять пожарную тревогу. Он ударит ее, когда она выйдет в коридор. Но, когда привратник поймет, что это была ложная тревога, он может начать обходить жильцов, чтобы узнать, нет ли каких проблем. И еще была вероятность того, что кто-нибудь еще выйдет в коридор прежде Руиц. Он подумывал о том, чтобы сымитировать голос Лукаса, но что, если она, прежде чем открыть, накинет на дверь цепочку? Она выглянет, а там незнакомый человек. Она сразу поймет.

А вот пицца...

Он остановился у пиццерии. При этом ему пришлось с нетерпением ждать, пока повар неторопливо месил тесто, затем выкладывал его на противень и засовывал в печь. Еще десять минут пицца выпекалась. Бешеный посмотрел на часы. Одиннадцать тридцать пять. Надо торопиться. Обычно в доме Руиц привратник закрывает подъезд в двенадцать часов.

Еще десять минут понадобилось для того, чтобы доехать до старого приземистого дома в Сент-Поле. Он увидел его еще с шоссе, когда поворачивал. Машину он поставил около парадного, потом вынул из багажника свое снаряжение: шланг, набитый песком, баллончик со слезоточивым газом, лейкопластырь и рабочие перчатки. Все, кроме шланга, он рассовал по карманам.

Бешеный вошел в дверь и начал подниматься по лестнице. Привратник, который одновременно был и лифтером, обычно слонялся около лифта и слушал магнитофон. На первых двух этажах стояла тишина, на третьем у кого-то играло радио, и в коридор просачивался негромкий смех. На четвертом этаже было тихо, и на пятом тоже. Бешеный миновал четыре двери. Под ее дверью виднелась полоска света. Он с облегчением вздохнул. Она была дома. Он уже готов был отложить все при необходимости. Теперь не надо ничего

откладывать. Он нанесет свой удар.

Бешеный натянул желтые хлопчатобумажные перчатки, глубоко вздохнул, потом выдохнул и постучал в дверь.

— Пицца! — крикнул он.

Руиц не знала его в лицо.

Он услышал, как она идет по комнате.

— Я не заказывала пиццу, — сказала она из-за двери.

— У меня заказ на пиццу в эту студию для Лукаса Дэвенпорта. И я должен передать, что вино тоже скоро привезут, если уже не привезли.

Она немного помолчала, а потом тихонько произнесла:

— Нет, только не это.

Что? В чем дело? Что-то пошло не так. Бешеный весь напрягся и уже готов был убежать, но в этот момент дверь начали открывать. Цепочка была накинута. Кажется, Руиц дома одна. Она выглянула и увидела коробку.

— Одну минуточку, — сказала она, и о ее голосе прозвучали нотки покорности судьбе.

Он не совсем понимал, что происходит. Руиц захлопнула дверь, и он услышал, как она снимает цепочку. Одной рукой он держал и пиццу, и шланг. А в другой у него был баллончик со слезоточивым газом. Руиц открыла дверь, в комнате у нее за спиной никого не было. Бешеный сунул ей в руки пиццу и шагнул внутрь. Она отступила, глядя на него и недоумевая, почему он так сует ей пиццу. Увидела перчатки и все поняла. Но он уже поднял баллончик и брызнул ей прямо в рот и глаза. Она уронила коробку и попыталась закрыть лицо руками, но закашлялась и отшатнулась назад. Бешеный втолкнул ее в комнату и замахнулся шлангом. Карла подняла руку, защищаясь от удара. Задыхаясь, она повернулась и бросилась к книжной полке, а Бешеный только на мгновение остановился, чтобы пинком закрыть дверь, и бросился за ней. Ничего не видя, она шарила по книжной полке, пытаясь что-то найти. Бешеный уже был рядом, когда ее рука оказалась на маленьком хромированном пистолете. Он ударил ее шлангом, она упала, но продолжала держать пистолет. Совершенно отчетливо он увидел, что она держит его только за рукоятку, палец не лежит на курке. Еще доля секунды, он замахивается и ударяет ее сзади по голове, потом еще раз по плечу и снова прямо в лицо... Она лежала неподвижно, скорчившись на полу...

Бешеный тяжело дышал, он бросил шланг и упал на нее, как тигр на козленка, привязанного для приманки. Запрокинув ей голову назад, он засунул ей в рот «Котекс» и обмотал голову лейкопластырем. Она была в полубессознательном состоянии и не сопротивлялась. Он забеспокоился, что убил ее, и ему в голову пришла абсурдная мысль: это не забава с Избранной, это просто рейд, так что не имеет значения, когда она умрет...

Пистолет лежал на полу, он отшвырнул его ногой, встал, схватил ее за ворот рубашки и потащил в спальню. Там он прикрутил ее пластырем к кровати. На ней была мужская фланелевая рубашка, он рванул ее на груди, пуговицы отлетели в сторону. Бешеный слышал, как они забарабанили по стене, слух у него обострился. В этом состоянии у него обострились все чувства. Он схватил ее за лифчик и разорвал его, расстегнул джинсы, стянул их наполовину. Разорвал снизу трусики и задрал их на живот.

Встал, оглядел свою пленницу. Все хорошо. Она не Избранная, но с ней могло быть интересно. Он протянул руку и погладил ее волосы на лобке.

— Не уходи, — произнес он со слащавым сарказмом. — Мне понадобится что-нибудь острое.

— Он пошел спать? — спросил Лукас.

— Да, — ответил один из наблюдателей.

— Черт!

Лукас задумчиво смотрел в потолок. Может, он заметил слезку?

Он скоро должен начать действовать. Должен.

— У меня уже живот подвело, — сказал второй полицейский. — Мне нужно что-нибудь съесть.

— Еще три часа, — заметил первый.

— О Господи!

Второй наблюдатель взглянул на Лукаса.

— Ты сейчас не занят?

Лукас лежал на матрасе и читал журнал.

— А?

— Хочешь пиццу?

— Конечно, о чем речь. — Лукас поднялся.

— Там, около университета есть одно местечко. Очень даже неплохое, — сказал голодный полицейский. — Я им позвоню, и, когда ты приедешь, у них уже вес будет готово.

— Рация у тебя с собой? — спросил второй полицейский.

— Да.

— Я тебе сообщу, если что-нибудь произойдет.

* * *

Когда он туда приехал, пицца еще не была готова, но она поспела через пять минут. Он отнес ее в машину и отправился назад. Летя на своем «порше» с ветерком, он едва не столкнулся с ехавшей навстречу машиной. «Надо быть осторожнее», — подумал он, когда его осветили фары встречного автомобиля. Меньше всего ему сейчас нужна была потасовка с каким-нибудь провинциалом с красной шеей, который не любит, когда его так подрезают.

Он быстренько пробежал три этажа и отдал пиццу сидевшим наверху полицейским.

— Ничего нового, — сказал один из них.

— Притих, как кролик, — добавил второй. Он снял крышку с коробки. — Ну, если это пицца с анчоусами, ты покойник.

Лукас взял кусок пиццы и снова углубился в чтение журнала.

— У него, наверное, ночник перегорел, — через некоторое время проговорил наблюдатель.

— А?

— Ночник сегодня не горит.

Лукас подполз к окну и посмотрел. Окно спальни Бешеного представляло собой темный прямоугольник. Ни одного лучика света. «Странно, — подумал он. — Если этот парень всегда спал со светом, обычно он ему был нужен...»

— Черт! — выругался Лукас. Он сидел, оперевшись спиной о стену и подогнув колени.

— Ты что?

— Не знаю. — Он повернул голову и посмотрел вверх подоконника. — Это меня беспокоит. Что-то не так.

— Всего-то какой-то паршивый ночник, — заметил голодный полицейский, доев последний кусок пиццы и облизывая пальцы.

— Что-то здесь не так, — еще раз повторил Дэвенпорт.

Он носом чуял опасность. Он наблюдал за ним вот уже две недели, и каждую ночь у него горел свет. Но ведь из дома нельзя выйти незамеченным. Если только он не пробил дырку в стене.

«Чердак, — подумал Лукас. — Этот проклятый чердак».

Он перебрался к телефону.

— Какой у него номер?

— Господи, да ты что, собираешься?..

— Давай номер! — рявкнул Лукас.

Первый полицейский посмотрел на своего уже не голодного коллегу, тот пожал плечами, вынул маленькую записную книжечку из кармана и продиктовал номер. Лукас набрал.

— Если он ответит — мы просто ошиблись номером, — сказал он, поглядывая на остальных. — Я попрошу позвать Луизу.

Раздались гудки. Пятнадцать. Тридцать. Пятьдесят. Свет в окне не зажигался. Ничего.

— Чертов сукин сын, — выругался первый наблюдатель.

— Продиктуй номер еще раз. Может быть, ошибся. Ты уверен, что это правильный номер?

Полицейский продиктовал ему номер, и он снова его набрал.

В телефоне продолжали раздаваться гудки. Трубку никто не брал.

— Пусть звонит, — проговорил Лукас, бросаясь к дверям. — Я иду туда.

— Господи...

Дэвенпорт вылетел из подъезда дома, перебежал улицу и кинулся к крыльцу Бешеного. Он слышал, как звонит телефон. Лукас надавил кнопку звонка и не отпускал. Пять секунд, десять. Свет не зажгли. Он распахнул наружную дверь и попробовал раскрыть внутреннюю. Заперта. Хватит играть в прятки. Времени на всякие ухищрения не было. Он отступил на шаг и со всей силой стукнул ногой по замку — дверь распахнулась.

Лукас бросился к лестнице.

— Валлион!

Сжимая в руке пистолет, он понесся вверх по ступеням.

— Валлион!

В гостиной зажегся свет, Лукас резко обернулся и увидел, что за ним следует полицейский, тоже с пистолетом в руке. Лукас добежал до самого верха и увидел, что чердачная лестница опущена.

— Этот ублюдок ушел! — крикнул полицейский у него за спиной.

— Заткни телефон!

Лукас проверил спальню, потом поднялся по ступенькам на чердак. Перегородки, разделявшие чердак на отсеки, были разобраны. Телефон перестал звонить. Лукас спустился вниз.

— Он прошел через чердак в другую квартиру и выбрался на улицу! — крикнул он. —

Пусть все выходят на улицу и ищут человека, идущего пешком. Пусть его берут. Если ничего другого не обнаружим, мы обвиним его в проникновении в жилище со взломом.

Помощник выбежал на улицу. Лукас тоже вышел из дома, повернул за угол. Ничего. Ни одной зацепки. Он снова прошел в спальню. Лукас запустил руку под матрас, пошарил там. Фотографий не было.

Он спустился вниз и направился к телефону. «Надо позвонить Даниэлю, — подумал он. — Пусть придет кого-нибудь». Когда он брался за телефон, его взгляд упал на крошечный красный огонек видеомонитора. Валлион смотрел видеозапись. Лукас положил трубку на место, включил телевизор, перемотал ленту немного назад и нажал кнопку воспроизведения. Карла. Лукас задумался. Интервью. Карла.

* * *

Лукас бежал, его ум анализировал возможные варианты, а тело уже делало то, что еще не решил разум. Валлион охотится за Карлой. Он не поедет на автобусе, так что он должен каким-то образом завладеть машиной. У Дэвенпорта была портативная рация. Он мог связаться с полицией Сент-Пола, и через три-четыре минуты кто-нибудь будет у нее. Именно столько времени понадобится полицейским, чтобы понять, что он от них хочет, собраться и домчаться до дома Карлы.

Но он сам находится всего в шести милях оттуда. Ехать нужно по шоссе. Его «порше» окажется там через пять минут, а через шесть будет стоять у подъезда. Неужели две лишние минуты погубят ее? Если нет, то он сможет расправиться с этим гадом.

Лукас прыгнул в «порше», хлопнул дверцей, ударил по акселератору, прошел первый поворот, на втором повороте он уже шел со скоростью сорок пять миль в час, а на шоссе заворачивал на скорости пятьдесят. На самом повороте перед ним оказалась «хонда-сивик», Лукас двумя колесами съехал на траву и пронесся мимо «хонды» со скоростью семьдесят миль в час. Боковым зрением он увидел мелькнувшее перед ним перепуганное лицо водителя. На самом шоссе стрелка спидометра без задержки стала переваливать отметку «сто», «сто десять», «сто двадцать». Он летел мимо двигавшихся по дороге автомобилей; повороты мелькали с частотой ударов сердца.

Две минуты. Лексингтон-авеню. Три минуты. Дэйл. Три минуты двадцать секунд, поворот на Десятую улицу, включаем пониженную передачу — машина со скрежетом проехала первый перекресток, перед ним неясно вырисовывался дом. Он остановил машину у тротуара, выхватил из-под сиденья спортивную сумку, в которой был пистолет с глушителем, и бросился к двери черного хода. Когда он подбежал к ней, появился привратник с ключами.

— Нет! — крикнул ему Лукас.

Тот замер. Лукас сунул руку в карман рубашки, достал удостоверение, махнул им у него перед носом и проскочил в дом.

— Оставайся здесь, — приказал он привратнику, застывшему с разинутым ртом. — Сейчас сюда прибудет полиция Сент-Пола, поднимешь их на лифте. Жди здесь, понял?

Тот кивнул.

— Ждать здесь, — повторил привратник.

— Правильно.

Лукас потрепал его по плечу и ринулся вверх по лестнице.

«Сейчас у Карлы в дверь вставлены замки получше, чем раньше, — тяжело дыша, подумал он, когда преодолевал последние несколько ступенек, — но все равно дверь дерьмовая. Впрочем, некогда об этом думать. Но, если Бешеного там нет, будет очень неудобно». Лукас побежал к двери, заметил, что из-под нее виден свет. Он отбросил спортивную сумку, отступил на шаг и ногой вышиб непрочную дверь. Он ворвался в комнату, двумя руками сжимая пистолет.

В студии никого не было.

Слева раздался тихий звук, как будто с книжного шкафа прыгнула кошка. Но это была не кошка. Лукас развернулся и направил туда пистолет. Там находилась маленькая комнатка, темная, похожая на пещеру. Стон. Он сделал шаг вперед. Ничего не видно. Он сделал еще один шаг — все равно ничего не видно. Еще один шаг, он всего в метре от двери. Что-то белое, связанное, скрученное лежало на кровати; опять послышался стон, больше ничего...

Еще один шаг, и вот он, Валлион, его глаза широко открыты и чуть ли не вылезают из орбит, руки в ворсистых желтых перчатках держат какую-то трубку или шланг. Лукас направил пистолет на Бешеного, но шланг ударил его по руке. Пистолет упал на пол. Дэвенпорт почувствовал, как хрустнули кости его правой кисти. Левой рукой он вырвал у Бешеного шланг и отбросил в сторону, но тут же заметил блеснувший как молния нож. Бешеный уже замахнулся, чтобы нанести ему удар в живот. Лукас увернулся и принял удар на сломанную руку, он почувствовал, как кости сместились, и вскрикнул от боли, но лезвие ножа его не задело. Здоровой рукой он перехватил державшую нож руку Валлиона, а локтем правой ударил его в глаз. Тот пошатнулся, и они вместе ввалились в маленькую спальню. Бешеный налетел на кровать, его ноги подкосились, и они оба упали на Карлу. Лукас ударил кулаком Валлиона в лицо один раз, второй, третий, и каждый раз боль в месте перелома молнией пронзала его мозг.

Бешеный перестал сопротивляться. Дэвенпорт вывернул сжимавшую нож руку, и стальное лезвие со звоном упало на пол. Противник был оглушен, но в сознании. Лукас дважды ударил его левой рукой, метя в ухо, потом спихнул его с Карлы в узкий проход между кроватью и стеной и коленями придавил ему плечи.

— Сука! — прохрипел Лукас. Он неловко сунул здоровую руку в карман и достал связку ключей. На том же колечке болтался миниатюрный ножичек. Он вынул его из пластиковых ножен и аккуратно просунул лезвие под пластырь, которым была обмотана голова Карлы. Когда он вытащил у нее изо рта «Котекс», она судорожно глотнула воздух, потом всхлипнула, это был какой-то животный звук, так пищат кролики. Она была жива.

— Больно, — простонал Валлион из-под сидевшего на нем Лукаса. — Мне больно.

— Заткнись, убудок! — рявкнул Лукас.

Он стукнул его по голове кулаком, Валлион дернулся и снова застонал.

Лукас потянулся и перерезал путы, которыми руки Карлы были прикручены к кровати, затем освободил ей ноги.

— Это я, Лукас, — сказал он, пригнувшись к самому ее уху. — С тобой все будет в порядке. Сейчас приедет «скорая помощь», потерпи немного.

Он поднялся, опираясь на кровать, схватил Валлиона сзади за рубашку, силой поднял его с пола и повел, почти поволок, в студию. Пистолет Лукаса валялся у стены. Резким движением Лукас подсек обе ноги Валлиона и одновременно толкнул его так, чтобы он упал на пол, но при этом не ударился головой. Он не хотел, чтобы Бешеный потерял сознание. Валлион повалился, как тюфяк.

Пока он лежал на полу, Лукас подобрал свой пистолет и быстро вышел в общий коридор, чтобы поднять спортивную сумку и принести ее в комнату. Ногой он захлопнул за собой дверь.

Лежа на животе, Валлион зажал уши руками.

— Вставай, — приказал ему Лукас.

Тот не шевельнулся, и Лукас пнул его ногой в бедро.

— Вставай! Вставай, тебе говорят.

Валлион попытался подняться, но снова упал на живот, потом привстал на одно колено. Из разбитого носа кровь текла прямо в рот. Зрачок одного глаза был расширен. Другой глаз был закрыт, вокруг него проступил синяк, он начал заплывать.

— Вставай на ноги, падаль, или, клянусь Богом, я из тебя дух вышибу!

Валлион пытался сосредоточиться, но у него это плохо получалось. Он тяжело, с трудом встал на ноги и покачнулся.

— Стой! Пять шагов назад.

Лукас уперся стволом пистолета ему в грудь. Валлион нетвердо попятился, но было заметно, что он приходит в себя.

— А теперь стой там, — проговорил Лукас и шагнул к телефону.

— Я знал, что вы следите, — сказал Валлион сквозь выбитые зубы.

— Я это понял десять минут назад, — откликнулся Лукас. Он махнул левой рукой.

— У вас сломана рука?

— Заткнись! — Он поднял трубку.

— Вы нарочно заманили меня сюда? С помощью вашей подружки? Ну, как тогда, с Макгаун?

— Нет, на этот раз нет. А вот Макгаун была приманкой.

— В определенном смысле вы хуже меня, — проговорил Валлион. Кровь стекала у него по подбородку. Он снова покачнулся и оперся о раковину, чтобы удержаться на ногах. — Я играл людьми, которые были для меня... фишками. А ты подставил друга. Если бы у меня был друг, я бы никогда этого не сделал.

— Я уже говорил газетчикам — ты просто плохой игрок. — Голос Лукаса прозвучал чуть громче шепота.

— Посмотрим, — ответил Бешеный. Он уже почти пришел в себя. — У меня есть чем защищаться. Вы не сможете доказать, что я совершил все эти убийства. В конце концов, я же не убил мисс Руиц. И вы заметите, что на этот раз у меня другой метод. Вы не найдете записки. Я собирался изготовить ее прямо здесь, после. И если дело дойдет до обсуждения обстоятельств случившегося, то я соглашусь на признание меня невменяемым. Несколько лет в государственном лечебном заведении, и я на свободе. Даже если взять самый плохой исход и мне дадут максимальное наказание, ну что ж, восемнадцать лет в Стилуотере. Я выдержу.

Лукас кивнул.

— Я подумал об этом. Знать, что ты останешься в живых, это похоже на проигрыш. Я бы этого не перенес. Особенно в поединке с таким слабым игроком.

— Что?!

Лукас проигнорировал его восклицание. Он порылся в кармане и вытащил один девятимиллиметровый патрон. Не спуская глаз с Валлиона, он зажал пистолет под мышкой и вынул из рукоятки магазин. В этот момент Валлион должен был что-нибудь предпринять, если он вообще хотел что-нибудь сделать. Но он ничего не предпринял. Стоял, не двигаясь, озадаченный, а Лукас вставил холостой патрон в обойму, поставил магазин на место и дослал патрон в патронник.

— Что вы делаете? — спросил Валлион.

Что-то происходило. Но что-то шло не так.

— Во-первых, я вызову полицию, — сказал Дэвенпорт.

Он подошел к телефону, висевшему на стене, и набрал 911. Когда диспетчер откликнулся, он назвал себя и велел, чтобы вызвали «скорую помощь» и прислали подкрепление. Оператор попросил его не вешать трубку, Лукас ответил, что не будет. Так всегда делают. Он бросил трубку. Она повисла, раскачиваясь из стороны в сторону. Он отошел от телефона.

Валлион, нахмурившись, продолжал за ним наблюдать. Когда Лукас отошел от телефона, Бешеный отшатнулся от раковины. Лукас выстрелил один раз, направив пистолет в потолок, проследив при этом, куда отлетела гильза. Глаза Бешеного непроизвольно расширились от резкого звука. Он все еще был оглушен, когда Лукас выстрелил еще два раза. Одна пуля попала Валлиону в правое легкое, а вторая в левое.

Три выстрела прозвучали один за другим и напоминали музыкальную фразу: бум, бум-бум.

Валлион тяжело шагнул назад, а потом рухнул, как будто его кости вдруг растворились. Губы его шевельнулись несколько раз, он перевернулся на спину. Раны были смертельные, хотя выстрелы были сделаны не очень метко. Все должно было говорить о том, что здесь происходила перестрелка. Лукас подошел поближе и склонился над умирающим.

— Что здесь произошло?

Голос принадлежал не человеку, а скорее животному. Дэвенпорт обернулся, в дверях спальни стояла Карла. Кровь перестала идти, но она была сильно избита, нос у нее был сломан, а лицо изрезано. Пошатываясь, она подошла к Лукасу.

— Иди обратно и ложись, — сказал он.

Свидетель мог погубить все дело.

— Подожди, — произнесла Карла, когда он взял ее за руку. Ока посмотрела на Валлиона. — Он мертв?

— Да. Он умер.

Но Валлион еще не умер. Его глаза чуть двинулись в сторону темноволосой женщины, которая стояла над ним, из уголка рта потекла тонкая струйка крови, губы дрогнули и приоткрылись.

— Мам! — позвал он.

— Что? — спросила Карла.

Ноги Валлиона дернулись.

— Забудь, — сказал Лукас.

Он насильно повел ее обратно в спальню и уложил в постель.

— Лежи здесь. Ты вся изранена.

Она бессмысленно кивнула головой.

Времени почти не оставалось. Через секунду здесь будет полиция Сент-Пола. Он быстро вышел из комнаты туда, где лежал Валлион. Тот был мертв. Лукас удовлетворенно кивнул, потом взял спортивную сумку и достал пистолет с глушителем. Он вложил его в одетую в перчатку руку Валлиона, направил дуло в сторону полки с книгами по искусству и нажал на курок. Раздался хлопок. Пуля пробила толстый том по французскому импрессионизму.

Лукас снял глушители со ствола и положил пистолет в нескольких футах от протянутой

руки Валлиона. Он осмотрел пол вокруг, нашел гильзу от холостого патрона и положил ее в карман.

Лифты начали подниматься вверх, и Лукас быстро разобрал глушитель, одновременно оглядывая комнату.

На перчатке Валлиона, на его оголенном запястье, на рукаве его куртки и лице останутся следы сгоревшего пороха и нитраты. Пуля в книжном шкафу, если ее удастся обнаружить, будет соответствовать результатам трассологической экспертизы контрольных выстрелов, сделанных из пистолета, найденного у тела Валлиона. Оба пистолета девятимиллиметровые, так что звуки, записанные на пленку службой 911, должны звучать одинаково. И выстрелы были произведены почти без промежутка, так что никто не усомнится в том, что Дэвенпорт стрелял в целях самозащиты.

«Все будет как надо, — с удовлетворением подумал он. — Нужно только еще немного поработать над легендой». Они дрались с Валлионом в спальне. Он вытащил преступника в студию, не желая подвергать Карлу опасности, и там Валлион схватил пистолет, который был спрятан у него за поясом. Этого достаточно. Все равно никто не захочет копаться в этом.

Он подошел к окну, раскрыл его и выбросил два больших куска пластиковой трубки, из которых состоял глушитель. Просто на улице прибавится мусора. Прокладку и внутреннюю трубку он сунул в ворох ткацких принадлежностей Карлы. Позже он заберет это все и выбросит.

Свой пистолет он сунул в кобуру и вернулся в спальню. Карла неподвижно лежала на постели, но ее грудь мерно поднималась и опускалась.

— Это опять я, Лукас, — сказал он, сжав ее ногу здоровой рукой. — Все будет хорошо. Я — Лукас. — Он услышал, как в комнату вбежал полицейский, и крикнул: — Я здесь — полиция Миннеаполиса, Лукас Дэвенпорт, срочно нужна «скорая помощь»...

Он выкрикивал эти слова, а в мозгу промелькнуло ошеломленное и угасающее лицо Валлиона.

«Этот — шестой», — подумал Лукас.

Через два дня после Рождества, с рукой все еще находящейся в гипсе после хирургической операции, Лукас, пробиваясь сквозь начинающуюся метель, шел по пустынному студенческому городку к Элле Крюгер в Фэт Альберт-Холл. Ее кабинет находился на третьем этаже. Он поднялся по истертым бетонным ступеням, расстегнул молнию на своей куртке и стряхнул с плеч снег. В коридоре на третьем этаже было темно. В дальнем конце через непрозрачное стекло двери пробивался свет. Его шаги гулким эхом отдавались по коридору. Лукас постучал.

— Заходи, Лукас.

Он распахнул дверь. Элла читала в кресле, стоявшем возле стола напротив диванчика. Из дорогой стереосистемы лилась мелодия пьесы «Богатырские ворота» из фортепианного цикла «Картинки с выставки». Лукас вынул из кармана куртки сверток и протянул ей.

— Подарок!

Счастливая улыбка осветила лицо Эллы. Она взвесила сверток на руке.

— Надеюсь, он недорогой.

Лукас повесил свою куртку на вешалку и уселся на диванчик.

— Честно говоря, он стоил мне руки и ноги.

Улыбка начала таять.

— Ты ведь знаешь, что я давала обет бедности.

— От этого подарка ты богаче не станешь, — сказал Лукас. — А если ты когда-нибудь продашь его, то я приду и задушу тебя.

— А! Тогда я думаю... — Она покачала головой и начала распаковывать коробочку. — Мой самый большой недостаток, причина моего самого тяжелого греха состоит в том, что я любопытна.

— Я, наверное, никогда не смогу понять Церковь, — произнес Лукас.

Монахиня открыла маленькую красную коробочку и достала золотой медальон на длинной золотой цепочке.

— Лукас! — воскликнула она.

— Прочти, что на нем написано.

Она повернула его и прочла:

«Agnus Dei: qui tollis peccata mundi, miserere nobis»... Это из молитвенника. «О, агнец Господен, тот, кто забирает грехи человеческие, будь милосерден к нам».

— Это очень благочестиво.

Она вздохнула.

— Но все же это золото.

— Так носи его с презрением. А когда оно начнет тебе нравиться, пошли его матери Терезе.

Элла рассмеялась.

— Матери Терезе, — повторила она и снова посмотрела на медальон. — А это что? С другой стороны.

— Надпись поменьше.

— Какие маленькие букочки.

Она поднесла медальон к самому носу.

*Необходимость не подчиняется закону,
Так говорит Святой Августин.
И Бешеного Пса предали земле
С помощью монахини Премудрой.*

От удивления она сначала опешила, а потом, запрокинув голову, начала хохотать.

— Это просто ужасно, — наконец произнесла Элла. — Августин, наверное, в гробу перевернулся.

— Ну, не так уж и плохо, — с прохладцей в голосе заметил Лукас. — Строго говоря...

— Лукас, это на самом деле ужасно.

Она снова начала хохотать, и в конце концов Лукас тоже засмеялся вместе с ней. Отсмеявшись, она вытерла слезы.

— Я буду хранить его вечно. Не знаю, что сестры подумают, когда найдут его на моем теле...

— Пусть отошлют его матери Терезе, — предложил Лукас.

Как старые друзья, они вспоминали о том, как они притворялись, что падают в обморок во время молитвы после занятий, о мальчике, который в четвертом классе признался, что не верит в Бога. Его звали Джен, это все, что они смогли о нем вспомнить.

— С тобой все в порядке? — через некоторое время спросила она.

— Думаю, да.

— А твоя пассия...

— Все в порядке, спасибо. Я хочу, чтобы мы поженились, а она не хочет.

— Как монахиня, я должна возмутиться. Но если подходить к этому не с точки зрения официальной морали, то полагаю, она достаточно умная женщина. Выходить за тебя замуж весьма рискованно... А как там Карла Руиц?

— Уехала в Чикаго. У нее другой мужчина.

— А ее ночные кошмары?

— Стало хуже.

— О, бедняжка!

— Она ходит к психиатру.

* * *

Еще через некоторое время.

— Тебя не одолевают сомнения или угрызения совести по поводу смерти Луиса Валлиона?

— Нет. А что, должны?

— Я размышляла над обстоятельствами этого дела... — сказала она.

Лукас на минуту задумался.

— Элла, если ты хочешь знать все, я тебе расскажу...

Теперь наступил ее черед задуматься. Она отвернулась к большому окну. Ее черный силуэт вырисовывался на фоне падавшего за окном снега.

Наконец Элла отрицательно покачала головой, и он заметил, как она сжала в руке медальон.

— Нет. Я не хочу знать все. Я не отпускаю грехов. Я буду просто молиться за тебя и за Луиса Валиона. А вот знать... — Она обернулась, на ее лице отразилась едва заметная печальная улыбка. — ...Меня вполне устраивает быть монахиней Премудрой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

---

notes

Crack (англ.) — кристаллический кокаин для курения. — Прим. ред.

В США этот жест считается оскорбительным. — Прим. перев.

Сор (англ.) — пренебрежительное прозвище полицейских в США. — Прим. ред.

Short (англ.) — короткий, маленький. — Прим. ред.

Джин — название карточной игры. — Прим. перев.